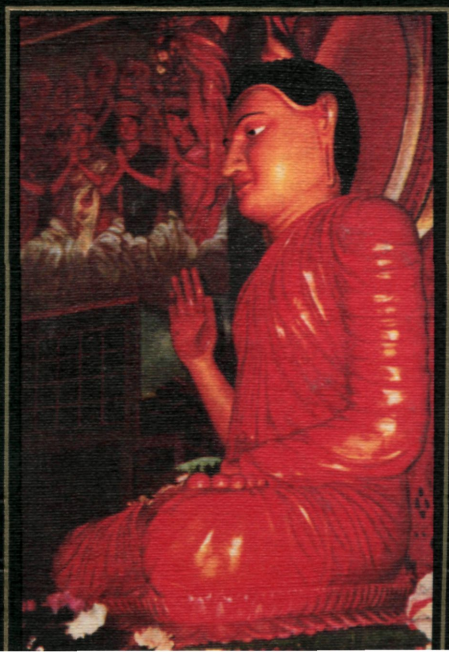

СУТРА О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

VII

Серия основана в 1965 году

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

СУТРА О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ (Дзанлундо)

Перевод с тибетского,
введение и комментарий
Ю.М.Парфионовича

Издание второе

Москва
2002

УДК 821.58
ББК 84(54)+86.35
С90

Редакционная коллегия серии
«Памятники письменности Востока»

О.Ф. Акимушкин (и.о.председателя), С.М. Аникеева, С.С. Аревшатын,
Г.М. Бонгард-Левин (зам. председателя), В.Н. Горегляд, Д.В. Деоник,
Дж.В. Каграманов, У.И. Каримов, Е.И. Кычанов, Л.Н. Меньшиков,
Е.П. Метревели, Э.Н. Темкин (отв. секретарь), К.Н. Юзбашян

Редактор издательства
И.С. Смирнов

На переплете: статуя Будды в храме Ашокарамая (Шри-Ланка)

Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / Пер. с тиб.,
С90 введ. и коммент. Ю.М. Парфионовича. — 2-е изд. — М.:
Вост. лит., 2002. — 320 с. — (Памятники письменности Востока ; 7). — ISBN 5-02-018291-5 (в пер.), 1000 экз.

Дзанлундо, или «Сутра о мудрости и глупости», — знаменитое собрание джатак и авадан, вошедшее в буддийский канон. Памятник считается одним из первых самостоятельных произведений тибетской повествовательной литературы. Сюжеты повествований, связанных с именем Будды Гаутамы, в увлекательной и доступной форме иллюстрируют философско-этические воззрения буддизма.

ББК 84(54)+86.35

Научное издание

СУТРА О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ
(Дзанлундо)

Художник Э.Л. Эрман

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 26.02.02. Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 20,0
Усл. кр.-отт. 20,8. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 1000 экз. Изд. № 8016. Зак. № 6290

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Российская академия наук
и Издательская фирма «Восточная литература»:
серия «Памятники письменности Востока»
(разработка, оформление), 1965 (год основания);
перевод с тибетского, введение и комментарий,
1978, 2002

ISBN 5-02-018291-5

В 1978 г. в серии «Памятники письменности Востока» впервые был издан перевод одного из популярных произведений буддийской литературы — «Сутры о мудрости и глупости» (тиб. *Дзанлундо*). Памятник был переведен выдающимся отечественным тибетологом Ю.М.Парфионовичем (1921–1990).

Юрий Михайлович Парфионович родился 21 сентября 1921 г. в Москве. В 1939 г. по окончании московской школы № 315 он был призван в ряды Красной Армии и участвовал в Финской войне. В годы Великой Отечественной войны Юрий Михайлович служил в разведке, сражался за Сталинград, освобождал Украину, прошел с боями Польшу, Восточную Пруссию, брал Берлин и встретил победу в Праге. Он был трижды ранен и тяжело контужен.

После демобилизации в сентябре 1946 г. он поступил на китайское отделение Московского института востоковедения, с 4-го курса его направили переводчиком в долгосрочную командировку в Китай. В марте 1953 г. Ю.М.Парфионович возвратился в Москву и, сдав экзамены экстерном, получил диплом Московского института востоковедения. С этого года и до конца жизни он работал научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

Ю.М.Парфионович изучал тибетский язык в Институте национальных меньшинств в Пекине. Встреча с Юрием Николаевичем Рерихом определила всю его дальнейшую научную деятельность. После кончины Ю.Н.Рериха Ю.М.Парфионович получил от С.Н.Рериха рукопись тибетско-санскритско-английского словаря, составленного Ю.Н.Рерихом в 1932–1933 гг. 27 лет жизни Юрий Михайлович отдал подготовке к изданию Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями в 10 книгах (М., 1983–1987).

В 1963 г. вышел в свет Краткий тибетско-русский словарь, составленный Б.В.Семиновым, Ю.М.Парфионовичем и Б.Д.Дандароном, в 1969 г. были опубликованы переводы Ю.М.Парфионовича сборников тибетских сказок «Игра Веталы с человеком», «Каменный лев». В 1970 г. Главная редакция восточной литературы публикует в серии «Языки народов Азии и Африки» его книгу «Тибетский письменный язык», а в 1984 г. издает эту книгу в дополненном виде в той же серии на английском языке. В течение пяти лет (1983–1988) Юрий Михайлович редактирует и готовит к изданию знаменитый «Атлас тибетской медицины», иллюстрирующий тибетское медицинское сочинение «Голубой берилл» — комментарий к трактату «Чжуд-ши» («Четыре тантры»).

Во всех своих трудах Ю.М.Парфионович был продолжателем лучших традиций классической тибетологии. Его перевод «Сутры о мудрости и глупости» и по сей день представляет интерес не только для исследователей тибетской литературы, но и для всех изучающих буддийский канон и буддийскую культуру.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
СУТРА О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ. Перевод	21
РАЗДЕЛ I	23
Глава первая. Изложение различных примеров [обретения Учения]	23
Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице	36
Глава третья. О соблюдении монашеских обетов двумя странствующими брахманами	41
Глава четвертая. О продаже тела ради совершения жертвоприношения	44
Глава пятая. О вопросах морского божества	46
РАЗДЕЛ II	49
Глава шестая. О сыне божества по имени Гангадара, или «Дар Ганга»	49
Глава седьмая. О Дорчже — дочери царя Прасенаджита	54
Глава восьмая. О мальчике по имени «Золотое богатство»	58
Глава девятая. О юноше по имени Хламедок, или «Божественный цветок»	60
Глава десятая. О юноше по имени Хлэринцен, или «Божественная драгоценность»	62
Глава одиннадцатая. О терпении	64
Глава двенадцатая. О деянии царя по имени Майтрибала	67
РАЗДЕЛ III	69
Глава тринадцатая. О посрамлении шести учителей	69
РАЗДЕЛ IV	94
Глава четырнадцатая. О том, как зверь Кюнда пожертвовал свое тело ...	94
Глава пятнадцатая. Похвала достоинствам монашеского состояния	98
РАЗДЕЛ V	114
Глава шестнадцатая. О соблюдении моральной дисциплины монахом-послушником	114
Глава семнадцатая. О домохозяине, не имевшем органов чувств	122
Глава восемнадцатая. О бедной женщине, преподнесшей в дар матерью	127
Глава девятнадцатая. О том, как нищая служанка продала свою бедность Катьяне	131
Глава двадцатая. О юноше по имени Серхла, или «Золотое божество» ...	133
Глава двадцать первая. Сын двух семей	136
РАЗДЕЛ VI	139
Глава двадцать вторая. О том, как царь по имени Чандра Прабха, или «Лунный свет», принес в дар свою голову	139

<i>Глава двадцать третья. Семь сыновей советника Ридака</i>	151
РАЗДЕЛ VII.....	162
<i>Глава двадцать четвертая. О царе по имени Кацин-ценпо, или «Великий Кацин».....</i>	162
<i>Глава двадцать пятая. О монахине по имени Удпалаварна</i>	167
<i>Глава двадцать шестая. О царе Шюдولاггарни</i>	173
<i>Глава двадцать седьмая. О царе Ашоке</i>	175
<i>Глава двадцать восьмая. Кувшин с золотом</i>	176
<i>Глава двадцать девятая. О брахманке по имени Тева</i>	179
РАЗДЕЛ VIII	181
<i>Глава тридцатая. О Цинпа-ценпо, или «Великом милостынедателе», ходившем за море</i>	181
<i>Глава тридцать первая. О царе по имени Мелондон, или «Зеркальноликий».....</i>	200
РАЗДЕЛ IX	203
<i>Глава тридцать вторая. Лекцоль и Ньецоль</i>	203
<i>Глава тридцать третья. О царевиче Гедоне.....</i>	205
<i>Глава тридцать четвертая. О домохозяине Думце.....</i>	219
РАЗДЕЛ X	223
<i>Глава тридцать пятая. О царе по имени Микце.....</i>	223
<i>Глава тридцать шестая. Об Атапе по прозвищу «Опоясанный пальцами»</i>	231
РАЗДЕЛ XI	251
<i>Глава тридцать седьмая. О женщине по имени Ненгамо.....</i>	251
<i>Глава тридцать восьмая. О Башицзире — сыне домохозяина.....</i>	255
<i>Глава тридцать девятая. О домохозяине по имени Юкбацзен</i>	259
<i>Глава сороковая. О брахмане по имени Шинцзир</i>	265
<i>Глава сорок первая. О домохозяине по имени Данцила.....</i>	269
<i>Глава сорок вторая. О юноше по имени Ланбогон.....</i>	273
РАЗДЕЛ XII.....	277
<i>Глава сорок третья. О брахмане, подарившем материю на заплату.....</i>	277
<i>Глава сорок четвертая. О том, как Будда впервые милосердие [в себе] породил.....</i>	279
<i>Глава сорок пятая. О царе Цзивокье.....</i>	280
<i>Глава сорок шестая. О десяти сыновьях женщины Суманы.....</i>	286
<i>Глава сорок седьмая. Об Упагупте.....</i>	289
<i>Глава сорок восьмая. О пятистах гусях, возродившихся на небесах</i>	296
<i>Глава сорок девятая. О льве по имени Идам тенпа</i>	298
<i>Глава пятидесятая. История о черве</i>	301
<i>Глава пятьдесят первая. О послушнике Кюнте.....</i>	303
Комментарий.....	306

ВВЕДЕНИЕ

В буддийской литературе, создававшейся в течение многих веков на различных языках, особый интерес представляют джатаки и авадамы — легендарные повествования, связанные с именем Будды Гаутамы. Они образуют специфический жанр литературы буддизма, который возник в результате синтеза литературных и фольклорных традиций, существовавших в Индии ко времени возникновения буддизма, с философско-этическими воззрениями последнего и характеризуется собственной тематикой и своими художественными особенностями. Заимствуя из неисчерпаемой сокровищницы народного творчества легенды, предания, сказки и создавая по их образцам новые, буддийские проповедники приспособили эти живые и увлекательные рассказы для изложения и популяризации морали буддизма.

С распространением буддизма за пределы Индии индийские джатаки и авадамы уже в начале нашей эры проникли в Центральную Азию. Там они постепенно претерпели значительные изменения в соответствии с нуждами местных проповедников буддизма. Перемешались и оснастились иными подробностями сюжетные линии индийских джатак и авадамы, возникли новые повествования по старым, индийским, образцам. Изменился и акцент самих повествований, произошла унификация в организации текстов. Главная задача индийских джатак состояла в наставлении слушающих в нравственности, щедрости, милосердии на примерах поведения Будды Гаутамы в его мифических прошлых рождениях. Трансформированные же джатаки и авадамы, сохраняя аналогичную цель, акцентируют внимание на показе причинно-следственных связей, определяющих удел живого существа в будущем рождении. Тексты новых джатак строго организованы по принципу «вопрос-ответ», что не всегда соблюдается в индийских джатаках.

Таким образом, на базе индийских джатак и авадамы сложился и бытовал в районе Хотана новый тип повествований, который можно назвать центральноазиатским типом джатак и авадамы. Эти повествования и составили предлагаемую вни-

манию читателя «Сутру о мудрости и глупости», которая была создана на двух языках: китайском (оригинальное название *Сянь-юй цзин*) и тибетском (оригинальное название *Дзанлундо*).

Несмотря на то что «Сутра о мудрости и глупости» является одним из трех крупнейших собраний джатак и авадан, о ней до сих пор известно очень мало. Упоминание о происхождении китайской сутры, включающей шестьдесят девять повествований, содержится лишь в одном источнике, а именно в «Собрании сведений о переводах Трипитаки», составленном Сэн Ю примерно в 506—512 гг. В девятой главе своего труда Сэн Ю сообщает, что восемь буддийских монахов из Хэси (нынешняя провинция Ганьсу) во главе с Хуэй Цзюэ отправились в Хотан на панчаваршаку¹, где Хуэй Цзюэ «получил санскритский текст этого произведения». В большом монастыре Хотана, говорит далее Сэн Ю, китайские монахи слушали сутры и записывали услышанное. Вернувшись в Гаочан, они во главе с Хуэй Цзюэ в 445 г. на основе текста и записей составили «Сутру о мудрости и глупости», вошедшую затем в китайскую Трипитаку. В начале каждого раздела китайской сутры стоят такие слова: «Лянчжоуский шраман Хуэй Цзюэ и другие в Гаочане перевели», после чего следует название главы.

На тибетском языке «Сутра о мудрости и глупости» была составлена позже и включает в одних списках пятьдесят одно повествование, в других — пятьдесят два². В работе *Кокуяку иссэйкё* («Все сутры нашей страны [Японии]»)³, в статье «Вводные пояснения к „Сутре о мудрости и глупости“», время составления тибетской сутры датируется 632 г. Эта сутра входит в состав тибетского буддийского канона и состоит из двенадцати разделов, содержащих пятьдесят одну главу, первая из которых организована как обрамляющий рассказ, придающий целостность всему произведению. Подавляющее большинство повествований имеет стереотипное начало, характерное для сутр: «Так было однажды услышано мною»⁴. Эти слова приписываются Ананде, который, по преданию, присут-

¹ Праздничное собрание буддийских монахов, происходящее раз в пять лет.

² Перевод тибетской «Сутры о мудрости и глупости» на русский язык был сделан по пекинскому изданию тибетского буддийского канона, где данная сутра содержит пятьдесят одно повествование. Пятьдесят вторая джатака приведена в конце вводной статьи.

³ Кокуяку иссэйкё. Токио, [б. г.], т. 7, с. 61—65.

⁴ Подобное начало отсутствует только в пятнадцатой, шестнадцатой и девятнадцатой главах.

ствовал при поучениях Будды Гаутамы. Концовки всех рассказов также стереотипны: «И все окружающие исполнились радостью, выслушав слова Победоносного».

Следует отметить, что распределение глав по разделам является чисто механическим и не отражает содержательных особенностей текстов. В ряде случаев совершенно однотипные рассказы находятся в разных разделах, и наоборот. Сами же рассказы в основном построены по следующей схеме. После стереотипного вступления, отмеченного выше, излагается событие или явление⁵, странное и непонятное с точки зрения его очевидцев. Последние вопрошают Будду, и тот в ответ на недоуменный вопрос рассказывает окружающим историю из бесконечно далекого прошлого, имеющую ту или иную причинно-следственную связь с событием, изложенным в начале. В завершение Будда неизменно отождествляет персонажей рассказанной им истории с действующими лицами настоящего события. При этом нередко среди персонажей истории, поведенной Буддой, оказывался и он сам в одном из своих прежних рождений, а иногда он даже был участником событий, послуживших поводом для «рассказа о прошлом».

По такой схеме построены сорок четыре рассказа «Сутры о мудрости и глупости». В зависимости от характера участия Будды в описываемых событиях эти рассказы и делятся на аваданы и джатаки.

В аваданах (двадцать один рассказ) Будда Гаутама лишь демонстрирует окружающим прямую причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями далекого прошлого. Сам же он к данным событиям ни в настоящем, ни в прошлом никакого отношения не имеет. Так, один юноша, желая уйти из этой жизни, бросается в бурную реку, но волны выносят его на берег; тогда он прыгает с высокой скалы, но мягко опускается к ее подножию; на него не действует яд, а царские стрелы отворачивают от его груди. И Будда рассказывает историю, из которой следует, что этот юноша в одном из своих прежних рождений был царским советником и спас жизнь невинно осужденного человека. В силу этого благого поступка, объяснил Будда, жизнь юноши в его последующих рождениях не могла оборваться искусственным путем (глава шестая). Или же родился мальчик, и было у него в кулачках по золотой монете. Разожмет мальчик кулачки, затем снова сожмет, а в них опять по золотой монете.

⁵ Иногда пространное изложение того или иного события заменяется просто вопросом, почему случилось то-то и то-то

Тогда Будда поведал окружающим, что в незапамятные времена, когда в миру был будда Канакамуни, один очень бедный человек пожертвовал этому будде и его монашеской общине свое последнее достояние — две медные монеты. Поэтому, пояснил Будда Гаутама, он на протяжении девятиста одной калпы рождался с золотыми монетами в руках (глава восьмая).

В двадцатой главе рассказывается о том, как при появлении новорожденного сам собой возник колодец, из которого можно было черпать все, что пожелаешь. Оказывается, в далекие времена, еще при будде Випашьине, некий человек поднес этому будде и его общине кувшин с чистой водой, куда положил свою последнюю золотую монету. И вот спустя много калп, уже при Будде Гаутаме, во время очередного рождения того человека свершается такое чудо: кувшин с чистой водой оборачивается колодцем, а золотая монета в кувшине — бесчисленными богатствами в этом колодце.

Судья произнес наглухо ложь, и в одном из своих последующих рождений он появился лишенным конечностей, органов речи и зрения (глава семнадцатая); послушник оскорбил архата, назвав его собакой, и на протяжении пятисот рождений появлялся на свет в обличье пса (глава пятьдесят первая); монах присвоил себе достояние общины и веки вечные рождался безобразным червем — обитателем выгребной ямы (глава пятидесятая) и т. п.

Таким образом, в основе всех без исключения рассказов этой группы лежит свойственное буддизму представление о том, что удел человека, а точнее, живого существа в настоящем определяется совокупностью поступков, имевших место в прошлых рождениях.

В этих рассказах проводится также мысль о том, что ни один хороший поступок не может уничтожить или нейтрализовать последствий поступка дурного, и наоборот. Любые деяния, «созрев» (по терминологии буддизма), неизбежно будут оказывать свое действие на последующее бытие живого существа до тех пор, пока полностью не исчерпается мера содеянного, дурного или хорошего, и нет силы, которая могла бы отвлечь это.

Но иллюстрация коренного положения буддизма о бесконечной цепи находящихся между собой в отношениях причинно-следственной связи существований, через которые проходят все живые существа, и показ пользы добрых дел для будущих жизней, пожалуй, не являются основной целью данной группы рассказов. Наряду со всем этим в них подспудно про-

водится мысль о том, что хотя всякое доброе дело формирует хорошую карму для его творца, однако наиболее, так сказать, «продуктивными» добрыми делами являются подношения будде и монашеской общине. И последний золотой разорившегося богача, и две медные монеты бедняка, и немного масла, купленного на гроши милостыни, и даже, за неимением ничего другого, пригоршня белых камешков — все это, чисто-сердечно поднесенное будде и его общине, говорится в рассказах, обеспечило невиданные блага творцам этих деяний в их будущих рождениях.

Однако не следует делать вывод, что подобного рода увещевания преследовали лишь цель убедить мирян нести в казну буддийской общины свое последнее достояние. Их целью были, скорее, если можно так выразиться, души мирян. Здесь надо иметь в виду, что рассказы, вошедшие в данную сутру, складывались в период раннего буддизма и в значительной степени отражали положение буддийской общины на заре ее существования. В то время этой общине противостоял мощный институт брахманов, пользующийся значительно большим авторитетом среди всех слоев общества древней Индии. Брахманизм налагал различные ограничения на своих приверженцев и требовал от них многочисленных жертвоприношений, обременительных даже для зажиточных людей.

В противовес этому ранние проповедники буддизма учили, как то видно из рассказов сутры, что важна не величина подношения, а чистота помыслов совершающего это подношение, т. е. вера в учение Будды. И пригоршня чистой воды, от всего сердца поднесенная сангхе (монашеской общине), говорили они, сотворит такую благую заслугу, что она не исчезнет и с концом калпы (глава пятая). Одна история, относимая ко времени Будды Гаутамы, рассказывает, что некий благочестивый человек как-то раз собирал по деревне подношения для Будды и его общины. Деревенский богач, неправильно истолковав его намерения, пожертвовал очень мало. Когда произносились благодарения жертвователям, богач явился с намерением убить этого сборщика, если последний презрительно отзовется о нем. Но тот равно поблагодарил всех и пожелал всем получить большое воздаяние. Тогда богач раскаялся в своем намерении и попросил прощения. Будда же, узнав про это, произнес проповедь о ценности даже самого малого дара ⁶.

⁶ The Dhammapada (Pali text and translation with stories in brief and notes by Narada Thera). Colombo, 1972, c. 116.

Такого рода наставления и проповеди, несомненно, должны были играть определенную роль в деле привлечения симпатий простого народа к носителям нового учения.

Вторую, большую группу рассказов сутры составляют джатаки. В них Будда Гаутама и выступает активным действующим лицом «рассказов о прошлом» и является участником событий, послуживших поводом для таких историй.

Здесь тема кармы, превалировавшая в рассказах предыдущей группы, оттеснена на задний план. Ее заменила тема кармической связи, возникающей по концепции буддизма между живыми существами. Будда Гаутама, перекидывая мостик от событий настоящего к событиям прошлого, обуславливает их в рассказах этой группы уже не ниточкой кармы одного живого существа, а наличием кармических связей, существовавших между ним, Буддой, и лицами, фигурировавшими в историях, им поведанных.

Так, в силу связей, возникших между Буддой и другими живыми существами в далеком прошлом, он не только спасает от казни преступников и привлекает бедолагу-брахмана, но и способствует достижению архатства (главы вторая, тридцать девятая). В других рассказах проводится мысль о том, что между Буддой и его ближайшими учениками еще в незапамятные времена возникали тесные кармические связи, благодаря которым они первыми смогли вкушать нектар Учения (главы двенадцатая, двадцать шестая).

Значительная часть джатак (главы четырнадцатая, двадцать вторая, тридцать вторая и т. д.) связана с именем Дэвадатты — двоюродного брата Будды Гаутамы. В них тоже показана кармическая связь, существовавшая между двоюродными братьями, но связь как бы отрицательная, в силу которой Дэвадатта во всех рождениях стремится нанести ущерб своему легендарному родственнику.

Как сказано выше, многие джатаки сутры связаны с именем Дэвадатты. И это отнюдь не случайно. Ряд буддийских источников рисует монашескую общину монолитной организацией, единодушно следовавшей руководству и наставлениям Будды Гаутамы, который стоял, если верить тем же источникам, несравненно выше всех остальных членов сангхи как по уму, так и по авторитету. На самом же деле подобное изображение сангхи и роли Будды в ней не соответствует истинному положению вещей. Прежде всего надо сказать, что монашеская община, созданная Буддой, куда входили представители всех сословий древней Индии (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), была далеко не столь монолитна и едино-

душна, какой она описывается в рассказах данной сутры. Помимо некоторых мелких группировок монахов там были две крупные группировки, каждая из которых стремилась навязать общине свое понимание пути, которым она должна следовать. Одна из этих крупных группировок, включавшая многих выходцев из брахманской среды, возглавлялась Шарипутрой и Маудгальяяной. К ней примыкал также Ананда, несмотря на свою былую принадлежность к кшатриям. Другая крупная группировка монахов, объединявшая многих выходцев из кшатриев, возглавлялась Дэвадаттой -- другом правителя Магадхи.

И Шарипутра, и Маудгальяяна, и Дэвадатта выделялись умом и духовными свершениями. Они пользовались огромным авторитетом в монашеской общине, особенно, пожалуй, Дэвадатта, которому даже приписывается авторство некоторых сутр.

Ратуя за ужесточение монашеских правил, за строгий аскетизм⁷, против чего выступали Шарипутра и Маудгальяяна, Дэвадатта постепенно вступил в конфликт с Буддой, который в итоге перешел в смертельную вражду. В *Винае-питаке* говорится, что Дэвадатта даже потребовал от Будды, бывшего уже в преклонном возрасте, чтобы тот передал ему руководство общиной. Будда с негодованием отказался, заявив при этом: «Даже Шарипутре или Маудгальяяне я не вручу сангху. Ты же, негодяй, будешь извергнут из нее, как плевков»⁸.

В буддийских текстах, как, в частности, и в данной сутре, говорится, что Дэвадатта предпринял несколько неудачных попыток физически уничтожить Будду Гаутаму. В конце концов он уговорил пятьсот новообращенных монахов уйти с ним в Гаясису, где и создал свою общину. Имеются сведения, что эта община, носившая имя Дэвадатты, процветала в Бенгале и после его смерти.

Поэтому не удивительно, что во всех рассказах, посвященных Дэвадатте, он неизменно рисуется последним негодяем и

⁷ Однажды Дэвадатта потребовал от Будды введения следующих пяти обязательных правил для членов сангхи: 1) монахи должны проводить свою жизнь в лесу; 2) монахи не должны принимать приглашения на угощение, а существовать исключительно подаяниями; 3) монахи должны носить только одежды, сделанные из тряпья, и не принимать одежды в подарок от мирян; 4) монахи должны спать под деревом, а не под крышей; 5) монахи совершенно не должны употреблять в пищу рыбу и мясо. Будда отказался внести эти правила в монашеский устав, сказав, однако, что не возбраняется желающим следовать им, за исключением четвертого (сон под деревом).

⁸ «Buddhist studies». University of Delhi. 1974, March, с. 78.

злым завистником, который якобы беспричинно строил козни и чинил вред своему родственнику как в этой жизни, так и в многочисленных прошлых мифических рождениях. Будда Гаутама, подчеркивается в этих рассказах, постоянно относился к Дэвадатте со всепрощающей добротой, хотя сказанное в *Винае-питаке* не подтверждает этого. Об антипатии Будды к Дэвадатте говорит, например, следующая история, приведенная в комментариях к *Дхаммападе*: «Один монах принял приглашение другого монаха, который являлся последователем достойного Дэвадатты, и провел несколько дней, наслаждаясь его гостеприимством. Когда же он вернулся в монастырь, то монахи сообщили об этом Будде, который выразил свое порицание»⁹.

Интересно также отметить, что во всех рассказах нашей сутры Дэвадатта даже ни разу не назван монахом¹⁰. Это явный отголосок того, что Будда фактически исключил Дэвадату из монашеской общины после требования последнего передать ему руководство.

В джатаках и авадахах сутры довольно сильно чувствуется и антибрахманистская направленность, однако брахманизм не критикуется. Составители сутры просто утверждают, что учение брахманов ложно и оно уведит людей от истинного пути, а наставники брахманов по своим качествам ни в коей мере не могут равняться с Буддой. Многочисленные примеры тому встречаются в тринадцатой главе. Именно брахманов подсылал Дэвадатта в своих предыдущих рождениях к ненавистным ему людям (ими оказывался Будда в своих прежних рождениях), чтобы отнять у них жизнь (главы двадцать вторая, тридцать пятая).

Примечательны и сетования в адрес монашеской общины, которые составители рассказов сутры вложили в уста Будды: «Монахи, пребывающие в общине, из-за многочисленных желаний, незнания меры, скупости, неумных страстей не обретают великой славы». И тут же восхваляются монахи, ведущие аскетический образ жизни, за что, кстати, ратовал Дэвадатта (глава шестнадцатая). А в главе сорок шестой Будда говорит: «Монахи, будучи привержены к нарядной одежде, прибиткам и славе, стараются скопить и прибрать к рукам как можно больше зсякого добра». Все это, без сомнения, отражает подлинное положение в ранней буддийской общине и

⁹ The Dhammapada, c. 278.

¹⁰ В прочих буддийских текстах, где Дэвадатта также упоминается в неприязни к Будде Гаутаме, перед его именем всегда стоит эпитет «достойный», прилагаемый только к монахам высшего ранга.

свидетельствует об определенных разногласиях внутри этой общины.

Семь рассказов «Сутры о мудрости и глупости» стоят несколько особняком от остальных повествований. Будда в них только упоминается, не принимая никакого участия в излагаемых событиях (даже как их интерпретатор), или о нем вообще нет речи. Два рассказа посвящены жизни патриарха буддизма Упагупты и истории прежних рождений монахини Удпалаварны. В остальных пяти рассказах в сказочной форме восхваляются достоинства буддизма и благостность соблюдения его морально-этических норм.

* * *

В свое время знаменитый венгерский тибетолог Чома де Кёрёши высказал мнение, что тибетская «Сутра о мудрости и глупости» является простым переводом китайской сутры, как бы ее сокращенным вариантом. При этом он сослался, отмечает Сильвэн Леви, «на одно важное указание в конце тибетского текста»¹¹. Мнение Чомы де Кёрёши поддержал японский ученый Такакусу¹².

Однако с такой точкой зрения трудно согласиться. Известно, как тщательно и скрупулезно тибетские переводчики переводили тексты с санскрита или китайского языка на тибетский. Все переводы делались слово в слово, предложение в предложение, без каких-либо отклонений от переводимого текста, с полным сохранением структуры оригинала.

Совершенно иная картина предстает перед нами при внимательном сопоставлении текстов тибетской и китайской сутр. Прежде всего бросается в глаза иная компоновка разделов по главам. Те главы, которые входят в раздел II тибетской сутры, находятся в пятом разделе китайской; главы, которые входят в раздел VIII тибетской сутры, находятся в шестом разделе китайской и т. п.

Названия ряда глав в тибетской и китайской сутрах не совпадают, что не могло бы иметь места при простом переводе:

Тибетская сутра	Китайская сутра
О соблюдении моральной дисциплины монахами-последователями	Самоубийство послушника, соблюдавшего моральную дисциплину

¹¹ Levi, Sylvain. Le sutra du Sage et du Fou dans la littérature de l'Asie centrale. — JA (1925). Vol. 2, c. 305.

¹² Takakusu. Tales of the Wise Man and Fool, in Tibetan and Chinese. — JRAS. 1901, c. 447—460.

О бедной женщине, под-
несшей в дар матерью
О том, как нищая служанка
продала свою бедность
Катьяяне
О продаже тела ради
сотворения подношения
О домохозяине, не имевшем
органов чувств

Бедные супруги подносят в
дар одежду и получают воз-
награждение
Катьяяна учит нищую стару-
ху, как продать бедность
Бедняк из Варанаси подносит
пищу
О домохозяине без ушей, глаз,
языка

И число таких примеров можно умножить. Вместе с тем в тибетском и китайском текстах много мелких немотивированных (если считать тибетский текст простым переводом с китайского) несоответствий. Так, в тибетском тексте одно из часто встречающихся местопребываний Будды называется «роща Венувана, обитель птичек календак», в китайском же тексте — просто «роща Венувана». В тибетском тексте — «Каундинья и с ним четыре человека» (глава вторая), в китайском «Каундинья и другие». В тибетском — «после летнего радения» (глава двадцать восьмая), в китайском — «после девяти дней летнего радения». В тибетском — «Через девять месяцев родился сын, подобный оковалку мяса. У него не было ни ушей, ни глаз, ни носа, ни языка, ни рук, ни ног» (глава семнадцатая); в китайском — «Через полное число месяцев родился ребенок. Его тело было бесформенно. Не было ни ушей, ни глаз. Был рот, но не было языка. Не было также рук и ног». Количество подобных несоответствий, не свойственных практике перевода священных текстов, достаточно велико.

Кроме того, встречаются и более общие несовпадения китайского и тибетского текстов сутры. Так, в главе первой тибетской сутры насчитывается пять повествований, описывающих подвиги Будды Гаутамы в прошлых рождениях во имя достижения Учения. В китайской же сутре таких повествований шесть. Главы пятнадцатая, шестнадцатая и девятнадцатая тибетской сутры не имеют канонического начала: «Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал...» В соответствующих главах китайской сутры такое начало есть. Невозможно допустить, чтобы тибетские переводчики могли столь вольно обращаться с переводом священного текста.

И, наконец, особенности передачи санскритских имен. В китайской сутре все они даются в транскрипции, довольно сильно отличающейся от звучания, свойственного оригиналу. В тибетской же сутре санскритские имена, за единичными исключениями, даны в переводе. Например, санскритское имя

Махасаттва в тибетском тексте передано именем Семцэн ценпо («Великое существо»), что полностью передает этимологию санскритского слова «махасаттва». Санскритское имя Махадева передается тибетским Хла ценпо («Великое божество»), санскритское имя Махаратха — тибетским Шинда ценпо («Великая колесница») и т. д. И это тоже в какой-то степени свидетельствует о том, что в основе тибетской сутры лежал не китайский текст, являвшийся вторичным, а оригинальный, возможно, санскритский текст, не дошедший до нас.

Стоит отметить еще один момент. Во всех тибетских сутрах всегда и без исключения содержится указание на то, что это перевод, а также стоят имена переводчиков и редакторов.

В «Сутре о мудрости и глупости» имена переводчика и редактора отсутствуют. Если бы она представляла собой перевод какого-либо цельного текста, то такое было бы вряд ли возможно.

Вполне допустимо, что появление китайской «Сутры о мудрости и глупости» побудило тибетских монахов в одном из буддийских монастырей Хотана составить и тибетскую сутру подобного рода. При этом можно с большой уверенностью предположить, что к моменту составления тибетской сутры уже имелись переводы джатак и авадан на тибетский язык. Эти тибетские переводы были объединены под тем же названием, что и китайская сутра. При этом тибетский текст не был приведен в полное соответствие с китайской версией: были устранены большие расхождения и уточнены имена. Поэтому сохранились несколько отличные друг от друга названия глав и многочисленные разночтения. Отсюда же и отсутствие имен тибетских переводчиков, так как фактически переводы джатак и авадан сутры были уже сделаны, и, возможно, задолго до их оформления в целостное литературное произведение.

Таким образом, *Дзанлундо*, или «Сутра о мудрости и глупости», может по праву считаться самостоятельным произведением тибетской повествовательной литературы, причем не только самостоятельным, но первым тибетским литературным произведением этого жанра. Язык сутры живой, яркий и в то же время простой, близкий по своей структуре к языку разговорному. Превалирует бытовая лексика, много диалогов, нет вычурных поэтических сравнений и описаний. Большинство сюжетов «Сутры о мудрости и глупости» увлекательны, динамичны и доступны для понимания. Все это определило широкую известность и популярность этого памятника, который на протяжении ряда веков являлся и остается для многих ти-

бетцев и источником занимательных рассказов, и книгой дидактических наставлений.

Ниже приводится текст рассказа, не вошедшего в тибетский канон.

Птица благочестивая и нечестивая

Однажды монахи обратились к Победоносному с такими словами: «Достопочтенный Победоносный, где кроется изначальная причина вражды Дэвадатты к тебе?»

— Давным-давно, — ответил монахам Победоносный, — на берегу моря жили два журавля, которые имели единое туловище. Одного звали Благочестивый, а другого — Нечестивый. Как-то раз Нечестивый заснул, а Благочестивый стоял на страже. И тут Благочестивый увидел ароматный плод, принесенный водой. Поймав его, он подумал: «Не разбудить ли мне Нечестивого и потом есть плод? Но ведь, что ни съешь, все пойдет на пропитание единого туловища». И, подумав так, он не стал будить сотоварища, а съел плод сам.

Нечестивый, проснувшись, почувствовал отрыжку после ароматного плода и спросил:

— От чего такая отрыжка?

— От ароматного плода, — ответил Благочестивый.

— Откуда ты взял его?

— Пока ты спал, мне попался ароматный плод. Я подумал, что у нас единое туловище, его одно мы питаем, и не стал тебя будить, а съел плод сам.

— Ты поступил нехорошо, — сказал Нечестивый, — и я тебе это помню!

В другой раз спал Благочестивый, а Нечестивый стоял на страже. Он заметил ядовитый плод, принесенный водой, и съел его. В результате оба почувствовали себя плохо. Нечестивый, возбужденный действием ядовитого плода, воскликнул:

— Где бы и когда я ни родился, всегда буду стараться убить тебя, стану твоим злейшим врагом!

Благочестивый ответил на это:

— А я, где бы и когда ни родился, буду к тебе относиться с любовью.

— В той жизни, в то время, тот, кого звали Благочестивым, — сказал Победоносный, — это я ныне. Тот, кого звали Нечестивым, — это ныне Дэвадатта. Тогда впервые он стал относиться ко мне враждебно. Я же к нему в сердце любовь утвердил.

Ю. М. Парфионович

СУТРА
О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ
Перевод

РАЗДЕЛ I

Глава первая

ИЗЛОЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПРИМЕРОВ [ОБРЕТЕНИЯ УЧЕНИЯ]

Так было однажды услышано мною *. Победоносный¹, находясь в Магадхе², вскоре после обретения буддства³ глубоко задумался. «Живые существа, — размышлял он, — вот уже длительное время поглощены суетностью мирских дел, так что очень трудно наставить и исправить их. Поэтому нет никакой пользы от моего пребывания в этом мире. И чем нирвана с остатком бытия⁴, лучше полная, конечная нирвана⁵».

Но как только Победоносный подумал об этом, божествам — обитателям мира Брахмы⁶ — стали известны его мысли. Божества спустились с небес и пришли туда, где находился Победоносный. Подойдя к нему, они распростерлись ниц в приветствии и, сложив молитвенно ладони, стали настоятельно просить Победоносного привести во вращение колесо Учения **.

На это Победоносный сказал им:

— О боги мира Брахмы! Живые существа, [люди], полностью одолены греховной нечистью, они привержены к мирским благам, и у них отсутствуют помыслы о высшей мудрости. Так что даже мое пребывание в этом мире бесполезно. Поэтому-то и думаю, что лучше мне перейти в нирвану⁷.

Но боги мира Брахмы возразили на это Победоносному следующее:

— О Победоносный! И время настало обращать в истинную веру, показав переполненное море Учения, водруженный стяг Учения. И огромное множество живых существ жаждут

* Стереотипное начало сутр — текстов, содержащих проповеди, наставления или поучения Будды Шакьямуни, записанные, по преданию, со слов Ананды.

** Т. е. проповедовать буддизм.

спасения. Так почему же ты, Победоносный, помышляешь о нирване, а не становишься спасителем и прибежищем их, пребывающих в безнадежной слепоте?

И было рассказано Победоносному следующее.

— О Победоносный! Давным-давно, бесчисленное количество калп⁸ назад, в стране Джамбудвипе⁹ правил великий царь по имени Канашинипали. Под властью царя Канашинипали находилось множество вассальных князей и восемьдесят четыре тысячи городов. И имелось у того царя во дворце двадцать тысяч жен и наложниц, а кроме того, было у него десять тысяч великих советников.

Обладая великим милосердием, царь для всех своих подданных был подобен отцу с матерью. Как-то раз он подумал: «Поскольку я являюсь владыкой живых существ и эти многочисленные люди уважают и любят меня, то сотворю я им всем пользу через великую драгоценность святого Учения*». И повелел тут царь одному из своих советников объявить повсюду: «Кто обладает знанием святого Учения и наставит меня в нем, тому дам все, что он пожелает».

Тогда некий брахман¹⁰ по имени Лиудуча подошел к воротам дворца и заявил:

— Я знаю святое Учение.

Услышав эти слова, царь вышел встретить брахмана. Он почтительно приветствовал его и усадил на разостланный ковер. Когда брахман сел, царь, сопровождаемый свитой, сложил вместе ладони и сказал:

— О великий учитель! Настало время открыть и преподать святое Учение нам, омраченным духовным невежеством.

Брахман ответил царю такими словами:

— Те знания, которыми я обладаю, просто так не поддаются изучению. Если ты хочешь их усвоить, только слушая, то из этого ничего не выйдет.

Царь сказал:

— Так объясни, что же ты хочешь, и я выполню все твои требования.

На это брахман ответил царю следующее:

— О великий царь! Если ты сможешь вставить в свое тело тысячу светильников и тем совершить жертвоприношение, то я наставлю тебя в Учении.

Безмерно обрадовался царь согласию брахмана. Он приказал гонцу сесть на слона, способного проходить расстояние в сто тысяч йоджан¹¹, и объявить по всей Джамбудвипе, всем

* «Святое Учение» — т. е. буддизм.

вассальным князьям и всему простому народу следующее: «Царь Канашинипали ради постижения Учения через семь дней, в мясе своего тела сделав отверстия, вставит в них тысячу светильников». Вассальные князья и весь народ, услышав эти слова, были охвачены глубокой скорбью. Они пришли к царю и, поклонившись ему, сказали:

— Как слепец опирается на поводыря, а дитя опирается на мать, так и в этом мире все живое опирается на тебя, царь! Когда не станет тебя, о великий, к кому же прибегнем мы в поисках защиты? Ведь если тысячу светильников вставишь в тело, то, без сомнения, расстанешься с жизнью. Зачем же ты хочешь ради какого-то брахмана покинуть все живые существа этого мира!?

Царские жены, сыновья, престолонаследник, пятьсот человек свиты и десять тысяч советников, сложив ладони, также стали молить царя не слушать брахмана. Но царь был тверд в своем решении и не изменил его.

— Когда я стану буддой ¹², — произнес он, — то обязательно спасу всех вас.

Тут множество людей, поняв, что царь тверд в своем решении, преисполнились глубокой скорби и, стелая, упали на землю.

Царь же, не отказавшись от своего намерения, сказал брахману:

— Пришло время вставить тысячу светильников в мое тело, делай отверстия!

Тогда брахман, сделав отверстия в теле царя, смочил в масле фитили светильников. Люди, видя это, пали на землю, будто рухнувшая гора. А царь сказал брахману:

— О великий учитель! Яви свое милосердие и сначала преподай мне Учение, а затем уже вставляй светильники. Ведь если я расстанусь с жизнью, то не смогу выслушать наставлений в Учении.

И тут брахман произнес такие шлоки ¹³:

Все не вечное исчерпывается.
А высокое в конце концов рушится.
За встречей наступает расставание,
За рождением следует смерть.

Как только эти шлоки были произнесены, царь безмерно возрадовался и от всего сердца произнес такой обет:

— Учение я ищу лишь для обретения буддства. Когда же стану воистину буддой, то лучами мудрости озарю живые существа, омраченные духовным невежеством.

И как только царь произнес этот обет, страшно содрогнулись земля и небеса. Сотрясение это докатилось до дворца богов мира Брахмы. Боги спустились с небес и приблизились к месту принесения тела в жертву. Там они увидали тело бодхисаттвы¹⁴, столь жестоко истерзанное.

Собравшиеся боги заполнили все верхнее небо. Дождем выпали слезы рыданий, дождем же выпали и небесные цветы, принесенные в жертву богами.

Владыка богов Индра¹⁵ приблизился к царю Канашинипали и, произнеся различные восхваления, спросил:

О великий царь! Не сожалеешь ли ты о том, что тебе пришлось перенести столь жестокие мучения?

— Не сожалею, — отвечал царь.

Тогда Индра сказал:

— Великий царь, могу ли я верить твоим словам о том, что ты не сожалеешь, когда твое тело содрогается от боли?

В ответ на это царь произнес:

— Если я не испытываю ни малейшего сожаления о содеянном, то пусть эти раны на моем теле бесследно заживут.

И тотчас же на теле [царя] не осталось и следа ран.

— Царь того периода был ты, Будда, — сказал Индра Победоносному. — И если ты, Победоносный, и в прежние времена ради обретения Учения для живых существ шел на нестерпимые муки, то почему же сейчас полностью лишаешь живые существа света Учения, помышляя о нирване?!

[И поведал Индра следующую историю.]

— О Победоносный! В давно прошедшие времена в стране Джамбудвипе жил великий царь по имени Цилинг-Гирали. Ему подчинялись вассальные князья и восемьдесят четыре тысячи городов. Было у того царя во дворце двадцать тысяч жен и наложниц, престолонаследник, пятьсот сыновей и десять тысяч великих советников.

Обладая милосердием, царь заботился о всех своих подданных, как родители заботятся о своем единственном сыне.

Почитая и любя святое Учение, тот великий царь повелел однажды своему советнику обнародовать следующий указ: «Если тот, кто сведущ в сутрах¹⁶ или в святом Учении, наставит меня, то он получит все, что пожелает».

После обнародования этого указа к воротам царского дворца явился брахман по имени Лиудуча и сказал:

— Я сведущ в святом Учении и наставлю всякого, желающего выслушать его.

Безмерно обрадовался царь. Он сам вышел встретить брахмана, приветствовал его земным поклоном и, произнося

учтивые слова, ввел брахмана во дворец. Там он усадил его на разостланный ковер и, сложив вместе ладони, произнес:

— О великий учитель! Прошу, наставь меня в святом Учении.

Брахман ответил царю:

— Долгое время я подвергал свое тело различным мукам и только тогда постиг святое Учение. Поэтому, великий царь, если ты желаешь приобщиться к святому Учению, то простого слушания недостаточно, чтобы постигнуть его.

Царь, сложив вместе ладони, сказал:

— Объясни, что же ты хочешь, учитель, и тебе все будет дано полной мерой.

И тогда брахман ответил следующее:

— Если свое тело проткнешь тысячью гвоздей, то я передам тебе святое Учение.

— Да будет так, — произнес царь, — через семь дней я свершу это дело.

Он тут же приказал четырем гонцам сесть на слонов, способных проходить расстояние в восемьдесят четыре тысячи йоджан, и объявить по всей Джамбудвипе следующее: «Великий царь Цилинг-Гирали через семь дней, от сего дня считая, проткнет свое тело тысячью гвоздей».

Советники и многие простолюдины, услышав это, пришли к царю и взмолились:

— Все мы, обитающие в этом мире, наслаждаемся благом и счастьем только благодаря царским добродетелям и милостям. Просим тебя, о великий царь, подумай о нас и не протыкай свое тело тысячью гвоздей.

Тут и царские жены, и дворцовые слуги, престолонаследник, царевичи и советники — все стали упрашивать царя, говоря при этом:

— О великий царь! Подумай о нас в милосердии своем, негоже ради одного человека лишать себя жизни и бросать всех своих подданных.

В ответ на это царь произнес следующее:

— Долгое время пребывая в сансаре¹⁷, я бесчисленное количество тел напрасно перевел. Куча белых костей от тел этих, убитых то страстями, то гневом, то омраченностью духа, громоздится выше горы Меру¹⁸. Из моих отсеченных голов больше вытекло крови, чем воды в пяти реках¹⁹; слез, выплаканных мною, больше, чем воды в четырех морях²⁰. Самыми разными способами я бесполезно растрчивал свои тела и жизни, но ни разу не потратил жизни ради святого Учения. Сейчас я проткну тело гвоздями, чтобы стать буддой. Затем.

когда обрету буддство, то мечом мудрости отсеку от всех вас болезни прегрешений. Так почему же вы ставите препятствия моим помыслам о духовном пробуждении?

И многочисленные собравшиеся ничего не смогли возразить на эти слова.

Тогда царь обратился к брахману и сказал:

— О великий учитель! Будь милосерден ко мне. Сначала преподай святое Учение, а затем уж протыкай мое тело железными гвоздями. Ведь если я расстанусь с жизнью, то не смогу выслушать наставлений в Учении.

И брахман тогда произнес следующие шлоки:

Все возникшее не вечно,
Все рожденное страданиями связано;
В силу пустотности всех дхарм нет «я»,
Нет также и [понятия] «мое».

Произнеся эти шлоки, брахман пронзил тело царя тысячу железных гвоздей.

Тут вассальные князья, советники, многочисленные окружающие, видя свершившееся, пали на землю, подобно рухнувшей горе. Стеная, в полном беспамятстве катались они по земле.

В это время на шесть ладов содрогнулись земля и небеса, пришли в изумление боги мира чувственных ощущений²¹ и мира чистых форм²². Все они спустились с небес и приблизились к бодхисаттве. Видя, на какие великие муки обречено тело во имя Учения, заплакали боги, дождем выпали их слезы, и принесли они жертвоприношение небесными цветами.

В это время к царю подошел владыка богов Индра и спросил:

— Великий царь проявил чрезвычайное рвение и страданиями пренебрег. Ты свершил это ради Учения или желая стать Чакравartiном²³ или царем мар²⁴? А может быть, желая стать Брахмой или Махешварой²⁵?

И царь ответил так:

— Мой поступок совершен не из желания насладиться благами трех миров²⁶, но из желания, обрета благую заслугу²⁷, стать буддой.

Тогда Индра сказал:

— Если я вижу, как тело царя содрогается от мук нестерпимых, то могу ли верить его словам о том, что он не сожалеет о содеянном?

И ответил на это царь:

— Если правдивы мои слова и я действительно не испыты-

ваю чувства сожаления, то пусть мое тело станет, как и прежде, не имеющим ран.

И как только царь произнес это, тело его приняло прежний вид, что преисполнило радостью богов и людей.

— Победоносный, [— сказал затем Индра, —] если ты обладаешь полным морем Учения и безмерны твои добродетели, то почему же помышляешь оставить множество живых существ и, даже об Учении им всем не поведав, перейти в нирвану?

[И рассказал следующую историю.]

Победоносный, давным-давно, бесчисленное количество калп назад, в стране Джамбудвипе у великого царя по имени Брахмадева был престолонаследник, которого звали Дамгама. Царевич чтит и любит святое Учение, но, хотя повсюду искал его, найти никак не мог. Из-за этого он мучился и пребывал в печали.

Владыка богов Индра, прознав об этих помыслах царевича, принял обличье брахмана и, придя к воротам царского дворца, сказал:

— Я знаю святое Учение и могу наставить в нем.

Услышал это царевич и вышел встретить брахмана. Он отдал брахману земной поклон, ввел его во дворец и усадил на разостланный ковер. Затем царевич сложил вместе ладони и, обращаясь к брахману, сказал:

— О великий учитель! В силу своего милосердия наставь меня в святом Учении.

На это брахман отвечал:

— Наставление в Учении, равно как и изучение его, — дело очень трудное. Хотя наставника ты и нашел, но познать Учение нелегко, просто так это дело не делается, одного желания выслушать Учение недостаточно.

— Объясни, великий учитель, чего же ты хочешь? — спросил брахмана царевич. — И если ты пожелаешь мое тело, жемчу или даже сына — все предоставлю по твоему приказу, ни капли не жалея об этом.

Тогда брахман сказал:

— Если ты прыгнешь в огненную яму глубиной в десять локтей, полную горящих углей, и тем совершишь жертвоприношение, то преподам тебе святое Учение.

И царевич тотчас же распорядился приготовить большую огненную яму, как то повелел учитель.

Когда царь, царица, советники и придворные услышали такое, они сразу же потеряли телесный и душевный покой. Все они пришли во дворец к царевичу, стали его умолять и брах-

мана настойчиво упрашивать [не совершать подобное жертвоприношение].

— О достопочтенный, — говорили они, окружив брахмана, — яви нам свое милосердие и не заставляй престолонаследника прыгать в огненную яму. Потребуешь ли ты свиту жен, девушек или даже жизней наших — все тебе будет дано.

Но брахман сказал:

— Я никого не принуждаю и ничего неподобающего не делаю, все зависит от рвения царевича. Если он сможет подобное совершить, то наставлю [его] в Учении; если же не сможет, то и Учения не преподам.

Убедились окружающие в том, что намерение царевича непоколебимо, и в горести умолкли.

Тогда царь послал гонца на слоне, способном пройти расстояние в сто тысяч йоджан, объявить по всей Джамбудвипе следующее: «Престолонаследник Дамгама через семь дней, считая от сего дня, ради постижения Учения прыгнет в огненную яму. Кто хочет узреть это, пусть быстрее приходит».

Услышав такую весть, вассальные князья и множество простых подданных разразились слезами. Даже больные и немощные, ведя один другого, пришли к царевичу. Все они, преклонив правое колено и сложив вместе ладони, произнесли в один голос:

— О царевич! Ты являешься нашей опорой. Если ты, который для нас подобен отцу и матери, прыгнешь в огненную яму, то все подданные лишатся покровителя и прибежища. Из-за одного человека не осироти всех своих подданных!

На это царевич ответил собравшимся следующее:

— В течение длительного времени пребывая в сансаре, я сменил бесчисленное количество тел. Когда рождался в мире людей²⁸, то необузданными страстями приносил зло и вред одному своему телу за другим. Рождался в мире богов²⁹, но сколько душевных мук я испытывал, когда время жизни [в облике] божества истекало и приходилось расставаться с желанным существованием. Когда рождался в аду для живых существ³⁰, то подвергался сожжению на огне, кипячению в котле, мучительному разрезанию на куски мечами и другим острым оружием, погружению в ядовитые воды; [мне приходилось] карабкаться вверх по лезвиям мечей, ежедневно умирать бесчисленное число раз. Невозможно рассказать о тех мучениях, которые испытывал я от болезней и смертей. Когда рождался в мире претов³¹, то также подвергался различным нестерпимым телесным мукам. И, в мире животных³² рождаясь, мои тела пропадали впустую. Часто, тяжелой кладью на-

груженный, испытывал жестокие муки от того, что ничего, кроме травы, не имел в пищу. Но хотя тела и жизни впустую расточал, никогда не возникало у меня благих помыслов о святом Учении. Сейчас же я это зловонное тело ради Учения приношу в жертву, поэтому не препятствуйте осуществлению моих помыслов о духовном пробуждении. Ради обретения буддства я это тело целиком отдаю, когда же буддство обрету, то вам отдам тело Учения.

И многочисленные окружающие ничего не могли возразить на эти слова царевича.

Когда огненная яма была наполнена до краев горящими углями, царевич сказал брахману:

— О великий учитель! Наставь меня прежде в святом Учении, ибо если я расстанусь с жизнью, то не смогу уже выслушать слова об Учении.

Тогда брахман произнес следующие шлоки:

Воспитай в себе чувство кротости
И отринь чувства гнева и ярости;
Великим милосердием защищай живое
И обо всех проливай слезы сострадания.
Взращивай в себе великую радость;
В других, как и в себе, благу дхарму
своей мыслью пробуждения лелей —
Тогда станешь в поведении бодхисаттвой.

Как только брахман кончил говорить, царевич тотчас же собрался прыгнуть в огненную яму. Но в это время Индра и Брахма, удержав его с обеих сторон под руки, сказали:

— О царь! Все живые существа Джамбудвипы твоими милостями пребывают в великом благе. Если ты прыгнешь в огненную яму, то для всех подданных будет это подобно смерти отца и матери. Почему же ты оставляешь всех подданных и хочешь прыгать в огненную яму?

Посмотрел царевич на владыку богов и на множество окружающих и произнес:

— Не чините препятствий моим помыслам о наивысшем духовном пробуждении.

Никто не смог возразить ни слова в ответ, и царевич немедленно прыгнул в огненную яму.

Страшно содрогнулись тут земля и небеса, зарыдали небожители, и их слезы дождем выпали на землю, а на месте огненной ямы оказалось озеро, покрытое цветами. Посередине того озера на лотосе восседал царевич. Боги же ниспослали дождь из райских цветов, которые усыпали землю по колено.

— Царь Брахмадева того периода, [— сказал Индра, —]

твой нынешний отец Шудходана³³. Мать царевича того периода — твоя мать Махамая³⁴. Царевич и престолонаследник того периода — ты сам, Победоносный. Победоносный, тогда ты стремился святое Учение обрести для защиты и спасения всех живых существ. Почему же ныне, обретя полное совершенство, ты не хочешь оросить дождем Учения многочисленные живые существа, пребывающие в мучениях, а помышляешь о нирване?

— Победоносный, [— продолжал затем Индра, —] давным-давно, несчетное количество калп назад, в стране Варанаси³⁵ обитало пятьсот риши³⁶. Наставник этих риши по имени Удпала испытывал большое желание познать святое Учение и следовать ему. С этой целью он бродил повсюду и провозглашал следующее: «Кто владеет святым Учением и преподаст его мне, тот получит все, что пожелает».

Как-то раз пришел к нему один брахман и сказал:

— Я знаю святое Учение. Если желаешь, то преподам его. Услыхав это, риши Удпала, сложив вместе ладони, попросил брахмана:

— Будь милостив ко мне и преподай мне святое Учение.

На это брахман ответил:

— Усвоить Учение очень трудно. Только испытав много страданий, можно проникнуть в него. Поэтому недостаточно простого желания выслушать Учение. Если ты всем сердцем желаешь постичь его, то должен сделать так, как я распоряжусь.

— Неукоснительно сделаю так, как распорядится великий учитель, — сказал риши Удпала.

— Если ты, — продолжал брахман, — содрал с себя кожу, сделаешь из нее бумагу для письма, из кости своей — перо, а из крови — чернила и запишешь Учение, преподавшее мной, то наставлю тебя в Учении.

Услышав эти слова, риши необычайно обрадовался и, чтобы почтить Учение Татхагат³⁷, содрал кожу свою и сделал бумагу для письма, из кости своей сделал перо, а из крови — чернила и сказал:

— Жизнь моя к концу подходит, побыстрее наставь в Учении!

И брахман произнес следующие шлоки:

Обуздывай поступки тела своего;
Не убивай, не воруй, не прелюбодействуй;
Не клеветай, не лги, не бранись,
Не занимайся пустой болтовней;
Не будь привержен страстям;

Чувству гнева никогда не поддавайся;
И если [к тому же] ложные взгляды отринешь,
То это и будет поведение бодхисаттвы.

Как только шлоки были произнесены, риши Удпала записал их и сделал известными по всей Джамбудвипе, дабы люди эти шлоки изучали и ревностно следовали указанному в них.

Победоносный! [— сказал Индра. —] В той жизни, в то время, ты ради множества живых существ самозабвенно искал святое Учение. Почему же сейчас, Учение не преподав, всех оставляешь и намереваешься перейти в нирвану?

[И поведал следующую историю.]

Давным-давно, такое число калп назад, что считать не пересчитать, мерить не перемерить, в стране Джамбудвипе был царь по имени Шиби. Дворец того царя назывался Дэваварта, и было там собрано бесчисленное количество всякого рода ценностей. Этот царь распространил свое владычество на всю Джамбудвипу. Ему подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей и шестьдесят тысяч земельных округов с восьмьюдесятью тысячами больших городов. Было у царя во дворце двадцать тысяч жен и наложниц, пятьсот сыновей и десять тысяч великих советников. Добротой и великой милостью не обходил царь ни одного из своих подданных.

В то время владыка богов Индра, утратив пять качеств, присущих телу божества³⁸, был очень опечален и удручен тем, что жизнь его на небесах приходит к концу. Вишвакарма³⁹, заметив это, спросил Индру:

— Почему ты так опечален и угнетен?

На это Индра ответил:

— Моя жизнь на небесах близится к концу, и приметы предвещают смерть, а в мире исчезло Учение Будды; нет в мире также и бодхисаттвы — не знаю, у кого искать мне защиты, потому и пребываю в печали.

Тогда Вишвакарма сказал:

— О владыка богов! В стране Джамбудви́па живет великий царь по имени Шиби, следующий поведению бодхисаттвы. В силу своей верности обетам и ревностного прилежания он непременно обретет буддство. Если к его защите прибегнешь, то он, вне всякого сомнения, станет твоим защитником и избавит тебя от препятствий на пути духовного освобождения.

— Сначала следует удостовериться, — произнес Индра, — действительно ли он бодхисаттва, поэтому я думаю испытать его. Ты, Вишвакарма, обернись голубем, а я обернусь ястребом и буду гнаться за тобой. Ты же лети прямо к тому царю

и проси у него убежища, а я царя испытаю и выясню, ложь ли, [что он следует пути бодхисаттвы], или правда.

— О владыка богов! — возразил Индре Вишвакарма. — Великое существо — бодхисаттву — должно чтить жертвоприношениями, а не чинить ему вред. Поэтому негоже столь трудным делом наносить ущерб бодхисаттве.

На это Индра ответил следующей шлокой:

Нет у меня к нему неприязни,
Ясность же обрету, испытав его, как [проверяют] золото;
Желаю узнать я лишь правду —
Бодхисаттве учиню испытание.

После того как он произнес эти слова, Вишвакарма обернулся голубем, а Индра — ястребом, который стал преследовать голубя.

Когда казалось, что ястреб вот-вот схватит голубя, тот с жалобным криком влетел царю прямо под мышку и взмолился о спасении своей жизни. Сразу же за ним появился ястреб, сел около царя и сказал ему:

— Голубь, что влетел к тебе, царь, — моя пища, поэтому отдай мне его побыстрее, я очень голоден.

— Я дал клятву, — отвечал царь, — не выдавать никого, кто прибег к моей защите, не отдам и этого голубя.

Тогда ястреб сказал:

— Царь, согласно твоим словам, ты всем даешь защиту. Так почему же я не вхожу в число этих «всех»? Ведь если ты не отдашь мне мою пищу — этого голубя, — я расстанусь с жизнью.

Тут царь спросил:

— Если я дам тебе другое мясо, ты будешь его есть?

— Если это будет свежая убоина, — ответил ястреб, — то съем.

Царь подумал: «Если я дам ястребу свежую убоину, то, значит, спасу одного, убив другого. Это недопустимо и бессмысленно». И опять царь подумал: «Надо мной одним не довлеют узы тела, а так как другие к жизни привязаны, я отдам свою жизнь».

Подумав так, царь вытащил острый нож, отрезал кусок мяса от своего бедра и дал его ястребу в качестве выкупа за жизнь голубя.

Но ястреб сказал:

— Царь, коли ты выступаешь заступником и ко всем равно относишься, то я, хотя и маленькая птица, тоже требую к себе

равного отношения. Если выкупаешь жизнь голубя, то выкупай равным весом*.

— Принесите весы, — приказал тогда царь.

На одну чашку весов он положил голубя, а на другую — отрезанный кусок мяса. Но даже когда царь срезал все мясо со своих бедер, вес этого мяса был меньше веса голубя. И хотя он срезал мясо с обоих плеч, с левых и правых ребер, со всего остального тела, но вес срезанного мяса все же не уравнивал веса голубя. Царь поднялся, хотел сам взойти на чашу весов, но от слабости не смог этого сделать и без чувств упал на землю.

Долго находился царь без памяти, а когда сознание вернулось к нему, он стал укорять себя следующими словами: «С безначального времени ты ничего не мог, и, хотя в трех мирах в круговороте рождений претерпевал различные страдания, сосудом благих заслуг не стал. Сейчас настало время проявить усердие, и нет больше времени для лени.

Так на все лады порицая себя, царь, собрав последние силы, ступил на чашу весов.

— Теперь хорошо, — сказал он, исполненный глубочайшей радости**.

И тут же на шесть ладов содрогнулись земля и небеса, так что даже пошатнулся и задрожал дворец небожителей. Боги мира чистых форм спустились вниз и, заполнив воздушное пространство, увидели, сколь трудное деяние совершил бодхисаттва, так жестоко обойдясь со своим телом, ради Учения ни тела, ни жизни не пожалев. От такого зрелища у них хлынули слезы, и боги совершили жертвоприношение, ниспослав на землю дождь небесных цветов.

Тут Индра, приняв свое истинное обличье, обратился к царю со следующими словами:

— Царь, зачем ты совершил столь трудное деяние? Хотел стать Чакравartiном, или Индрой, или царем мар, или владыкой трех миров чувственных ощущений⁴⁰? Чего ты хотел?

— У меня не было желания обрести наслаждения высокочтимых богов трех миров чувственных ощущений. Желал я только путем обретения благой заслуги достичь духовного пробуждения, — отвечал бодхисаттва Индре.

— Не сожалеешь ли о том, — спросил Индра, — что, совершив подобное непотребство со своим телом, даже кости ты на муку обрек?

* Т. е. вес куска мяса должен быть равным весу голубя.

** Т. е. чаши весов уравнились.

— Не сожалею, — отвечал царь.

Но Индра возразил:

— Говоришь, что не сожалеешь, но, когда я вижу, как тело твое содрогается в агонии, а дыхание прерывается так, что даже говорить не можешь, могу ли верить твоим словам?

На это царь сказал:

— Если от начала до конца я и на волос не сожалею, то пусть обязательно исполнится то, что я желаю. Если правдивы сказанные мною слова, то пусть силой правды сказанного исчезнут раны и мое тело станет таким, как было прежде.

И только царь произнес это, его тело стало прекраснее, чем прежде. Боги и люди — все несказанно обрадовались и неописуемо удивились этому.

— Царь Шиби того периода есть ты сам, теперешний Будда. Почему же сейчас, когда море Учения полно до краев, когда стяги Учения водружены, когда барабаны Учения гремят, когда светильник Учения ярко горит и настало время творить полезное и благое дело, ты, Победоносный, Учения не преподав, все живые существа бросаешь и помышляешь перейти в нирвану?

И тут царь богов Брахма, сложив вместе ладони перед ликом Татхагаты, прославил его деяния, когда Татхагата в прежних рождениях, всячески стремясь обрести Учение для живых существ, тысячекратно жертвовал собой.

Во исполнение просьбы Брахмы Победоносный, придя в местечко Сарнатх, около Бенареса, повернул колесо Учения — произнес первую проповедь буддизма. Так в результате вращения колеса Учения в мире появились и три драгоценности ⁴¹. Возрадовались Учению боги и люди, наги ⁴², якши ⁴³, асуры ⁴⁴ и другие существа, входящие в восемь классов живых существ ⁴⁵, и этому Учению следовать стали.

Глава вторая

О ТОМ, КАК ЦАРЕВИЧ ПО ИМЕНИ МАХАСАТТВА ПОЖЕРТВОВАЛ СВОЕ ТЕЛО ТИГРИЦЕ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте ⁴⁶, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада ⁴⁷. Как-то раз, когда наступило время сбора милостыни *, Победоносный, облачившись в должное

* Буддийские монахи собирают подаяние в установленное время.

монашеское одеяние, взял патру⁴⁸ и вместе с Анандой⁴⁹ отправился за подаванием.

В том городе жила старуха, два сына которой постоянно промышляли воровством. Но вот они были схвачены владельцем имущества и приведены пред лицо судьи, который в соответствии с законом приговорил братьев к смертной казни.

Когда палач вел их скованных на место казни, старуха мать и два ее осужденных сына увидели Победоносного. Он издали приближался к ним, и они отдали поклон в его сторону.

— О владыка богов, — взмолилась старуха, обращаясь к Будде, — к милосердию твоему взываю: будь защитником моих сыновей, приговоренных к смерти.

Внял ее словам Победоносный и в силу великого милосердия Татхагат явил жалость к осужденным. Чтобы спасти их жизни, он дал наставления Ананде и послал его к царю просить об освобождении преступников. И в соответствии с пожеланием Победоносного царь отпустил их.

Будучи чрезвычайно обрадованными и памятуя благодеяние Победоносного, братья пришли туда, где он пребывал, припали головами к его стопам, а затем, почтительно сложив ладони, обратились к Победоносному с такими словами:

— Поскольку великим благодеянием Победоносного сохранен остаток нашей жизни, то помысли милостиво о нас, о Владыка богов, и разреши нам вступить в монашество.

— Придите во благе, — произнес тогда Победоносный.

И тут же волосы на голове и лице братьев сами собой сбрились*, одежда стала желто-оранжевого цвета**, и они твердо укрепились в помыслах веры. Затем Победоносный наставил их, как должно, в Учении, в результате чего они избавились от всякой скверны и стали архатами⁵⁰. Их же старуха мать, благодаря тому что выслушала религиозные наставления Будды, обрела состояние анагамина⁵¹, или невозвращения.

Ананда, видя столь удивительное дело, громко восславил Победоносного словами:

— О, сколь велики добродетели Татхагаты!

Однако он подумал про себя: «Какие же добрые дела в прошлом совершили эти трое, мать и два сына, если сейчас при встрече с Победоносным и от огромной беды избавились, и благо нирваны обрели? Хорошо так в течение одного рождения обрести и пользу и благо».

* Буддийские монахи должны брить волосы на лице и голове.

** Цвет буддийской монашеской одежды.

Победоносный, зная мысли Ананды, сказал ему:

— Этих троих я не только сейчас призрел. В давние времена я их также своим попечением не оставил.

И попросил тогда Ананда Победоносного:

— О Победоносный! Соблаговоли поведать в назидание, каким образом ты в давние времена этим троим свое попечение оказал...

И рассказал тогда Победоносный Ананде следующую историю.

Давным-давно, бесчисленное количество калп назад, в стране Джамбудвипе был царь по имени Махаратха. У этого царя было три сына. Старшего звали Махапрапада, среднего — Махадева, младшего — Махасаттва. Младший царевич с детства славился своей добротой и милосердием, был он для всех как родной сын.

Как-то раз царь в окружении советников и царица с сыновьями отправились из дворца на прогулку. Пройдя немного, они устали и расположились на отдых. Трое же царевичей пошли дальше, в глубь леса. Там они увидели тигрицу, которая недавно родила детенышей, но, в течение нескольких дней терзаясь голодом и жаждой, была уже готова сожрать свое потомство. Младший царевич сказал, обращаясь к своим братьям:

— Эта тигрица охвачена ужасными мучениями. Похоже, что она вот-вот умрет от слабости и истощения и может даже сожрать новорожденных.

— Правду ты говоришь, — отвечали ему на это старшие братья.

— А что ест эта тигрица? — снова промолвил младший.

— Ей по вкусу парная убойна да теплая кровь, — ответили старшие братья.

— Есть ли кто-нибудь, кто в состоянии своим телом спасти жизнь тигрицы, не допустить ее гибели? — спросил младший брат.

— Нет, — отвечали братья, — это очень трудно.

Тогда царевич подумал: «В течение длительного времени вращаясь в круговороте сансары, то из-за приверженности к страстям, то из-за гнева, то из-за духовной омраченности, я бесчисленное количество тел и жизней впустую расточил. Что стоит тело, которое ради Учения ни разу не было отдано на удобрение поля благих заслуг!

Некоторое время все трое продолжали идти дальше.

— Вы идите, — сказал затем старшим царевичам младший брат, — а я исполню одно дело и вас догоню.

Он повернул назад и по старой дороге быстро вернулся к логову тигрицы. Подойдя к тигрице, царевич лег около нее, но та из-за слабости даже пасти открыть не могла, чтобы сожрать его. Тогда царевич острой веткой пустил себе кровь и дал лизнуть тигрице, после чего та раскрыла пасть и сожрала тело царевича.

Старшие же братья, видя, что прошло много времени, а младшего брата все нет и нет, решили: «Пойдем искать по следам и осмотрим то место в лесу, где мы разговаривали. Наверное, нашего брата убила голодная тигрица».

Придя туда, они увидели, что младшего брата сожрала тигрица. Вокруг валялись клочья мяса и виднелись пятна крови. От такого зрелища старшие братья пали без памяти на землю. Когда же спустя долгое время они пришли в себя, то стали кататься по земле, оглашая воздух стенаниями, до тех пор, пока снова не впали в беспамятство.

Тем временем царице-матери приснились во сне три голубя, которые играли, летая туда и сюда. Вдруг ястреб схватил и унес самого маленького из голубей.

Дрожа от страха, царица проснулась и сказала царю:

— Я слышала, рассказывают, что голуби означают души сыновей. Если ястреб унес самого маленького из голубей, то, наверное, с моим любимым сыном случилось несчастье.

Сразу же были посланы люди на поиски, но тут вернулись два старших царевича.

— Не случилось ли несчастья с моим любимцем? Где он? — спросила их мать.

У обоих братьев как будто горло закупорило, даже дыхание прервалось, и они не могли выговорить ни одного слова. Когда же дыхание вернулось к ним, братья сказали:

— Младшего брата сожрала тигрица.

Услышав эти слова, царица потеряла сознание и пала на землю.

Когда после длительного беспамятства она пришла в себя, то вместе с царем, сыновьями, придворными поспешила на место гибели младшего царевича.

К тому времени тигрица сожрала остатки мяса, и они увидели на земле только кости царевича да то там, то здесь кровавые пятна. Царица схватила голову, а царь — останки руки [младшего сына], и оба они, рыдая и стenea, упали без чувств. Долго они лежали без сознания, затем пришли в себя.

Царевич же Махасаттва, скончавшись на земле, возродился на небе Тушита⁵². «Почему и за какие поступки я здесь возродился?» — подумал он. Божественным глазом окинул ца-

ревич пять миров* и увидел в лесу, на месте своей кончины, родителей, которые стонали около его бранных останков, удрученные болью страданий из-за большой привязанности [к погибшему сыну]. Божество подумало: «Такая скорбь может нанести ущерб здоровью и даже жизни моих родителей. Надо пойти поговорить с ними и ободрить их».

Подумав так, он опустился [из своей небесной обители] и с небесной вышины стал утешать своих родителей различными ласковыми словами. Те посмотрели на небо и спросили:

— Ответь нам, кто ты, о божество?

— Я был царевичем по имени Махасаттва. Своим телом я накормил голодную тигрицу и за это возродился на небе Тушита. О великий царь, знай следующее:

Что бы ни существовало [в мире], дхарма⁵³ [этого существа] такова, что оно неизбежно приходит к своему концу. За рождением неотвратимо [следует] разрушение. Если творить зло, то низвергнешься в ад живых существ. Если творить добро, возродишься на небесах. Поэтому, если рождение и разрушение присущи всем, то зачем же из-за мимолетных удовольствий низвергаться в море страданий? Разве это не понятно? Будьте же ревностны в соблюдении благого Учения.

Но родители возразили на это:

— Ты в силу великого сострадания накормил своим телом тигрицу. Но если ты в силу великого сострадания накормил тигрицу и милосерден ко всем, то приличествует ли тебе, великомилосердному, совершить подобное деяние: лишив себя жизни, нас бросить и заставить, тебя вспоминая, такие муки испытывать, будто наши тела режут на куски.

И снова божество стало на все лады утешать родителей ласковыми словами, отчего те немного успокоились, положили останки сына в гроб, изготовленный из семи драгоценностей, и над захоронением воздвигли чортен⁵⁴. После этого божество возвратилось на небеса, а царь с многочисленной свитой вернулся во дворец.

— Как ты думаешь, — спросил Победоносный Ананду, — кто есть ныне царь того периода Махаратха? Это мой отец, царь Шудходана. А царица-мать того периода — это ныне моя мать Махамая. Тогдашний старший брат Махапранада — это Майтрейя⁵⁵, средний брат — это Васумитра⁵⁶. Что касается младшего царевича того периода Махасаттвы, то не думай ни о ком другом — это ныне я сам. Тигрята того периода — это

* Мир людей, асуров, претов, животных и ада. В шестом мире — мире богов — он находился сам.

двое нынешних братьев-преступников. Я давным-давно их от беды избавил, жизни им спас и сделал счастливыми. Сейчас, когда я обрел буддство, избавил их от беды и полностью спас от великих страданий сансары.

И тут Ананда и все многочисленные окружающие произнесли хвалу словам Победоносного.

Глава третья

О СОБЛЮДЕНИИ МОНАШЕСКИХ ОБЕТОВ ДВУМЯ СТРАНСТВУЮЩИМИ БРАХМАНАМИ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шравасты, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время, едва ночь спустилась на землю, перед Буддой явились два божества. Сияние, исходящее от их тел, в мгновение ока озарило золотистым светом сад Джетавана. После того как Победоносный должным образом преподавал им святое Учение, их мысли полностью освободились*. Оба божества, обретя плод духовного пробуждения, пали в ноги Победоносному, а затем снова удалились в обитель богов.

На следующий день, как только рассвело, Ананда обратился к Победоносному со следующими словами:

— Вчера сюда приходили два божества и почтительно приветствовали тебя, Победоносный. Сияние, исходящее от их тел, озарив все вокруг, произвело невиданную красоту. В силу каких прежних деяний обрели эти божества подобную благодать?

И рассказал Победоносный в назидание Ананде следующую историю.

Давным-давно, после того как будда Кашьяпа⁵⁷ удалился в нирвану и святое Учение было близко к полному упадку, два брахмана приняли обет о выполнении восьми однодневных правил моральной дисциплины⁵⁸. Первый из них произнес при этом следующее моление: «Да возродиться мне божеством». Моление другого было: «Да возродиться мне царем». Затем они разошлись по домам.

Когда первый брахман вернулся домой, жена позвала его обедать. В ответ на это брахман сказал:

* Имеется в виду полное освобождение от клеш, или нечистых страстей.

— Я не буду обедать. Я принял обет, исходящий из Учения будды, не есть после полудня.

— Ты же принадлежишь к секте странствующих брахманов, — отвечала ему жена. — Если имеются обеты нашего Учения, зачем принимать обеты иных Учений? Если не сядешь есть вместе со мной, то все, что ты мне сказал, я передам другим странствующим брахманам. Они тогда перестанут встречаться, разговаривать с тобой и прогонят тебя.

Тут брахман не выдержал, испугался и поел вместе с женой в неурочный час. В соответствии со сроком жизни, отмеренным этим двум людям, они умерли каждый в свое время. Тот, который молил о рождении царем, соблюл обет и возродился в царской семье. Тот же, кто молил о рождении божеством, нарушил обет и возродился в образе наги.

У родившегося царем был садовник, блюдуший царский фруктовый сад. Этот садовник ежедневно доставлял к царскому столу различные фрукты. Как-то раз он обнаружил в роднике ароматное, румяное яблоко. Садовник подумал: «Когда я, доставляя фрукты, хожу то туда, то сюда, привратник постоянно меня останавливает и не дает свободно проходить. Поэтому отдам-ка я это яблоко привратнику». И он вручил яблоко привратнику.

Привратник взял яблоко и, в свою очередь, подумал: «Когда мне надо обращаться с просьбой, евнух всегда запирает двери и не пропускает меня. Поэтому отдам-ка я это яблоко евнуху». И он вручил яблоко евнуху.

Евнух взял яблоко и преподнес его царице. Царица же отдала яблоко царю.

Так сладко и ароматно было то яблоко, что царь, съев его, спросил царицу:

— Ты откуда достала такое яблоко?

Царица подробно рассказала, откуда она взяла это яблоко. Так, переходя от одного к другому, дело в конце концов дошло до садовника. Царь призвал к себе садовника и сказал:

— Если в моем фруктовом саду растут подобные фрукты, почему же ты не доставляешь их мне, а отдаешь другим?

Тогда садовник подробно рассказал царю, как он нашел это яблоко.

— Впредь, — приказал царь садовнику, — такие яблоки всегда приноси мне.

Садовник взмолился:

— Это яблоко рождено не фруктовом деревом. Я нашел его в роднике, и, может быть, больше такого яблока я не найду и не смогу преподнести тебе, о царь.

В ответ царь заявил:

— Если ты не найдешь больше таких яблок, то твое тело будет разрублено на куски.

Вернулся садовник в свое жилище и горько разрыдался. Громкие звуки рыданий услышал нага. Обернулся нага человеком и спросил садовника:

— Что ты так горюешь?

Садовник подробно рассказал наге о случившемся. Тогда нага вдруг исчез, а некоторое время спустя появился с золотой бадьей, полной прекрасных плодов. Отдав бадью садовнику, он сказал:

— Ты возьми эти плоды, преподнеси их своему царю да перескажи ему при этом следующее: «Царь и я, нага, — старые приятели. В прежнем рождении, когда мы оба были странствующими брахманами, мы приняли восемь однодневных правил моральной дисциплины, и каждый из нас при этом произнес моления. Мой приятель соблюл обет и поэтому возродился царем. Я же нарушил обет и поэтому возродился в образе наги. Но я хотел бы [теперь], соблюдая обет, освободиться от этого тела. Поэтому я прошу царя наставить меня в Учении о восьми однодневных правилах моральной дисциплины. В противном случае я превращу царские земли в море».

Садовник взял фрукты, вручил их царю и подробно пересказал ему все, что было поручено нагой.

Опечалился царь, и вот отчего. В то время Будда еще не пребывал в этом мире. Святое Учение также исчезло, и нельзя было найти книгу о восьми однодневных правилах моральной дисциплины. «А если не выполнить просьбу наги, — волновался царь, — не миновать беды». Так сидел он, задумавшись, погруженный в печальные мысли. Затем царь сказал своему главному советнику:

— Нага просит у меня книгу о восьми правилах моральной дисциплины. Достань во что бы то ни стало!

Советник взмолился:

— В мире нет даже святого Учения, откуда же я достану эту книгу?

Тогда царь сказал советнику:

— Если не достанешь — казню!

Печальный, вернулся советник от царя домой. У этого советника был отец очень преклонного возраста. Посмотрел отец на сына и сказал:

— Раньше, сын мой, ты имел обыкновение смеяться, был всегда весел и разговорчив. Почему же сейчас ты не по-обычному мрачен и слова не вымолвишь?

Советник поведал отцу о случившемся. Тогда отец сказал: — В нашем доме от одного столба постоянно исходит сияние. Посмотри, что находится внутри этого столба.

Столб вынули и, когда его раскололи, обнаружили внутри сутру «О двенадцати условиях взаимовозникновения» и книгу о восьми однодневных правилах моральной дисциплины, которую советник и вручил царю.

Безмерно обрадовался царь, получив эту книгу. Он вложил книгу о восьми правилах моральной дисциплины в золотой ларец и передал наге. Нага также был очень доволен, обретя эту книгу, и одарил царя множеством драгоценностей. С тех пор он не только сам стал соблюдать восемь однодневных правил моральной дисциплины, но и других побуждал к их соблюдению. После смерти нага возродился божеством.

Тот царь, поскольку он, как и нага, соблюдал обеты, после своей кончины возродился вместе с ним также божеством. Это они вдвоем приходили ко мне вчера в начале ночи. В результате должным образом преподанного Учения они обрели благой плод вступления в поток⁵⁹ и, полностью освободившись от трех дурных рождений⁶⁰, впредь будут наслаждаться радостями божественного и человеческого бытия до тех пор, пока в конце концов не достигнут нирваны.

Все многочисленные окружающие воистину возрадовались рассказу Победоносного.

Глава четвертая

О ПРОДАЖЕ ТЕЛА РАДИ СОВЕРШЕНИЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шравасты, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Как раз в то время и в той местности у одного домохозяина родился сын. Младенец был совершенных форм и очень красивой внешности. Вскоре после рождения он уже стал говорить. И первые слова младенца, обращенные к родителям, были:

— Пребывает ли еще на земле Победоносный?

— Да, пребывает, — отвечали ему.

— В таком случае пребывают ли благородный Шарипутра⁶¹, Ананда и другие? — раздался следующий вопрос.

— Также пребывают, — прозвучало в ответ.

Родители ребенка подумали: «Не человек тот ребенок, ко-

торый сразу же после рождения начинает говорить». Страшно изумленные и удивленные, они спросили об этом Победоносного. И ответил им Победоносный:

— Ни о чем не беспокойтесь, это признак, характерный для вашего сына.

Обрадованные донельзя, родители ребенка вернулись домой.

Как-то раз сын сказал отцу и матери:

— Давайте пригласим на угощение Будду и его монашескую общину.

— Если приглашать Будду и его общину, — отвечали родители, — требуются припасы и утварь, которых сразу не достанешь.

На это мальчик сказал:

— Подметите в доме и побрызгайте водой, поставьте на ковре три высоких сиденья и украсьте их должным образом. Различные же яства на все вкусы появятся сами собой. Кроме того, родители моего предыдущего рождения сейчас еще живы и находятся в Варанаси, их также надо пригласить.

Отец и мать мальчика по просьбе сына послали слугу верхом на слоне пригласить прежних родителей ребенка, которые не замедлили прибыть.

Затем мальчик сказал:

— Одно из трех высоких сидений займет Будда, на другое сядут отец и мать моего прежнего рождения, на третье сядут отец и мать, породившие мое нынешнее тело.

В назначенное время явился Будда в окружении монахов, и все соответственно расселись по местам. Гостей оделили прекрасными кушаньями, и, когда все насытились, Будда произнес присутствующим наставление в Учении. Отец и мать ребенка, их домочадцы, старые и малые — все преисполнились радости, услышав слова Учения; так обрели они первый духовный плод⁶².

Позднее, когда мальчик вырос, он принял монашество и благодаря ревностному прилежанию обрел архатство.

Тогда Ананда спросил Победоносного:

— Какие же благие поступки совершил этот монах в прежние времена, если ему выпала судьба родиться в богатой и знатной семье, с младенчества уже уметь говорить, а сделавшись монахом, быстро обрести дар трансцендентного знания*?

* Т. е. стать архатом, так как трансцендентное звание является одним из атрибутов архата.

В ответ на это Победоносный рассказал Ананде следующее.

Человек этот в далеком прежнем рождении был сыном домохозяина в стране Варанаси. Когда сам домохозяин умер, хозяйство пришло в упадок и семья сильно обеднела. Даже при встрече с Буддой, пребывавшим в том мире, у этого человека не оказывалось никакого достояния, пригодного для пожертвования Победоносному. Опечаленный этим, сын домохозяина поступил в батраки к одному богатому и знатному лицу. В течение года он накопил около тысячи унций золота.

— Не собираешься ли ты жениться? — спросил его знатный хозяин.

— Не собираюсь, — ответил батрак.

Хозяин снова спросил его:

— В таком случае что ты намереваешься делать с золотом?

— Думаю преподнести его Будде и благородной монашеской общине в качестве милостыни, — отвечал тот.

— Если ты хочешь пригласить на угощение Будду и благородную монашескую общину, — сказал хозяин, — то я присовоюплю свое золото, а также приготовлю различные кушанья; приглашай их в мой дом!

— Так и сделаем, — ответил бедняк.

Пища была приготовлена, Будда и благородная монашеская община приглашены.

По этой причине и вследствие ее бедняк после своей смерти возродился также в семье богатого домохозяина. Сейчас же, пригласив Будду и выслушав слова Учения, он обрел духовное пробуждение. И еще сказал Будда Ананде:

— Именно тот прежний бедняк и есть ребенок домохозяина, ставший ныне этим монахом.

И все многочисленные окружающие воистину возрадовались рассказу Победоносного.

Глава пятая

О ВОПРОСАХ МОРСКОГО БОЖЕСТВА

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шраваси, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время и именно в той местности пятьсот купцов, собираясь идти в море за сокровищами, держали совет.

— Мы должны взять, — говорили они, — какого-нибудь искусного и знающего человека в качестве кормчего.

Так взяли они кормчим одного генена⁶³, принявшего пять духовных обетов, и под его командой вышли в море. Когда они достигли середины моря, морское божество, обернувшись ракшасом⁶⁴ с безобразным телом темно-синего цвета, с клыками, торчащими вверх, и головой, извергающей огонь, приблизилось к кораблю и сказала:

— Отдайте мне этот корабль. — А затем спросило купцов: — Есть ли в мире кто-либо страшнее меня?

И генен ответил на это:

— Есть, и значительно страшнее тебя.

— Кто же это такой? — спросило морское божество.

И генен сказал:

— В этом мире глупцы и духовно невежественные люди бесчисленно творят неблагие дела: смертоубийствуют, грабят, распутничают, снедаемые похотью, лгут, болтают все, изрыгают хулу и клевету, подвержены страстям, вспышкам гнева и ярости, превратным мыслям. Всех их после смерти, когда они в аду для живых существ возродятся, ведут стражи ада на всевозможные муки. Некоторых разрезают на куски острым оружием; некоторых дробят колесницами; некоторых толкут пестом в ступе; некоторых перемалывают мельницами; некоторых заставляют карабкаться на гору, утыканную острыми мечами; некоторых сжигают в огненной колеснице, варят в котлах, кипятят в зловонной жиже или подвергают другим мучениям. Так вот тот, кто в течение ста тысяч лет подвергался подобным жестоким мукам, выглядит несравненно страшнее тебя.

Услышав это, морское божество тут же сделалось невидимым. И корабль поплыл дальше. А морское божество обернулось до крайности истощенным и изможденным человеком, будто состоящим только из костей да жил, и, явившись перед кораблем, сказала:

— Отдайте мне этот корабль. — А затем спросило: — Есть ли в мире кто-либо более худой и изможденный, нежели я?

В ответ на это генен сказал:

— Есть более худой и изможденный, нежели ты.

— Кто же это такой? — спросило морское божество.

— Те глупцы и невежды духом, — отвечал генен, — которые по натуре своей жадны и корыстолюбивы, скупы и подаяния не творят, после своей смерти возрождаются в мире претов. Ростом они с гору, а горло тоненькое как иголка. И вот такой, с всклокоченными волосами, почерневший и изможден-

ный, сто тысяч лет даже не слышавший слова «вода», гораздо более худ и слаб, нежели ты.

И тут же морское божество исчезло.

Плывет корабль дальше, а морское божество, обернувшись самым совершенным по формам и красоте человеком, снова явилось и потребовало:

— Отдайте мне этот корабль! — Затем спросило: — Купцы, есть ли в мире людей столь же совершенный по формам и красоте человек, как я?

И генен ответил:

— Есть во сто крат красивее тебя.

— Кто же красивее меня? — спросило морское божество.

— В мире этом, — сказал генен, — человек мудрый, блюдуший во всей полноте десять правил нравственного поведения⁶⁵, не грешащий ни телом, ни речью, ни помыслом, преданный трем драгоценностям, приносящий в жертву собранные богатства, — такой после своей смерти возрождается в высокой сфере богов, обретая прекрасные формы и изумительную красоту. Он в сто, в тысячу раз превосходит тебя. Сравнить тебя с ним — то же самое, что сравнивать одноглазую обезьяну с прекрасной богиней.

Тогда морское божество, зачерпнув пригоршню воды, спросило генена:

— Где больше воды, в пригоршне или в море?

Генен ответил на это:

— В пригоршне воды больше, в море воды меньше.

— Справедливы ли слова, сказанные тобой? — усомнилось морское божество.

— Слова эти справедливы, и нет в них лжи, — ответил генен.

— Как же выяснить, правда ли это? — настаивало морское божество.

— Хотя воды в море и много, — сказал генен, — но неизбежно наступит время, когда оно высохнет. Когда калпа будет близиться к уничтожению, на небе взойдут два солнца и высохнут все родники и пруды. Взойдут три солнца, и высохнут все речушки. Взойдут четыре солнца, и высохнут все реки. Взойдут пять солнц, и станет меньше воды в океанах. Взойдут шесть солнц, и воды в океанах станет меньше на две трети. Когда же взойдут семь солнц, то вода в океанах полностью высохнет, гора Меру рухнет и пламя обнимет ее. Если же кто от чистого, верующего сердца пожертвует пригоршню воды Будде, или поднесет ее монашеской общине или родителям, или подаст нуждающемуся бедняку или дикому зверю, то эта

благая заслуга не иссякнет даже с концом калпы *. Поэтому справедливо утверждение, что воды в море меньше, а в пригоршне — больше.

Возрадовалось морское божество словам генена. Оно поднесло ему множество драгоценностей и передало также превосходные драгоценности в подарок Будде и монашеской общине.

Генен и купцы, получив вдоволь драгоценностей, повернули корабль и благополучно возвратились в свою страну. Там генен и пятьсот купцов пришли к Будде и, припав к ногам Победоносного, приветствовали его. Каждый принес в дар драгоценности помимо тех, которые морское божество передало для Будды и монашеской общины. Затем они преклонили колени и, сложив вместе ладони, попросили Победоносного:

— Мы тоже хотим посвятить себя Учению Учителя.

В ответ на эти просьбы промолвил Победоносный:

— Вы, генены, придите во благо!

И тут же волосы на их головах и лицах сами собой сбрились, и они оказались одетыми в монашеское платье.

Прежнему же генену Победоносный преподал должное Учение, после чего он избавился от всех страстей и обрел архатство. И возрадовались тут многочисленные окружающие рассказу Победоносного.

РАЗДЕЛ II

Глава шестая

О СЫНЕ БОЖЕСТВА

ПО ИМЕНИ ГАНГАДАРА, ИЛИ «ДАР ГАНГА»

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в роще Венувана, обители птичек календака. Тогда в той стране жил один очень богатый сановник, у которого не было сына. В то время на берегу реки Ганг стояла часовня, где находился образ божества Манибхадры⁶⁶. Все приходили поклониться ему и принести жертву. Сановник также пришел к изображению божества и произнес следующую просьбу:

— У меня нет сына, но я слышал, что ты, о божество, обладаешь безмерными добродетелями, поэтому я прошу тебя,

* Т. е. она будет оказывать свое влияние и в последующие калпы.

защитник всех живых существ, коли ты в состоянии исполнять моления других, помоги и мне тоже. Если ты даруешь мне сына, то я, в свою очередь, украшу твой образ золотом и серебром, а твою часовню умащу благовонными мазями. Если же не сделаешь этого, то часовню твою разрушу, а твой образ вымажу нечистотами.

Божество — хранитель часовни Манибхадры, слыша такие речи, подумало: «Этот советник богат, могуществен и знатен. Какого-нибудь худородного ему в сыновья не пошлешь. И поскольку моя сила невелика, не смогу выполнить его просьбу. Но если не выполнить его просьбы, то, вне всякого сомнения, он натворит гадостей».

Тогда божество — хранитель часовни обратилось с просьбой к божеству Манибхадре. Но и Манибхадра тоже был не в силах удовлетворить подобную просьбу, поэтому он пошел в обитель Вайшраваны⁶⁷ и, в свою очередь, стал просить его исполнить просьбу сановника. Но Вайшравана также подумал: «Только одной своей силой я не смогу сделать сановника обладателем сына». Он направился в обитель Индры и обратился к нему со следующей просьбой.

— Мой советник по имени Манибхадра, — сказал Вайшравана, — сообщил мне, что некий сановник из Раджагрихи⁶⁸ попросил даровать ему сына, поклявшись в случае выполнения просьбы оказать почтение и принести дары. И, наоборот, если его просьба выполнена не будет, то обещал разрушить часовню и учинить непотребство с образом божества. Поскольку он свою клятву, вне всякого сомнения, сдержит, то прошу тебя, Индра, владыка богов, сделай этого сановника обладателем сына.

— Хотя это и очень трудно, — отвечал Индра, однако сейчас есть у меня такая возможность.

В то время у сына одного из божеств, утратившего пять качеств, присущих телу богов, истекал срок жизни на небесах. И Индра сказал ему:

— Ты должен умереть. Когда же умрешь, возродись сыном сановника!

— В новом рождении я хочу пребывать в монашестве и радеть святому Учению, — отвечал тот. — Если же возродиться в знатной семье, то в монашество уйти трудно. Лучше возродиться простолюдином.

Но Индра повелел:

— Возродись в той семье. А если захочешь уйти в монашество, то я тебе помогу.

Так после своей смерти сын божества возродился в семье

сановника, в чреве его супруги, и появился на свет, обладая прекрасными формами и совершенной красотой.

Показали его предсказателю, тот посмотрел и спросил сановника:

— Каков изначальный источник обретения ребенка?

— Я выпросил его у божества реки Ганг, — отвечал тот.

И тогда предсказатель нарек мальчика именем Гангадара, или «Дар Ганга».

Когда мальчик вырос, он сказал своим родителям:

— Я прошу разрешить мне уйти в монашество.

Но родители ответили ему на это:

— Мы богаты, знатны, обладаем огромным имуществом, и все это для тебя, наш единственный сын. Ты же нашим родом связан, отца и мать в старости должен лелеять, поэтому не разрешаем тебе [принять монашество].

Юноша, очень опечаленный тем, что его желание не сбылось, подумал: «Если уничтожить это мое тело и возродиться в семье простолюдина, то будет легче получить разрешение уйти в монашество».

Так подумав, вышел он из дома и прыгнул с высокой скалы. Но хотя юноша прыгнул с высокой скалы и упал на землю, это не причинило ему ни вреда, ни ущерба. Тогда он пошел на берег большой реки и бросился в воду, но вода подняла его и осторожно вынесла на берег. Принял он сильный яд, но яд не повредил ему.

Тут юноша подумал: «Если я нарушу царский закон, то царь, может быть, казнит меня».

Как раз в то время супруга царя с прислужницами вышла из дворца и пошла в садовый пруд совершить омовение. Там они сняли с себя одежды, украшения и повесили их на дерево. Эти одежды и украшения, висевшие на дереве, увидел Гангадара, проходивший мимо. Он пробрался в сад, сунул за пазуху одежду и украшения царицы и пошел к выходу. Там его схватил привратник и доставил к царю, которого звали Аджаташатру⁶⁹.

Царь, услышав о случившемся, пришел в страшную ярость. Он схватил стрелы и лук и собственноручно послал стрелу в юношу. Но выпущенная стрела не достигла юноши. Она повернула назад и упала у ног царя. Когда так случилось трижды, царь испугался, отбросил лук и спросил юношу:

— Кто ты? Божество или нага? Прета или якша?

Юноша ответил:

— У меня есть одна просьба; если исполнишь ее, то все подробно расскажу.

— Да будет так, — согласился царь.

Тогда юноша сказал:

— Я не божество и не нага, а сын сановника из Раджагрихи. Я хотел уйти в монашество, но родители не разрешили. Я подумал: «Покончу с собой, чтобы из этого моего тела переродиться в другое». Но хотя я прыгал с высокой скалы, бросался в реку, принимал сильный яд, умереть все равно не смог. И опять подумал: «Если я нарушу царский закон, то непременно найду смерть». Но хотя ты, царь, и хотел меня умертвить, но и тебе это не удалось. Сейчас, когда все так случилось, я взываю к царскому милосердию и прошу разрешить мне уйти в монашество.

— Разрешаю тебе уйти в монашество, — сказал царь.

Затем он вместе с юношей пришел к Победоносному и подробно рассказал обо всем случившемся.

Победоносный также разрешил юноше вступить в монашество и приказал ему облачиться в духовное платье, после чего тот и стал монахом. Затем Победоносный преподавал ему должные наставления в Учении, и мысли его освободились от влияния клеш, после чего стал он архатом, обладающим тремя ведениями⁷⁰, шестью трансцендентными способностями⁷¹, восьмью формами освобождения⁷².

Тогда царь Аджаташатру спросил Победоносного:

— О Победоносный! Что за благую основу заложил некогда этот юноша, если сейчас он со скалы прыгнул и не умер, в реку бросился и беды с ним не случилось, сильный яд принял и жив остался, даже стрела и та не могла поразить его, а когда встретился с Победоносным, то освободился от круговращения в сансаре?

И Победоносный поведал царю следующее.

Давным-давно, бесчисленное количество калп назад, в стране Варанаси был царь по имени Брахмадатта. Как-то раз супруга царя вместе с дворцовыми прислужницами пошла в сад позабавиться музыкой и пением.

Когда дворцовые служанки пели в саду песни, то царь услышал, как один человек из-за ограды громким голосом подтянул им. Услышав это, царь пришел в ярость и приказал:

— Схватите того человека и казните.

В то время один советник, возвращавшийся во дворец, увидел, как царские слуги хватают человека, и спросил их:

— За какое преступление вы схватили этого человека?

Те подробно все объяснили, и советник обратился к ним со словами:

— Подождите, не казните его. Я пойду попрошу царя.

Советник пришел во дворец и обратился к царю со следующей просьбой:

— Человек, которого вели на смерть, не совершил поступка, заслуживающего казни. Пусть он даже и подтянул песню, но своего тела не явил, а поспешность его неучтивых легких вреда царице не принесла. Поэтому, царь, яви к нему свое милосердие и помилуй его. Так будет справедливее!

И царь распорядился:

— Отставить казнь!

Человека того не казнили, а сделали рабом советника. Прошло много лет, и этот человек как-то раз подумал: «Страсти ранят сильнее меча. Столь жалкое мое состояние также является результатом страстей». И он попросил советника:

— Разреши мне уйти в монашество и тем стать на путь спасения.

Советник сказал:

— Если ты желаешь стать на путь спасения, то я не стану мешать. Но когда обретешь спасение, то возвращайся и наведи меня.

После этого тот человек удалился в пустынь и там, с великим рвением сосредоточив свои помыслы на освобождении от мирских страданий, стал пратьекабуддой⁷³.

Став пратьекабуддой, он вновь вернулся в город и пришел к тому великому советнику. Великий советник очень обрадовался, преподнес ему милостыню и щедро одарил всем необходимым для жизни.

Тогда пратьекабудда, поднявшись в небеса, излил из тела воду, изверг огонь, испустил сияющие лучи, показав подобным образом все восемнадцать магических превращений.

Великий советник, видя это, безмерно обрадовался и произнес следующее моление: «Поскольку этот человек моим благодеянием сохранил жизнь, то да буду я в любом рождении знатен, богат и долгоживущ. Да превзойду я других в сто, в тысячу раз. Да сравнюсь я мудростью и благими заслугами с этим человеком!»

И объяснил Победоносный царю:

— Советник того времени, обретший благой плод спасением жизни человека, суть этот юноша. В силу и в результате причины этой, где бы он ни рождался, его жизнь не могла оборваться. Сейчас же, со мной встретившись, он обрел высший духовный плод*.

* Т. е. стал архатом.

И все многочисленные окружающие возрадовались рассказу Победоносного.

Глава седьмая

О ДОРЧЖЕ — ДОЧЕРИ ЦАРЯ ПРАСЕНАДЖИТА⁷⁴

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шравасты, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время у главной супруги царя, носившего имя Прасенаджит, родилась дочь. Девочка, нареченная Дорчже, была чрезвычайно безобразна лицом и телом, с кожей грубой и твердой, как высохшая шкура тигра, с волосами жесткими, как лошадиная грива.

Царь, опечаленный уродством дочери, распорядился держать ее во внутренних покоях дворца, там, где никто не мог бы увидеть ребенка. Поэтому безобразная девочка, рожденная главной супругой царя, росла так, что никто и не знал о ее безобразии.

Когда царская дочь выросла и пришло время отдавать ее замуж, озабоченный царь приказал одному своему советнику:

— Найди и приведи ко мне холостяка, человека бедного, не обладающего никаким достоянием, но принадлежащего к боковой ветви какого-нибудь знатнейшего рода.

В соответствии с распоряжением царя советник нашел одного холостяка, юношу очень бедного, но принадлежащего к боковой ветви знатнейшего рода, и привел его во дворец. Царь уединился с юношей в одно укромное место, где не было людей, и сказал:

— У меня есть дочь. Она очень безобразна, и жениха для нее не найти. Ты знатного рода, однако очень беден. Отдаю ее тебе в жены, бери!

Юноша преклонил колени и сказал:

— Царь, я поступлю согласно твоему приказу. Если бы великий царь дал мне в жены суку, и то я бы взял. А уж если дает дочь, плоть от плоти своей, то, что и говорить, с радостью возьму ее в жены.

Отдал царь свою дочь в жены этому бедному юноше и устроил для них жилье со всем необходимым. Это жилье запиралось на семь дверей, следующих одна за другой. Царь при этом строго-настрого наказал зятю:

— Когда ты будешь куда-либо уходить, то сам запирай двери, а ключ бери с собой. Смотри, двери замыкай крепко-

накрепко, так, чтобы никто из посторонних ни в коем случае не мог увидеть мою безобразную дочь.

Царь щедро наделил своего зятя богатством, а также другим имуществом и возвел его в ранг советника.

Поскольку юноша стал обладателем драгоценностей и богатства, то как-то раз вместе с другими знатными людьми он принял участие в одном пиршестве. На этом пиршестве собрались и веселились супружеские пары и даже их дети. Все пришли с женами, только один новый советник пришел без жены. Поэтому сотрапезники в недоумении подумали: «Или жена этого человека очень красива и привлекательна, так что ее опасно показывать другим, или же она настолько безобразна, что с ней стыдно появляться, и поэтому он пришел один». Тут все единодушно сговорились выяснить, какова же внешность жены советника. Напив его до бесчувствия, они выкрали у юноши ключ и отрядили пять человек пойти взглянуть на его жену.

Тем временем жена советника сидела в одиночестве и печально думала: «Что за грех совершила я в прежнем рождении, если муж меня ненавидит, держит в темной каморке, так что даже на солнце и на луну не взглянешь, постороннего человека не увидишь. Говорят, что в мире пребывает Будда Победоносный, дающий защиту и прибежище всем страдающим живым существам, освобождающий их от мук сансары. Если это так, то я издалека почтительно приветствую Победоносного. Вспомни обо мне в милосердии своем, приди ко мне таков, как ты есть, и яви мне воочию частицу свою».

Победоносный, зная чистоту и уважительность помыслов царской дочери, явился к ней в дом и воочию явил ей один из своих телесных признаков — хохолок на макушке, отливающий лазурью.

Царская дочь, увидя лазурную главу Победоносного, преисполнилась необычайной радости, и мысли ее полностью очистились. А так как мысли ее очистились, то и волосы у Дордже стали отменно мягкими и приобрели лазурный цвет. Явил тогда ей Победоносный воочию свой лик, и царская дочь узрела его. Узрев, она преисполнилась радости, и ее лицо также стало чарующе прекрасным, а бывшее его безобразие исчезло.

А когда явил Победоносный воочию верхнюю часть своего тела и увидала царская дочь сияние золотистых лучей, то возрадовалась она Будде еще более. От такой радости исчезло ее безобразие, стала она красива и привлекательна, как дочь богини, равной которой нет на земле.

Из сострадания к той девушке явил Будда целиком свое тело. Смотрела на него царская дочь не закрывая глаз, переполнившись радостью более, чем прежде, и ее телесный облик приобрел такую красоту, что в мире ей не стало равных, а последние остатки безобразия исчезли без следа. Затем Победоносный надлежащим образом преподал ей Учение, после чего она освободилась от всех прегрешений и обрела благой плод вступления в поток, а Победоносный удалился.

Не успел Победоносный удалиться, как пятеро людей открыли дверь и, войдя в комнату, увидели, что жена советника красива и восхитительна и нет ей подобных.

— Жена этого человека красива и восхитительна, — сказали они один другому, — поэтому-то он и не привел ее.

Посмотрев на женщину, они вышли, заперли дверь и, возвратившись, вернули ключ тому человеку, не разбужив его.

Когда муж царской дочери протрезвел, он, как и все другие, вернулся домой. Увидав там свою жену, превратившуюся в редкостно красивую и на диво сложенную женщину, он обрадовался и спросил ее:

— Кто ты?

— Я твоя жена, — ответила та.

— Ты ведь была так безобразна! Как же стала ты такой восхитительно красивой? — спросил опять муж.

— После того как я увидела Будду, мое тело стало таким, — ответила жена и все подробно поведала мужу.

Затем она сказала:

— Сейчас мне очень хочется встретиться с царем-отцом. Прошу тебя, иди и передай царю мои слова.

Когда муж Дорчже передал царю, что его дочь хочет встречи с ним, тот сказал зятю:

— Не говори мне об этом, а побыстрее возвращайся да крепче запри ее, чтобы она не могла выйти.

Зять опять стал говорить царю, что его дочь благословением милосердия Победоносного стала, подобно богине, восхитительно прекрасной.

Тогда царь сказал зятю:

— Если ты говоришь правду и все это действительно так, то иди и быстрее приведи мою дочь во дворец!

Он приказал украсить колесницу и послал ее за дочерью.

Увидев, сколь восхитительно прекрасна стала его дочь, царь преисполнился радости и вместе с царицей, зятем и дочерью направился туда, где пребывал Победоносный. Там они почтительно поприветствовали Будду и расположились по од-

ну сторону от него. Затем царь Прасенаджит, преклонив правое колено, спросил Победоносного:

— За какие благие заслуги в прошлом эта моя дочь родилась в роду знатном и высоком, владеющем многочисленным имуществом и богатством? И за какие греховные деяния получила она столь безобразный облик, кожу и волосы, как у скотины?

И сказал царю Победоносный:

— Восхитительная красота облика дочери великого царя, равно как и ее безобразие, обусловлены благими заслугами и греховными деяниями ее прошлых рождений. Давным-давно в стране Варанаси был один домохозяин, обладавший несметными богатствами. Этот домохозяин все, что было у него в семье, подносил некоему пратьекабудде. Чело того пратьекабудды было очень грубое, безобразное и иссохшее. Дочь домохозяина, видя ежедневно приходящего к ним пратьекабудду, недостойно помыслив о нем, с презрением сказала: «Как отвратителен этот своим безобразным обликом и своей грубой кожей» — и тем самым совершила грех. Пратьекабудда постоянно ходил в дом того домохозяина и принимал жертвоприношения до тех пор, пока спустя длительное время не подумал о переходе в нирвану. Тогда, чтобы явить признательность своему милостынеподателю, поднялся он в верхнее небо, изверг из чела огонь и излил воду; сделавшись невидимым на западе, появлялся на востоке; сделавшись невидимым на западе, появлялся на востоке; когда был невидим на юге, появлялся на севере; будучи невидим на севере, появлялся на юге. Он показал лежание и сидение в небесной пустоте, а также различные магические превращения, сподобив всех домохладцев того домохозяина быть очевидцами этих превращений.

Затем он спустился с небес и пришел к домохозяину, который чрезвычайно обрадовался его появлению. Дочь же домохозяина, полная раскаяния, обратилась к пратьекабудде со следующими словами:

— Я чистосердечно раскаиваюсь в своем непотребном грехе. Прошу, пусть мое раскаяние зачтется во искупление моего греха.

— Да зачтется тебе твое раскаяние, — произнес в ответ пратьекабудда.

Затем Победоносный сказал:

— Великий царь! Та девушка — это и есть нынешняя царская дочь. От неблагой мысли и прегрешения презрительным словом против благородного пратьекабудды с того времени и всегда она была обречена на безобразное тело. Раскаившись

после видения магических превращений, она обрела в дальнейшем восхитительно прекрасный облик и светлый разум. Поскольку свершались жертвоприношения пратьекабудде, то всегда и везде она возрождалась в роду знатном и богатом и в конце концов достигла полного освобождения. Поэтому, о великий царь, все относящиеся к роду живых [людей] должны очень беречься прегрешения телом и словом, не оскорблять и не бесчестить других.

Царь Прасенаджит со свитой, а также все окружающие, выслушав проповедь Будды о [воздаянии, которое влекут] полностью созревшие плоды [деяний], стали в силу этого обладать верой, основанной на полностью очищенной мысли. От такого очищения мысли некоторые из них обрели духовные плоды от первого до четвертого⁷⁵, некоторые породили помысел о наивысшем духовном пробуждении⁷⁶, некоторые стали пребывать на стадии анагаминов. И все чрезвычайно возрадовались сказанному Победоносным.

Глава восьмая

О МАЛЬЧИКЕ ПО ИМЕНИ «ЗОЛОТОЕ БОГАТСТВО»

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада, в окружении монашеской общины. В то время в том городе жена одного домохозяина родила мальчика, которого называли Серъиг, или «Золотое богатство». Был тот мальчик прекрасно сложен и столь восхитительно красив, что в мире не было равных ему.

В результате прежних деяний младенец появился на свет с ручками, сжатыми в кулачки. Родители мальчика очень удивились. «Это счастливая примета», — подумали они, а когда разжали кулачки и посмотрели, то на каждой ладони ребенка оказалось по золотой монете. Родители очень обрадовались и взяли золотые монеты, но на месте взятых монет появились новые, а затем еще и еще. Так родители и кладовую наполнили золотыми монетами, взятыми с ладоней ребенка, но монеты в руках мальчика все не иссякали.

Когда ребенок подрос, он сказал родителям:

— Разрешите мне вступить в монашество.

На это родители ответили:

— Поступай согласно своему желанию.

Тогда мальчик Серьиг пришел к месту пребывания Победоносного, приветствовал его земным поклоном и высказал следующую просьбу:

— О Победоносный, яви мне милосердие свое, стань моим наставником и разреши мне вступить в монашество.

На это Победоносный отвечал:

— Юноша Серьиг, разрешаю тебе вступление в монашество.

Получив разрешение Победоносного, Серьиг сбрил волосы, облачился в монашеское одеяние и предался благой монашеской жизни. Когда же прошло установленное число лет, Серьиг, приняв решение вступить в монашескую общину, обратился к членам общины с просьбой о посвящении. Когда он в соответствии с чином совершал преклонения перед членами посвящающей общины, то там, где он касался руками земли, каждый раз оставалась золотая монета. Таким образом все, перед кем он совершал поклон, стали обладателями золотых монет.

Приняв посвящение, юноша усердно предавался созерцанию и стал архатом.

Тогда Ананда, обратившись к Победоносному, сказал:

— О Победоносный, за какие благие заслуги в прошлом этот монах Серьиг от рождения и вплоть до настоящего времени обладает золотыми монетами? Да соблагоизволит Победоносный поведать мне об этом.

И Победоносный сказал Ананде:

— Я поведаю, а ты слушай внимательно и крепко запоминай.

— Именно так и буду слушать, — отвечал на это Ананда.

И Победоносный рассказал следующее.

Давным-давно, девяносто одну калпу назад, будда Канакамуни⁷⁷, придя в мир, святым Учением сотворил живым существам столько благих дел, что их не пересказать и не перечислить. Тот будда в сопровождении монашеской общины ходил по стране, а высокородные и богатые домохозяева приглашали его на различные угощения, приносили жертвы ему и благородной монашеской общине.

В то время жил один бедный человек, не имевший никакого достояния. Он занимался тем, что ходил в горы, собирал хворост и продавал его.

Как-то раз этот бедняк, получив за проданный хворост две медные монеты, увидел будду, направляющегося в сопровождении монашеской общины в царский дворец на угощение. Бедняк очень обрадовался и преподнес будде и его общине

две медные монеты, а будда в милосердии своем принял эти монеты.

И тут сказал Победоносный Ананде:

— Бедняк, который в то время преподнес будде и монашеской общине две монеты, на протяжении девятиста одной калпы постоянно возрождался с золотыми монетами в руках, и никогда не истощались его богатства, драгоценности и жизненные блага. Бедняк того времени и есть нынешний монах Серьиг. И хотя этот человек сразу плода архатства не обрел, однако для будущего были бесчисленны созревшие плоды его благой заслуги. И поэтому-то, Ананда, все живые существа должны усердствовать в делах даяний. Ананда и все многочисленные окружающие, выслушав поучение Будды, исполнились почтения и веры. Некоторые в силу этого обрели духовный плод вхождения в поток, некоторые обрели благо одного возвращения⁷⁸, невозвращения или архатства; некоторые же породили помыслы о наивысшем духовном пробуждении, а некоторые стали пребывать на стадии анагаминов. И все окружающие воистину радовались рассказу Будды.

Глава девятая

О ЮНОШЕ ПО ИМЕНИ ХЛАМЕДОК, ИЛИ «БОЖЕСТВЕННЫЙ ЦВЕТOK»

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада, в окружении монашеской общины. В то время жена одного высокородного и знатного домохозяина родила сына прекрасного телосложения и очень красивой внешности. В момент рождения ребенка с небес дождем выпали райские цветы, заполнившие весь дом, и поэтому мальчик получил имя Хламедок, или «Божественный цветок».

Когда мальчик вырос, он направился к месту пребывания Будды. Придя туда и увидев, сколь бесподобно прекрасны тело Будды, его цвет и его телесные признаки, он преисполнился радости и подумал: «Пусть я родился в этом мире, но, встретившись с Главой благородных*, я приглашу на угощение Будду и его достойную монашескую общину». Подумав так, он сказал Будде:

* Традиционный эпитет, прилагаемый к Будде.

— Завтра утром в моем доме будет приготовлено скромное угощение. Сдоблаговолит ли Победоносный прибыть со своей достойной общиной?

И, зная чистоту его помыслов, Победоносный согласился прийти.

После этого Хламедок вернулся домой, чтобы подготовиться к завтрашнему приходу Будды и его общины. В красивом молитвенном помещении своего дома он чудесным образом сотворил множество сидений, богато убрал их и пригласил Будду и членов монашеской общины рассаживаться в должном порядке на этих сиденьях. И как только подумал Хламедок о наделении приглашенных различными яствами, то в силу его прежней благой заслуги, согласно мыслям его, эти яства появились сами собой, и он совершил подношения пищей Будде и его общине.

После этого Будда взял патру и обстоятельно изложил Хламедоку много положений святого Учения, в результате чего все домашние этого юноши обрели духовный плод вступления в поток.

Некоторое время спустя Хламедок попросил своих родителей позволения уйти в монашество и стать учеником Будды, на что родители дали ему свое согласие.

Тогда юноша пошел к месту пребывания Будды. Придя туда, он приветствовал Будду, коснувшись головой его ступней, и изъявил желание вступить в монашество, чтобы сподобиться Учения Будды.

— Приди во благе, монах, — сказал Будда, и волосы на голове и лице юноши сами собой сбрились, а тело оказалось одетым в желто-оранжевое монашеское одеяние. Неутомимо следуя наставлениям Будды, он вскоре достиг архатства.

Тогда Ананда, видя подобное, пришел к Будде и, преклонив колени, сказал:

— Что за благую заслугу обрел в прошлом этот монах Хламедок, если его рождению сопутствовало выпадение цветов из обители богов, а сам он мог по своему желанию творить драгоценные сиденья и разнообразные яства? Объясни мне это, Победоносный.

— Если хочешь слушать, слушай внимательно, — сказал Победоносный Ананде и рассказал следующую историю.

Давным-давно будда Канакамуни, явившись в мир, щедро творил благо живым существам. Он ходил с многочисленной монашеской общиной по населенным местам, а знатные и высокогородные домохозяева совершали ему пожертвования. В то время один бедный человек, не имевший никакого достояния,

но испытывавший чувство великой любви к монашеской общине, подумал: «У меня совершенно ничего нет для пожертвования». Тогда он набрал на лугах и лужайках разнообразных цветов и, рассыпав их перед монашеской общиной, от всего сердца совершил поклонение, после чего удалился.

— Бедняк того периода, который рассыпал цветы перед общиной монахов, — сказал Победоносный Ананде, — и есть монах Хламедок.

И вот, когда таким образом в давно прошедшие времена этот бедняк в силу чистосердечной веры собрал цветы и рассыпал их перед монашеской общиной, то в силу произнесенного им моления он в течение девяноста одной калпы, где бы ни рождался, обладал прекрасным телосложением и такой красивой внешностью, что глаз не оторвешь. И о чем бы он ни подумал: о еде, о напитках, сиденьях — все являлось по его желанию. И эта благая заслуга оказывала свое действие вплоть до обретения плода полного освобождения*. И поэтому, Ананда, все живые существа не должны пренебрегать малым деянием и думать, что оно не породит благую заслугу. Нет, подобно Хламедоку, они создадут и обретут ее!

И все многочисленные окружающие воистину возрадовались поучению Победоносного.

Глава десятая

О ЮНОШЕ ПО ИМЕНИ ХЛЭРИНЦЕН, ИЛИ «БОЖЕСТВЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ»

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время некая жена одного домохозяина родила сына. При рождении ребенка с неба дождем выпали семь видов драгоценностей⁷⁹, наполнив жилище его родителей. Приглашенный предсказатель, осмотрев приметы мальчика, заявил домохозяину:

— Приметы ребенка чрезвычайно благоприятные.

Домохозяин очень обрадовался и попросил предсказателя дать имя сыну.

— Какие знамения сопутствовали рождению ребенка? — спросил предсказатель.

— При его рождении, — отвечал домохозяин, — с неба

* Т. е. до обретения архатства.

дождем выпали, наполнив весь дом, семь видов прекрасных драгоценностей.

Тогда предсказатель, нарекая мальчика в соответствии с приметами его благой заслуги, назвал ребенка Хлэринцен, или «Божественная драгоценность».

Когда мальчик вырос, то, будучи прилежным в учении, стал многознающим и искусным умельцем, равного которому не было. Приверженный к монашескому состоянию, юноша распрощался с родителями и пошел туда, где пребывал Будда. Он поклонился Будде в ноги и сказал Победоносному:

— Победоносный, я хочу вступить в монашество.

— Приди во благо, монах, — отвечал Победоносный.

И тут волосы на голове и лице юноши сбрились сами собой, а тело оказалось одетым в монашеское облачение. Когда же Победоносный преподавал Хлэринцену святое Учение, то он стал архатом.

Тогда Ананда спросил Победоносного:

— О Победоносный! За какую благоую заслугу этого монаха Хлэринцена в прошлом его рождению сопутствовал дождь выпавших с неба драгоценностей, а его одежда и еда всегда появлялись сами собой?

И Победоносный рассказал в ответ.

В давно прошедшие времена в мир явился будда Кашьяпа, и сделал он в мире столько благих дел для живых существ, что и не пересказать. Будда ходил вместе со своей многочисленной общиной по городам и поселкам, а все домохозяева, обитавшие там, приглашали монашескую общину на угощение и творили разнообразные пожертвования. Один бедный человек, исполненный веры, желал совершить благое даяние, но, не обладая никаким имуществом для пожертвования, взял горсть белых камешков в качестве драгоценностей, творящих карму, и рассыпал их перед общиной монахов, произнеся при этом великое моление.

— Тот бедняк, — сказал Победоносный Ананде, — рассыпавший горсть камешков-«драгоценностей» перед монашеской общиной, и есть этот монах Хлэринцен. В прошлые времена, движимый чистосердечной верой, он только горсть белых камешков как горсть драгоценностей рассыпал перед общиной монахов, а обрел этим столь великую благоую заслугу, что на протяжении девяноста одной калпы у него драгоценности, одежда и еда появлялись сами собой и не было ни в чем недостатка. В настоящее время, столкнувшись с моим приходом в мир, только в силу чистосердечной веры он обрел благой плод полного освобождения.

И тогда многочисленные окружающие, выслушав поучение Победоносного, утвердились в чистосердечной вере. Некоторые обрели духовные плоды от первого до четвертого, у некоторых же родились помыслы о нахождении на стадии анагаминов.

И все многочисленные окружающие воистину возрадовались словам Победоносного.

Глава одиннадцатая

О ТЕРПЕНИИ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в роще Венувана, где обитали птички календаки. Вскоре после обретения Победоносным буддства первыми вступили в его общину и стали монахами пять человек во главе с Каундиньей⁸⁰. За ними еще тысяча человек во главе с Надикашьяпой, или Кашьяпой с реки⁸¹, вместе с братьями также вступили в общину и стали монахами. В дальнейшем кроме них приняли монашество и стали пребывать в Дхарме множество других людей.

Обитатели Раджагрихи, преисполнившись великой радости, возносили хвалу, говоря:

— Приход Татхагаты в мир — великая редкость, многим живым существам принесет он благо.

И они также говорили:

— Каундинья вместе с Надикашьяпой и его окружением, первыми вступившие в монашество, уже прежде * во всех благих делах были заодно с Татхагатой, поэтому они первыми из всех и нектар Учения отведали.

Монахи, услышав подобные речи, подробно пересказали их Победоносному, на что Победоносный промолвил:

— В давно прошедшие времена я ради этих монахов дал великий обет: «Когда обрету буддство, то в первую очередь этим монахам сотворю благо».

Монахи, слыша такие слова, стали просить, взывая к милосердию Победоносного, обстоятельно поведать им о том, что за обет дал Победоносный.

— Слушайте внимательно и хорошенько запоминайте, — сказал им Победоносный, — а я вам расскажу.

И рассказал следующую историю.

* Т. е. в прежних рождениях.

Давным-давно, столько калп назад, что измерить их, считать или исчислить, умом окинуть или словами объяснить невозможно, в стране Варанаси жил царь по имени Цзэцюн, или «Сварливый». В той стране был риши, которого звали Сёбацзен, или «Терпеливый». Этот риши вместе со своими учениками числом в пятьсот человек жил в горной местности, упражняясь в терпении.

Как-то раз царь вместе с женами, наложницами и советниками отправился в горы на прогулку. Местность располагала к отдыху, и царь заснул, а жены и наложницы пошли дальше посмотреть лес, полюбоваться цветами. Шли они шли и увидели риши по имени Терпеливый, который сидел выпрямившись, погруженный в мысли. Вид риши вызвал у женщин помыслы о вере. Рассыпав около него различные цветы, они уселись перед риши и стали внимать словам Учения.

Царь, пробудившись ото сна, не обнаружил около себя своих жен и вместе с четырьмя советниками отправился на розыски. Увидев жен, сидевших перед риши, царь спросил его:

— Обрел ли ты четыре беспредельные самадхи ⁸²?

— Нет, — прозвучало в ответ.

— Обрел ли ты четыре безмерных качества ⁸³? — задал царь новый вопрос.

— Нет, — сказал риши.

— Но в таком случае обрел ли ты четыре дхьяны ⁸⁴? — спросил царь.

— Нет, также не обрел, — ответил царю Терпеливый.

Тут царь пришел в ярость и гневно произнес:

— Если ты не обрел этих добродетелей, то ты — заурядный простолудин! Как можно верить пребывающему с женщинами в столь уединенном месте? Кто ты, постоянно здесь пребывающий? Чем ты занимаешься?

— Я упражняюсь в терпении, — последовал ответ.

Тогда царь выхватил свой меч и со словами: «Если ты говоришь, что упражняешься в терпении, то проверим, терпелив ли ты на самом деле» — отрубил риши обе руки и снова спросил:

— Кто ты?

— Я — Терпеливый, — отвечал риши.

Тогда царь отсек ему обе ноги, но ответ был прежним:

— Я — Терпеливый.

Тут на шесть ладов содрогнулась земля и пятьсот учеников риши, летавшие по небу, спустились к своему наставнику и спросили его:

— Перенеся такие мучения, не ослаб ли ты в терпении?

— Нет, не ослаб, — отвечал им риши.

Царь же, перепугавшись, сказал риши:

— Как можно было поверить, что ты посвятил себя терпению?

— В моих словах нет лжи, — возразил царю Терпеливый, — и если они правдивы, то пусть силой их правды кровь превратится в молоко, а отсеченные конечности прирастут и станут как прежде.

И тут же кровь превратилась в молоко, а отрезанные конечности прижились и стали как прежде.

Царь же, убедившись, какой силой терпения обладает риши, испугался еще больше и взмолился:

— Зачем я великому риши такие страдания причинил! Подумай обо мне в милосердии своем и зачти мое раскаяние в прощение мне.

И сказал на это царю Терпеливый:

— Ты поднял оружие из-за женщин, и хотя отсекаю мне конечности, но терпение мое подобно земле. И когда в силу этого я обрету буддство, то мечом запредельной мудрости отсеку три твоих яда⁸⁵.

Тем временем наги и боги местных гор, видя вред и ущерб, который царь причинил риши, пришли в ярость. Они собрали тучи и готовились обрушиться громом, молнией и градом, чтобы умертвить царя со свитой.

Но риши сказал им:

— Ради меня не причиняйте ему ни зла, ни ущерба.

Тот царь, получив прощение риши, стал постоянно приглашать его к себе во дворец и делать ему разные пожертвования.

Странствующие брахманы, чтившие другого наставника, видя, что царь верит риши Терпеливому и чтит его, воспылали завистью. Из укромных мест они бросали в риши грязь и нечистоты.

И вот тысяча странствующих брахманов, которые в то время забрасывали меня грязью, и есть тысяча нынешних монахов во главе с Надикашьяпой. В то время я принес обет: когда в силу непрерывного упражнения в терпении обрету буддство, то нектаром Учения омою их пыль и грязь, полностью очищу их от нечистых страстей.

— Монахи! Если вы хотите знать, кто был риши Терпеливый того времени, то не думайте ни на кого другого. Этим риши был я сам. Царь по имени Сварливый и четыре советника — это нынешние пять монахов во главе с Каундинья. Поскольку в то время я принес обет, по которому результат уп-

ражнения в терпении * я прежде всего употребляю для их блага, то, обретя буддство, я в первую очередь полностью спас этих монахов от страданий сансары.

Все монахи с удовольствием и радостью выслушали слова Победоносного.

Глава двенадцатая

О ДЕЯНИИ ЦАРЯ ПО ИМЕНИ МАЙТРИБАЛА

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Как-то раз Ананда, собрав подаяние, находился в роще в состоянии йогического транса, и его одолели такие мысли: «Появление Победоносного в этом мире — событие поистине чудесное. Оно открывает множеству живых существ путь к высшему благу. Но в силу каких духовных заслуг пять монахов во главе с Каундинья, как только открылись врата Учения, сразу же смогли вступить в них? Как только загремел барабан Учения, сразу же услышали его? Первыми насытились нектаром Учения?»

С этими мыслями он встал и пришел туда, где находился Победоносный. Ананда изложил Победоносному свои думы, и тот сказал ему в ответ:

— Каундинью и его сотоварищей-монахов я в давно прошедшие времена накормил своим мясом и напоил своей кровью до полного удовлетворения. В этом — причина, а следствие ее в том, что, став буддой, я их первых спас от мук сансары.

Тогда достопочтенный Ананда обратился к Победоносному со следующей просьбой:

— Поведай мне в назидание, как в давно прошедшие времена ты накормил и напоил этих монахов до полного удовлетворения.

И рассказал Победоносный следующее.

Давным-давно, бесчисленное количество калп назад, здесь, в Джамбудвипе, жил царь по имени Майтрибала, или «Сила доброты», которому подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. Было у того царя двадцать тысяч жен и десять тысяч советников. Добрый и милосердный, царь Май-

* Т. е. буддство.

трибала, упражняя четыре безмерных качества, заботился о всех живых существах и царил в соответствии с десятью правилами нравственного поведения. Поэтому все чтили его. Не было у той страны никаких врагов, ежегодно созревали на полях хорошие урожаи, повсеместно царили мир и благоденствие.

Все жители страны строго соблюдали десять правил нравственного поведения и не грешили ни телом, ни речью, ни помыслом. Поэтому злые духи, насылающие эпидемии, питавшиеся кровью и здоровьем людей, — эти зловредные духи не могли больше найти себе пищи и все оказались поверженными и обессиленными.

Тогда пять якшей пришли к царю и сказали ему следующее:

— Мы питаемся здоровьем и кровью людей и тем поддерживаем тела и жизни наши. Повелением царя все люди сейчас блюдают десять правил нравственного поведения, а поэтому мы не можем найти себе ни еды, ни питья, совсем обессилели, и жизням нашим приходит конец. Не смилостивится ли царь над нами?

Тогда царь из милосердия к ним вскрыл вены на конечностях своего тела и разрешил якшам досыта напиться своей крови. И, насытившись его кровью, якши были рады безмерно.

И вот, насытившись кровью, якши стали уговаривать того царя:

— Практикуй десять правил нравственного поведения сколько достанет сил.

— Подобно тому как сейчас я из этого тела пустил кровь и насытил вас до полного удовольствия, — сказал им на это царь, — в будущем, став буддой, я нравственным поведением, соответствующим телу Дхармы⁸⁶, практикой самадхи и высшей мудростью очищу вас от трех ядов, избавлю от страданий, истекающих из страстей, и помещу в благодатную нирвану.

— Ананда, — произнес Победоносный, — тот царь по имени Майтрибала — это ныне я. Пять якшей суть пять монахов во главе с Каундинья. Я произнес тогда моление, что, где бы ни родился, их стану спасать в первую очередь. Поэтому, как только я начал проповедовать Учение, полностью освободил их от мук сансары.

Достопочтенный Ананда и многочисленные окружающие с удовольствием и радостью выслушали слова Будды.

РАЗДЕЛ III

Глава тринадцатая

О ПОСРАМЛЕНИИ ШЕСТИ УЧИТЕЛЕЙ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в роще Венувана, где обитали птички календаки. Вместе с ним находилась многочисленная община, состоявшая из тринадцати с половиной сотен монахов высокого ранга.

В то время царь Бимбисара⁸⁷, обретший первый духовный плод, еще более, чем прежде, утвердился в помыслах о вере и о почитании монашества дарами. Поэтому он постоянно подносил Победоносному и монашеской общине четыре рода приношений⁸⁸, отчего множество людей также прониклись любовью к подобным доброжелательным поступкам.

Жили в той местности шестеро учителей⁸⁹ во главе с учителем по имени Пурана Кашьяпа. Учители эти, злонамеренно излагая окружающим ложные воззрения, завлекли множество людей и сделали их последователями своих дурных взглядов. Поэтому ширилось и множилось число греховных сект.

Даже младший брат царя, поверив этим шести учителям, стал придерживаться их ложных воззрений. Он и Путь спасения* перестал почитать за таковой, и свое имущество жертвовал этим учителям. Когда же Будда Победоносный, явив себя, подобно солнцу, запредельной мудростью все кругом озарил, то у младшего брата царя, ослепленного ложными воззрениями, не возникло и мысли почитать Победоносного.

Напрасно царь Бимбисара, исполненный любви к своему брату, неоднократно уговаривал его почитать Будду, тот, отверженный ложным воззрением, не выполнял повелений царя. Еще и еще раз увещевал своего младшего брата царь Бимбисара, говоря:

— Соверши пожертвование Будде.

— У меня есть учителя, — отвечал тот, — поэтому мне нет нужды оказывать почести Гаутаме⁹⁰.

Однако все же нельзя было нарушать распоряжений царя, поэтому его младший брат решил устроить большую жертвенную раздачу пищи духовным лицам, объявив при этом:

* Имеется в виду Путь спасения, который указывал Будда Шакьямуни.

— Жертвенную еду будут получать пришедшие без приглашения.

Когда же все было подготовлено для жертвенной раздачи пищи и расставлены сиденья, он послал пригласить шестерых учителей. Те сразу же пришли и заняли места во главе стола.

Поскольку Будда и монашеская община без приглашения не явились, то милостынедатель* пошел к царю и сказал:

— Ты не раз повелевал мне пригласить на угощение Гаутаму. Я устроил жертвенную раздачу пищи, но наступил полдень**, а Гаутама не пришел!

Тогда правитель сказал:

— Если ты сам не можешь пойти и пригласить его, то пошли кого-нибудь с приглашением, и пусть этот человек скажет Будде, что полдень уже наступил.

Когда младший брат правителя послал приглашение, то Победоносный явился вместе с благородной монашеской общиной, и они заняли следующие по порядку сиденья [после учителей]. Но тут силой благословения Победоносного шестеро учителей, восседавших на сиденьях во главе стола, оказались на сиденьях в конце стола. Пристыженные, они, однако, поднялись и пересели на верхние сиденья, но тут же сами собой очутились на нижних сиденьях. Так повторялось трижды: они пересаживались во главу стола и неизменно оказывались в его конце, пока не устали и не остались сидеть там, сгорая со стыда.

Милостынедатель поднес воду для омовения рук сидящим во главе стола. Но Победоносный сказал:

— Сначала поднеси воду своим учителям.

Тогда милостынедатель взял сосуд с водой и поднес воду шестерым учителям. Но горлышко сосуда само собой закупорилось, и вода не потекла из него. Когда же очередь дошла до Будды, то вода потекла из сосуда, и все омыли руки.

После омовения рук милостынедатель взял блюдо с жертвенной пищей и попросил Будду произнести молитву.

— Поскольку все это устраивалось не ради меня, — сказал Победоносный милостынедателю, — то проси своих учителей произнести молитву.

Милостынедатель подошел к шестерым учителям и попросил их произнести молитву. Но тут рты всех шестерых учите-

* Т. е. устроитель жертвенной раздачи пищи, в данном случае — младший брат царя.

** Установленное время для принятия пищи буддийскими монахами.

лей так светло, что они не могли вымолвить и слова, лишь показали жёстами: «Проси Будду».

Тогда Победоносный мелодичным голосом, подобным голосу Брахмы, произнес молитву. После этого милостынедатель начал распределять жертвенные блюда среди сидящих в начале стола.

— Начни распределение пищи со своих учителей, — сказал Победоносный.

Раздатчики поднесли было блюда шестерым учителям, но яства тут же поднялись в воздух и скрылись из глаз. Когда же раздача началась с Победоносного, то яства сами собой попали в руки каждому из присутствующих.

После того как яства были розданы и Будда с монашеской общиной закончили вкушать их, все совершили полоскание рта и омовение рук, а затем снова уселись на свои места.

После этого милостынедатель попросил Будду наставить присутствующих в Учении.

И опять сказал ему Победоносный:

— Проси наставления у своих учителей.

Но у шестерых учителей снова светло рты, и они только жёстами показали: «Проси у Будды».

Тогда Победоносный заговорил чрезвычайно приятным и мелодичным голосом. Он раскрыл многочисленным окружающим философию Дхармы и произнес наставления, отчего сердца их преисполнились удовлетворения. Все, кто выслушал слова Будды, поняли их и осознали их суть. И младший брат царя Бимбисары также посмотрел чистым дхармическим глазом⁹¹ на Учение Будды.

В результате проповеди Будды одни окружающие обрели духовные плоды от первого до третьего и, вступив в монашество, очистились от скверны. Другие, породив помыслы о несравненном духовном пробуждении, в дальнейшем стали пребывать на уровне невозвращения. Каждый разобрался и понял, где истина, и все стали верить в три драгоценности и почитать их, перестали верить шестерым учителям и чтить их подношениями.

Тогда шестеро учителей в полном душевном смятении и вне себя от гнева удалились в пустынное место поразмыслить о случившемся. Тут греховный Мара подумал так: «Вот уже длительное время я стараюсь мешать шраману⁹² Гаутаме. Вплоть до сего времени не было такого подходящего случая. Но сейчас я во что бы то ни стало учиню ему помеху».

И, подумав так, греховный Мара принял облик главного учителя Пураны Кашьяпы и отправился туда, где находились

Маскарин Гошаликапутра, Санджаин Вераттикапутра, Аджита Кешакамбалин, Какуда Катьяяна, Нигрантха Джнятапутра *.

Придя к ним, он изверг огонь, излил воду, сверкнул молниями и показал другие магические превращения. Те спросили его:

— Пурана Кашьяпа, ты воистину обрел множество таких чудесных качеств?

— Да, воистину обрел, — последовал ответ.

Тут каждый из учителей подумал: «Все, кроме меня, в великой магии наставлены».

Спустя некоторое время шестеро учителей во главе с Пурана Кашьяпой сошлись в своем общинном доме для собраний и повели такие речи: «Прежде царь, сановники, брахманы, богатые домохозяева, купцы и торговые гости во имя нас совершали религиозные церемонии, оказывали нам почтение и подносили дары. Поэтому мы имели одежду, еду, места отдохновения, целебные снадобья и все необходимое. Сейчас же религиозные церемонии совершаются во имя шрамана Гаутамы, сына Шакьев, и ему оказывается почтение, а нам не предоставляют больше ни одежды, ни еды, ни мест отдохновения, ни целебных снадобий, ни прочих необходимых вещей. Поэтому давайте вступим в состязание со шраманом Гаутамой по магическим превращениям, основанным на Учении наставника людей. Если шраман Гаутама покажет одно магическое превращение из Учения наставника людей, то мы покажем два. Шраман Гаутама покажет два, мы — четыре. Шраман Гаутама — четыре, мы — восемь. Шраман Гаутама — восемь, мы — шестнадцать. Шраман Гаутама — шестнадцать, мы — тридцать два. Сколько магических превращений из Учения наставника людей ни покажет шраман Гаутама, мы покажем в два, в три раза больше подобных магических превращений из Учения наставника людей».

Затем шестеро учителей пошли к царю Бимбисаре. Придя к царю, они приветствовали его словами:

— Да сопутствуют тебе победы и долголетие! — А затем сказали: — Государь! Мы можем утверждать, что нам ведомо искусство магических превращений. Если шраман Гаутама также может утверждать, что и ему ведомо искусство магических превращений, то будет справедливо, чтобы утверждающие стороны вступили в состязание по магическим превращениям из Учения наставника людей. Мы бросаем вызов!

* Т. е. пять остальных учителей.

Рассмеялся на это царь Бимбисара и сказал:

— Глупости болтаете. Будда не имеет равного ни в своих великих совершенствах, ни в способности творить чудеса, ни в искусстве магических превращений. Сравнить вас с ним — то же самое, что сравнивать светлячок с солнцем, воду в следе от копыта — с морем, трусливую лисицу — со львом, высоту кучки кошачьего помета о высотой горы Меру. Тут-то и выявится различие между величием и ничтожеством, и вы с вашими ложными воззрениями окажетесь полными дураками.

Но шестеро учителей возразили:

— Пусть царь наперед не загадывает, истина выяснится потом. Когда потягаемся в искусстве великих магических превращений, тогда и ясно будет, во время состязания и победитель определится.

Тогда царь сказал:

— Если хотите состязаться, то я приду посмотреть. Боюсь только, что вы опозоритесь. Так что, если решитесь состязаться в магических превращениях, то имейте в виду, что я также буду наблюдать ваши магические превращения.

Шестеро учителей ответили на это:

— Через семь дней, от сего дня считая, устроим состязание в магических превращениях. Пусть чисто подметут землю на месте состязания.

С этими словами шестеро учителей покинули царя Бимбисару. Царь же направился к Победоносному и, придя к нему, сказал:

— Шестеро учителей вызывают Победоносного на состязание в магических превращениях. Я хотел воспрепятствовать этому, но не смог. Поэтому, Победоносный, прошу тебя, покажи свою чудесную магическую силу, отврати их от ложных воззрений и утверди во благе. Прошу также, позволь нам узреть, как ты будешь показывать магические превращения.

На это Победоносный сказал царю Бимбисаре:

— Я знаю время состязания. Прикажи подмести просторную площадку, где оно будет происходить.

И царь Бимбисара отдал своим многочисленным советникам следующий приказ: «Хорошенько подметите удобную, просторную площадку, поставьте львиный престол⁹³, водрузите штандарт победы и стяги с шелковыми лентами, чтобы площадка была красивой».

Все желали посмотреть в назначенные день и время состязание в искусстве магических превращений. Но тем временем Татхагата в сопровождении монашеской общины покинул Раджагриху и ушел в Вайшали⁹⁴. В Вайшали Татхагату

встретили правящий род Личчхавов и множество простого народа.

Как только люди Раджагрихи узнали, что Победоносный ушел в Вайшали, они стали обсуждать эту новость, а шестеро учителей тут же заявили:

— Мы говорили, что шраман Гаутама не может тягаться с нами в магических превращениях, но нам не верили. И вот до начала состязания он удрал в Вайшали.

Обрадовались и безмерно возгордились шестеро учителей и отправились вслед за Победоносным.

Царь же Бимбисара приказал приготовить пятьсот колесниц и необходимые дорожные припасы, а затем в окружении четырнадцати тысяч советников также последовал за Победоносным в Вайшали.

Шестеро учителей, прибыв в Вайшали, обратились к правящему роду Личчхавов со следующими словами:

— Если нам будет разрешено состязаться со шраманом Готамой в магических превращениях, то через семь дней мы будем готовы к этому состязанию.

Тогда Личчхавы пришли туда, где находился Победоносный, и сказали:

— Прибыли шестеро глупцов учителей, полагающих, что они обладают высочайшими добродетелями, и вызывают Татхагату на состязание в магических превращениях. Просим Победоносного развеять в прах их гордыню.

На это Победоносный отвечал:

— Я сам знаю время.

После этого Личчхавы и жители Вайшали устроили все необходимое для состязания, как раньше то сделал царь Бимбисара.

Но, к примеру, на завтра было назначено состязание, а сегодня Победоносный вместе с монашеской общиной ушел в Каушамби⁹⁵. Царь Каушамби, которого звали Уттраяна, вместе со своими советниками встретил и принял Татхагату.

Когда на следующий день жители Вайшали пришли поприветствовать Татхагату, то они услышали, что он ушел в Каушамби. Шестеро учителей, узнав об уходе Победоносного, возгордились еще больше и отправились вслед за ним. Личчхавы также приготовили пятьсот колесниц и вместе с семитысячной свитой, а также с царем Бимбисарой и его окружением отправились в Каушамби посмотреть на состязание в магических превращениях Будды и шестерых учителей.

Шестеро учителей, придя в Каушамби, повели перед царем Уттраяной прежние речи. Они говорили:

— Шраман Гаутама не мог нам противостоять и убежал от нас. Царь, мы просим тебя, назначь время состязания в искусстве магических превращений.

Царь Уттраяна пришел к Будде и сказал:

— Знает ли Победоносный, что шестеро учителей хотят состязаться с ним в искусстве магических превращений?

— Я сам знаю время, — отвечал на это Победоносный.

Тогда царь Уттраяна все приготовил, как ранее царь Бимбисара, но Победоносный вместе с общиной монахов ушел в страну Ватса⁹⁶. Царь Ватсы, которого звали Шунцзингла, со множеством народа также встретил и принял Победоносного.

Как только обитатели страны Каушамби узнали, что Татхагата удалился в страну Ватса, шестеро учителей также последовали за ним. Царь Уттраяна со свитой в восемьдесят тысяч человек вместе с царем Бимбисара и другими царями также отправился в страну Ватса.

Тем временем шестеро учителей обратились к царю Шунцзингла со следующими речами:

— Просим устроить нам состязание со шраманом Гаутамой в искусстве магических превращений.

Царь, как было и прежде, спросил об этом Победоносного, на что тот отвечал:

— Я сам знаю время.

Когда же царь приготовил все необходимое для состязания, Победоносный вместе с общиной монахов ушел в страну Такшашила⁹⁷. Царь страны Такшашила по имени Индравами вместе с многочисленной свитой встретил и принял Победоносного.

Тогда царь Шунцзингла вместе с пятидесятитысячной свитой в сопровождении царя Бимбисары и всех остальных отправились в страну Такшашила. Шестеро учителей также последовали туда. Придя к царю Индравами, они высокомерно и громогласно заявили:

— Устрой нам состязание со шраманом Гаутамой в искусстве магических превращений.

Царь Индравами пошел к Победоносному и передал ему это требование. Но Победоносный ответил:

— Я сам знаю время.

Тогда тот царь приготовил все необходимое для состязания, но, когда наступило время, Победоносный вместе с общиной монахов удалился в страну Варанаси. Царь этой страны по имени Брахмадатта вместе с многочисленной свитой также встретил и принял Татхагату.

Как только в стране Такшашила узнали, что Победонос-

ный удалился оттуда, шестеро учителей снова последовали за ним. Царь же Индравами в сопровождении шестидесятитысячной свиты вместе с царем Бимбисарой и другими царями также прибыли в ту страну.

Шестеро же учителей, прибыв в страну Варанаси, обратились к ее царю со своим прежним требованием. Царь, в свою очередь, обратился к Победоносному, на что тот ответил:

— Я сам знаю время.

Тогда царь Брахмадатта приготовил все необходимое для состязания, но Победоносный вместе с монашеской общиной удалился в Капилавасту⁹⁸. Члены рода шакьев в Капилавасту, известив один другого, собрались вместе и встретили Татхагату.

Как только в стране Варанаси узнали об уходе Татхагаты, шестеро учителей последовали за ним. Царь же Брахмадатта в сопровождении восьмидесятитысячной свиты вместе с царем Бимбисарой и остальными пятью правителями также отправились за Победоносным.

Придя в Капилавасту, шестеро учителей нагло заявили членам рода шакьев:

— Назначались состязания со шраманом Гаутамой в искусстве магических превращений, но он уклонялся, зная наше превосходство.

Тогда члены рода шакьев обратились к Победоносному, но он по-прежнему ответил:

— Я сам знаю время.

Члены рода шакьев также приготовили все необходимое для состязания, однако Победоносный вместе с монашеской общиной удалился в Шравасти — столицу Кошалы⁹⁹. Царь страны Кошала Прасенаджит вместе со свитой встретил и принял Татхагату.

Как только стало известно об уходе Татхагаты, шестеро учителей пустились за ним вдогонку.

Шакьясцы же с девяностотысячной свитой, с царем Бимбисарой, с другими царями и их свитой прибыли в Кошалу и заполнили всю округу.

Шестеро учителей обратились к царю Прасенаджиту со следующими словами:

— Назначалось время состязаний в искусстве магических превращений между нами и шраманом Гаутамой, но, когда наступал срок состязаний, он уклонялся и убегал. Сейчас же в стране царя собралось множество людей. Разрешите нам поэтому, о великий царь, вступить в состязание.

Царь Прасенаджит рассмеялся на это и сказал:

— Достоинства Победоносного на удивление велики и уму непостижимы. Как же вы, обычные, ни в чем не сведущие людишки, будете состязаться в искусстве магических превращений с великим царем Учения?

Однако пыл шестерых учителей был непреодолим, и они высокомерно стояли на своем. Поэтому царь Прасенаджит пошел к Победоносному и обратился к нему с такими словами:

— Поскольку шестеро учителей настойчиво требуют состязания в искусстве магических превращений, пусть Победоносный повергнет их в прах и покажет, каковы должны быть истинно магические превращения.

— Я сам знаю время, — ответил на это Победоносный, и царь Прасенаджит отдал своим советникам такой приказ: «Выровняйте и подметите площадку, где будут проходить состязания. Уберите это место цветами и щедро воскурите там благовония, поставьте на площадке львиный престол, украсьте ее стягами с шелковыми лентами, штандартами победы и всем прочим, и пусть там соберется много народу».

И вот первого числа первого месяца весны Победоносный прибыл на место состязания в искусстве магических превращений. Царь Прасенаджит приготовил все необходимые жертвенные предметы, а также вкусные яства и поднес Победоносному шелковый шарф *. Победоносный взял деревянную зубочистку и воткнул ее в землю. И как только он воткнул зубочистку в землю, она тут же стала расти и превратилась в огромное дерево, высотой в пятьсот йоджан, с раскидистыми ветвями и густой листвой. Ветви и листья тоже покрыли пространство в пятьсот йоджан. В мгновение ока на дереве распустились цветы размером с колесо телеги и появились плоды величиной в пятилитровый кувшин.

Затем корни, ствол, ветви и листья этого дерева оказались состоящими из семи родов драгоценностей, которые сверкали столь ярким, разноцветным сиянием, что затмили собой свет солнца и луны. Отведавшие тех плодов нашли, что вкус их гораздо лучше вкуса пищи богов. Даже те, кто обонял сладчайший запах чудесного благоухания, стали сытыми и довольными. Когда ветерок налетал на благоухающие ветви и листья, они издавали чрезвычайно мелодичное звучание Дхармы **. И дерево то породило у присутствующих помыслы о вере. А когда Победоносный изложил Учение, то всем оно пришлось

* Длинная полоса тонкой шелковой ткани, подносимая, согласно тибетскому обычаю, высокому гостю.

** Род божественного звучания.

по душе. Многие обрели благодатный плод и благо рождения на небесах.

На следующий день устраивал угощение и раздачу пожертвований царь Уттраяна. В этот день Татхагата чудесным образом сотворил справа и слева от себя две очень высокие и красивые горы из драгоценностей, сверкавших пятицветным блеском. На этих горах росли самые разнообразные деревья, усыпанные плодами, цвели цветы и раздавались очень мелодичные звуки. Вершина одной горы изобиловала сочными и сладкими плодами отменного вкуса, и множество людей вволю наелись их. На вершине другой горы росла очень мягкая и вкусная трава, которой до отвала насытились обитатели мира животных. После этого Победоносный надлежащим образом изложил присутствующим Учение, отчего их мысли полностью очистились и родились помыслы о наивысшем духовном пробуждении, а очень многие обрели благо рождения на небесах.

На следующий день устраивал угощение и раздачу пожертвований царь Шунцзингла. Победоносный, прополоскав водой рот, выплюнул воду на землю, и вода тут же разлилась драгоценным прудом окружностью в двести йоджан, изукрашенным драгоценностями семи родов, которые сверкали радужным блеском, а вода пруда обладала восьмью чудесными свойствами¹⁰⁰. Дно пруда было усыпано песком, также состоящим из семи различных драгоценных материалов, а поверхность его покрывали лотосы размером с колесо повозки. Были те лотосы разного цвета: синего, желтого, белого, красного, бледно-красного, алого, и источали они необычайно приятный аромат. Сияние, исходящее от этих великолепных лотосов, озарило вокруг небо и землю. Все многочисленные окружающие, видя драгоценный пруд, возрадовались и вознесли хвалу.

После совершения жертвоприношения Победоносный изложил и разъяснил многочисленные аспекты Учения, в результате чего некоторые породили помыслы о наивысшем духовном пробуждении, а другие обрели благой плод рождения в высокой сфере богов. И не счесть стало тех, которые пошли стезей совершения деяний, порождающих благие заслуги.

На следующий день царь Индравами, приготовив все необходимое для совершения жертвоприношения, пригласил на него Победоносного. В этот день Победоносный на каждой из четырех сторон драгоценного пруда сотворил по восемь больших каналов. Вода тех каналов, вытекая из пруда, огибала его и снова вливалась в пруд. И в журчании текущей воды слышались звуки, говорящие о разнообразных сторонах Уче-

ния: о пяти трансцендентных способностях¹⁰¹, о пяти трансцендентных силах¹⁰², о семи членах духовного пробуждения¹⁰³, о восьмичленном благородном пути¹⁰⁴, о трех [вратах] освобождения¹⁰⁵, о шести трансцендентных способностях [архата], о шести парамитах¹⁰⁶, о великом милосердии, о великой доброте, о четырех безмерных качествах. Многие восприняли этот голос Дхармы и прониклись им, в результате либо стали на стезю становления буддой, либо обрели благо будущего рождения в высшей сфере богов, либо пошли путем совершення деяний, порождающих благие заслуги.

На следующий день царь Брахмадатта приготовил необходимое для жертвоприношения и пригласил всех на угощение. В тот день Победоносный, испустив из уст своих луч золотистого цвета, озарил сферу великой тысячи миров¹⁰⁷. И те живые существа, которых коснулся этот луч, избавились от трех ядов, пяти омрачений¹⁰⁸, обрели телесное и душевное спокойствие, уподобившись монаху, погруженному в третью дхьяну.

Многочисленные окружающие почтили чудесные качества Будды, а когда Победоносный изложил Учение, то многие либо породили помыслы о наивысшем духовном пробуждении, либо обрели благо рождения в высокой сфере богов, либо стали на стезю совершення деяний, порождающих благие заслуги.

На следующий день Личчхавы приготовили необходимое для жертвоприношения и пригласили всех на угощение. В тот день Победоносный сделал так, что многочисленные окружающие проникли в мысли друг друга и узнали про благие и неблагие дела каждого*. Возрадовались все этому и восславили чудесные способности Будды. Из тех, которые внимали святому Учению Победоносного и проникли в его суть, многие вознесли моления об обретении буддства, об обретении духовного плода или о возрождении в высокой сфере богов.

На следующий день Победоносного пригласили на угощение члены рода шакьев. В тот день Победоносный силой волшебства сделал так, что каждый из присутствующих осознал себя вселенским монархом Чакравartiном, обладающим семью различными драгоценными атрибутами¹⁰⁹ и тысячью сыновей; монархом, которому высказывают глубокое уважение вассальные князья и сановники. Зря себя вселенским монархом Чакравartiном, каждый преисполнился несказанной

* Т. е. Будда наделил всех присутствующих сверхъестественной силой, являющейся атрибутом самого Будды.

радости, и, когда им, радующимся, Победоносный всесторонне раскрыл и преподавал Учение, все получили глубокое удовлетворение. Кто породил мысль о наивысшем духовном пробуждении, кто обрел благой плод, кто — будущее рождение в высокой сфере богов. И таких было несчетное число.

На следующий день Победоносного пригласил Индра. Был поставлен львиный трон, и Победоносный воссел на него. С правой стороны жертвенное подношение совершал Индра. С левой стороны жертвенное подношение совершал Брахма. Многочисленные окружающие сидели в полном молчании. Тогда Победоносный надавил рукой на львиный трон, тотчас оттуда раздался рев, подобный реву слона, и появились пять ракшасов, которые выхватили сиденья из-под шестерых учителей и разбили их вдребезги. А Ваджралани¹¹⁰, сжимая ваджру¹¹¹, наконецник которого извергал пламя, поднял его над головами шестерых учителей. Охваченные страхом, шестеро учителей бросились врассыпную. В трусливом смятении прыгнули они в реку, и им тут же настал конец.

Девяносто тысяч человек из окружения шестерых учителей прибегли к защите Будды и попросили принять их в монашество.

— Придите во благе, — сказал им Победоносный.

И тут же волосы на их головах и лицах сами собой сбрились, и они стали монахами. Победоносный должным образом преподавал им Учение, после чего они полностью очистились от скверны грехов, избавились от всех страданий и стали архатами.

Затем Победоносный из восьмидесяти тысяч пор своего тела испустил лучи, которые заполнили все небо. На кончике каждого луча он сотворил силой волшебства по большому лотосу. На каждом лотосе Победоносный силой волшебства сотворил нирманического будду¹¹² с окружением, и каждый из этих будд проповедовал святое Учение.

Многочисленные окружающие, видя проявление таких сверхъестественных способностей, с большей силой, чем прежде, укрепились в мыслях о вере. И когда Победоносный должным образом преподавал им святое Учение, одни породили помыслы о наивысшем духовном пробуждении, другие обрели духовный плод, третьи накопили духовные заслуги, предопределяющие божественное или человеческое, высшее, рождение. И таких было множество.

На следующий день Победоносного пригласил на угощение Брахма. Магической силой сотворил Победоносный свое тело необычайно большим. И сидел он, сверкающий, достигая

сферы мира бога Брахмы, а его яркие лучи озаряли небо и землю, осветив все вокруг. Узрели окружающие это чудо и услышали слова Победоносного, который должным образом раскрыл и изложил им различные стороны Учения, в силу чего многие, породив помысел о наивысшем духовном пробуждении, обрели духовный плод. И не счесть было тех, кто заложил в себе основу для божественного или человеческого рождения, высшего из всех рождений*.

На следующий день угощение устроили четыре великих царя¹¹³. В этот день Победоносный сделал многочисленных окружающих очевидцами того, как в каждой из стран четырех великих царей возникло по нирманическому телу Победоносного. Эти тела, испускавшие яркие лучи, заполнили собой области великих царей, вознесясь вплоть до вершины мира. Окружающие ясно увидели и отчетливо слышали, как нирманические будды должным образом преподали святое Учение. Возрадовались они еще больше и в силу должным образом преподаваемого Учения породили помысел о наивысшем духовном пробуждении и обрели духовный плод. И не счесть было тех, кто заложил в себе основу для божественного или человеческого, высшего, рождения.

На следующий день угощение для Будды устроил домохозяин Анатхапиндада. В тот день Победоносный сел, погрузившись в Майтрейя-самадхи¹¹⁴. Восседа на львином престоле золотистого цвета, он сделал невидимым свое тело и, испустив сильный луч света, в чрезвычайно мелодичных словах раскрыл и подробно изложил святое Учение. Многочисленные окружающие, видя подобное, породили в себе помысел о наивысшем духовном пробуждении. Некоторые обрели плод пребывания на стадии невозвращения, некоторые произвели благую заслугу, предопределяющую их божественное или человеческое, высшее, рождение.

На следующий день пригласил Будду на угощение домохозяин Читра¹¹⁵. В этот день Победоносный, сидя в позе Майтрейя-самадхи, испустил золотые лучи света, которые заполнили пространство сферы тысячи великих миров. Все живые существа, которых коснулись те лучи, полностью укротили помыслы, связанные с тремя ядами, и, породив мысль о милосердии, стали относиться друг к другу с любовью, подобной родительской или братской. Когда же Победоносный изложил различные аспекты Учения, то в силу этого окружающие по-

* Поскольку только в состоянии человеческого рождения можно обрести духовное пробуждение и достичь нирваны.

родили помысел о наивысшем духовном пробуждении и бесчисленное множество их или стало пребывать на уровне невозвращения, или обрело духовный плод, или заложило благую основу для божественного или человеческого, высшего, рождения.

На следующий день пригласил Будду на угощение царь Шунцзингла. В тот день Победоносный, сидя на львином престоле, испустил из своего пупка два луча света.

На конце каждого луча появилось по лотосу. На каждом лотосе восседал нирманический будда. Каждый нирманический будда, в свою очередь, испустил из пупка по лучу света, которые, раздвоившись, также явили по лотосу с восседавшими на них нирманическими буддами. Так продолжалось до тех пор, пока вся сфера тысячи великих миров не заполнилась подобными магическими превращениями.

Многочисленные окружающие, видя такое, преисполнились великого удивления. Когда же Победоносный должным образом преподал им Учение, то множество присутствующих или породило помысел о наивысшем духовном пробуждении и стало пребывать на стадии анагаминов, или обрело духовный плод, или благо божественного или человеческого, высшего, рождения.

На следующий день Будду пригласил на угощение царь Уттраяна. Царь Уттраяна рассыпал перед Победоносным цветы. Эти цветы тут же превратились в тысячу двести пятьдесят колесниц с драгоценными камнями, которые озаряли огромную сферу трех тысяч великих миров, и все воочию узрели это чудо. И тут Победоносный с той же непреложностью, как врач дает больному лекарство, изложил окружающим святое Учение.

В силу этого некоторые, породив помысел о наивысшем духовном пробуждении, стали пребывать на стадии анагаминов, а многие обрели благо божественного или человеческого, высшего, рождения.

На следующий день Будду пригласил на угощение царь Бимбисара. Победоносный перед этим сказал ему:

— Царь! Приготовь только посуду для кушаний.

Когда наступил полдень, посуда для кушаний сама собой наполнилась отменно вкусными, разнообразными яствами. Этих яств хватило на всех многочисленных присутствующих, которые, насытившись, обрели великий телесный и душевный покой.

Тогда Победоносный, ударив рукой оземь, сделал видимыми безмерные страдания, которым подвергались живые су-

щества в восемнадцати адах для живых существ. И возопили те страдальцы:

— За какие грехи в прошлом мы терпим такие муки?

Многочисленные окружающие, видя и слыша подобное, так перепугались, что от страха у них волосы на теле встали дыбом, и все они породили мысль о сострадании. Когда же Победоносный должным образом преподал им Учение, сердца их преисполнились удовлетворения. Некоторые, породив помысел о наивысшем духовном пробуждении, стали пребывать на уровне невозвращения, многие заложили благую основу для божественного или человеческого, высшего, рождения.

В силу того что обитатели ада живых существ также узрели Будду и услышали его Учение, они также породили мысли о вере, благодаря чему истек срок их пребывания в аду и все они возродились богами или людьми.

Тогда царь Бимбисара, преклонив оба колена, обратился к Победоносному с такими словами:

— Победоносный обладает тридцатью двумя [главными телесными] признаками ¹¹⁶. Соболагоизволь явить окружающим знак чакры, имеющейся на подошве ступни Татхагаты, поскольку другие телесные признаки видны воочию.

Тогда Победоносный вытянул ногу, и все многочисленные окружающие совершенно ясно увидали на ступне Победоносного знак магического буддийского колеса, так, словно оно было там нарисовано. Смотрели все довольные и не могли насмотреться. Тогда царь снова обратился со словами к Победоносному:

— Что за благую заслугу произвел Победоносный в прежнем рождении, если стал обладателем такого знака чакры?

На это Победоносный отвечал:

— В давно прошедшее время я сам практиковал десять правил нравственного поведения и других также побуждал к этому, потому-то и стал обладателем такого ясно выраженного телесного признака.

Тогда царь опять спросил Победоносного:

— Будь милостив, Победоносный, и поведай, как ты сам практиковал десять правил нравственного поведения и каким образом побуждал к этому других.

— Слушайте внимательно, — отвечал на это Победоносный, — и хорошенько запоминайте, а я поведаю вам об этом.

Давным-давно, бесчисленное число калп назад, в стране Джамбудвипе жил царь по имени Шинданимо. Подчинялось тому царю восемьдесят четыре тысячи вассальных князей, он

владел ста тысячами городов, и было у него десять тысяч великих советников и двадцать тысяч жен и наложниц. Но не было у царя сына, и это чрезвычайно огорчало его. «Нет у меня престолонаследника», — думал он, подавленный горем.

Приносил царь жертвы всем богам и духам-хранителям, отчего хоть и поздно, но понесла все же его главная жена по имени Суливала. По истечении должного числа месяцев она родила сына — необычайно красивого мальчика замечательного телосложения. Волоски на его теле испускали лучи света, и он выделялся среди прочих своим благородным обликом. Царь проникся нежной любовью к сыну и не мог на него наглядеться.

Когда ребенка показали толкователю примет, то тот, сопоставив хорошие и дурные признаки, сказал, исполненный радости:

— Ребенок этот поистине чудесен. Приметы мальчика свидетельствуют о том, что он станет господствовать над четырьмя сторонами света.

Царь безмерно обрадовался и сказал толкователю примет:

— Дай ребенку имя!

Тогда толкователь спросил царя:

— Какие примечательные знамения явились в то время, когда мальчик находился в утробе матери?

Царь отвечал:

— Мать ребенка в тот период стала необычайно умной, мягкосердечной и находила радость в наставлении всех на путь благих деяний.

И толкователь примет нарек ребенка именем Шерэпъо, или «Луч мудрости». Царь назначил сына престолонаследником. Ребенок рос понятливым, умным и превосходил других своими достоинствами.

Пришло время, и истек срок жизни царя-отца. Советники попросили царевича стать на царство, но тот сказал:

— Я не могу быть царем.

Но советники взмолились:

— Царевич! Только что умер великий царь, и некому, кроме тебя, стать царем. Кого же посадить на престол, если не царевича?!

И сказал им царевич:

— Обитатели этого мира следуют неправильному, греховному учению мары. Если я буду карать их наказаниями да казнями, то возьму на себя немало греховных дел. Так вот, если все люди станут следовать пути десяти правил нравственного поведения, то я соглашусь быть царем.

— Это очень хорошо, — сказали советники, — взойди на трон и властвуй, а мы отдадим приказ, чтобы все люди следовали пути десяти правил нравственного поведения.

Тогда царевич вступил на престол, а все люди его страны по приказу сановников единодушно стали следовать пути десяти правил нравственного поведения.

Не по себе тут стало владыке демонов-мар. Чтобы сделать порочным царское правление, он написал вассальным князьям от имени царя письмо, где было сказано: «Ранее был отдан приказ о практике нравственного поведения. Нравственное поведение хотя и практиковалось, но результатов не принесло, и, кроме страданий, никакой пользы не было. Поэтому впредь свободно и в соответствии со своими желаниями практикуйте десять правил безнравственного поведения»*.

Получив такое послание, вассальные князья удивились и подумали: «Почему же великий царь побуждает к совершению греховных деяний? Это недостойно». Недовольные, они высказали свои мысли царю. Царь, услышав подобные речи вассальных князей, удивился и испугался.

— Я не отдавал такого распоряжения, — сказал он, — откуда взялось подобное?

Как-то раз царь следовал к себе, размышляя по пути: «Изменилась ли карма¹¹⁷ моих многочисленных подданных?» В это время владыка демонов-мар принял обличье человека, сидевшего в огромной пылающей яме около дороги и издававшего жалобные звуки от нестерпимых страданий. Услышал эти звуки царь, подошел к яме и спросил:

— Ты кто?

И человек ответил следующее:

— В прежнем рождении я наставлял людей на путь десяти правил нравственного поведения. Ныне терплю за это столь жестокие мучения.

Тогда царь сказал:

— Учение** не имеет отношения к тому, что побуждающий к практике нравственного поведения оказался терпящим такие мучения. Пусть ты и терпишь подобные мучения из-за побуждения к практике нравственного поведения, но обрели ли духовный плод те, кто после побуждения к практике нравственного поведения претворяли это поведение в жизнь?!

— Да, — прозвучал ответ, — они обрели духовный плод.

* Т. е. ложь, воровство, убийства, прелюбодеяние и т. п.; как оппозицию десяти правилам нравственного поведения.

** Т. е. буддийское учение, буддизм.

Лишь тот, кто призывал к практике нравственного поведения, терпит такие муки.

Услышав это, царь возрадовался и сказал:

— Если известно, что другие люди обрели духовный плод, то мучения терпеть легко и нет причины раскаиваться в содеянном.

Царь демонов-мар, услышав такие слова, моментально сделал невидимым свое наваждение.

С тех пор царь стал повсеместно призывать жителей своей страны следовать пути десяти правил нравственного поведения. Царские подданные, в свою очередь, к благу прилепились. Они не грешили ни телом, ни речью, ни помыслом и громко восхваляли достоинства своего царя.

Уже тогда стал тот царь обладателем золотого магического колеса и прочих семи драгоценностей*. Он посетил все четыре континента и с усердием наставлял живые существа на путь добродетели.

Великий царь того периода, отец царевича, — это ныне мой отец Шудходана. Мать царевича того периода — это ныне моя мать Махамая. Царевич же Шерэпью, который множество людей наставил на путь десяти правил нравственного поведения, — это ныне я сам.

В то время, в том рождении, я сам следовал пути десяти правил нравственного поведения и других побуждал идти по этому пути. Поэтому на подошвах моих ног появился образ магического колеса с тысячью спиц.

После этого царь Бимбисара снова обратился к Победоносному со следующими словами:

— Шестеро учителей, будучи привержены к подношениям и славе, завистливые помыслы в себе породили. Не соразмерив сил, они вызвали Победоносного на состязание в искусстве магических превращений, сказав при этом: «На одно магическое превращение, Победоносным сотворенное, мы покажем два».

Но Победоносный показал столько магических превращений, что уму непостижимо, а шестеро учителей не смогли показать и одного. Изумленные и пристыженные, они бросились в реку [и погибли]. Мне думается, что покойные, охваченные великим безумием, пребывали в ослеплении.

И сказал тогда Победоносный:

— Великий царь! Это не единственный случай, когда ше-

* Т. е. стал Чакравartiном, поскольку эти предметы являются атрибутами вселенского монарха.

стеро учителей, ради подношений и славы желая со мной состязаться, потеряли свои жизни. И в давно прошедшие времена они пытались со мной состязаться и тоже расстались с жизнями.

Тогда царь Бимбисара преклонил колени и обратился к Победоносному с такой просьбой:

— Прошу поведать нам, как в давно прошедшие времена Победоносный состязался с этими шестерыми учителями.

— Великий царь, — отвечал Победоносный, — сохрани услышанное навсегда в своей памяти.

В давно прошедшие времена, бесчисленное количество калп назад, в стране Джамбудвипе жил царь по имени Махашакули, которому подчинялось пятьсот вассальных князей. У того царя хотя и было пятьсот жен, но не было сына — продолжателя рода и наследника. Поэтому царь, охваченный скорбью, постоянно думал: «Я уже состарился, но нет у меня сына — продолжателя рода и наследника. Если я умру, то вассальные князья не захотят подчиняться один другому и пойдут друг на друга войной. И живые существа безвинно погибнут, и в царстве наступит смута».

Владыка богов Индра, издали увидав, что тот царь погружен в скорбь и задумчивость, спустился с небес и, приняв обличье лекаря, пришел к царю.

— Царь, почему ты так мрачен и нерадостен? — спросил он. И царь рассказал ему о своих печальных думах.

Тогда божественный лекарь сказал царю:

— Царь, не печалься! Я схожу ради тебя на снежную гору и соберу там различные снадобья. Если дать эти снадобья женам, то каждая тут же понесет.

Услышав такие речи, царь подумал: «Эти слова рассеивают мою скорбь» — и сказал:

— Лекарь! Если ты сможешь совершить такое чудо, то будет просто замечательно.

Тогда божественный лекарь пошел на снежную гору, набрал там много различных лекарственных растений, принес их во дворец, вскипятил эти растения в молоке и дал то молоко главной супруге царя. Сам же вернулся в небесную обитель.

Главная супруга царя понюхала лекарство, оно ей не понравилось, и она не стала его пить. Снадобье выпили младшие жены, и каждая в скором времени понесла.

Рассказали они об этом главной супруге царя, та раскаялась и, сокрушаясь, спросила:

— Осталось сколько-нибудь того снадобья?

— Нет, не осталось, — ответили ей.

— А не осталось ли немного осадка после того снадобья? — снова спросила она.

— Осадок остался, — сказали главной супруге царя младшие жены.

Тогда главная супруга царя вскипятила в молоке осадок снадобья и выпила его, после чего вскоре также понесла.

Другие жены царя, которые выпили лекарство раньше, по истечении должного числа месяцев родили каждая по одному на редкость красивому мальчику. Чрезвычайно обрадованный царь только и думал, когда же и главная супруга родит царевича.

По истечении должного числа месяцев главная супруга царя также родила сына, мальчика очень нескладного и некрасивого, похожего на обрубок дерева. Опечаленные царь и царица дали своему сыну имя Дондум, что означает Чурбан.

Когда царские дети достигли положенного возраста, они поженились, только царевич Дондум оставался холостым.

Как-то раз один иноземный царь во главе войска приблизился к границе царства царя Махашакули. Пятьсот царевичей, также собрав военные отряды, выступили против иноземного войска. Но в сражении они были разбиты и, спасаясь бегством, вернулись во дворец. Царевич Дондум спросил старших братьев:

— Почему вы бежали в таком страхе?

Старшие братья ответили:

— Вместе с войсками мы вышли против иноземной армии, но в завязавшейся битве были разбиты и потому бежали.

Тогда царевич Дондум сказал:

— Такой враг не может взять над нами верх. Принесите мне лук и рог нашего деда, которые лежат на жертвеннике. Я выступлю против них.

А дед царевича был Чакравартином. За луком пошло множество людей. С огромным трудом они надели тетиву на лук * вселенского монарха и принесли его царевичу. Царевич взял лук, натянул тетиву и спустил ее. Громом на сорок йоджан в округе отозвалась спущенная тетива. Затем царевич Дондум взял рог и лук и пошел на врагов. Не доходя до вражеского стана, он затрубил в рог. И как только иноземные враги услышали могучие, точно гром с небес, звуки рога, они пришли в ужас и в панике разбежались кто куда.

Когда царевич Дондум вернулся во дворец, желанным и

* Имеется в виду, что лук хранился со снятой тетивой.

любимым стал он царю и царице, и они подумали о том, чтобы найти для него жену.

В те времена у царя по имени Лишивадза была дочь. Прослышав, что эта девушка на редкость хороша, царь Махашакули послал гонца просить ее к себе в невестки. При этом он велел сказать отцу девушки, что его зятем будет самый красивый из царевичей. И царь согласился отдать свою дочь.

Обрадованный царь Махашакули приготовил все необходимое для приема невестки. Он послал царевича Дондума на встречу ей, однако приказал ему:

— Днем не показывайся своей жене, бывай с ней только ночью.

Как-то раз та девушка встретилась с другими невестками, и каждая из женщин стала рассказывать о достоинствах своего мужа. Жена царевича Дондума тоже похвалила своего мужа, сказав при этом:

— Мой муж отважен и силой не уступит лучшему воину, и вместе с тем у него очень нежная кожа.

— Ну, ты уж нам не рассказывай, — обрушились на нее другие невестки, — твой муж безобразен, похож на чурбан, так что если ты увидишь его днем, то испугаешься.

Жена царевича Дондума запомнила слова невесток. Ночью, когда муж заснул, она зажгла лампу, посмотрела и увидала, сколь безобразен царевич. Придя в ужас, она тут же собралась и убежала в страну своих родителей.

Ранним утром Дондум узнал о бегстве молодой жены. Опечалился он, взял рог и лук и отправился за женой в ее страну. Придя туда, он поселился у одного советника.

Тем временем шестеро вассальных князей, прослышав, что у царя Лишивадза красавица дочь, прибыли каждый в сопровождении войска домогаться царевны. Удрученный царь Лишивадза, собрав советников, сказал:

— Если отдать дочь одному князю, то другой придет в ярость. Как сделать так, чтобы избавиться от всех врагов?

Один советник сказал:

— Надо разрубить дочь на куски и послать каждому князю по куску, тогда все будут довольны.

Другие советники заявили:

— Лучше обнародовать указ, гласящий: «Тот кто сможет выгнать вражескую рать, получит в жены дочь и полцарства в придачу».

Царь внял этому совету и обнародовал такой указ. Тогда царевич Дондум взял лук и рог, вышел за город, где находилось вражеское войско, и едва он натянул лук, затрубил в

рог, как все пришедшие рати объял такой ужас, что они потеряли всякую способность вести бой. Тут царевич ворвался в ряды иноземных войск, отрубил головы шестерым князьям, забрал их короны, а войска взял под свою руку.

Обрадованный, царь Лишивадза отдал царевичу дочь в жены и титуловал его великим царем. А тот, объединив владения шести вассальных князей, вместе с войском и женой возвратился в свою страну.

Отец царевича, прослышав про возвращение сына, вышел его встречать и намеревался вручить царевичу бразды правления. Но царевич отказался и зажил, как прежде, со своей женой.

Как-то раз Дондум спросил жену:

— Почему ты меня бросила и убежала?

— Ты настолько безобразен, что я подумала, что ты не человек, испугалась и убежала, — отвечала та.

Тогда царевич взял зеркало, посмотрелся в него и, узнав, сколь он безобразен, не захотел больше видеть своего тела, опечалился и пошел в глубь леса, намереваясь покончить с собой.

Владыка богов Индра, издалека увидав все это, явился перед царевичем и спросил:

— Почему ты собираешься умереть?

Рассказал ему царевич все как есть. Тогда Индра ободрил его и вручил ему драгоценный талисман, сказав при этом:

— Носи этот талисман всегда на темени и будешь так же красив, как и я.

Царевич положил талисман на темя и тут же обрел тело, ничего общего не имеющее с прежним своим телом.

После этого Дондум вернулся во дворец и взял лук и рог, собираясь идти на прогулку. Жена, не узнав его, крикнула:

— Кто ты? Не трогай эти вещи! Придет мой муж, худо тебе будет.

— Я и есть твой муж, — сказал царевич жене.

Жена не поверила.

— Мой муж очень безобразен, — сказала она, — а ты выглядишь таким красавцем. Как же ты можешь быть моим мужем?

Царевич снял талисман с темени и тут же снова стал безобразен. Увидав это, его жена очень обрадовалась и спросила:

— Как это случилось?

Царевич подробно поведал ей обо всем, и с этого времени зажили супруги в любви и согласии. Царевич же изменил

свое имя Дондум, или «Чурбан», на имя Солешэн, или «Ото всех отличный».

Как-то раз подумал царевич: «Построю-ка я себе с помощью войска дворец». Подумав так, он выбрал ровную и широкую площадку и приказал построить там дворец. Тогда четверо царей нагов обернулись людьми и спросили:

— Из чего ты будешь строить дворец?

— Из земли, — отвечал им царевич.

— А почему не из драгоценных материалов? — опять спросили четверо царей нагов.

— Дворец должен быть очень большим, — сказал им царевич, — откуда же я возьму столько драгоценных материалов?

— Мы подарим, — промолвили четверо царей нагов.

С четырех сторон постройки сотворили они с помощью волшебства четыре родника и сказали:

— Все, что зачерпнешь из восточного родника, превратится на стройке в ляпис-лазурь. Все, что зачерпнешь из южного родника, станет золотом. Все, что зачерпнешь из западного родника, превратится в серебро. Все, что зачерпнешь из северного родника, превратится в хрусталь.

Так оно и случилось. Царевич черпал воду из родников, а она, как и говорили цари нагов, превращалась в драгоценные материалы.

Сначала построили околдворцовую стену длиной в четверста йоджан. В пределах стены возвели дворец окружностью в сорок йоджан. Потом построили дома, насадили деревья, из четырех драгоценных материалов устроили пруд для омовений. И был тот дворец необыкновенной красоты, подобный дворцу богов.

Сразу же после завершения строительства дворца превратился царевич в обладателя семи драгоценностей*, правящего четырьмя континентами и распространяющего повсюду добродетели.

Великий царь! Царь Махашакули того времени есть ныне мой отец, царь Шудходана. Царица же та — моя мать Махамая. Безобразный царевич — это ныне я сам. Его жена — это ныне Праджапати. Отец жены — будда Кашьяпа. Шестеро вассальных князей, которые привели войско, помогаясь дочери царя Лишивадза, — это и есть шестеро нынешних учителей. В то время, в тот период жизни, они также вступили со мной в схватку, но я их всех умертвил, а их войско взял под свою

* Т. е. в Чакравартина.

руку. И вот ныне из-за подношений и славы они завистью воспылали, захотели со мной состязаться. Но, не свершив ни одного магического превращения и видя, что их желания не сбылись, они утопились в реке. А их нынешние последователи численностью в девяносто тысяч человек также пришли под мою руку и стали моими духовными последователями.

Тогда царь Бимбисара спросил Победоносного:

— В силу какого состояния благих заслуг в прошлом царевич Дондум был и могуч и безобразен?

— Все имеет свою причину и следствие, — сказал Победоносный, — и я укажу их.

Давным-давно, бесчисленное и безмерное количество калп тому назад, в стране Джамбудвипе, в земле Варанаси, в местности, именуемой «Гора отшельников», обитал один пратьекабудда. Как-то раз пратьекабудда заболел, и ему потребовалось для лечения болезни пить сурепковое масло. Пришел пратьекабудда в семью маслодела и попросил сурепкового масла. Маслодел разозлился на пратьекабудду и скверно обругал его, сказав:

— Ты, с головой как чурбан, с ногами и руками как чурки, ни к какому делу не приспособленный, существуешь только нищенством.

Однако дал ему все-таки отстой от масла. Пратьекабудда взял отстой от масла и, выходя из ворот, встретился с женой маслодела. Жена маслодела, чтя пратьекабудду, спросила его:

— Достойнейший, ты откуда идешь и что собираешься делать с этим отстоем от масла?

Пратьекабудда все ей откровенно рассказал. Тогда жена маслодела позвала пратьекабудду назад, ввела его в дом, взяла у него чашу для сбора подаяния, наполнила ее маслом и, вручив чашу пратьекабудде, сказала своему мужу:

— Ты совершил большой грех, дав этому достойному человеку лишь отстой от масла. Чистосердечным раскаянием искупи свою вину!

Муж осознал вину и чистосердечно раскаялся, чтобы очиститься от греха. После этого супруги в один голос обратились к пратьекабудде со следующими словами:

— Благородный! Если тебе и впредь понадобится масло, то всегда приходи к нам.

Пратьекабудда постоянно стал брать масло в той семье и, чтобы отблагодарить супругов за содеянное, показал им различные магические превращения.

Поднявшись в небесную высь, он изверг воду, испустил

огонь, показал другие магические превращения. Супруги, преподнесшие пратьекабудде масло, видя подобное, еще больше обрадовались и преисполнились веры. Маслодел сказал своей жене:

— Да будет нашей совместной та благая заслуга, которую ты обрела, поднеся масло. Где бы ни родились, да будем мы всегда мужем и женой.

— В силу того что ты этого великого человека обозвал скверными словами, дал ему лишь отстой от масла, чувства веры к нему не имел, в любом рождении будешь крайне безобразным. Как же выйду я за тебя замуж?

На это маслодел возразил:

— Всю жизнь я тяжело тружусь, изготавливая масло. Почему же ты не хочешь разделить со мной благой плод твоего деяния? Нет, как бы то ни было, мы всегда будем супругами.

Жена маслодела сказала:

— Но если мы и станем супругами в будущем рождении, то из-за твоего великого безобразия я тебя оставлю и ночью уйду.

— Если ты убежишь, — возразил ей муж, — то я последую за тобой, снова заполучу тебя и вернусь с тобой назад.

Так поговорив друг с другом, они препоручили пратьекабудде свою телесную и духовную судьбу, выразив глубокое раскаяние в содеянном. Тогда пратьекабудда сказал супругам следующее:

— Вы, оба супруга, дали мне масло и вылечили мою болезнь, поэтому произнесите желание, и оно сбудется.

Супруги очень обрадовались и, преклонив колени, выразили следующее горячее желание:

— Пусть мы оба — муж и жена — во исполнение этого желания, где бы ни родились, в мире ли людей или в мире богов, всегда будем соединены друг с другом.

Великий царь! В той жизни, в то время, маслодел тот и был царевич Дондум. Жена маслодела была супруга царевича. Маслодел из-за того, что в то время непристойно выразился, уподобив пратьекабудду чурбану, и дал ему лишь отстой от масла, во всех следующих рождениях имел крайне безобразный облик. В результате последующего раскаяния и подношения хорошего масла позднее во всех рождениях облик его стал красивым и привлекательным. Вместе с тем из-за пожертвования масла он во всех рождениях был наделен великой силой, которой никто не мог противостоять. Благодаря той благой заслуге он стал вселенским монархом — Чакравартином, владыкой четырех континентов и наслаждался всеми благами,

которых он только желал. Отсюда видно, что последствия как благих, так и дурных деяний никогда не исчезают. Поэтому надо строго следить, чтобы не согрешить ни телом, ни речью, ни мыслью.

После того как царь Бимбисара и другие цари, сановники и свита, боги и наги услышали эту историю, поведенную Победоносным, некоторые обрели духовный плод вступления в поток одного возвращения, невозвращения и архатства, некоторые взрастили благие корни для становления пратьекабуддой, некоторые, породив помысел о наивысшем духовном пробуждении, стали пребывать на стадии анагаминов. И все окружающие несказанно радовались словам Победоносного.

РАЗДЕЛ IV

Глава четырнадцатая

О ТОМ, КАК ЗВЕРЬ КЮНДА ПОЖЕРТВОВАЛ СВОЕ ТЕЛО

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале ¹¹⁸. В то время тело Победоносного охватила простуда. Врач смешал с маслом тридцать два лечебных снадобья и дважды в день давал Победоносному по тридцать два санга * этого лекарства.

Недостойный Дэвадатта ¹¹⁹, которого снедала зависть, заявил однажды, что он равен Будде. Услышав, что Победоносный принимает лекарство, он тоже захотел лекарства. И чтобы сравняться с Буддой, Дэвадатта сказал врачу:

— Приготовь и дай мне такое же лекарство, какое принимает Победоносный!

Врач приготовил лекарство и дал его Дэвадатте, сказав при этом:

— Принимай ежедневно по четыре санга.

— А сколько сангов ежедневно принимает Победоносный? — спросил тогда Дэвадатта.

— Победоносный ежедневно принимает тридцать два санга, — отвечал ему врач.

Тогда Дэвадатта распорядился:

— Давай мне также ежедневно тридцать два санга.

Но врач возразил:

* Санг — мера веса, принятая в фармацевтике и ювелирном деле Тибета,

— Твой организм отличается от организма Победоносного. Если ты будешь принимать больше, то лекарство не усвоится и ты непременно заболеешь.

— Сколько бы я ни принял лекарства, — оборвал врача Дэвадатта, — у меня достаточно желудочного жара, чтобы переварить его, ведь я ничем не отличаюсь от Будды.

Тогда врач дал принять Дэвадатте тридцать два санга лекарства, столько, сколько Будда принимал ежедневно. Но лекарство это усвоено не было, поэтому все кровеносные сосуды начали нестерпимо болеть. От этой боли Дэвадатта совсем обессилел и издавал мучительные стоны, призывая на помощь.

Подумал о нем Победоносный в милосердии своем, протянул издалека руку и погладил голову Дэвадатты, отчего лекарство полностью усвоилось и мучительная боль исчезла.

Дэвадатта, узнав руку Победоносного, сказал:

— Принц Сиддхарта ¹²⁰ среди других искусств изучил и искусство врачевания. Но хотя он и искусный лекарь *, знать я его не желаю.

Услышав эти слова, Ананда очень огорчился и, преклонив колена, сказал Победоносному:

— Дэвадатта очень благодарен. Хотя Победоносный в милосердии своем подумал о нем, полностью излечил его болезнь, он все же, помыслив недоброе, произнес непотребные слова, показав тем свое постоянное желание унижить Победоносного.

На это Победоносный ответил Ананде следующее:

— Дэвадатта не только сейчас питает ко мне недобрые чувства и норовит причинить мне вред. И в прежнее время он думал обо мне со злобой и предал меня смерти.

— Поведай, пожалуйста, — попросил Ананда Победоносного, — что сотворил Дэвадатта в прежнее время.

И тогда Победоносный рассказал следующее.

Давным-давно, безмерное и бесчисленное количество калп назад, в стране Джамбудвипе, в земле Варанаси, был царь по имени Брахмадатта. Был тот царь свиреп и гневлив, и не было свойственно ему милосердие. Преданный страстям и ярости великой, царь Брахмадатта творил зло, находя для себя удовольствие в мучениях и убийствах.

Как-то раз увидел царь во сне животное, тело которого было покрыто золотой шерстью. Из кончиков волос исходили

* Дэвадатта принизил Будду, уподобив его сверхъестественную силу обычному искусству врачевателя.

лучи света, озарявшие все вокруг золотистым блеском. Тут же проснувшись, царь подумал: «Животное, подобное виденному мною во сне, непременно существует. Поэтому надо послать охотников, чтобы добыли его шкуру». Он собрал охотников и сказал им:

— Мне приснилось во сне животное с золотистой шерстью, кончики волос которого испускали яркое сияние. На земле обязательно есть такое существо. Вы должны повсюду искать его, найти, содрать с него шкуру и вручить ее мне. За это я сделаю довольными и счастливыми детей ваших и потомство ваше до седьмого колена. Если же рвения в поисках не проявитс, будете лениться и животное то не найдете, вас и семьи ваши под корень изведу!

Опечалились охотники, собрались все в укромном месте и так рассудили: «Животное, подобное тому, что приснилось царю, никто никогда и не видывал. Но если мы не найдем его, то по жестокому решению царя нас всех казнят».

Совсем пригорюнились охотники и решили так: «В лесах этих водится множество ядовитых змей и хищных зверей. Поэтому нельзя без риска для жизни отправиться в долгую дорогу и свершить дело. Пошлем-ка на поиски самого способного из нас. Если этот человек обнаружит зверя и сообщит нам, то все будет в порядке». И, обратившись к одному из охотников, сказали:

— Ступай и, невзирая на опасность для жизни, повсюду ищи зверя. Если найдешь, то получишь большую часть богатства, обещанного нам всем. Если же не вернешься, то твою долю отдадим сыну и жене.

И человек тот так подумал: «Ради стольких людей и жизни своей отдать не жалко». Собрал он все необходимое в дорогу и пошел по горам да лесам, полным опасности, искать зверя.

Долго длились его поиски, и все безрезультатно. Как-то раз в летнюю жару брел охотник, утопая по колено в раскаленном песке, и устал до полного изнеможения. Мучимый жаждой, готовясь принять смерть, он произнес такие слова:

— Есть ли кто-нибудь, кто, обладая милосердием, поддержит мое измученное тело и спасет мою жизнь?

И тут издалека услышал слова этого человека зверь, именуемый Кюнда, тело которого покрывала шерсть золотистого цвета, а кончики волосков испускали яркие лучи. Пожалел он охотника жалостью великой и, окунув свое тело в холодный родник, пришел к нему и влагой с груди своей увлажнил его, отчего тот немного пришел в себя. Затем зверь привел охот-

ника к роднику, омыл его и, собрав [немного] плодов, накормил.

Восстановились силы охотника, и он подумал: «А ведь именно этого зверя требует царь! Но зверь спас мою жизнь, когда я уже с ней совсем было расстался. И надо быть неблагодарным, чтобы даже помыслить убить его. Но не добуду я зверя — все охотники, а также их родные подвергнутся жестокому наказанию».

Опечалился охотник, сидит нерадостный, а зверь его и спрашивает.

— Ты почему такой грустный?

Заплакал тот и все подробно рассказал. Тогда зверь Кюнда сказал:

— Ты не горюй. Мою шкуру заполучить очень легко. Вот что я думаю: в прежних рождениях расточил я бесчисленное количество тел, однако ни разу не совершил деяния для обретения телесной заслуги *. А сейчас шкурой этого тела спасу жизни людей. — И, возрадовавшись такой мысли, зверь Кюнда продолжал: — Ты, не убивая меня, сними шкуру и возьми ее себе. Я отдаю ее тебе, нисколько не жалея об этом!

Когда же охотник своим ножом снял шкуру, то зверь Кюнда произнес такое моление: «Да послужит на счастье всем живым существам та благая заслуга, которую я обрел, разрешив снять свою шкуру для спасения благородных жизней многих людей. А обрета наивысшее просветление и став буддой, да спасу я все живые существа от мук сансары, и да утвердятся они на пути к благу нирваны».

И тут шестикратно содрогнулась вся сфера трех тысяч великих миров. Задрожали и зашатались дворцы небожителей. Глянули испуганные боги и увидали бодхисаттву, пожертвовавшего кожу своего тела.

Спустились боги с небес, приблизились к зверю Кюнда, совершили перед ним жертвоприношение небесными цветами, и слезы дождем лились из их глаз.

Ушел охотник, содрав шкуру, оставил кровоточащее тело, окропившее кровью все вокруг. Собралось около тела восемьдесят тысяч пчел, муравьев и других насекомых, и стали они его есть. А тело, чтобы не спугнуть их, лежало не шевелясь и, в жертву себя принеся, дух испустило. А все насекомые, ко-

* Телесная заслуга — такая благая заслуга, которая обретается в результате пожертвования своего тела ради спасения другого живого существа (или существ).

которые отведали мяса бодхисаттвы, после своей смерти возродились в высокой сфере богов.

Охотник же принес шкуру и вручил ее царю.

— Такая мягкая, что мягче не бывает, — сказал царь и, постелив шкуру на ложе, всегда спал на ней.

— Ананда, — произнес Победоносный, — вот как это надо понимать: в то время, в той жизни, зверь Кюнда — это ныне я; царь же Брахмадатта — это ныне Дэвадатта; восемьдесят тысяч насекомых — это восемьдесят тысяч сыновей богов, которые обрели духовный плод, прослушав проповедь, после того как я только что стал Буддой. Как в то время Дэвадатта умертвил меня, так и ныне он питает ко мне злобу и помышляет о моей смерти.

Когда Победоносный закончил свой рассказ, то достопочтенный Ананда и многочисленные окружающие духовно воспряли. Некоторые обрели духовный плод вступления в поток, невозвращения и архатства, некоторые взрастили благой корень для становления пратьекабуддой, некоторые, породив мысль о наивысшем духовном пробуждении, стали пребывать на стадии анагаминов. И все воистину радовались словам Победоносного.

Глава пятнадцатая

ПОХВАЛА ДОСТОИНСТВАМ МОНАШЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Тот, кто вступает в монашество, обретает чрезвычайно много благих заслуг. Тот, кто разрешит сыну или дочери, слуге или кому-нибудь еще вступить в монашество или сам вступает в монашество, становится обладателем неисчислимых благих заслуг.

Благая заслуга совершившего даяние позволяет ему в течение десяти рождений наслаждаться богатством или в шестиступенных божественных обителях непрерывно возрождаться.

Но несравнима по величине своей благая заслуга того, кто разрешит вступление в монашество или сам в него вступит. Почему так? Потому что благая заслуга совершившего даяние исчерпывается, имеет конец. Благая же заслуга вступившего в монашество неизмерима, бесконечна. Если благая заслуга соблюдающего нравственные запреты позволяет стать риши, обладателем пяти видов трансцендентных способностей, или пользоваться радостями высокого мира Брахмы, то благая за-

слуга вступившего в монашество уму непостижима и не может она иссякнуть вплоть до перехода в нирвану. Благая заслуга того, кто построил ступу из семи драгоценных материалов, которая возвышается до обители тридцати трех божеств ¹²¹, ни в какой мере не может спорить с благой заслугой вступившего в монашество.

Почему так? Потому что и ступу из семи драгоценных материалов могут разрушить злонамеренные глупцы. Благоую же заслугу вступления в монашество разрушить нельзя.

Если алчешь благого Учения, то, кроме Учения Будды, другого такого учения нет. Так, если один искусный врач исцелит глаза ста слепых и вернет им зрение или если сто человек должны быть ослеплены, а некто могучий спасет их от опасности ослепления, то благие заслуги этих двух людей хотя и безмерны, но все же они не могут ни в коей мере спорить с благой заслугой разрешившего вступление в монашество или того, кто вступил в монашество. Почему так? Потому что глаза, подаренные теми двумя людьми, ограничиваются видением лишь мирских благ и радостей. К тому же природа телесных глаз есть природа, подверженная уничтожению. Если же разрешишь другому вступить в монашество или сам в монашество вступишь, то, наставляя и ведя другого, к концу калпы мира живых существ обретешь несравненный глаз мудрости. Природа же глаза мудрости такова, что он не уничтожается с концом калпы. Вместе с тем благодаря подобной благой заслуге будешь беспрепятственно наслаждаться сколь угодно неисчерпаемыми благами в мире богов и людей до тех пор, пока в конце концов сам не станешь буддой. Почему так? Потому что дхарма вступления в монашество делает бессильным сонм мар и причисляет к сонму будд. Вместе с тем она уничтожает грехи и устраняет неблагие дхармы, а благие дхармы порождает. Она очищает от грехов и скверны, порождая деяния, ведущие к накоплению несравненных благих заслуг. Поэтому Победоносный говорил: «Благая заслуга вступления в монашество выше горы Меру, глубже моря и обширнее небесного пространства».

Если кто, помешав или воспрепятствовав вступлению в монашество, не позволил такому желанию осуществиться, то он совершил тяжкое греховное деяние. В результате подобного злого деяния человек как бы уходит в темноту, где ничего не видно, и попадает в полный мрак ада крошечной тьмы. Подобно тому как все реки и ручьи стекаются в море, так и после такого злого деяния все грехи собираются на теле твоём. Подобно тому как огонь, появившийся в конце калпы,

сжигает без остатка гору Меру, так и огонь ада живых существ сжигает такого грешника без остатка.

Если разрешить другому вступить в монашество или самому вступить в монашество, то благая заслуга от этого является чрезвычайно великой. Вступление в монашество означает омовение всей греховной скверны чистой водой священных книг, полное пресечение страданий сансары и является одной из причин вхождения в нирвану. Кто стопами, веру принявшими *, шествует по чистой почве религиозных нравственных запретов, отверстым глазом Дхармы различает благо и зло мира, по желанию своего сердца идет благородным восьмеричным путем, тот достигнет града нирваны. Поэтому у старого ли, у молодого ли, вступившего в монашество или другим разрешившего в монашество вступить благая заслуга за это суть величайшая из великих.

В то время Победоносный, находясь в Раджагрихе, пребывал в роще Венована, где обитают птички календаки. Один столетний домохозяин по имени Пэльке, услышав, сколь неисчислимы достоинства вступления в монашество, подумал, почему бы и ему не вступить в монашество Учения Будды, и сказал своей жене, своим детям и слугам:

— Я вступлю в монашество.

Поскольку тот человек был очень стар и лишь докучал всем домохозяцам, которые считали его совершенно бесполезным, то последние, услышав, что он выразил желание вступить в монашество, очень обрадовались и сказали:

— Вступай скорее, наступило как раз подходящее время.

Тогда домохозяин покинул дом и пошел в рощу Венована просить Победоносного принять его в монашество. Придя в рощу Венована, он спросил у монахов:

— Где пребывает великомилосердный Будда Победоносный, широко творящий полезные дела для богов и людей?

Монахи ответили на это:

— Будда Победоносный ушел в другое место, чтобы творить пользу для многочисленных живых существ.

Тогда домохозяин спросил монахов:

— Кто из великих учителей, окружающих Будду, самый знающий и самый мудрый?

— Достопочтенный Шарипутра, — ответили ему монахи.

И домохозяин пришел к достопочтенному Шарипутре и, отбросив посох, поприветствовал его, сказав:

— О достопочтенный, прими меня в монашество.

* Т. е. тот, кто вступил в монашество.

Достопочтенный Шарипутра окинул взглядом домохозяина и подумал: «Поскольку этот домохозяин очень стар, то он не сможет ни Учение постигать, ни практиковать транс, ни выполнять обязанности члена монашеской общины». И, подумав так, Шарипутра сказал:

— Иди-ка ты отсюда. Ты слишком стар, время твое прошло, и ты уже не годишься для монашества.

Пошел тогда домохозяин к архатам Махакашьяпе¹²², Упали¹²³, Анирудхе¹²⁴ и другим и просил их принять его в монашество. Но те вопрошали:

— Обращался ли ты раньше к кому-нибудь с просьбой принять тебя в монашество?

— Я просил достопочтенного Шарипутру, — отвечал им домохозяин.

— И что же он ответил?

— Он сказал, что я слишком стар, время мое прошло, поэтому я не гоюсь для монашества.

Тогда монахи сказали:

— Поскольку самый знающий и самый мудрый, Шарипутра, не принял тебя в монашество, то и мы не можем принять. Так, если искусный врач, сведущий в способах лечения, осмотрев больного, не берется его лечить, то заурядные врачи и подавно лечить не станут, так как больной, несомненно, отмечен знаком смерти. Коли уж мудрый Шарипутра отказал тебе в монашестве, то и другие монахи не дадут дозволения.

Тот домохозяин, не получив разрешения монахов на вступление в монашество, покинул рощу Венувана, сел на пороге и громким голосом начал горестно вопиять:

— С самого рождения я не совершил ни одного большого греха, почему же мне не позволяют вступить в монашество? Такой, как Упали, происходящий из брадобреев, подметальщик и уборщик нечистот, такой, как Атапа*, убивший пропасть людей, такой, как Асека, дикарь и свирепый человек, — все они обрели монашество! Какой же грех совершил я, что меня в монашество не принимают?

Тогда подошел к нему Победоносный и явил воочию тело свое, блистающее яркими лучами и украшенное символами божественной красоты, словно штандарт владыки богов Индры, сотворенный из семи драгоценностей.

— Почему ты так горестно вопиешь? — спросил Победоносный у домохозяина.

Услышав голос Победоносного, который был подобен слад-

* См. гл. 36.

козвучному голосу Брахмы, домохозяин несказанно обрадовался, как радуется сын, увидав мать. Он пал на землю, приветствовал Будду и сказал:

— Если такие подонки из живых существ, которые людей убивали, над людьми насмехались, лгали и клеветали, монашество обрели, то какой же грех совершил я, что мне не разрешают вступить в монашество Учения Будды? Мои домочадцы говорят, что я стал к старости докучлив и не нужен. Если меня в монашество Учения Будды не примут и я вернусь домой, то меня не пустят в мой собственный дом. Поэтому не будет у меня места, где голову преклонить, и я здесь же немедленно расстанусь с жизнью.

Тогда Победоносный спросил домохозяина Пэльке:

— Кто решился, подняв руку к небесам, определенно сказать: этот может вступить в монашество, а этот не может вступить в монашество?

Домохозяин ответил на это:

— Наимудрейший из окружения Победоносного — вселенского владыки, вращающего колесо Учения, — следующий по величию после Победоносного, направитель мира Шарипутра не принял меня в монашество Учения Будды.

Тогда Победоносный в великом милосердии своим утешил домохозяина ласковыми словами, какими утешают родители своего горячо любимого сына, и сказал ему:

— Не печалься, я приму тебя в монашество. Шарипутра — это не тот, кто на протяжении трех неизмеримых калп с усердием занимался аскезой и за сто калп обрел благую заслугу. Шарипутра и не тот, кто во всех рождениях совершал труднейшие деяния, позволяя главу себе отсечь, вырвать глаза, кости и костный мозг вынуть, срезать мясо тела, кровь свою выпить, кожу содрать, ноги, руки, уши и нос отсечь и все это в дар преподнести *. Шарипутра и не тот, кто отдал свое тело тигрице, в огненную яму прыгнул, в тело воткнул тысячу гвоздей, вставил тысячу светильников. И не тот Шарипутра, кто совершал даяния страной, городами, женами, сыновьями, рабами, рабынями, слонами, лошадьми, семью драгоценностями. Не тот также Шарипутра, кто в начальной неизмеримой калпе восемьдесят тысяч будд чтил, в срединной неизмеримой калпе девяносто девять тысяч будд чтил, в конечной неизмеримой калпе сто тысяч будд чтил, а, в монашество вступив, практиковал шилапарамиту ¹²⁵ и достиг буддства. Шарипут-

* Здесь и ниже Будда намекает на те деяния, которые он совершал сам на протяжении своих рождений.

ра не тот, кто всемогущество в Учении обрел: Так почему же он заявляет: «Этот не гош для монашества»? Только я являюсь властелином Учения, поднятым шестью парамитами, облаченным в броню терпения, восседающим на алмазном троне под деревом бодхи, покорившим злых мар и ставшим воистину Буддой. И нет, таким образом, равных мне в просветленности. Поэтому следуй за мной и ты вступишь в монашество.

Так Победоносный всячески ободрял домохозяина, и скорбь его утихла, и он, очень довольный, последовал за Буддой в храм. Там Победоносный сказал великому Маудгальяяне ¹²⁶:

— Прими этого домохозяина в монашество.

Почему все так случилось? Дело в том, что живое существо может посвятить в монашество только тот, кто имеет с ним причинно-следственную связь. Имеющий причинно-следственную (кармическую) связь с Буддой не может быть посвящен в монашество другим. Имеющий же причинно-следственную связь с другим, Буддой не может быть посвящен в монашество. Имеющий причинно-следственную связь с Шарипутрой не может быть посвящен в монашество Маудгальяяной, Кашьяпой, Анирудхой, Монкой или другими учениками [Будды].

Таким образом, никем, кроме того, с кем имеешь причинно-следственную связь, не можешь быть посвящен в монашество.

Маудгальяяна тоже подумал: «Этот домохозяин стар, и он не может ни священные тексты наизусть заучивать, ни практиковать дхьяну, ни выполнять обязанности члена монашеской общины. Однако царь Дхармы — Победоносный повелел мне посвятить его в монашество. Поэтому в силу устава нельзя отослать домохозяина обратно». Подумав так, Маудгальяяна посвятил старца в монашество и принял от него обеты.

Человек этот в предыдущих рождениях уже породил основу для своего духовного освобождения. И то, что его зацепил железный крючок Учения, было так же неизбежно, как быть на крючке рыбе. Поскольку этот человек и основу для своего духовного освобождения породил, и массу благих заслуг накопил, то, днем и ночью усердно прилежая, он научился читать и произносить наизусть слова священных книг воспринял и постиг Сутра-питаку ¹²⁷, Виная-питаку ¹²⁸ и Абидхарма-питаку ¹²⁹. Однако по дряхлости своей он не мог ни совершать предписанные обряды, ни оказывать должное почтение вышестоящим членам монашеской общины, ни соответствующим образом встречать и провожать их, ни соблюдать чин в

разговоре со своим наставником, ни кланяться ему, как положено. Поэтому молодые монахи, раньше его вступившие в монашество и сидевшие выше его, считали, что старый монах кичится своими успехами в чтении, заучивании и постижении священных текстов и поэтому не оказывает им почтения, и они постоянно придирались к нему.

Тогда старый монах подумал так: «Когда я пребывал в семье, жена и дети не давали мне житья. Вступив в монашество, думал от этого избавиться. Но за какие грехи в прошлом я сейчас от молодых монахов такие муки терплю? Лучше уж мне умереть».

С этими мыслями пришел старец на берег большой реки, протекающей сколо рощи Венувана, снял монашеское одеяние, повесил его на ветки дерева, стал на колени и, обливаясь слезами, произнес про себя такое моление: «Я ни в коей мере не отказываюсь от Будды, Учения и монашеской общины. Я лишь оставляю тело мое. И в силу благих заслуг, порожденных моими деяниями, соблюдением правил моральной дисциплины, прилежанием, чтением сутр, да смогу возродиться я, расставшись с этим телом, могущественным, богатым и в достойном роду! Да не будет мне препятствий для вступления в святое Учение! Да буду я постоянно встречаться с тремя драгоценностями! Да буду я прилежать в монашестве и Учении! Да встречу я с мудрым наставником, указаниями которого сподоблюсь перейти в нирвану!» И с этим он приготовился смело прыгнуть в реку в том месте, где течение было сильное, глубина большая и кружили водовороты.

Тут Маудгальяна, поглядев божественным глазом, подумал: «Что это мой ученик собирается делать?» И, увидав, что его ученик прыгнул в реку, он своей волшебной силой воспрепятствовал падению в воду старого монаха, взял его и положил на берег, вопрошая:

— Что ты делаешь, мой духовный сын?

Старец устыдился, смутился и не знал, что ответить. «Если я солгу и обману моего наставника, — подумал он, — то за обман наставника во всех следующих рождениях будет на мне грех, лишаящий дара речи *. Кроме того, если я солгу, то наставник запредельной мудростью своей обнаружит мою ложь. Кто в мире обладает благоприобретенной мудростью, по своей природе правдив и чужд обмана, тот почитается богами. Кто же обладает благоприобретенной мудростью, но не чужд обмана, тот не должен быть наставником других и не

* Т. е. он будет рождаться немым.

почитаются людьми. Кто не обладает мудростью, но правдив и чужд обмана, тот, хотя и не может быть полезным для других, себе творит пользу. Кто же глуп и омрачен духовным невежеством, да при этом еще и склонен к обману, тот повсюду слывет за негодяя, и, что бы он ни произнес, все говорят: „Этот — лжец и обманщик“. И если он даже скажет правду, никто ему не поверит. Таким образом, если я солгу наставнику, то это будет неправильно и недостойно. Скажу-ка я ему лучше правду». И, подумав так, старец отвечал наставнику следующее:

— Докучали мне домашние дела, и я ушел из дому в монашество в поисках мира и уединения. Но, спокойствия и здесь не обрета, решил умереть.

Услышав эти слова, Маудгальяяна подумал: «Если я не устрашу его предстоящими рождениями и смертями, то не будет для него пользы от вступления в монашество». И он сказал:

— Крепче ухватись за край моего духовного одеяния и смотри не выпусти его!

И как только прозвучали эти слова, они вознеслись на верхнее небо, и, подобно тому как ветер гонит мякину, магическая сила повлекла их с такой легкостью, с какой несут в руке один-единственный волосок. Подобно тому как сокол несет в когтях птенчика, так и магическая сила Маудгальяяны вознесла их в небо и за время, необходимое человеку, чтобы согнуть и разогнуть руку, доставила на берег моря. На том берегу лежало дивное сложением тело недавно умершей красавицы. Из рта трупа выползала змея и скрывалась в ухе. Маудгальяяна взглянул на труп, а старый монах спросил:

— Кто эта прекрасная женщина?

— Придет время, и я тебе объясню, — ответил ему Маудгальяяна, и они последовали дальше.

Затем они увидели женщину, которая поставила большой медный котел, налила в него воды и развела под котлом большой огонь. Когда вода закипела, женщина сняла одежды и ступила в этот котел.

Моментально вылезли волосы на голове и теле ее, сварилось мясо и отделились от него кости. Кипящая вода выплеснула эти кости из котла, подул на них ветер, и тут же кости превратились в человека. Человек этот вытащил из котла мясо и стал его пожирать.

Страх объял монаха Пэлье, так что его волосы стали дыбом, и он спросил у наставника:

— Кто это пожирающий собственное мясо?

— Когда придет время, объясню, — ответил ему Маудгальяна.

Последовав дальше, они увидели огромное дерево с такой густой кроной, что, казалось, между его ветвями и листьями не осталось места и для кончика иголки. Множество червей пожирало дерево, которое издавало при этом жалобные крики, и вокруг разносились звуки стенаний, похожие на звуки ада живых существ.

— Поведай мне, кто издает такие ужасные звуки, — попросил монах.

— Когда придет время, объясню, — ответил ему Маудгальяна.

Далее они увидели множество претов с человеческим туловищем и головами хищных зверей, которые, держа в руках луки и стрелы, окружали одного человека. Стрелы эти пылали огнем, и когда преты со всех сторон метнули их в того человека, он вмиг был охвачен пламенем.

— Поведай, кто он, терпящий такие мучения и даже не имеющий места, куда скрыться, — сказал монах.

— Подожди немного, придет время, тогда объясню, — ответил наставник.

Пошли они дальше и спустя долгое время подошли к огромной горе.

И там они увидели, как один человек, воткнув в ее склон мечи и режущее оружие лезвиями вверх, побежал вниз с вершины горы, а оружие кололо и кромсало его тело. После этого человек снова втыкал в землю мечи и режущее оружие и так бегал без отдыха.

— Поведал бы, кто это такой, — сказал монах.

— Придет время и объясню, — отвечал наставник.

Затем они пошли дальше и достигли огромной горы, сложенной из человеческих костей. Высота той горы составляла семьсот йоджан. Гора затмевала небо, и тень ее помрачила море. Маудгальяна взобрался на ту гору и стал ходить туда-сюда по огромному ребру. «Последую-ка я за ним и посмотрю», — подумал старый монах. Сделав так, он решил: «Раз наставник ничем не занят, спрошу у него про вещи, увиденные ранее» — и сказал:

— Наставник, прошу, объясни мне вещи, которые я видел ранее.

— Поскольку время наступило, то объясню, — сказал Маудгальяна — Если хочешь знать, кто та женщина, которую ты увидел вначале, то она была женой человека из Раджагрихи по имени Сарпак. Она была очень красива, поэтому муж

безумно любил ее. Как-то раз отправился Сарпак в море и, не желая оставлять жену, взял ее с собой. Так вместе с пятьюстами купцами и женой вышел он в море. В море жена занималась тем, что постоянно сооружала из трех дощечек подобие подставки, водружала на нее зеркало, смотрелась в него и тешилась своей красотой.

Тем временем из глубины моря появилась огромная черепаха, которая ударила корабль. Корабль разрушился, и все люди погибли.

По свойству моря, не допускающего, чтобы трупы оставались в нем более суток, морские воды выкинули трупы на берег. Но живые существа после смерти своей возрождаются в том состоянии, к которому они питали склонность.

— Кто же, питая склонность к возрождению в аду живых существ, многократно возрождается в этом аду? — спросил старый монах.

— Те живые существа, — отвечал Маудгальяяна, — которые совершали великий грех, похищая имущество, принадлежащее трем драгоценностям или собственным родителям, или лишали людей жизни, ввергаются в великий пылающий ад живых существ.

Люди эти все страдали от простуды или малярийного озноба, поэтому думали об огне, чтобы согреться. И поэтому сразу же после смерти попадали в пылающий ад живых существ.

Что же касается тех, кто совершил грех, украв масло [для светильников] или драгоценности, поднесенные Будде, или украл светильники или дрова у монашеской общины, разрушил жилой дом общины монахов или молитвенное помещение ее, кто в холодное, зимнее время отнимал у человека одежду, или, могуществом обладая, раздев раба, рабыню или другого человека, на ледяном ветру обливал их водой, или, раздев людей, одежду их забирал, — те попадают в ледяной ад живых существ. Люди эти, страдая от горячки, постоянно думали о прохладном месте, желали холода. И поэтому сразу же после смерти возрождались в ледяном аду живых существ.

У живых существ, страдающих в ледяном аду, мясо тела трескается и распадается на кусочки, как злак, пораженный болезнью. Череп и кости их также покрываются трещинами и рассыпаются на сотни тысяч осколков.

Те же живые существа, которые из скупости и стяжательства лишают других людей средств к существованию, обрекая их на голод, или же во время, установленное для принятия

пищи, не вершат подаяния *, попадают [после смерти] в область голодных духов — претов. Эти люди страдают непроходимостью пищи и рвотой. И когда окружающие, приготовив множество различных блюд, настойчиво предлагают попробовать их, говоря: «Это сладкое. Это кислое. Это вкусное. Это легкое для желудка», то больной, чувствуя [позывы] к рвоте, думает: «Я даже видеть не могу эту пищу». А когда такой [человек] умирает, он сразу же попадает в мир прет.

Глупые же, духовным невежеством омраченные живые существа, которые не верят в три драгоценности, бесчестят и чернят благородных, обречены на рождение в мире животных. Корчась в болезненных муках, они пытаются лечь и успокоиться сном, но не могут и не желают слушать речей,ставляющих их во благо. Напрасно окружающие больного и достоверно знающие, что тот отмечен печатью смерти, говорят ему: «Обратись к святому Учению! Дай обет соблюдения правил моральной дисциплины! Помысли о Будде! Пригласи монахов и сделай им пожертвование!»

И если, не веря, не радуясь этому, больной отвергает настойчивые увещевания и в гневе восклицает: «А почему бы мне не уйти туда, где даже не слышно таких слов, как „три драгоценности“ и „благо“», то сразу же после смерти он возрождается в мире животных.

Тот же, кто прилежает на благой стезе, ведущей к рождению в мире богов или людей, не испытывает больших мучений от болезни, а когда наступает время смерти, не терзается смятением духа.

Окружающие больного, видя, что тот близок к смерти, спрашивают: «Не хочешь ли ты выслушать святое Учение? Не хочешь ли ты взглянуть на образ Будды? Не хочешь ли ты послушать монахов, читающих сутры или духовные стихи? Не будет ли тебе в радость принять обет о соблюдении правил моральной дисциплины? Не желаешь ли пожертвовать имущество Будде и его общине?»

И если на все это последует ответ: «Да, желаю», то будет сказано больному: «Если сделаешь подношение образу Будды, то станешь на путь буддства. Если совершишь жертвоприношение и подношение Дхарме, то, где бы ни родился, везде будешь обладать мудростью, проникнешь в философию Дхармы и поймешь ее. Если одаришь монашескую общину имуществом, то в любом рождении будешь обладателем дра-

* Имеется в виду подаяние нищенствующим буддийским монахам, которые должны принимать пищу в определенное время.

гоценностей и богатств, скольких пожелаешь». Возрадуется больной, и если произнесет моление: «Да буду я во всех рождениях встречаться с тремя драгоценностями и выслушивать Учение! Выслушав Учение, да проникну я в суть его!» — то он после смерти будет рождаться в мире людей.

Кто широко творит благо, создающее причину рождения божеством, практикует даяния, свято блюдет правила моральной дисциплины, с радостью внимает Учению, в своем поведении следует десяти правилам нравственного поведения, тот в момент кончины, спокойно лежа на смертном одре, зрит образ Будды, небесную обитель, небожительниц и слушает небесную музыку. Лик его благостен, и руки воздеты к небу. После смерти он возрождается в мире богов.

— Жена домохозяина Сарпака, — продолжал далее Маудгальяяна, — из-за привязанности к своему телу после смерти сразу же возродилась в облике змеи, ползавшей по женскому трупу. А после окончания жизни в облике змеи она будет терпеть бесчисленные муки в великом аду живых существ.

— Кто была женщина, пожиравшая собственное тело? — спросил наставника старый монах.

— В городе Шравасти, — отвечал Маудгальяяна, — жила белица *, у которой была служанка. Та белица пригласила на три летних месяца одного монаха, свято блюдушего правила моральной дисциплины, чтобы сотворить ему пожертвования. Она устроила для него в стороне помещение, где тот и пребывал. Ежедневно белица готовила для монаха разнообразные вкусные кушанья и в полдень посылала их ему со своей служанкой.

Но служанка, скрывшись с глаз, сама съедала вкусные вещи, а монаху подносила лишь остатки. Белица, заметив, что служанка посвежела лицом и раздобрела телом, спросила ее:

— Уж не ешь ли ты пищу, предназначенную для монаха, а ему не вручаешь ли остатки?

— О госпожа! — возразила ей та. — Я ведь также немножечко верующая, и нет у меня дурных помыслов. Как же могу я есть пищу, предназначенную для монаха, а ему отдавать остатки? Я съедаю лишь то, что остается после монаха. Если же я ела пищу монаха, то пусть во всех своих рождениях буду есть собственное мясо!

И как следствие этой причины она, подвергшись каре, ко-

* Жещинна, принявшая некоторые первичные духовные обеты, но не являющаяся монахиней.

торую сама себе определила, испытывает бесчисленные мучения в великом аду живых существ.

— Что это за дерево с множеством червей, пожирающих его и издающих громкие, отвратительные крики? — спросил старый монах.

— Был монах по имени Лида, который служил общине, управляя ее имуществом, — сказал наставник. — Этот монах раздавал мирянам цветы, плоды, пищу, имущество монашеской общины. Поэтому он подвергается такому наказанию, после чего сразу же возродится в великом аду живых существ. Черви, которые пожирают дерево, — это люди, получавшие подарки от того монаха.

И опять спросил старый монах:

— Кто был тот человек, которого окружало множество существ, поразивших его стрелами, отчего вмиг загорелось его тело?

На это Маудгальяна сказал:

— Тот человек, занимаясь охотой, убил много зверей. Поэтому он и терпит такие мучения. После смерти он возродится в великом аду живых существ, откуда ему будет очень трудно освободиться.

— А кто тот человек, — спросил старый монах, — который, сбегаая среди мечей и другого оружия с высокой горы, смерть принимает?

— Тот человек, — отвечал Маудгальяна, — был храбрейшим царским военачальником, а теперь бегаает по острому оружию — мечам, копьям, трезубцам. Затем, по истечении назначенного срока, он будет длительное время подвергаться мукам в великом аду живых существ.

— Ну а что означает огромная гора из человеческих костей? — спросил монах.

— Если хочешь знать, — ответил Маудгальяна, — то это кости твоего прежнего тела.

Услышав эти слова, монах так перепугался, что волосы его встали дыбом, а тело покрылось потом.

Соблагоизволь поведать, — попросил он, — пока сердце мое не разорвалось, о причинах и следствиях прежних моих деяний.

Тогда Маудгальяна сказал:

— Круговорот рождений и смертей не имеет ни конца, ни края. Ни одно благое или греховное деяние не исчезает бесследно. А отсюда неизбежность воздаяния за все совершенное.

В давно прошедшие времена в стране Джамбудвипе был царь по имени Дхармодгато, или «Благородный в Дхарме».

Он любил совершать даяния, чтит правила моральной дисциплины, охотно выслушивал Учение, обладал большим милосердием, и не было свирепости в его характере. Царь не лишал жизни живые существа и, обладая знаками царского достоинства, правил страной в соответствии со святым Учением.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он как-то раз забавлялся игрой в шахматы. В то время один человек совершил большое преступление. Советники спросили царя:

— Если человек совершил великое преступление против закона, как с ним поступить?

— Поступите с ним в соответствии с законом! — распорядился царь.

Советники, рассудив по закону, нашли, что человек тот заслуживает смертной казни, и казнили его. Царь же, закончив игру в шахматы, спросил советников:

— К какому наказанию приговорен человек, совершивший преступление?

— В соответствии с законом, — отвечали советники, — он приговорен к смертной казни и казнен.

Услышав эти слова, царь потерял сознание и упал без чувств на землю. Советники побрызгали на него водой, а когда царь пришел в себя, сказал со слезами:

— Дворцовые наложницы, слоны, лошади, драгоценности семи родов — все они останутся здесь. Только я один отправлюсь в ад живых существ терпеть мучения. Когда я не был царем, то во дворце осуществлялось царское правление. Если вскоре умру, то царь также будет править. Я же, убив человека, оказался скверным царем. И куда же я попаду во всех своих будущих рождениях? Не хочу больше быть царем!

Он сложил знаки царского достоинства и удалился в горы, где стал вести жизнь отшельника. После смерти тот царь возродился в океане в облике огромного морского чудовища длинной в семьсот йоджан.

Те цари или сановники, которые злоупотребляют своим могуществом, отнимают у живых существ жизнь, или творят произвол, или причиняют вред живым существам, — такие сразу же после смерти чаще всего возрождаются в облике морского чудовища, на теле которого обитает множество червей. От червей тело у чудовищ зудит, и они трутся о хрустальную гору. И от крови множества раздавленных червей краснеет море на сто звучаний голоса в округе *. А после смерти в

* Расстояние, на котором слышен крик человека (старая мера длины). взятое сто раз.

облике чудовища они в силу деяний, перечисленных выше, низвергаются в ад живых существ.

Погружаясь в сон, такое чудовище просыпается раз в столет. Страдая от голода и жажды, оно широко открывает пасть, и морские воды устремляются туда, подобно огромной реке, впадающей в океан.

Некогда пятьсот купцов вышли в море в поисках драгоценностей и столкнулись с чудовищем, широко раскрывшим свою пасть. Их корабль стремительно повлекло в пасть голодного чудовища. Жалобно закричали купцы и начали говорить один другому: «Мы несомненно погибнем. Пусть каждый вспомнит свою опору».

И тогда некоторые стали взывать к имени Будды, к Дхарме и к монашеской общине. Другие же выкрикивали имена божеств земли, божеств гор и рек, асуров, родителей, жен, сыновей, дочерей, братьев, родственников и говорили: «Сейчас мы зрим последнее в своей жизни, и никогда не доведется нам увидеть Джамбудвипы».

И когда их уже подтащило к пасти чудовища, все купцы в один голос воскликнули: «О Будда! К тебе припадаем!»

Как только морское чудовище услышало возглас: «О Будда! К тебе припадаем!» — оно тотчас же закрыло пасть, ток воды прекратился, и купцы, таким образом, избежали смерти. Чудовище же от голода тут же подохло и возродилось в облике насекомого.

Труп чудовища выкинуло на морской берег. Его сушило солнце, мочили дожди; так вот гора костей и есть его скелет, лишенный мяса.

Пэлье, знай следующее: царь того времени, носивший имя «Благородный в Дхарме», — это ныне ты. За убийство человека царь тот возродился чудовищем в океане. И если ныне ты вновь обретенное человеческое тело не отворишь от круга перерождений, то после смерти попадешь в ад живых существ и будет трудно спастись оттуда.

Монах Пэлье, посмотрев на останки своего прежнего тела и выслушав слова поучения, страшно испугался круга перерождений. Последовательно сосредоточив мысль на тех сторонах Учения, которые требуют прилежания, и сконцентрировав сознание в одной точке, он посмотрел на свое прежнее тело и полностью проник в не вечность сущего. Осознав необходимость порвать с кругом перерождений, старый монах очистился от всей скверны греховной и стал архатом.

Возрадовался этому Маудгальяна и сказал:

— Духовный сын мой! Сюда ты прибыл благодаря моей

силе. Сейчас же отправляйся обратно, полагаясь только на свою силу!

Произнеся эти слова, Маудгальяяна поднялся в верхнее небо. Монах Пэльке последовал за своим наставником. Подобно тому как птенец следует за птицей, прибыли они в рощу Венувана. Там молодые монахи, не зная, что старый монах стал архатом, по-прежнему не переставали оскорбительно помыкать им, на что тот не отвечал ни слова.

Видя подобное, Победоносный, чтобы положить конец такому поведению молодых монахов и прославить достоинства старого монаха, сказал ему в присутствии многочисленного окружения:

— Подойди сюда! — затем спросил: — Был ли ты на берегу моря?

— Я был на берегу моря, — отвечал Пэльке.

— Расскажи обо всем, что ты видел на берегу моря! — повелел ему Победоносный.

Старый монах подробно рассказал обо всем, что он видел.

— Хорошо, хорошо, — одобрил его Победоносный, — все, что ты видел, это правда. Ты полностью отринул страдания круга рождений и обрел благо нирваны, тем самым став объектом почитания богов и людей. Монах Пэльке, ты полностью свершил все то, что тебе было суждено!

Молодые монахи, слыша эти слова Победоносного, чрезвычайно устыдились и огорчились. «Столь знающему и мудрому достопочтенному человеку, — сказали они один другому, — мы по нашему неведению чинили зло и вред. Неизбежно воздаяние за этот наш грех». Сказав так, пошли молодые монахи к монаху Пэльке и, простершись перед ним ниц, приветствовали его.

— Святые существа, — сокрушенно промолвили они, — обладают врожденным милосердием. О достопочтенный! Поскольку ты тоже обладаешь врожденным милосердием, то, полагаясь на твою доброту к нам, мы раскаиваемся перед тобой в содеянном.

На это старый монах ответил:

— Не держу я в своих мыслях обиды на вас, считайте себя очистившимися от прегрешений.

Поняв, что молодые монахи искренне сожалеют о своем прежнем поведении и раскаиваются в нем, монах Пэльке наставил их в святом Учении. Прослушав наставления о том, что необходимо отвратиться от круга рождений, молодые монахи стали усердствовать и прилежать и, полностью очистившись от греховной скверны, обрели архатство.

После этого домохозяин Пэльке прославился на всю Раджагриху. Все несказанно удивлялись, как это старый, ничего не знающий домохозяин, вступив в монашество Учения Будды, стал архатом и смог так проповедовать святое Учение.

Тогда у большинства обитателей Раджагрихи родились помыслы о благе. Некоторые разрешили вступление в монашество своим сыновьям, дочерям, рабам и рабыням. Другие сами попросились в монашество. И все были чрезвычайно рады и довольны.

Таким образом, достоинства монашества неизмеримы и неисчислимы. Если уж столетние, такие, как Пэльке, вступив в монашество, обретают столь великие достоинства, то что и говорить о том, какие великие святые плоды обретают молодые и здоровые, вступив в монашество. Поэтому, проявляющие рвение к Учению, вступайте в монашество!

РАЗДЕЛ V

Глава шестнадцатая

О СОБЛЮДЕНИИ МОРАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ МОНАХОМ-ПОСЛУШНИКОМ

Соблюдающим моральную дисциплину легче отдать тело и жизнь, чем нарушить ее правила. Почему так? Потому что моральная дисциплина служит чистой основой для вступления на стезю духовного пробуждения, является путем, ведущим к благу нирваны. Благая заслуга за неуклонное соблюдение моральной дисциплины безмерна и неисчислима. Подобно тому как океан бескраен и неизмерим, так и благая заслуга за соблюдение моральной дисциплины также бескрайна и неизмерима. Например, как море является обителью асуров, рогатых змей, морских чудовищ и других огромных водяных существ, так и в пределах моральной дисциплины пребывает множество великих существ, обитающих в трех колесницах¹³⁰. Подобно тому как в океане множество золота, серебра, ляпис-лазури и других драгоценностей, так и в море моральной дисциплины множество драгоценностей, как, например, четыре аспекта бренности¹³¹, тридцать семь компонентов духовного просветления¹³², дхьяны, самадхи и другие. И, наконец, дно Мирового океана являет собой алмаз, и ок-

ружен этот океан алмазной стеной. Хотя впадают в него четыре реки, однако воды в нем не переливаются через край и количество их не уменьшается. Таково и море моральной дисциплины. Абидхарма, подобно алмазу, составляет его дно. Ограда его — горный хребет святого Учения. Хотя священные сутры, подобно четырем рекам, в это море впадают, оно не увеличивается и не уменьшается.

Почему же утверждают, что воды Мирового океана не переливаются через край? Потому что пламя бескрайнего ада живых существ, расположенного внизу, сушит тот океан, и воды его не переливаются через край. Но их и не становится меньше, поскольку в океан постоянно впадают четыре реки.

Море моральной дисциплины также не увеличивается из-за сосредоточений мыслей и намерений на добре и не уменьшается от наличия добродетелей. Поэтому следует знать, сколь многочисленны достоинства, приобретаемые в результате соблюдения правил моральной дисциплины.

После того как Победоносный ушел в нирвану, в стране Аната жил нищенствующий монах достойного поведения, предпочитавший пребывать в уединенном месте.

Нищенствующий монах, прославленный всеми буддами, не живет среди мирян. Почему так? Потому что у нищенствующего монаха мало желаний и довольствуется он малым. Он ничего не собирает, ест один раз в сутки, не имеет верхнего платья и пользуется только тройным монашеским одеянием¹³³. Достопочтенен и возвышен он за это. Монахи же, пребывающие в общине, из-за многочисленных желаний, незнания меры, скупости, страстей неумных великой славы не обретают.

Тот нищенствующий монах, пребывавший в стране Аната, упражняясь в добродетелях, обрел плод монашества*, и ему стали присущи шесть видов трансцендентного знания, три ведения, восемь разновидностей освобождения. И в результате своего поведения, прекрасного во всем, он стал славен повсюду.

В то время в стране Аната жил один добродетельный генен. Он чрезвычайно чтит три драгоценности и соблюдал пять запретов: не лишать никого жизни, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не пить спиртного. Этот генен как-то раз подумал о приобретении благой заслуги за предоставление пропитания прославленному нищенствующему монаху до конца его жизни. При этом он рассудил так: «Если я буду при-

* Т. е. стал архатом.

глашать монаха на угощение к себе домой, то он по дороге будет терпеть холод или жару. К тому же такое хождение мешает ему заниматься созерцанием. Но этого не случится, если я буду посылать пропитание в жилище монаха, а посему и благая заслуга моя полнее будет».

Приняв такое решение, тот генен от всего сердца, исполненного веры, стал готовить различные блюда, прекрасные на вкус и красивые на вид, и ежедневно посылать их монаху.

Что касается монахов вообще, то трудно распознать их по четырем хорошим и дурным признакам, подобно тому как трудно узнать, созрел или нет плод манго. Некоторые монахи хотя и отличаются исключительно прекрасным образом действия — выступают медленно, головой по сторонам не вертят, однако по своей внутренней сущности являются сосудом страстей, гнева, невежества и других качеств, не соответствующих Учению. Кое-кто из них даже нарушает правила моральной дисциплины. Они подобны плоду манго, который снаружи выглядит спелым, но зелен внутри.

Некоторые монахи хотя внешне грубы и непристойны, однако ведут монашеский образ жизни и обладают добродетелями, практикуют дхьяну, самадхи и наделены мудростью. Такие — подобны плоду манго, незрелому на вид, но спелому внутри.

Некоторые монахи грубы и в поведении своем греховны, не соблюдают они также и правил моральной дисциплины. Свойственны им страсти, гнев, духовная омраченность, скупость и зависть. Такие — подобны плодам манго, незрелым как на вид, так и внутри.

Но некоторые монахи прекрасны поведением, и блюдут они также моральную дисциплину. Их внутренней сущности свойственны при этом монашеские добродетели, соблюдение обетов, практика самадхи, глубокая мудрость. Такие — подобны плоду манго, спелому как на вид, так и внутри. Именно такими внешними и внутренними качествами обладал нищенствующий монах, обитавший в стране Аната. Все чтили и уважали этого монаха за совершенство его добродетелей и поступков.

В то время в той стране у одного домохозяина, весьма почитавшего три драгоценности, был маленький сын. Этот домохозяин подумал: «Чтобы подготовить сына для вступления в монашество, надо найти ему мудрого наставника. Ведь опора на добродетельного духовного наставника добродетели и умножает. Опора же на греховного учителя порождает греховную дхарму. Так, хотя природа ветра и неизменна, но ес-

ли он дует из сандаловой или магнолиевой рощи, то ветер тот благоухает сладким ароматом. Если же ветер дует из вонючего места, где разлагаются трупы, то он тоже становится смрадным. Или, например, если новую одежду положить в ларь с благовониями, то одежда эта также будет пахнуть благовониями. Но положи ее в зловонное место, и одежда эта будет испускать зловоние. Если опираться на добродетельного духовного наставника, то это приведет к увеличению собственных добродетелей. Если же опираться на греховного учителя, то это породит и приумножит собственные грехи. Поэтому я вручу своего сына достойному монаху, чтобы он подготовил его к принятию монашества».

И, подумав так, домохозяин пошел к тому монаху и сказал ему:

— Если мой сын будет привержен к монашеству, то, прошу тебя, достойный, не оставь его милосердием своим и посвяти в монашество. Если не посвятишь в монашество, то верни его домой.

Окинул монах мальчика своим магическим взором и нашел, что тот, вступив в монашество, будет неукоснительно блюсти правила моральной дисциплины и содействовать распространению Учения Будды. Он посвятил его в духовное звание и сделал послушником.

У генена, питавшего того нищенствующего монаха, был друг — домохозяин. В то время этот домохозяин устраивал праздничный обед. На обед он пригласил генена с женой, сыновьями, дочерьми, рабынями и всеми домочадцами.

Собираясь на следующий день идти в гости, генен подумал: «Если мы все пойдем в гости, то кто будет стеречь дом?» — и сказал:

— Тот, кто добровольно останется дома, сразу после нашего возвращения из гостей получит вознаграждение в знак моей благодарности.

На это дочь генена сказала родителям:

— Пусть все домашние идут в гости. Я останусь стеречь дом.

— Хорошо, хорошо, — сказал ей отец, — ты вся в мать, и я не буду беспокоиться, что дома случится какая-нибудь беда.

Когда все домашние ушли в гости, девушка, оставшись одна, крепко заперла двери.

В тот день генен, будучи занят, забыл послать дарственную пищу монаху. Тогда монах подумал: «Солнце за полдень перешло. Уж не забыл ли хозяин из-за многих дел послать пищу? Но без еды негоже оставаться, пошлю-ка я за ней

своего послушника». И, подумав так, он отправил послушника за дарственной пищей, дав ему при этом такой наказ: «Будь в поведении своем очень сдержан. Как заповедовал Будда, получай в селении подающие пищей, и как пчелы, которые, [собирая мед], не вредят ни цветам, ни запаху цветка, так и ты, бесстрастно получая в доме подающие, сдерживай все пять органов своих чувств и не выказывай ни к чему жадности.

Если соблюдать моральную дисциплину, то непременно обретишь духовный плод. Не то что Дэвадатта, который хотя и знал наизусть много сутр, но творил греховные дела и не соблюдал правил моральной дисциплины, за что в бескрайнем аду живых существ возрождался, или Кокалика¹³⁴, который извергал хулу и пренебрегал религиозными нравственными запретами и тоже возрождался в аду живых существ. А вот монах Цзуванда хотя ни одной шлоки не знал, однако благодаря соблюдению моральной дисциплины стал архатом.

Соблюдение моральной дисциплины открывает врата в нирвану и становится причиной несказанного блаженства. Например, один приверженец брахманизма, устраивая религиозное празднество, длящееся три-четыре месяца, приглашал на него не всех, а только мудрых и сведущих брахманов, соблюдающих правила моральной дисциплины и отличающихся безупречным поведением.

Каждому, приходящему на празднество, ставилась на запястье медовая печать. Один странствующий брахман, хотя и обладавший достоинствами, был по своей натуре жадным, питая пристрастие к меду и сладкому. Он стал лизать печать, поставленную на запястье, и лизал ее до тех пор, пока она не исчезла.

На следующий день привратник, впуская собравшихся на празднество, не пропустил этого странствующего брахмана, который остался без печати.

— Где твоя печать? — спросил его привратник.

— Она была сладкая, и я ее слизал, — отвечал тот.

Таким образом, из-за пристрастия к капельке сладкого тот странствующий брахман лишился разнообразных яств, прекрасных на вид, запах и вкус, подававшихся на протяжении четырех месяцев, а также многих драгоценностей, подносимых там в дар.

Ты же из-за пристрастия к малому смотри не сведи на нет [медовую] печать правил моральной дисциплины, ибо тогда не узнаешь ты сладчайшего вкуса пяти радостей богов и людей, утратишь непорочность, тридцать семь компонентов ду-

ховного пробуждения, благо нирваны и несравненную драгоценность Учения. Не опозорь три драгоценности, своего наставника и достоинство монашеской общины несоблюдением правил моральной дисциплины будд трех времен.

Выслушав это поучение, послушник припал головой к стопам наставника и отправился в дом к генену. Придя туда, он постучал в дверь, и девушка спросила:

— Кто там?

— Мой наставник прислал меня за дарственной пищей, — отвечал ей послушник.

Девушка очень обрадовалась и, подумав: «Ну, сейчас мое желание исполнится», открыла дверь, и послушник вошел в дом.

Девушке было не более шестнадцати лет. Она была прекрасно сложена и очень красива лицом. В силу своей пылкости она решила соблазнить послушника и, охваченная страстью, стала испытывать на нем многочисленные приемы обольщения. Послушник подумал: «Эта девушка либо больна, либо сумасшедшая, либо, страстью охваченная, хочет огнем вожеления сжечь мою моральную дисциплину». И он оставался бесстрастен и даже не изменился в лице.

Тогда девушка легла перед послушником на землю и сказала ему:

— Мое постоянное желание сегодня свершилось. О думе своей неизменной я давно хотела сказать тебе, да не представлялось случая. И если ты таким же образом обо мне помышляешь, то удовлетвори мое желание. Хотя в этом доме, как в сокровищнице Вайшраваны, имеется множество драгоценностей, золота, серебра и других богатств, но нет в нем хозяина. Поэтому, прошу тебя, стань хозяином дома со всем его имуществом. Я сделаюсь твоей рабыней, буду служить тебе и чтить тебя. Прошу, не отвергай этой просьбы и исполни мое желание.

Послушник подумал: «Что за греховное деяние сотворил я *, если столкнулся с такой напастью? Да мне легче расстаться с телом и жизнью, лишь бы не нарушить правил моральной дисциплины будд трех времен. Прежде монахи, попав в общество публичных женщин, не колеблясь прыгали в огонь, чтобы не нарушить моральной дисциплины. Было и такое, когда монахи, одоленные злодеями и ими привязанные к траве, терпели ветер, солнечный зной и множество насекомых, поедавших их, но во имя соблюдения правил мораль-

* Имеются в виду прежние рождения, грехи которых отражаются на настоящем рождении.

ной дисциплины не уходили, разорвав траву. Или же монах, видя, как утка глотала талисман, хотя и испытывал страдания, но во имя соблюдения моральной дисциплины не произносил ни слова. Или же монах с тонущего корабля хотя и схватился за доску, но во имя соблюдения правил моральной дисциплины передал ее другому монаху, старшему по положению, а сам погибал в море.

Эти монахи являлись учениками Будды, соблюдавшими моральную дисциплину, а мы разве не таковы? Разве Татхагата был только их Учителем и не является нашим Учителем? Ведь если кунжут давить вместе с цветами магнолии, то получится очень ароматное кунжутное масло. Разве в моем случае не то же самое? Если я полностью принадлежу своему благому другу *, то как же я могу сейчас, здесь, греховное и неблагое деяние совершить? Легче уж расстаться с телом и жизнью, нежели, нарушив моральную дисциплину, опозорить доброе имя Будды, Учение, монашескую общину, родителей, наставника и духовенство».

И еще он подумал: «Если я убегу, то эта девушка, одержимая похотью, не имея ни стыда, ни совести, схватит меня на улице и станет порочить. Тогда местные жители увидят это, и будет позор. Ничего не поделаешь, придется умереть в этом доме». И, подумав так, послушник сказал девушке:

— Крепче запри двери, а я в соседней комнате исполню небольшое дело, и мы встретимся.

Пока девушка ходила запираť наружную дверь, послушник прошел во внутреннюю комнату и закрыл за собой дверь на засов. Там он, к великой радости, нашел бритву, снял свое одеяние, повесил его на вешалку, преклонил колено в сторону города Кушинагари, где Будда перешел в нирвану, и, сложив вместе ладони, произнес такой обет:

«Я не отказываюсь ни от Будды, ни от Учения, ни от монашеской общины. Я не отказываюсь ни от настоятеля, ни от наставника. Я не отказываюсь от правил моральной дисциплины, но ради их соблюдения я отказываюсь от этого тела. Где бы я ни возродился, да буду пребывать в монашестве Учения Будды, да будут непорочны все мои деяния, да оставит меня скверна греховная, да обрету я благодатный плод».

С этими словами он перерезал себе горло, хлынувшая кровь окрасила его тело, и он скончался.

Тем временем девушка, подумав, что уже прошло много времени, подошла к двери и позвала послушника, но ответа

* Т. е. духовному наставнику.

не получила. Открыв дверь, она заглянула [в комнату] и увидела его мертвым. Хотя и не вышло по ее желанию, но страсть девушки тут же утихла. Подавленная скорбью, она, вырывая волосы и царапая себе лицо, зарывав, упала на землю.

Когда родители девушки вернулись с праздничного обеда, они постучали в дверь и позвали дочь, но ответа не получили. Человек, посланный в дом, открыл изнутри дверь, и они, увидав дочь в таком состоянии, спросили ее:

— Что с тобой стряслось? Кто-нибудь, насмеявшись над тобой, опозорил наш род?

Девушка, ничего не ответив, подумала так: «Если я скажу правду, то мне будет очень стыдно. Если же я скажу, что послушник насмеялся надо мной, то опорочу благородного человека, за что попаду в ад живых существ и буду обречена на многочисленные мучения. Поэтому не буду лгать, а скажу правду».

И, подумав так, она сказала:

— Когда я осталась одна охранять дом, пришел послушник за едой для своего наставника. Сжигаемая огнем страсти, я стала его домогаться. Но послушник, соблюдавший правила моральной дисциплины, не изменил им. Он придумал способ уединиться в комнате и там предал себя смерти. Я горюю оттого, что своим смрадным телом привела в негодность сосуд, исполненный чистоты, и тем самым совершила великий грех.

— Не мучайся, — сказали ей родители, — ведь в силу дхармы никто не вечен.

Войдя в дом, они увидели останки послушника, подобные красному сандаловому дереву от покрывавшей их крови. Поклонившись останкам, они произнесли хвалу, воскликнув: «Сколь превосходен не пощадивший ни тела, ни жизни ради соблюдения правил моральной дисциплины Будды!»

По царскому обычаю той страны, если у кого в доме погибал монах, то те платили штраф в тысячу золотых монет. Поэтому генен, взяв тысячу золотых монет, принес [царю] их во дворец.

— Великий царь! — сказал он. — Я совершил проступок. Прими эти золотые монеты.

Царь ответил на это домохозяйину:

— В моей стране ты единственный, кто верит в три драгоценности и чтит святое Учение, а поэтому по натуре честен и непорочен в своем поведении. Так какой же проступок мог ты совершить?

Тогда генен, порицая свою дочь и восхваляя достоинства

послушника, соблюдавшего моральную дисциплину, подробно рассказал обо всем, что случилось.

— Поскольку послушник ради соблюдения правил моральной дисциплины, — сказал царь, — не пощадил ни тела, ни жизни, то вины на тебе нет. Возьми назад золотые монеты. Я пойду вместе с тобой к тебе в дом, чтобы совершить жертвоприношение перед телом послушника.

И под звуки золотых литавр царь отдал всей своей свите такой приказ:

— Приготовьтесь сопровождать меня! Я иду в дом генена.

Прибыв в дом генена, царь посмотрел на останки послушника, имеющие вид красного сандалового дерева от покрывавшей их крови, и поклонился им, воздав хвалу добродетелям покойного. После этого останки были положены на колесницу, украшенную различными драгоценностями, и доставлены на обширную площадь для всеобщего обозрения.

Тогда эта девушка, редкостной в мире красоты, стала на возвышенное место, где каждый мог ее лицезреть. Дав себя всем хорошенько рассмотреть, она обратилась к многочисленным окружающим со следующими словами:

— Кто из вас не воспыал бы страстью к девушке столь прекрасной и на диво сложенной. А вот послушник, хотя еще не обрел духовный плод и обладал телом, подверженным рождению и уничтожению, ради соблюдения моральной дисциплины не пощадил ни тела своего, ни жизни. Сколь удивительно это!

Учитель послушника тоже был приглашен. Он наставил окружающих в святой религии, и все собравшиеся выслушали его проповедь. После этого некоторые попросили разрешения вступить в монашество и соблюдать правила моральной дисциплины. Другие же породили мысль о несравненном духовном пробуждении. И все воистину радовались, выслушав слова Победоносного.

Глава семнадцатая

О ДОМОХОЗЯИНЕ, НЕ ИМЕВШЕМ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада, вместе с большой общиной монахов и проповедовал им Учение. В то время в той стране жил один очень богатый домохозяин. У него было мно-

го золота, серебра, разных драгоценностей, слонов, лошадей, быков, овец, рабов, рабынь и слуг. Но хотя кладовые того богача и ломились от добра, не было у него сына. Жена принесла ему лишь пятерых дочерей, отличавшихся большой красотой и острым умом.

Случилось так, что, когда жена того домохозяина снова понесла, сам он скончался. А согласно царскому закону той страны, если у покойного не было сына, то все его имущество отходило к царю. Поэтому царь послал своего советника с приказом описать достояние умершего и забрать его в казну.

Дочери тут подумали: «Наша мать забеременела, и неизвестно, кого она родит: сына или дочь. Если родит дочь, то ничего не поделаешь, богатства отойдут к царю. Если же родит сына, то он по закону должен стать владельцем состояния».

Подумав так, они обратились к царю со следующими словами:

— Поскольку наш отец умер и не оставил сына, то богатство должно отойти к царю. Однако наша мать беременна. Соизволь до родов не трогать имущества. Если будет дочь, то имущество отойдет в казну. Если же родится сын, то он будет естественным владельцем состояния.

Поскольку царь был человеком справедливым и правил в соответствии с Дхармой, то он удовлетворил просьбу дочерей.

По истечении полных девяти месяцев вдова богача родила мальчика. Этот мальчик не имел ни ушей, ни глаз, ни носа, ни языка, ни даже рук и ног, а являл собой просто кусок мяса. Был у этого мальчика только мужской признак. И получил он поэтому имя Менцзицзи, или «Имеющий выступ».

Когда дочери сообщили царю, какой у них появился брат, тот подумал: «Только из-за наличия глаз, ушей, носа, языка, рук и ног не становишься владельцем богатства. Тот же, кто обладает мужским признаком, становится им. Поскольку этот ребенок обладает мужским признаком, то он станет владельцем богатств отца». И, подумав так, царь сказал дочерям покойного:

— Всем имуществом будет владеть ваш брат, и конфискации оно не подлежит.

Настало время, и старшую дочь выдали замуж в род также знатный и богатый. Та дочь ухаживала за своим мужем, как рабыня: и расстилала ему ковер для сидения, и постель готовила, и жилище убирала, и вкусные яства готовила, и встречала, и провожала, и уважительно разговаривала. Как-то раз муж сказал своей жене:

— Ведь супругами являемся не мы одни, супружеских пар много. Почему же только ты так себя ведешь?

На это жена отвечала:

— Мой отец обладал несметным богатством. Он хотя и имел пять дочерей, но когда умер, то царь распорядился конфисковать все его имущество. Однако в то время мать была беременна и в должный срок родила нам брата. Тот хотя не имел ни глаз, ни ушей, ни носа, ни языка, ни ног, ни рук, однако, имея только мужской признак, стал владельцем имущества. Поэтому все органы ничего не стоят против одного мужского признака. Вот я тебя и уважаю.

Тот домохозяин, выслушав жену, очень удивился. Он пришел вместе с ней к Победоносному и, обратившись к нему, спросил:

— О Победоносный! Почему сын домохозяина хотя не имел глаз, ушей, носа, языка, рук и ног, однако сразу же после рождения стал владельцем семейного имущества?

Победоносный сказал домохозяину:

— Твой вопрос замечателен. Хорошенько внимай и запоминай, а я тебе разъясню.

— Так и сделаю, — отвечал домохозяин.

И сказал тогда Победоносный:

— В давно прошедшие времена у одного домохозяина было два сына. Старшего сына звали Даяка, младшего — Вритта. Оба брата с малолетства были очень смелые, но совестливые, говорили правду, всегда с радостью совершали даяния и оказывали защиту беднякам. За такое великое благочестие и благостность их прославляли все жители страны, а царь назначил старшего брата судьей, разбирать, кто правый, а кто виноватый.

В то время жителей той страны если давали друг другу в долг, то по царскому закону шли к судье и ставили его свидетелем; других же свидетельств не требовалось.

Как-то раз один купец, собиравшийся уходить в море, попросил в долг у Вритты большую сумму денег на разные нужды. У Вритты был малолетний сын. И вот он, взяв с собой сына и одалживаемые деньги, пришел к своему старшему брату и сказал:

— Купец получает от меня это имущество в качестве беспроцентной ссуды. Вернувшись из-за моря, он возвратит его. Если я умру, то долг получит мой сын. Знай это, старший брат.

— Быть по сему, — отвечал на это старший брат.

Спустя некоторое время домохозяин Вритта скончался.

А тот купец потерял в море свой корабль, но, схватившись за доску, спасся и с пустыми руками вернулся домой. Тогда сын Вритты подумал: «Купец, потеряв корабль и все имущество, вернулся домой с пустыми руками. Значит, богатство мое пропало и не стоит его требовать».

Но тот купец, сделав заем в другом месте, снова отправился за море. На этот раз он раздобыл много драгоценностей и благополучно вернулся. Дома он подумал так: «Прежде тот сын домохозяина с меня не требовал долга. Или же он по своему малолетству забыл о нем, или же считал, что у меня ничего нет. Дай-ка я проверю».

Он надел богатые одежды, сел на прекрасного коня и отправился на рынок. Сын домохозяина, увидав его в богатых одеждах и верхом на прекрасном коне, подумал: «Этот человек заимел богатство, пусть возвращает долг!» И, подумав так, он направил к нему посыльного с письмом, в котором говорилось: «Не вернете ли вы сейчас свой долг?»

— Да будет так, — ответил купец, а сам решил: «Из-за того что я очень много задолжал этому домохозяину, все мое состояние пойдет прахом. Надо что-нибудь предпринять». И он взял драгоценный камень, пришел к жене судьи и обратился к ней с такими словами:

— О госпожа! Знай, что я когда-то одолжил у домохозяина Вритты небольшую сумму денег. Сейчас сын домохозяина требует долг. Прими эту драгоценность стоимостью в десять тысяч лянов золотом, и пусть судья, когда мы оба придем в суд, скажет, что он ничего не видел и не знает.

Жена сказала:

— Мой муж очень честен и никогда не лжет, поэтому ничего не получится. Но я его попрошу. — И приняла драгоценность.

Когда вечером вернулся ее муж, она подробно изложила просьбу купца.

Судья сказал:

— Царь поставил меня судьей, потому что я всегда был честен и никогда не лгал. Если я произнесу ложь, то это будет несовместимо с моей честью и достоинством.

На следующий день пришел купец, и жена судьи, передав ему ответ мужа, хотела вернуть драгоценность. Однако купец, вручив ей еще один драгоценный камень — стоимостью в двадцать тысяч лянов золотом, сказал:

— Такая безделица, как одно слово, принесет тебе тридцать тысяч барыша. Если же выиграет мой противник, то ты не получишь и медной монеты.

«Это дело нечестное», — подумала жена судьи. Но, желая заполучить дорогой драгоценный камень, согласилась выполнить поручение купца.

Вечером, когда вернулся муж, жена снова попросила его выполнить ее просьбу, если это возможно.

Муж ответил на это:

— Это нечестно. Я назначен судьей, потому что не лгал. Если же я солгу, то в этой жизни лишусь доверия всех живущих в здешнем мире. В будущих же рождениях подвергнусь мучениям на протяжении бесчисленного количества калп.

А у судьи был маленький сын, который еще не мог ходить, а только ползал.

Тогда жена судьи сказала мужу:

— Поскольку мы с тобой супруги, то даже в рискованном деле ты не должен от меня отступаться. Если же ты отступишься от меня в такой безделице, то я и жить не хочу. Если не исполнишь моей просьбы, то убью сына и умру сама!

Муж, услышав такие слова, подумал: «Я сейчас похож на человека, который подавился и не может ни выплюнуть, ни проглотить. У меня один-единственный сын, и если он умрет, то не будет наследника моему достоянию. Если же я сделаю так, как говорит моя жена, то никто в этом мире не станет мне больше верить, а в будущих рождениях я навлеку на себя многочисленные муки».

Но скрепя сердце судья согласился выполнить просьбу жены, которая, очень обрадовавшись этому, сказала купцу:

— Мой муж согласен, поступай, как задумал.

Купец также очень обрадовался. Он вернулся домой, приказал убрать ездового слона различными драгоценностями, надел богатое платье и, сев на слона, отправился на рынок.

Сын заимодавца-домохозяина увидел такое, очень обрадовался и подумал: «Этот человек владеет богатством». Он подошел к всаднику и, глядя на него снизу вверх, сказал:

— Знает ли почтенный домохозяин, что он должен вернуть мне долг?

Купец, притворившись ошарашенным, возразил:

— Я не помню, чтобы был тебе что-либо должен. Что за долг и кто этому свидетель?

Сын домохозяина сказал:

— В таком-то году и в таком-то месяце ты сделал заем у моего отца, и судья знает, что занятое ты должен вернуть мне. Так чего же ты прикидываешься дурачком!

— Я не помню, чтобы я у тебя брал займы, — возразил купец, — если есть свидетель, то пойдем к нему.

Юноша с кулцом пришли к судье, и юноша сказал:

— В прошлом этот человек взял у моего отца взаймы. Разве ты, дядя, не был этому свидетель?

— Я ничего не знаю, — отвечал дядя.

Племянник, потрясенный таким ответом, спросил:

— Разве дядя не помнит, как он своими руками вручал этому человеку наше имущество, когда тот совершал заем?

— Не было такого, — ответил дядя.

Тогда юноша в гнев сказал своему дяде:

— Царь тебя поставил судьей за твою правдивость, и все люди тебя называли правдивым. Но если ты со мной, сыном твоего брата, так поступил, то нечего и говорить о том, как ты решал дела других людей. Правда это или ложь? Правда!

Затем Победоносный, обратившись к домохозяину, сказал:

— Если ты хочешь знать, кто был тот судья, то не думай ни на кого другого: им был нынешний Менцзицзи, лишенный органов чувств. Поскольку он в то время солгал, то после своей смерти возродился в великом аду живых существ и подвергался различным мукам. Освободившись из ада, он на протяжении пятисот рождений появлялся на свет куском мяса, лишенным органов чувств. Но, в силу того что он в свое время с радостью совершал даяния, он рождался всегда в богатой семье и унаследовал богатства. Последствия как благого, так и злого деяния не пропадают и длительное время дают себя знать. Поэтому прилежайте и не грешите ни телом, ни словом, ни помыслом.

Многочисленные окружающие, выслушав сказанное Победоносным, воистину возрадовались. Некоторые обрели духовные плоды от первого до четвертого, другие же породили помыслы о наивысшем духовном пробуждении.

Глава восемнадцатая

О БЕДНОЙ ЖЕНЩИНЕ, ПРЕПОДНЕСШЕЙ В ДАР МАТЕРИЮ

В то время Победоносный пребывал в городе Шравасты, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Тогда в той стране жена одного домохозяина родила дочь. Девочка отличалась от других детей благородным обликом и необычайной красотой. И на свет она появилась, окутанная мягкой белой материей. Родители очень удивились этому и

показали дочь гадалщику. Гадалщик, посмотрев на девочку, установил, что она отмечена знаком великой благой заслуги, и нарек ее Гармо, что означает «Белая».

Девочка Гармо росла, и вместе с этим увеличивалась в размере материя, покрывавшая ее тело. Когда девочка выросла, то многие жители той местности хотели взять ее в жены. Отец с матерью, подумав о свадебных украшениях для дочери, обратились к мастеру и заказали ему золотые и серебряные украшения. Увидев заказанные украшения, дочь спросила родителей:

— А это для чего?

— Это твои свадебные украшения, — отвечали те.

— Но я хочу вступить в монашество и не собираюсь замуж, — сказала им дочь.

Родители согласились с желанием дочери и тут же достали материю, собираясь шить монашеское одеяние.

— Для чего эта материя? — спросила тогда дочь.

— Шить тебе монашеское одеяние, — ответили ей родители.

— У меня есть монашеское одеяние, и ничего не требуется шить, — сказала та и продолжала: — Отведите меня туда, где пребывает Победоносный.

— Хорошо, — согласились родители, — пойдем к Победоносному.

Они направились к месту пребывания Победоносного и, придя туда, поклонились ему в ноги.

— Прими дочь в монашество, — попросили они.

— Подойди во благо! — повелел тогда Победоносный.

И тут же волосы на голове девушки сами собой сбрились, а белая одежда на теле девушки превратилась в оранжевое монашеское одеяние.

Победоносный поручил девушку монахине Праджапати¹³⁵, и новая монахиня, усердно прилежая, вскоре достигла архатства. Тогда Ананда спросил Победоносного:

— Что за благую заслугу обрела в прежних рождениях монахиня Гармо, если она родилась в семье домохозяина, на теле ее было белое одеяние, а вступив в монашество, быстро достигла архатства?

И поведал тогда Победоносный Ананде следующее.

Это было давным-давно, когда в мир пришел будда Сокьеп¹³⁶. Вместе со своими учениками он прибыл творить пользу живым существам, и все местные люди щедро совершали жертвоприношения этому будде.

В то время один монах во имя блага многочисленных жи-

вых существ призывал всех людей этой местности выслушивать от будды Учение и приносить ему дары.

В той местности жила очень бедная женщина, которую звали Диника. Она с мужем ничего не имела, кроме куска ткани, служившего им одеждой. Когда мужу нужно было идти по делу, то он набрасывал на себя этот кусок ткани, а жена сидела голая в куче травы. Когда же нужно было идти жене, то она надевала ткань, а муж сидел голый в куче травы.

Как-то раз этот монах, который стремился сотворить всем пользу, подошел к дверям бедняков и столкнулся там с той женщиной.

— Сходи поклониться будде, — сказал он, — и сделай ему пожертвование.

Затем монах, восславив достоинства дарения, указал на пагубные плоды скупости. Он рассказал также о том, как редки случаи появления в мире будд, о том, как редко выпадает возможность выслушать Учение, о том, как трудно обрести человеческое рождение *. И добавил:

— Иди и выслушай Учение.

Та женщина сказала:

— Достопочтенный, подожди немного. Я скоро вернусь.

После этого она вошла в свою хижину и обратилась к мужу с такими словами:

— У дверей стоит монах. Он говорит, чтобы мы пошли поклониться будде, выслушали Учение и поднесли будде подарок. В прежних рождениях, сказал он, мы не подносили даров, вот и стали такими бедными. Ныне же нам следует что-нибудь сделать ради будущих рождений.

Муж ответил на это:

— Следует поднести ему подарок, однако мы бедны, и у нас ничего нет. Какой же подарок мы можем сделать?

Тогда жена сказала:

— В прежних рождениях мы не подносили даров, оттого и в этой жизни так бедны. Если и сейчас дара не сделаем, то до чего же дойдем в будущем рождении? Я сделаю подарок, разреши мне.

Муж подумал: «Может быть, она что-нибудь припрятала» — и ответил:

— Делай подарок.

Тогда жена сказала:

* В буддизме рождение в мире людей считается даже большим благом, чем рождение в мире богов, ибо только в человеческом рождении можно обрести освобождение от сансарического бытия.

— Я с радостью поднесу в дар наш кусок материи.

— Мы, кроме этого куска материи, ничего не имеем, — возразил муж, — если мы его подарим, то никуда не сможем выйти. Как же станем добывать пропитание?

Но жена сказала:

— Человек рождается и умирает. Если дара не сделаем — умрем, сделаем дар — также умрем. Но если сделаем подарок, то хоть будем иметь надежду на лучшее в следующем рождении. Сделав подарок, и умереть легче.

— Делай подарок, — хоть и с неудовольствием, но разрешил муж.

Тогда жена, выглянув наружу, сказала монаху:

— О достопочтенный, зажмурься ненадолго. Я вручу тебе дар.

— Если ты вручаешь дар, — произнес монах, — то вручай его открыто, двумя руками, а я произнесу благословение дарению.

— Кроме этой материи на теле, у меня ничего нет, — отвечала женщина, — нет у меня другого платья, чтобы выйти, а на нечистое женское тело смотреть негоже. Поэтому я вручу подарок, не выходя из хижины.

И с этими словами она сняла с себя в хижине кусок материи и вручила его монаху.

Монах, произнеся благословение дарению, взял эту материю и пошел гуда, где пребывал будда. Когда он подошел к Победоносному, тот сказал монаху:

— Дай материю, поднесенную женщиной!

Монах вручил ту материю будде, и Победоносный принял ее обеими руками*.

Люди из царской свиты, находившиеся в то время около будды, с презрением подумали: «Будда взял в руки эту старую и дурнопахнущую материю». Победоносный, зная мысли людей из многочисленной свиты, сказал:

— По-моему, все подарки свиты уступают этому чистосердечному дару.

Многочисленная свита пришла в изумление, а супруга царя, сняв свои одежды и украшения, послала их той женщине. Царь также снял свои одежды и украшения и послал их ее мужу, приказав, чтобы оба супруга прибыли в его свиту.

Будда Сохьеп изложил многочисленным окружающим Учение, отчего большинство обрело освобождение от мук сансары.

* Принятие двумя руками показывает ценность дара.

И сказал потом Победоносный Ананде:

— В той жизни, в то время, та бедная женщина и была нынешней монахиней Гармо. Подарив в то время кусок материи, она в течение девяносто одной калпы постоянно рождалась одетой в матерью, не знала бедности, и всего у нее было в достатке. Услышав святое Учение от того будды, она выразила желание обрести полное освобождение. Сейчас, встретившись со мной, она обрела архатство. Поэтому ты также, внимая Учению и творя дары, прилежай изо всех сил.

Многочисленная свита, услышав эти слова Победносного, истинную радость испытала.

Глава девятнадцатая

О ТОМ, КАК НИЩАЯ СЛУЖАНКА ПРОДАЛА СВОЮ БЕДНОСТЬ КАТЬЯЯНЕ ¹³⁷

Это случилось, когда достопочтенный Махакатьяяна находился в местности Авате. В той местности жил богатый, но жадный и жестокосердный домохозяин, у которого была старуха служанка. Служанка делала всю работу по дому, а ходила в лохмотьях, питалась объедками, постоянно получала побои. «Хоть умереть бы, что ли», — подумала как-то раз в отчаянии старуха, взяв кувшин, чтобы идти по воду. Пришла она на берег реки и залилась горячими слезами.

В это время туда пришел Катьяяна.

— Старая, чего ты так печалишься? — спросил он.

— О благородный, — отвечала служанка, — мне в старости много работы задают, а ни одежды, ни еды нет, живу в бедности. Подумала я в горести: «Отчего не умираю?» — вот и расплакалась.

— Старая, — сказал Катьяяна, — а почему бы тебе не продать свою бедность?

— Как продать бедность? — изумилась служанка. — Да и кто бедность купит?

— Бедность можно продать, — трижды повторил Катьяяна.

— Как же можно продать бедность? — спросила старуха.

Тогда Катьяяна сказал:

— Если хочешь правильно продать бедность, сделай так, как я укажу.

— Именно так и сделаю, о благородный, — отвечала старуха.

— Тогда сначала соверши омовение, — сказал Катьяяна, — и, совершив омовение, поднеси дар.

— У меня нет даже собственной заплата, — возразила старуха, — что же я могу поднести в дар? Этот кувшин? Но он хозяйкин, и я не имею на него права.

Катьяяна сказал на это:

— Ты наполни чистой водой мою чашу для сбора подаяния и поднеси ее мне, а я произнесу благословение дарению.

Катьяяна принял чистую воду, благословил дарение и сказал слова поучения, а затем повелел старухе произнести имя Будды и восславить его многочисленные добродетели. После этого он спросил старуху:

— У тебя есть жилье?

— Нет, у меня нет жилья, — отвечала старуха, — я сплю там, где работаю. Иногда там, где ткаю, иногда там, где рушу зерно. Иногда же сплю на навозной куче.

Тогда Катьяяна сказал:

— Ты не сетуй на свою неблагодарную работу и не печалься, а выполняй ее со всем старанием. Когда хозяйка заснет, потихоньку открывай дверь в ее комнату, за дверью или же в чистом углу стели свежей травы и ложись. Не думай ни о чем, а уповай на Будду.

После этого старуха и делала так, как ее научил Катьяяна. Некоторое время спустя она ночью скончалась и возродилась в мире тридцати трех богов.

Утром хозяйка встала рано и увидела в своей комнате мертвую служанку. Разгневавшись, она стала браниться: «Эту старуху в комнату не пускали, как же она здесь умерла?» — и приказала связать веревкой ноги покойной и оттащить ее на кладбище.

В то время один сын божества в окружении пятисот божественных дев предавался увеселению в небесных кушах. Скончавшаяся старуха возродилась в том же месте дочерью богини.

Те из возродившихся божествами, кто ранее обладал обостренными органами чувств, знали причину своего рождения на небесах. Те же, чьи органы чувств были притуплены, этой причины не знали. Старуха не знала, почему она возродилась на небе, и просто вкушала небесное блаженство.

Тогда Шарипутра, который в то время пребывал в мире тридцати трех богов, спросил ее:

— Известна ли тебе причина, в силу которой ты родилась в мире богов?

— Нет, неизвестна, — отвечала та.

Тут Шарипутра посмотрел своим божественным глазом и увидел, каким образом она стала божеством.

После этого пятьсот божественных дев перенесли на кладбище, осыпали небесными цветами телесные останки старухи и воскурили над ними благовония.

Лучи света, исходившие от божеств, ярко озарили все селение. Госпожа старухи и остальные жители пришли в сильное изумление. Множество людей отправились посмотреть, что происходит на кладбище, и увидели там большое количество божественных созданий, совершавших жертвоприношение над останками старухи.

— Почему вы совершаете жертвоприношение над ее останками? — спросили у божеств люди. — Если уж она при жизни была такой грязнулей, что все чурались ее, то что говорить о ее смертных останках!

Тогда божественные девы подробно рассказали, каким образом она возродилась на небесах, и все отправились к Катьяяне. Катьяяна обстоятельно преподавал небесным девам разделы святого Учения, говорящие о совершении даяний, о моральной дисциплине, о рождении в высшей сфере. И тогда небесные девы очистились от всякой скверны и, обретя чистый дхармический глаз на Учение Будды, вернулись в небесную обитель.

Многочисленные же окружающие, прослушав проповедь об Учении Будды, обрели духовные плоды от первого до четвертого и истинную радость испытали.

Глава двадцатая

О ЮНОШЕ ПО ИМЕНИ СЕРХЛА, ИЛИ «ЗОЛОТОЕ БОЖЕСТВО»

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шравасты, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той местности жил очень богатый домохозяин. Его кладовые были полны драгоценными камнями и другим ценным имуществом. Домохозяин взял жену из равного себе рода, и она родила ему сына, от которого, казалось, исходило золотистое сияние. Предсказатель посмотрел на ребенка и дал ему имя Серхла, или «Золотое божество».

Когда родился ребенок, то во дворе дома сам собой появился колодец шириной и глубиной в восемь локтей. Когда брали воду из этого колодца, то каждый получал, что поже-

ляет. Кто желал одежды, получал одежду. Кто желал еды и питья, получал еду и питье. Желавшие серебра, золота и драгоценных камней, получали серебро, золото и драгоценные камни. Кто что желал, тот все получал по своему желанию.

Когда мальчик подрос и стал большим, он успешно овладел науками. Домохозяин был очень рад этому. «Надо искать сыну жену», — подумал он. И отец стал повсюду искать невестку, да не простую, а красавицу, в пару сыну, от которой тоже исходило бы золотистое сияние.

В то время в стране Цзампа у одного очень богатого домохозяина была дочь по имени Серьо, или «Золотой свет». От девушки тоже исходило золотистое сияние, кожа ее была очень нежна, а сложение — чрезвычайно изящно.

При рождении девушки во дворе дома также сам собой появился колодец шириной и глубиной в восемь локтей. Из того колодца само собой являлось все что ни пожелаешь: различные драгоценности, одежда, еда, питье и прочее. Домохозяин — отец девушки — также хотел выдать свою красавицу дочь за юношу ей под стать, хорошего, красивого, излучающего золотистое сияние.

Молва о девушке донеслась до юноши, молва о юноше донеслась до девушки, и обе семьи решили породниться.

После свадебного пира девушку доставили в город Шравати, в семью Серхла. Тогда Серхла пригласил на угощение Будду и монашескую общину. Будда, прибывший вместе со своей общиной, обстоятельно наставил супругов Серхла в святом Учении. Когда Серхла с женой и его родители выслушали от Победоносного святое Учение, то полностью погас огонь дурных прегрешений, пылавший на протяжении двадцати тысяч калп [их прежних существований], сердца их искренне прониклись Учением Будды, и они обрели духовный плод вступления в поток.

Затем Победоносный удалился в храм, а Серхла и Серьо попросили у родителей разрешения вступить в монашество. Родители согласились, и супруги пришли туда, где находился Будда. Они припали головами к стопам Победоносного и промолвили:

— Прими нас обоих в монашество.

— Придите во благо! — сказал на это Победоносный, и тут же их волосы сбрились сами собой, а их одежда превратилась в оранжевое одеяние монахов. Серхла вступил в монашескую общину, а Серьо была поручена заботам Праджапати.

Спустя некоторое время оба супруга, став архатами и обретя три ведения, шесть трансцендентных знаний, восемь разновидностей освобождения, оказались обладателями всех добродетелей.

Тогда другими монахами овладело недоумение, и достопочтенный Ананда спросил Победоносного:

— Что свершили в прошлом * монах Серхла и монахиня Серью, если уже с момента рождения они обладали такими драгоценностями и таким большим достоянием, могли все что угодно получать из колодца?

И рассказал Победоносный следующее.

Девяносто одну калпу тому назад в мир прибыл будда по имени Випашьин ¹³³. После его ухода в нирвану монахи, приобщившиеся к Учению будды Випашьина, ходили по городам и селениям, творя благо живым существам. Знатные же и высокородные домохозяева наперебой наделяли их милостыней и монашеским одеянием.

В то время одни обедневшие супруги-домохозяева подумали так: «При жизни наших родителей мы владели драгоценностями и другим добром и были полны наши кладовые. Однако тогда нам не представился случай встретиться с благородной монашеской общиной. Сейчас же мы так бедны, что спим на куче соломы, нет у нас и фунта зерна, чтобы совершить подношение. Когда приходит благородная монашеская община, то все богатые домохозяева одевают ее монашеским одеянием и милостыней, мы же ничего не можем преподнести в дар». И, думая так, они рыдали, переполненные великой скорби.

Слеза мужа упала на руку жены, и та спросила:

— Ты чего плачешь?

— Разве ты не знаешь, — ответил тот, — в город прибыла благородная монашеская община. Все богатые домохозяева творят подношения монахам, только мы не можем ничем их одарить. Вот я и думаю, если сейчас, в этой жизни, мы дара не поднесем, то куда попадем в следующем рождении? От этого и горюю.

— А ты ступай в нашу кладовую, — сказала жена, — и пошарь там, может быть, что-нибудь и осталось. Что найдешь, то и в дар поднесем.

Муж пошел в старую кладовую и, поискав там, нашел оставшуюся золотую монету. У жены же имелось зеркало. Они купили новый кувшин, наполнили его чистой водой, положи-

* Т. е. в предыдущих рождениях.

ли туда золотую монету, накрыли кувшин зеркалом и поднесли его монашеской общине.

Монахи приняли кувшин. Одни напились из него воды, другие омыли из него уста и руки, третьи вымыли свои чаши для сбора подаяния. Супруги, видя, что монахи использовали их дар, радостные вернулись домой.

Затем, спустя некоторое время, супруги заболели и умерли, возродившись после смерти в мире тридцати трех богов.

— Так вот, Ананда, супруги Серхла и были в той жизни, в то время, бедными супругами, подарившими кувшин с водой.

Благодаря тому что супруги поднесли в дар кувшин с водой, золотую монету и зеркало, во всех последующих рождениях они были наделены красотой, а тела их светились золотым блеском. И так было на протяжении девяности одной калпы. А сейчас в силу дара, поднесенного от чистого сердца, они вышли за пределы сансары и стали архатами. Поэтому, Ананда, нельзя не творить дел, порождающих благую заслугу. Те бедняки поднесли дар небольшой, а обрели за это столь безмерной величины благую заслугу.

После такого назидания Победоносного как Ананда, так и многочисленные окружающие поняли важность совершения подношений для накопления благих заслуг, и возрадовались они искренней радостью.

Глава двадцать первая

СЫН ДВУХ СЕМЕЙ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в городе Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той стране жил один богатый домохозяин, взявший жену из равного рода. Но у того богача не было сына, и это очень печалило его. Он возносил моления всем богам, и наконец его жена понесла. По окончании срока беременности она родила очень красивого и привлекательного мальчика.

Обрадованные родители и их родственники устроили пиршество в честь рождения ребенка. И расположились они пировать на берегу реки. Во время этого пиршества собравшиеся рассматривали мальчика, передавая его один другому.

Случилось так, что, передавая ребенка из рук в руки, один из присутствующих уронил мальчика в реку и его унесло течением. В силу благой заслуги и неисчерпанной кармы ребенок не погиб. Его проглотила рыба, но он остался жив в ее желудке.

В устье этой реки стояло одно селение. В том селении тоже был богатый домохозяин, у которого не было детей. Раб этого домохозяина пошел на берег реки порыбачить. И он поймал как раз ту рыбу, внутри которой находился мальчик. Вскрыв рыбу, раб извлек из ее брюха ребенка и отнес его своему господину.

Жена домохозяина, взяв ребенка и осмотрев его, увидала, что мальчик очень хорош собой и отмечен добрыми приметами. Обрадовавшись, она подумала: «Это знак того, что боги вняли нашим молениям». И, подумав так, женщина вручила ребенка кормилице.

Услышал домохозяин, обитавший в верховьях реки, что у домохозяина, живущего ниже по течению, появился ребенок, извлеченный из желудка рыбы, и подумал: «Без сомнения, это мой сын, упавший в реку». Он пришел туда и сказал:

— Это мой сын, верните его.

— Это не твой сын, — возразил ему другой, — у меня не было детей, поэтому я молил всех богов, и они даровали мне сына, которого я извлек из желудка рыбы.

Заспорив, домохозяева обратились к царю с просьбой решить их тяжбу.

Отец ребенка сказал царю:

— Это мой сын, упавший в реку.

Второй домохозяин возразил:

— Это не твой сын. Я извлек ребенка из желудка пойманной рыбы.

И решил царь, в соответствии с обычаем, так:

— Этого мальчика воспитывайте оба, сообща. Когда он вырастет, то каждый найдите ему по жене. Детей, которые принесут ваши невестки, возьмите себе в сыновья.

Тогда в соответствии с решением царя оба домохозяина сообща стали воспитывать мальчика. Когда ребенок вырос, он обратился к своим родителям со следующей просьбой:

— Только что родившись, я упал в воду и хотя, проглоченный рыбой, претерпел различные мучения, однако остался жив. Поэтому прошу разрешить мне вступить в монашество.

Те и другие родители очень любили ребенка и дали ему свое разрешение.

Юноша пошел туда, где находился Будда. Придя к нему, он приветствовал его, коснувшись головой стопы Победоносного, и сказал:

— Прими меня в монашество Учения Будды.

— Приди во благо! — промолвил в ответ Победоносный. И тотчас же волосы на лице и голове юноши сами собой сбрились, и он стал монахом, получив имя Рикнипа, или «Сын двух семей». В силу святого Учения, изложенного Победоносным, монах Рикнипа покинул пределы страданий * и стал архатом.

Тут другими монахами овладело недоумение, и достопочтенный Ананда обратился к Победоносному со следующими словами:

— Что за корень благих заслуг взрастил монах Рикнипа, если он, упав в воду и очутившись у рыбы в желудке, остался жив?

И ответствовал Победоносный Ананде:

— Слушай внимательно.

Давным-давно будда по имени Випашья, придя в мир, проповедовал многим людям Учение. В то время один домохозяин, присоединившись к его окружению, прослушал подробную проповедь будды о благой заслуге даяния и о добродетели соблюдения правил моральной дисциплины. Возрадовавшись этому и чистый помысел о вере породив, тот домохозяин взял на себя три обета в соответствии с истинами, преподанными буддой, в том числе обет не лишать никого жизни, и преподнес будде монету. В силу этого, где бы он ни рождался, всегда обладал богатством и драгоценностями и никогда не испытывал бедности.

Ананда! Монах Рикнипа и был в свое время тем домохозяином. Преподнеся будде одну монету, он в течение девяноста одной калпы обладал великим богатством. И в этой жизни являлся владельцем состояния в двух семьях. Взяв на себя обет не лишать жизни живые существа, он, хотя и упал в реку и попал рыбе в желудок, не умер. А когда, прибегнув к защите трех драгоценностей **, встретился со мной, то стал архатом.

Тут Ананда и многочисленные окружающие испытали истинную радость от проповеди Победоносного.

* Т. е. вышел из круга обязательных рождений.

** Т. е. вступил в монашество.

РАЗДЕЛ VI

Глава двадцать вторая

О ТОМ, КАК ЦАРЬ ПО ИМЕНИ ЧАНДРА ПРАБХА,
ИЛИ «ЛУННЫЙ СВЕТ», ПРИНЕС В ДАР СВОЮ ГОЛОВУ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Вайшали, в манговом саду. И сказал тогда Победоносный достопочтенному Ананде следующее:

— Обретя четыре основы сверхъестественных сил ¹³⁹, пребываешь в мире в течение одной калпы. Я тоже полностью проник в четыре основы сверхъестественных сил. Знаешь ли ты, как долго телу Татхагаты должно пребывать в этом мире?

Трижды повторил свои слова Победоносный, но Ананда, обольщенный Марой, ничего не ответил на них. Тогда Победоносный повелел Ананде:

— Ступай в уединенное место и хорошенько подумай [над сказанным].

Поднялся Ананда и ушел в рощу. Когда Ананда ушел, явился греховный царь мар и обратился к Победоносному с такими словами:

— Победоносный очень долгое время пребывает в этом мире. Подходящих к обращению [в истинную веру] он обратил столько, сколько песка в реке Ганг, да и ради блага их полного выхода из сансары также немало потрудился. Сейчас Победоносный телом постарел, и самое время для него уйти в нирвану.

Тогда Победоносный взял немного земли, положил ее на ноготь пальца своей руки и спросил греховного царя мар:

— Где больше земли, в целом ли мире или на этом ногте?

— В целом мире земли очень много, на ногте же земли немного, — отвечал тот.

— Так вот, — сказал Победоносный, — живых существ, обращенных мной в истинную веру, как земли на ногте. Необращенных же — как земли в целом мире.

И сказал далее Победоносный греховному царю мар:

— Через три месяца от сего дня я перейду в полную нирвану.

Услышав это, возрадовался греховный царь мар и удалился.

Тем временем Ананда заснул в глубине рощи, и присни-

лось ему огромное густое дерево, усыпанное цветами и плодами, крона которого покрывала все небесные миры. Всем живым существам то дерево было на пользу, и не поддавались описанию многочисленные его достоинства. Вдруг поднялся сильный ветер. Он поломал ветви, сорвал листья, и могучее дерево рассыпалось в прах и исчезло, а все живые существа охватила глубокая скорбь.

В смятении и ужасе пробудился Ананда с такой мыслью: «Увиденное мною во сне огромное дерево, обладающее всеми достоинствами, творящее благо всем людям и богам, а затем уничтоженное сильным ветром, — ведь это Победоносный, который, подобно огромному дереву, является всеобщим защитником. Уж не задумал ли Победоносный перейти в нирвану?»

Перепуганный этой мыслью, пришел Ананда к Победоносному, поклонился ему в ноги и, рассказав сон, приснившийся ему в роще, спросил, не собирается ли Победоносный перейти в нирвану.

— Именно так, как тебе приснилось, — ответил на это Победоносный Ананде, — через три месяца я перейду в нирвану. Тот, кто обрел четыре основы сверхъестественных сил, пребывает в мире в течение одной калпы. Я также полностью проник в четыре основы сверхъестественных сил и спросил тебя, знаешь ли ты, сколь долго должно пребывать мне в этом мире в качестве тела Татхагаты. Я спросил тебя трижды, но ответа не получил. Когда ты ушел, явился греховный царь мар и просил меня уйти в нирвану. Так я и сделаю.

Услышал Ананда эти слова Победоносного, и его переполнила нестерпимая скорбь. Охваченные печалью ученики Будды, передавшие друг другу эту новость, также пришли к Победоносному. И сказал тогда Победоносный Ананде и своим ученикам об этом следующее:

— Разве есть что-либо вечное? Все бrenно. Все, что я делал, делал ради вас. Проповедовал Учение и проповедь завершил. Поэтому не печальтесь, а удвойте свое прилежание.

Тогда достопочтенный Шарипутра, услышав, что Победоносный собирается перейти в нирвану, опечалился и промолвил:

— Слишком рано Татхагата собирается уйти в нирвану. Оставляет он в слепоте и без защитников живые существа всех миров.

И сказал тут Шарипутра Победоносному:

— Для меня нестерпимо видеть переход Победоносного в нирвану. Поэтому, как бы то ни было, я [первый] уйду в нирвану.

Так повторил он трижды, и Победоносный сказал:

— Ну что же, если ты знаешь, что [твое] время наступило, переходи! Все возвышенные существа спокойно переходят в нирвану*.

Шарипутра, получив дозволение Победоносного, надел свое облачение, сто раз обошел вокруг Победоносного, произнеся многочисленные хвалебные шлоки и обнимая руками его стопы, трижды поставил стопу Победоносного на свою голову и, сложив молитвенно ладони, произнес:

— Вплоть до самого конца зрю Победоносного.

Затем он поклонился на прощание и вместе со своим учеником, послушником Кюнда, отправился в Раджагриху, где была его родина.

Придя туда, он повелел послушнику Кюнда:

— Иди в город, на рынок, в царский дворец, в странно-примные дома, в жилища милостынедателей и скажи всем: «Придите сейчас поклониться».

Послушник Кюнда пошел, как то повелел ему учитель, и сказал всем:

— Мой наставник Шарипутра прибыл сюда, чтобы удалиться в нирвану. Приходите все, кто хочет видеть это.

Тогда царь Аджатакату, знатные и высокопоставленные домохозяева, милостынедатели, услышав слова послушника Кюнда, все, охваченные печалью и скорбью, воскликнули в один голос:

— Сколь преждевременно уходит в нирвану благородный Шарипутра, великий глава Учения, ставший другом многих живых существ!

Они быстро пришли туда, где находился Шарипутра, поклонились ему и сказали:

— Великий глава Учения и друг многих живых существ, благородный Шарипутра, ты поведал, что с жизнью полностью расстаешься и уходишь в нирвану, таким образом, нас и многие живые существа оставляешь без защитника и покровителя.

На это сказал Шарипутра многочисленным окружающим:

— Родившиеся в конце концов умирают, собравшиеся в конце концов расстаются. Вы в результате корня прежних благих дел хотя и столкнулись с приходом Будды в этот мир, однако знайте, что трудно заполучить возможность выслушать сутры и Учение, очень трудно обрести человеческое тело (родиться человеком). Поэтому прилежайте в деле накоп-

* Т. е. спокойно умирают.

ления благих заслуг и освобождения из круга обязательных рождений.

После этого он, сведущий в различных искусствах, подробно рассказал многочисленным присутствующим, как давать **больным лекарства**, и наставил собравшихся в Учении, отчего некоторые обрели духовные плоды от первого до третьего, некоторые, вступив в монашество, стали архатами, некоторые дали обет стать на путь пратьекабудд. Так, выслушав проповедь Учения и поклонившись Шарипутре, все разошлись.

После этого Шарипутра с наступлением второй половины ночи сел в вертикальную позу, сосредоточил свои помыслы в одной точке и погрузился в первую дхьяну. Выйдя из первой дхьяны, он погрузился во вторую дхьяну. Выйдя из второй дхьяны, погрузился в третью дхьяну. Выйдя из третьей дхьяны, погрузился в четвертую дхьяну. Затем, выйдя из четвертой дхьяны, Шарипутра погрузился в самадхи небесной беспредельности. Выйдя из самадхи небесной беспредельности, он погрузился в самадхи сферы бесконечного сознания. Выйдя из самадхи сферы бесконечного сознания, он погрузился в самадхи отсутствия сознания. Выйдя из самадхи отсутствия сознания, он погрузился в самадхи исчезновения. Выйдя из самадхи исчезновения, он погрузился в уход в нирвану.

Тем временем, узнав об уходе Шарипутры в нирвану, владыка богов Индра в окружении многих сотен тысяч божеств, взявших цветы, благовония и другие предметы жертвоприношения, направился в ту сторону, [где совершалось это событие]. Боги тесно сгрудились на верхнем небе, дождем хлынули их слезы, а выпавшие цветы покрывали землю до колен. И воскликнули тут боги:

— Благородный Шарипутра, мудрость которого глубока и обширна, как море, чьи речения, исполненные знания всех наук, били животворным ключом, совершенный в исполнении правил моральной дисциплины и в практике самадхи, великий глава Учения, вращавший вслед за Татхагатой колесо Дхармы, ныне уходит в нирвану. Слишком рано он покидает нас!

Все жители города и его окрестностей, узнав, что Шарипутра перешел в нирвану, взяли с собой необходимые для жертвоприношения предметы — животное и растительное масло, благовония, цветы, прибыли на место и, охваченные нестерпимой скорбью, совершили жертвоприношение.

Затем владыка богов Индра отдал Вишвакарме следующее распоряжение:

— Приготовь колесницу, украшенную многими драгоценностями! На нее положи телесную оболочку Шарипутры.

После этого боги, наги, якши, царь, сановники, все население страны, громко стеною, доставили [останки Шарипутры] в спокойное и благодатное место.

— Принесите с берега моря сандал «слоновья голова»! — приказал якшам владыка богов Индра.

Якши принесли с берега моря сандал, сложили его поленицей, наверху поместили бранные останки Шарипутры, облили животным и растительным маслом и подожгли. Все собравшиеся поклонились и разошлись.

Когда огонь погас, послушник Кюнда взял прах своего наставника, его патру, духовное одеяние и пришел к Будде. Он приветствовал Победоносного, коснувшись головой его стопы, и, преклонив колесо, сказал:

— Мой учитель удалился в нирвану. Вот его прах, патра и монашеское одеяние.

Ананда, услышав слова послушника, был охвачен сильной скорбью и сказал Победоносному:

— Поскольку Шарипутра, великий владыка и глава Учения, также в нирвану ушел *, то к кому же мы прибегнем для духовного руководства и защиты?

Но Победоносный возразил Ананде:

— Хотя Шарипутра и ушел в нирвану, однако моральная дисциплина, самадхи, высшая мудрость, полное освобождение, видение знания полного освобождения, дхармическое тело в нирвану не ушли. Шарипутра же ушел в нирвану не почему-либо, а только потому, что ему было нестерпимо видеть мой предстоящий уход в нирвану. И не только сейчас он сделал так. В давнее время он, не в силах вынести мою кончину, также ушел из жизни раньше меня.

Тогда Ананда, сложив вместе ладони, попросил Победоносного:

— О Победоносный! Соизволь подробно рассказать мне о том, как в прошлом рождении Шарипутра смерть прежде времени принял и что случилось потом.

И поведал Победоносный Ананде следующее.

Давным-давно, столь бесчисленное количество калп назад, что-и умом не окинешь, в стране Джамбудвипе, в некоей местности, жил царь по имени Чандра Прабха, или «Лунный свет». Ему были подвластны в Джамбудвипе восемьдесят четыре тысячи вассальных князей и шестьдесят тысяч областей, насчитывающих восемьдесят тысяч городов.

У того царя было двадцать тысяч жен, главную из кото-

* Намек на то, что и Будда собирается уходить в нирвану.

рых звали «Дарующая цветок», а среднюю — «Большеглазая». Было у царя и пятьсот сыновей, старшего из которых звали Цюльчим-санпо, или «Прекрасный обет». Дворец же, в котором проживал царь, именовался Цова-санпо, или «Замечательное жительство». Тот дворец, сооруженный из золота, серебра, ляпис-лазури и хрусталя, насчитывал четыреста йоджан в окружности. В дворцовом парке стояли деревья также из золота, серебра, ляпис-лазури, хрусталя. И были те деревья четырех родов: одни — с ветвями из золота и листьями из серебра, другие — с ветвями из серебра и листьями из золота, третьи — с ветвями из ляпис-лазури и листьями из хрусталя, четвертые — с ветвями из хрусталя и листьями из ляпис-лазури. Были там и драгоценные пруды, сооруженные из золота, серебра, ляпис-лазури и хрусталя, дно которых покрывал песок из тех же четырех драгоценных материалов. Обитатели той страны пребывали в благополучии и радости, владея множеством добра и превосходными драгоценностями.

Тем временем у царя, находившегося в своем дворце, постоянно возникала такая мысль: «Все обитатели этого мира чтут знатных и высокопоставленных». И как только царь подумал так, любые богатства, какие он только пожелает, стали сами собой являться ему. «Я обрел столь замечательный духовный плод, — подумал далее царь, — лишь в силу благих заслуг, произведенных [мною] раньше, [в прежних рождениях]. Так, например, крестьяне весной сеют много семян, рассчитывая осенью собрать еще больше. Я же, как и они, в прежних рождениях произвел благие заслуги, поэтому наделен подобным. Если же сейчас опять семян не посею, то в будущем [рождении] не на что надеяться».

И, подумав так, царь приказал советникам:

— Сложите в кучу перед городскими воротами и входом на рынок все мои драгоценности и богатства для раздачи, ибо я хочу оделить людей всем, что они пожелают. Вместе с тем приказываю оделять людей всем, что имеется в сокровищницах восьмидесяти четырех тысяч вассальных князей!

И воздвигли золотой стяг в честь царского распоряжения, и золотые барабаны широко донесли распоряжения до всеобщего сведения.

Тогда шраманы, брахманы, бедняки, беззащитные, старые, неимущие этой страны — все собрались, привлеченные этой вестью. Желавшие одежды получали одежды. Желавшие еды получали еду. Желавшие золота, серебра, драгоценностей получали золото, серебро, драгоценности. Больные, желавшие лекарств для лечения болезни, получали их по своему

желанию. Все люди Джамбудвиры были облагодетельствованы царской милостью, они танцевали и пели радостные песни, в стихах восхваляя царя. Славное царское имя звучало повсюду, и не было никого, кто бы не знал о царском повелении.

На дальней, дикой границе этой местности находилось небольшое царство царя по имени Бимасена, который так воспылал завистью к царю Чандра Прабхе, что даже не мог спокойно спать. Как-то раз, мучаясь бессонницей, Бимасена подумал: «Пока царь Чандра Прабха не будет уничтожен, до тех пор мое имя не прославится. Поэтому позову-ка я странствующих брахманов, проживающих в моей стране, посоветуюсь с ними и найду способ [покончить с тем царем]».

Подумав так, он призвал к себе странствующих брахманов, проживающих в его стране, приготовил вкусные яства и в течение трех месяцев с почестями принимал их. Затем Бимасена обратился к странствующим брахманам со следующими словами:

— Я измучен страданиями, не нахожу себе покоя ни днем ни ночью. Вы, служители религии, которых я чту подношениями, придумайте способ избавить меня от страданий!

Брахманы сказали:

— Царь, поведай нам, из-за чего ты печалишься, и мы приложим все силы, чтобы изгнать печаль из царского сердца.

Бимасена ответил на это:

— Царь Чандра Прабха славится своими достоинствами, поэтому все чтят его. Только мои достоинства не прославляются. Радостью будет мне уничтожение того царя. Скажите, что вы можете предпринять?

Брахманы, услышав слова Бимасены, сказали один другому:

— Царь Чандра Прабха обладает великим милосердием. Распространяя свои благодеяния на все живые существа, он для бедняков подобен отцу с матерью. Поэтому и под угрозой смерти кто осмелится причинить ему вред?

И, так сказав, они разошлись, даже не взглянув на угощение.

Царь Бимасена, услышав эти слова, совсем впал в уныние и обнародовал такой указ: «Любому, кто отрежет голову царю Чандра Прабхе и принесет ее мне, я отдам половину царства и свою дочь в жены».

Услышал про этот указ один брахман по имени Леутеуза, живший на скалистой горе. Радостный, он пришел к царю Бимасене и сказал:

— Я могу исполнить царское желание!

— Когда отправишься в путь, чтобы свершить это? — спросил его Бимасена.

— Дай мне припасов на дорогу, и я двинусь через семь лней. — ответил брахман.

После этого брахман в течение семи дней произносил мантры для защиты своего тела, затем распрощался с царем и двинулся в путь.

Тем временем в стране царя Чандра Прабхи являлись различные зловеющие знамения: повсюду трескалась земля, сверкали молнии и падали звезды, тьма окутывала землю днем и ночью, гремел гром, ударяли молнии, выпадал град; множество птиц кружились в небе и с жалобными криками падали на землю; тигры, леопарды, волки и другие хищники и дикие звери бегали и прыгали, издавая пронзительные звуки; восемьдесят четыре тысячи вассальных князей видели во сне, что сломался золотой стяг и порвался золотой барабан великого царя; царский советник Махачандра увидел во сне, что один прета сорвал с царя его золотую корону. Все были подавлены предчувствием ужасной беды.

Божество, охранявшее городские ворота, прознало, что брахман Леутеуза идет за головой царя, и, напустив на него чары, не давало пройти в городские ворота, так что тот брахман, много раз обойдя вокруг города, проникнуть в него не мог.

Однако божество чистых сфер знало, что если царь Чандра Прабха поднесет в дар свою голову, то этим обретет запредельное совершенство в даянии *. Поэтому оно явилось во сне к царю и сказала ему: «Великий царь, ты дал клятву всех одаривать сообразно желанию каждого. Сейчас просящий прибыл к воротам города, но внутри его не пускают».

Проснувшись, царь очень удивился и приказал советнику Махачандре:

— Иди и скажи, чтобы в город пропускали любого, никому не чиня препятствий.

Когда Махачандра подошел к воротам города, то божество, охранявшее городские ворота, явило ему себя и сказала:

— Пришел брахман из другой страны, пришел он со злым намерением просить голову царя, поэтому его не пускаю в город.

— Если это правда, то приметы великую беду предвеща-

* Запредельное совершенство в даянии — качество, присущее бодхисаттвам. Поэтому царь, отдав свою голову, сам станет бодхисаттвой.

ли, — промолвил советник, — однако царское повеление нарушать нельзя.

Тогда божество, охраняющее город, пропустило брахмана, а советник Махачандра подумал: «Этот брахман, несомненно, будет просить голову царя. Я велю взять семь видов драгоценностей и изготовить из каждого вида по пятьсот голов. Этими головами выкуплю голову царя». Такое распоряжение он и отдал.

Тем временем брахман подошел к воротам дворца и воскликнул громким голосом:

— Я прибыл из отдаленной пограничной страны. Слышал я в той дали о выдающихся добродетелях великого царя, который, как говорят, всех щедро одаривает и исполняет желания чужеземцев. Поэтому я проделал дальний путь ради достижения желаемого.

Услышав эти слова, царь чрезвычайно обрадовался. Он поприветствовал брахмана, спросил, не устал ли он, и сказал:

— Какое богатство желаешь? Желаешь земли или царство? Жenu или сына? * Драгоценности или колесницы? Желаешь ли слонов, лошадей, семь родов драгоценностей, дворец, рабынь или слуг? Получишь все, чего желаешь!

На это брахман ответил:

— Хотя одаривающий внешним богатством много благих заслуг за дарение обретает, однако не становится великим милостынедателем. Но поднесение в дар мяса и крови тела своего дает величайшую благу заслугу. Поэтому я, совершив долгий путь, пришел сюда, чтобы попросить у царя его голову. Если хочешь выполнить мое желание, то подари ее мне!

Безмерно обрадовался царь, услышав эти слова, а брахман добавил:

— Если подаришь мне голову, то позволь спросить, когда соизволишь это сделать?

— Подарю через семь дней, — ответил царь.

Тут пришел советник Махачандра и принес головы, сделанные из семи различных драгоценностей. Он распростерся перед брахманом и сказал:

— Царская голова — это мясо, кровь да кости, вещь нечистая, что с ней делать? Обменяй ее на эти головы из семи драгоценностей. Головы из семи драгоценностей сделают тебя богатым на всю жизнь.

Брахман возразил на это:

* Т. е. жену царя или царского сына.

— Мне не нужны такие головы. Для исполнения моего желания мне нужна царская голова.

Как ни просил Махачандра, все было напрасно. От печали и волнения сердце его разорвалось на семь частей, и он умер.

Царь же повелел одному из советников сесть на слона, проходящего сто тысяч йоджан, и сообщить всем вассальным князьям, чтобы они быстрее прибыли, дабы видеть, как через семь дней он подарит свою голову брахману.

Тогда все вассальные князья, прибыв немедленно, пошли к царю и, распростершись перед ним, стали просить.

— Все живые существа Джамбудвипы, — говорили они, — благоденствуют милостями царя. Не должно покидать все живые существа из-за одного человека. Ради милосердия к нам не жертвуй свою голову!

Десять тысяч советников также, распростершись перед царем, молили его, чтобы он сжалился над ними и не отдавал в дар свою голову.

Двадцать тысяч царских жен, распростершись на земле, молили царя:

— Подумай о нас в милосердии своем и не отдавай свою голову!

Пятьсот сыновей царя, рыдая, говорили:

— Кроме тебя, у нас нет покровителя и защитника, смилуйся над нами и не отдавай свою голову. Вспомни о нас, которые вслед за другими просят тебя об этом!

Тогда великий царь обратился к своим главным советникам, женам и сыновьям со следующими словами:

— Изначально тело это* в сансаре обретается. Когда длительное время пребывал в аду живых существ, то, ежедневно несколько раз умирая, это тело расточал впустую. Щелочь, железные крючья, кипятик, нечистоты, огненные колесницы, огненные ямы и другие атрибуты ада живых существ, варя, сжигая, разрезая, подвергали тело это долгим мукам, но, хотя несчетное число раз уничтожали его, никакой благой заслуги не было мною обретено.

Когда рождался в мире животных, то мы один другого терзали и пожирали, одного убитого все поедали. После смертей без счета было костей и смердящих останков [тел моих]. И вот так жизни свои расточил, но благой заслуги тоже не обрел.

Когда рождался в сфере претов, то тело мое сжигали в огне, голову острыми колесами отсекали, а я тут же снова

* Т. е. тело царя.

оживал. И это испытывал бесчисленное количество раз. И хотя таким образом тела расточил, однако благой заслуги не обрел.

Если рождался человеком, то ради богатства и женщин, свирепо вытаращив глаза, другому зло творил, другого смерти предавал, сходясь на полях сражений, убивал другого и так впустую расточал тела. И вот из-за страстей, гнева, духовного омрачения бесчисленное количество тел потерял, но благой заслуги не обрел.

Сейчас я полностью покину свое тело, ведь это мое тело есть лишь куча различных нечистот. Вскоре я уничтожу его и расстанусь с ним, ибо почему же не пожертвовать этой бренной и смрадной головой ради чьей-то пользы? Я подарю мою голову брахману и в результате такой благой заслуги обрету наивысшее духовное пробуждение. Когда же воистину буддой стану и получу всю полноту качеств [будды], то, умудренный в способах, избавлю вас от мук [сансары]. Я дарением этим буддство обрету, поэтому не препятствуйте помыслам моим о наивысшем духовном пробуждении!

Вассальные князья, советники, жены царя и сыновья его ничего не могли возразить на эти слова.

Тогда великий царь сказал брахману:

— Время для того, чтобы взять голову, наступило. Бери!

— Царь окружен сановниками и многочисленными придворными, — отвечал на это брахман, — и хотя я в силах отсечь царскую голову, однако не осмеливаюсь сделать этого. Если хочешь подарить мне голову, то пойдем в сад, в уединенное место.

— Если вы чтите меня, — обратился царь к советникам и сыновьям, — то не причините никакого зла этому брахману.

И вместе с брахманом ушел в сад.

В саду брахман сказал царю:

— Царь, ты молод, высок и силен, можешь не стерпеть боли и пожалеть [о своем решении]. Поэтому привяжи свою голову к дереву, и я тут же лишу тебя жизни.

Тогда царь, опустившись на колени, привязал свою голову к крепкой ветке, покрытой листьями, и обратился к брахману с такими словами:

— Когда ты отсечешь мою голову, то положи ее мне на руку и возьми с руки. Я обретаю благую заслугу, подарив тебе голову, отнюдь не из-за желания стать Марой, или Брахмой, или Индрой, или Вселенским монархом — Чакравартином и не ради пользования благами трех миров, но лишь стремясь обрести наивысшее полное духовное пробуждение, чтобы за-

щищать многочисленные живые существа и сподобить их благам нирваны. А сейчас, брахман, обнажай свой меч и рази!

Духу дерева все это очень не понравилось. «С какой стати этот человек намеревается совершить убийство?» — подумал он, развернулся и так дал брахману в ухо, что тот вверх тормашками полетел на землю.

Тогда царь глянул на духа дерева и сказал:

— В давно прошедшие времена я около этого дерева девятьсот девяносто раз приносил в дар свою голову. Сейчас я дарю эту голову в тысячный раз. Не мешай осуществлению моих помыслов о наивысшем духовном пробуждении, [которое обрету только] в результате совершенного запредельного даяния.

Дух дерева, услышав слова цря, помог брахману подняться с земли. Тот встал, поднял меч и отсек царскую голову.

Как только царская голова упала в руку [царя], шесть раз содрогнулась земля, пошатнулся и заходил ходуном дворец небожителей. И увидали обеспокоенные и изумленные боги, как бодхисаттва ради множества живых существ принес в дар свою голову. Столпившись, они повторяли: «Удивительно, удивительно». Дождем хлынули у них слезы, и, рыдая, боги произнесли хвалу, сказав: «Пожертвовав свою голову, царь Чадра Прабха обрел добродетель совершенного запредельного даяния».

Услышал это царь Бимасена и так огорчился, что потерял сознание. Сердце его разорвалось, и он умер.

Когда брахман, взяв царскую голову, ушел, вассальные князья, советники, царские жены и царевицы пали на землю, громко стеная. У некоторых хлынула кровь горлом, и они умерли. Некоторые потеряли всякую память и стали безумцами. Некоторые вырвали свои волосы, другие порвали на себе одежды, некоторые, расцарапав себе лицо руками, стеная, катались по земле.

Тем временем царская голова стала разлагаться и издавать зловоние. Не стерпев, брахман бросил ее и пошел дальше. Тогда встречные брахманы сказали ему:

— Ты человек воистину мерзкий. Если тебе не было надобности [в голове царя], зачем же ты просил ее?

Все встречавшиеся на пути бранили брахмана и не давали ему еды, поэтому тот совсем ослабел. Услышав по дороге, что Бимасена умер, брахман впал в уныние от несбывшихся желаний, у него хлынула горлом кровь, и сердце разорвалось на семь частей.

После смерти царь Бимасена и брахман возродились в

аду живых существ. Те же, которые приняли смерть в скорби по царю Чандра Прабха, возродились богами высшей сферы.

— Ананда, царь Чандра Прабха того времени и той жизни — это ныне я. Царь Бимасена — это греховный Мара. Брахман того времени — это нынешний Дэвадатта. Прежний дух дерева — это нынешний Маудгальяяна. Советник Махачандра того времени — это Шарипутра. В то время он, не будучи в состоянии видеть мою смерть, умер раньше. Сейчас же, не будучи в состоянии видеть, как я в нирвану ухожу, первый перешел в нирвану.

После рассказа Победоносного достопочтенный Ананда и другие окружающие в один голос восславили добродетели Татхагаты и с еще большим старанием предались медитации.

Глава двадцать третья

СЕМЬ СЫНОВЕЙ СОВЕТНИКА РИДАКА

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время у царя Сэльтупа был советник по имени Ридак, который обладал несметным богатством и был отцом семи сыновей. Шесть сыновей были женаты, а седьмой, самый младший, не имел жены. Отец подумал: «Я состарился, надо найти хорошую жену неженатому сыну».

У того домохозяина был близкий друг, брахман. Встретившись с ним и разговорившись, советник промолвил:

— Мой младший сын еще не женат, и не знаю, кого взять ему в жены. Ты ходишь повсюду, и если увидишь девушку хорошую и красивую, умную и достойного рода, подходящую для моего сына, то обязательно сосватай ее.

— Быть по сему, — согласился брахман.

Согласившись, стал он искать повсюду и в местности Ширидита увидал пятьсот девушек, которые собрались повеселиться и нарвать цветов, чтобы сделать гирлянды для подношения Будде.

Брахман направился вслед за девушками и стал наблюдать за ними. Когда маленькая речушка преградила девушкам путь, все сняли обувь, одна же девушка обувь не сняла и в ней перешла речку.

Пошли они дальше и стали переходить большую реку. Все девушки вошли в воду, сняв одежды. Только та девушка, не сняв одежд, перешла через реку.

Затем они пришли в лес. Другие девушки забрались на деревья и стали срывать цветы. Только та девушка собирала цветы на земле и собрала больше, чем другие.

Тогда брахман подошел к этой девушке и спросил:

— Если я задам тебе несколько недоуменных вопросов, получишь ли правдивый ответ?

— Если недоумеваешь, то спрашивай, — сказала девушка.

— Девушка, когда вы переходили реку, — начал брахман, — все девушки сняли обувь, только ты одна не сняла. Почему ты так сделала?

— Ты недоумеваешь, но ведь в моем поступке нет ничего удивительного, — отвечала девушка. — Когда я иду по земле, то вижу все, что находится под ногами — колючка ли, камень ли, черепок ли или какое другое неудобство, и могут обойти их. Но я не вижу, что на дне реки: колючка ли, змея ли, ядовитое ли насекомое. Опасаясь наступить на них и повредить ногу, я не сняла обувь.

— Тогда, — спросил брахман, — почему ты вошла в реку в одежде?

— На теле девушки имеются как хорошие, так и скверные знаки. Поэтому, если снять одежду и войти в воду, то другие их увидят. О хороших знаках никто ничего не скажет, а дурные знаки станут предметом насмешек. Поэтому я не сняла одежду.

— Хорошо, — сказал брахман, — а почему ты не залезла на дерево?

— Если залезть на дерево, а ветка дерева обломится, то упадешь и расшибешься. Поэтому я и не полезла на дерево, — отвечала девушка.

Та девушка была дочерью человека по имени «Друг силы», младшего брата царя Рэпсэльгеля. Он совершил преступление и, будучи изгнан из своей страны, пришел в эту землю. Здесь он женился, и жена родила ему дочь по имени Хлацамма.

Брахман сказал:

— Девушка, ты весьма умна и сообразительна. Есть ли у тебя родители?

— Есть, — ответила та.

— Тогда пойдем вместе к вам домой, — сказал брахман.

Когда они подошли к дверям, то девушка вошла в дом и сказала родителям:

— Один брахман ждет у дверей. Он ищет встречи с отцом.

Отец девушки вышел из дома, они с брахманом осведомились друг у друга о здоровье, и брахман спросил:

— Эта девушка — твоя дочь?

— Моя, — последовал ответ.

— Есть ли у нее муж?

— Нет, мужа нет.

Тогда брахман спросил:

— Знаешь ли ты в городе Шравастии советника по имени Ридак?

— Мы с ним близкие друзья, — прозвучал ответ.

— Младший сын того советника, — сказал брахман, — красив, великолепно сложен и умен. Прошу твою дочь ему в жены.

Отец девушки сказал на это:

— Советник тот высокороден, и если желаешь мою дочь [в жены его сыну], то будь по-твоему.

После этого брахман послал своему другу в Шравастии весть о сговоре. Получив эту весть от брахмана, тот приказал приготовить лошадей, колесницы и прочее, необходимое для встречи невестки, и отправился в страну Ширидита. Подъезжая, он послал вперед гонца с сообщением о своем прибытии. Отец невесты устроил свадебный пир и вручил свою дочь прибывшим. Когда те, взяв невесту, собирались отправляться назад, в Шравастии, мать девушки сказала дочери:

— Отныне и впредь ты всегда носи хорошее платье, ешь вкусную пищу и каждый день смотришь в зеркало.

— Так и буду делать, — ответила ей дочь.

Тут отец мужа недовольно подумал: «В жизни человека радости и беды сменяют друг друга, откуда же всегда взяться хорошей одежде и вкусной еде? Да и в зеркало постоянно смотреться также неприлично». Подумав так, он распрощался со всеми, и свадебный кортеж двинулся в обратный путь.

По дороге им встретился прекрасный загородный дом. Ехавшие впереди расположились в том доме на отдых. Вслед за ними туда подъехала и молодая жена. Обратившись к свекру, она сказала:

— Здесь останавливаться не стоит, давайте побыстрее уйдем отсюда на открытое место.

Сопровождавшие молодую женщину вняли ее словам и удалились от дома. Но некоторые слуги не послушались совета и остались в помещении. Немного времени спустя туда пришли коровы и лошади, стали чесаться об опорный столб дома, отчего дом рухнул и задавил находившихся в нем.

Свекор подумал: «Благодаря невестке я спасся от смерти» — и стал более доброжелательно относиться к ней.

Следуя дальше, кортеж достиг ложбины, где в изобилии

было травы и воды, и расположился там. Но подъехавшая невестка сказала:

— В этой ложбине оставаться нельзя, быстрее уйдем отсюда.

Едва они поднялись из ложбины вверх, как хлынул страшный ливень и вода затопила ложбину, где только что располагался кортеж. «Второй раз невестка спасла мне жизнь», — опять подумал свекор. Двинулись они дальше и вскоре достигли родных мест.

Собрались тут друзья и знакомые, принесли свои поздравления, и был устроен большой пир, на котором целый день продолжалось радостное веселье.

Когда гости разошлись по домам, свекор собрал своих невесток и обратился к ним с такими словами:

— Я состарился и сыт по горло хозяйственными делами, поэтому хочу вам, невестки, вручить домашнее имущество. Кто из вас возьмет ключи от кладовых?

— Мы не можем, — ответили шестеро старших невесток.

— Я могу, — сказала младшая из них.

И домохозяин вручил ей все ключи от кладовых.

Младшая невестка стала вести хозяйство: утром вставала первая и делала домашнюю уборку. Затем готовила пищу и раздавала ее по старшинству, начиная с родителей мужа. Затем она, накормив слуг и рабочих, каждому давала задание, а потом уже ела сама.

И поскольку она делала так всегда, то свекор подумал: «Эта моя невестка не похожа на других, и человек она незаурядный. Почему же она не следует наказу своей матери?» И, подумав так, он спросил невестку:

— Когда ты покидала семью, то твоя мать сказала: «Всегда носи хорошее платье, ешь вкусную пищу и постоянно смотришь в зеркало». Что означали эти слова?

Невестка, преклонив колени, отвечала:

— Наказ моей матери «носи хорошую одежду» означал, что я всегда должна держать одежду в чистоте и не грязнить ее, чтобы одежда была опрятной, когда придут гости или зайдут чужие люди. Наказ «всегда ешь вкусную пищу» подразумевал в действительности не вкусную и изысканную пищу, а лишь то, что, когда ешь после других, проголодавшись, тогда всякая пища покажется вкусной. Слова «постоянно смотришь в зеркало» вовсе не имели в виду бронзового или железного зеркала — они означали, что я должна раньше всех встать, хорошенько убрать и подмести дом, почистить ковры и сиденья. Таков был смысл наказа моей матери.

После этого свекор еще более возлюбил [младшую] невестку. Он полностью передал в ее ведение хозяйство семьи, и все домашние зажили спокойно и счастливо.

Случилось так, что одна птица клевала на морском острове рис и, захватив с собой рисовый колос, улетела. Пролетая над дворцом, она выронила колос, и тот упал прямо около дворца. Кто-то подобрал колос и преподнес его царю. «Такой хороший рис несомненно годится в качестве лекарственного средства; надо посеять его», — подумал царь и, разделив рис между советниками, приказал:

— Посейте!

Тот домохозяин также получил немножко риса и, вернувшись домой, сказал невестке:

— Посейте этот рис!

Невестка, проникнувшись важностью полученного ею наказа, посеяла зерно на плодородном поле и получила хороший урожай. Другие же к посеву зерен отнеслись спустя рукава, и у них ничего не уродилось.

Спустя некоторое время заболела супруга царя. Врач, который обследовал больную, сказал, что ей надо давать рис с морского острова и тогда она поправится. Тут царь вспомнил, что он велел раздать рис с морского острова для посева, и спросил советников, посеяли ли они тот рис или нет.

Одни советники сказали, что рис был посеян, но не взошел. Другие сказали, что риса у них нет, так как его поели мыши. Домохозяин же, вернувшись домой, спросил невестку:

— Вырос ли тот рис, который я в свое время велел сеять? Жена царя заболела, и ей требуется лекарство.

— Посеянный рис дал очень хороший урожай, — отвечала невестка, — из него можно приготовить не только лекарство для одного человека, но и вылечить все население страны.

Домохозяин взял часть риса и поднес его царю. Царь приготовил из этого риса лекарство, и царица поправилась, за что обрадованный царь дал домохозяину множество подарков.

В то время царь страны Ширидиты и царь Шравасты находились между собой в ссоре и не ладили друг с другом. И тогда подумал царь Ширидиты: «Проверю-ка я, есть ли у царя Шравасты мудрые и обладающие острым умом советники».

Подумав так, он направил к царю Шравасты посланца с двумя кобылами — матерью и дочерью, совершенно одинаковыми по стати и масти, предлагая отличить, которая из них

мать, а которая — дочь. Царь и советники посмотрели на кобыл, но ни один не смог отличить мать от дочери.

Когда домохозяин вернулся домой, то невестка спросила его, есть ли новости и каковы они. Тот ей подробно все и рассказал.

— Это узнать очень легко, — промолвила невестка, — привяжите двух кобыл вместе и дайте им хорошей травы. Та, которая мать, будет подвигать мордой траву дочери.

Когда домохозяин передал царю слова невестки, тот велел дать лошадям травы и посмотрел. Все получилось так, как было сказано, и царь выяснил, какая из лошадей мать, а какая — дочь.

— Это мать, а это дочь, — сказал он посланцу.

— Так оно и есть, вы не ошиблись! — ответил тот.

Вернувшись на родину, посланец обо всем подробно рассказал своему царю.

Тогда тот направил еще одного посланца с двумя змеями одинаковой толщины и длины, предлагая отличить самку от самца.

Собрался царь Рэпсэльгель со своими советниками, но, сколько они ни рассматривали змей, ни один не мог выяснить, кто самец, а кто самка.

Тогда домохозяин спросил об этом дома у своей невестки. Та сказала:

— Надо взять мягкий хлопчатобумажный материал и посадить на него змей. Самка будет лежать не двигаясь, самец же не сможет оставаться спокойным. Это так, и вот почему. Существо женского пола любит мягкое и легкое. Существо же мужского пола, горячее по своему характеру, мягкого не торпит и лежать спокойно не может. Тем и можно их различать.

Домохозяин доложил все это царю, и когда поступили так, как советовала невестка, то легко определили, кто из змей самец, а кто — самка.

— Это самец, а это самка, — сказал царь.

— Совершенно верно, — последовал ответ посланца.

Тут царь очень обрадовался и дал домохозяину в подарок много драгоценностей.

Затем царю Шравасте было прислано бревно равномерной толщины, без наростов, а также следов от топора или топорика с предложением определить, где был комель дерева, а где его вершина. Собрался царь со своими советниками, рассмотрели они бревно, но ни один не узнал требуемого.

— Узнать это очень легко, — ответила невестка на вопрос

домохозяина. — Если хочешь определить, где комель, а где вершина дерева, надо бросить бревно в реку. Комель погрузится в воду, а вершина всплывет. Вот и все.

Домохозяин доложил это царю, и когда поступили так, как советовала невестка, то определили, где комель, а где вершина.

— Это комель, а это вершина, — сказал царь.

— Именно так, — ответил посланец.

Еще больше обрадовался царь и дал домохозяину множество подарков.

Когда посланец вернулся на родину и все подробно рассказал своему царю, тот вручил ему множество драгоценностей и сказал:

— У того царя имеются мудрые советники, обладающие острым умом. Вручи это царю, и да будет отныне между нами согласие.

Царь Рэпсэльгель очень обрадовался такому обороту дела и спросил домохозяина:

— Каким образом ты разобрался во всем этом?

— Это не я разобрался, — ответил домохозяин, — у меня есть очень умная невестка, это она разобралась.

Услышав такие слова, царь очень обрадовался и повелел возвести невестку в ранг своей младшей сестры.

Прошло некоторое время, и невестка домохозяина понесла. Через девять месяцев она разродилась тридцатью двумя яйцами, и из каждого яйца появилось по мальчику, прекрасно сложенному и удивительно красивому.

Когда мальчики выросли, то по силе и храбрости не стало им равных. Каждый из юношей мог справиться даже с тысячей человек. Отец очень любил своих сыновей, а все жители царства уважали и побаивались их. В жены юношам взяли девушек из семей столь же знатных и высокопоставленных.

Как-то раз их мать Хлацамма, исполненная помыслов о вере, пригласила на угощение Будду и его общину. Когда Победоносный произнес проповедь, то все члены семьи обрели духовный плод вступления в поток, только младший сын этого плода не обрел.

Однажды младший сын сел на слона и отправился развлекаться в другой город. Перед городом текла большая река, через которую был перекинут мост. Когда юноша въехал на мост, то повстречался с колесницей, в которой сидел сын великого советника. Поскольку оба принадлежали к знатным фамилиям и гордились этим, ни один не хотел уступить доро-

гу. Сын Хлацаммы пришел в ярость и, сидя на слоне, столкнулся с моста колесницу сына великого советника.

Сын советника, поранив тело, руки и ноги, плача, вернулся домой и сказал родителям:

— Сын Хлацаммы нагло учинил зло, всего меня искалечил.

Великий советник очень расстроился, но подумал: «Эти парни очень сильны да с материнской стороны и к царю близки, поэтому бороться с ними трудно. Однако я им подстрою штуку».

И, подумав так, он приказал изготовить тридцать два жезла из семи различных драгоценностей, а в каждый жезл заложить по кинжалу. Затем он вручил по жезлу каждому из тридцати двух юношей, сказав при этом:

— Вы достигли возраста юношеской зрелости, времени игр и веселья. Поэтому я приказал изготовить для вас эти жезлы. Возьмите их себе на забаву.

И, очень довольные, юноши взяли эти жезлы.

Согласно царскому закону при встрече с царем не разрешалось иметь при себе оружия. И когда юноши, держа жезлы, толпились в окружении царя, тот советник, стремясь оклеветать их, сказал царю:

— Тридцать два сына Хлацаммы достигли расцвета-юношеской зрелости и так сильны, что каждый из них может справиться с тысячей человек. Они замышляют зло против царя!

Однако царь не охладил к юношам. Тогда советник опять сказал царю:

— То, что я сообщил раньше, — чистая правда, а не ложь, и это легко доказать. В жезлах, которые держат эти парни, спрятаны кинжалы. Совершенно очевидно, что сделано это со злым умыслом.

И действительно, когда царь осмотрел жезлы юношей, то, в соответствии с утверждением советника, там обнаружилось оружие. Царь подозвал поодиночке каждого юношу, велел схватить его и отрубить голову. Тридцать две отрубленные головы уложили в корзину, плотно закрыли ее и отправили названной младшей сестре царя.

В то время мать юношей принимала у себя Будду с его монашеской общиной. Получив корзину, посланную царем, она подумала: «Несомненно, в этой корзине находятся дополнительные подношения» — и собралась открыть ее.

— Подожди немного, — сказал Победоносный, — сначала закончим трапезу, а потом откроешь корзину.

Закончив трапезу, Победоносный наставил мать юношей в святом Учении и сказал:

— Бренно это тело: оно — вместилище мучений, пусто, безлично, бессущностно, кратковременно, подвержено несчастьям. Охваченное мучениями, это тело без пользы расточается из-за страданий, которые причиняются разлукой с любимыми. Кто разумением и мудростью обладает, тот поймет смысл этого.

Поняла этот смысл Хлацамма и обрела духовный плод невозвращения. Возрадовавшись, она сложила ладони и обрати́лась к Победоносному с такими словами:

— О Победоносный! Ради милосердия ко мне прошу тебя исполнить мои четыре просьбы. Первая просьба из четырех: да буду я иметь возможность давать больным монахам лекарства, еду и питье в достаточном количестве; вторая просьба: да буду я ухаживать за больными монахами и готовить для них еду и питье; третья просьба: да буду я давать приют всем странствующим монахам; четвертая просьба: да буду я готовить для монахов, отправляющихся в путь, дорожные припасы и вещи, необходимые в пути. Я прошу это потому, что больным монахам, не имеющим лекарств, еды и питья, трудно излечиться от болезни, и они могут расстаться с жизнью. В том случае, когда монах заболел, а у него нет ни послушника, ни еды, он вынужден просить подаяние. Если больной придет за подаянием не в установленное время и не получит желаемого, то он рассердится, что затруднит лечение болезни. Поэтому я хочу таким монахам давать еду.

Монах, пришедший издалека, отправляется за подаянием, не зная местных условий. Во время сбора подаяния, если собака или негодяи ему причинят зло, то монах рассердится и тем самым не соблюдает [обет] терпения. Поэтому я хочу таким монахам давать еду.

Когда монах отправляется в путь, то попутчики бросят его, если у монаха нет припасов. Но по дороге встречается много диких зверей, разбойников и негодяев. Если идти одному, то можно погибнуть. Поэтому я хочу готовить таким монахам все необходимое.

Выслушав просьбу Хлацаммы, Победоносный похвалил ее сказав:

— Очень хорошо! Благая заслуга твоих четырех просьб необычайно велика и не отличается от [заслуги] совершения подношения Будде.

Сказав это, он вместе с монашеской общиной удалился в сад Джетавана.

Когда Победоносный ушел, Хлацамма открыла корзину, глянула и увидела головы тридцати двух сыновей. Но, отринувшая земные желания, она не предалась скорби, а лишь сказала себе: «У человека есть как рождение, так и смерть, и расстояние между ними невелико. Но все же они не будут подвергаться мучениям в пяти мирах существования».

Однако родственники юношей по материнской линии, услышав такую новость, сильно опечалились и, придя в ярость, сказали:

— Великий царь всех их безвинно предал смерти. Поэтому давайте соберем войско и пойдем на него.

Они собрали войско и окружили царский дворец. Царь перепугался и убежал туда, где находился Будда. Родственники юношей, услышав об этом, обложили своими войсками рошу, где пребывал Победоносный.

Тогда Ананда, услышав, что царь Рэпсэльгель умертвил тридцать два сына Хлацаммы, а их родственники с материнской стороны пришли, ища отмщения, преклонил колени, сложил вместе ладони и обратился к Победоносному со следующими словами:

— О Победоносный! Поведай, в силу каких причинно-следственных связей царь разом умертвил тридцать два человека?

— Тридцать два сына Хлацаммы, — отвечал Победоносный Ананде, — не только в настоящее время были разом убиты царем. Я тебе расскажу, почему тридцать два человека разом смерть приняли. Хорошенько слушай и запечатавай в своей памяти.

— Так и сделаю, — отвечал Ананда. — Я слушаю.

И поведал Победоносный.

В давно прошедшие времена эти тридцать два человека жили в дружбе, любви и согласии. Как-то раз они сговорились и украли вола у одного чужака.

В то время в той местности жила одна бедная бездетная старуха. Украденного вола, чтобы убить его, привели в дом к той старухе. Обрадованная старуха приготовила дрова и необходимую утварь для приготовления мяса.

Когда вола собирались заколоть, то тот, чуя свою смерть, произнес такое заклятие: «Сейчас вы убиваете, но в грядущих временах, несмотря ни на что, не избавитесь от плода [злого деяния], коли уж обрели его. Так убивайте!»

И как только он произнес это заклятие, люди убили вола. Некоторые ели вареное мясо, другие жарили его. Старуха тоже наслась до отвала и была очень довольна.

— Ни от кого из гостей, приходивших ко мне прежде, я не получала такой пользы, как сегодня, — сказала она.

В той жизни, в то время, тем волом и был нынешний царь Рэпсэльгель. В той жизни, в то время, похитителями вола и были нынешние сыновья Хлацаммы. Старуха же была их нынешняя мать. В силу созревшего плода [злого] деяния на протяжении пятисот поколений их всегда убивали. Старуха же только за то, что она была в то время довольна случившимся, всегда, как их мать, сильно страдала от этого. Ныне же, со мной встретившись, духовный плод обрела.

Ананда, сложив вместе ладони, спросил Победоносного:

— За какую благую заслугу эти люди были из знатного и высокопоставленного рода, обладали богатствами и силой?

Победоносный сказал на это:

— В давно прошедшие времена, когда в мир пришел будда Кашьяпа, была одна старуха, исполненная глубокой веры в три драгоценности. Она постоянно покупала много благовоний, смешивала их с маслом и умащивала этой смесью ступы.

Как-то раз, когда она на одной дороге умащивала ступу, туда подошли тридцать два человека. Они помогли старухе умащивать ступу, и та произнесла такие слова:

— В силу благой заслуги за помощь мне умащивать ступу, когда и где бы вы ни родились, да будете статными и сильными!

Обрадовавшись, эти люди закончили умащивать ступу и также сказали:

— Мы благодаря этой старой женщине дело благой заслуги сотворили. Когда и где бы мы ни родились, да будет род наш знатен, высокопоставлен и богат! Да будет эта старая женщина постоянно нашей матерью, а мы — ее сыновьями! Да никогда не расстанемся мы ни с Буддой, ни с возможностью слушать святое Учение и быстро духовный плод обречем!

— Да будет так! — сказала старуха.

Поэтому на протяжении пятисот поколений происходили они из рода знатного и высокопоставленного.

В той жизни, в то время, та старуха и была матерью нынешних юношей. В той жизни, в то время, те тридцать два человека и были нынешними юношами.

Когда воины выслушали рассказ Будды, гнев их полностью улегся.

— Великий царь не виноват, — сказали они. — В основе всего этого лежит созревший плод прежних деяний этих лю-

дей. Вот к чему привело убийство только одного вола. Царь Рэпсэлыгель является нашим господином, и зачем же нам питать к нему ненависть и чинить ему зло?

С этими словами они оставили оружие и подошли к царю, раскаиваясь в своем поступке. Царь же отпустил их с миром.

После этого Победоносный подробно изложил святое Учение и указал как на пользу ревностного творения благих деяний, так и на вред деяний неблагих. Он также подробно рассказал о четырех благородных истинах¹⁴⁰, отчего все многочисленные слушатели обрели духовный плод и искренне радовались словам Победоносного.

РАЗДЕЛ VII

Глава двадцать четвертая

О ЦАРЕ ПО ИМЕНИ КАЦИН-ЦЕНПО, ИЛИ «ВЕЛИКИЙ КАЦИН»

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той местности правил царь по имени Прасенаджит. На юге его царства находилась страна под названием Сергиса, или «Золотая земля», где правил царь, которого звали Кацин. Царского сына же звали Кацин-ценпо, или «Великий Кацин».

Когда умер царь Кацин, то царевич взошел на престол. Новый царь отличался острым и ясным умом, доблестью и большой физической силой. Войско его насчитывало тридцать шесть тысяч отрядов. И в наступлении то войско было подобно смерчу, никто не мог противостоять ему. С центральной страной у Великого Кацина не было никаких сношений.

Как-то раз в Золотую землю прибыли купцы и поднесли в подарок царю четыре куса прекрасной мягкой хлопчатобумажной ткани. Царь принял ткань и спросил купцов:

— Откуда вы взяли такой замечательный товар?

— Привезли из центральной страны, — отвечали те.

— Что это за центральная страна и как называются [царства] центральной страны? — спросил царь

— В центральной стране есть [царства] под названием Раджагриха, Шравасте и многие другие, — отвечали купцы.

— Почему же те цари не приходят поклониться мне и вручить дань? — спросил опять царь.

— Те цари правят каждый своим владением и занимаются делами своей земли, поэтому и не приходят сюда, — сказали купцы.

«Если я своим могуществом и величием могу все страны привести в покорность, — подумал царь, — то почему же эти цари не приходят поклониться мне и вручить дань? Обрушусь-ка я на них всем своим могуществом и величием». И он спросил купцов:

— Кто из царей центральной страны самый могучий?

— Самый могучий — царь Шравасты, — ответили те.

После этого тот царь направил посланца в Шравасты, к царю Прасенаджиту, с письмом, где было сказано: «Своим могуществом и величием я подчинил все страны Джамбудвипы. Почему ты не шлешь послов? Сейчас я отправил к тебе посла. Поэтому, если лежа мое имя услышишь, то сесть [тебе] должно; если сидя мое имя услышишь, то встать должно; если во время еды мое имя услышишь, то не глотать, а выплюнуть пищу должно; если, моясь и распустив волосы, мое имя услышишь, то снова волосы собрать в пучок должно; если стоя мое имя услышишь, то бежать [тебе] должно. Через семь дней прибудь сюда встретиться со мной! Если не сделаешь так, то войско приведу и опустошу твою землю!».

Прочитав это послание, царь Прасенаджит стал угрюм и гневен. Он отправился к Победоносному и подробно рассказал ему обо всем.

Победоносный ответил так:

— Царь, скажи посланцу: «Из всех царей я не самый могучий, есть царь более могучий, чем я».

В соответствии с наставлением Победоносного царь Прасенаджит сказал посланцу:

— Здесь пребывает явившийся в мир царь магических превращений, ступай к нему и вручи ему послание своего царя!

И, услышав это, посланец пошел в сад Джетавана.

Тем временем Победоносный магическим способом превратил себя во вселенского монарха — Чакравартину, а Маудгальяну — в своего драгоценного советника * и воссел обладателем семи различных драгоценностей. Сад Джетавана он также превратил в драгоценный сад. За оградой сада магическим путем появились семь рвов из драгоценностей, в промежутках между рвами высились деревья из семи различных

* Драгоценный советник — один из атрибутов Чакравартину.

драгоценностей, бесчисленные лотосы сверкали и переливались всеми цветами радуги. В саду, во дворце, сотворенном из различных драгоценностей, сидел величественный царь.

Когда посланец подошел к волшебному дворцу и увидел великого царя, его охватил ужас. «Величием и благими заслугами мой царь уступает этому, — подумал он, — но царское письмо надо вручить». И, подумав так, он вручил письмо.

Нирманический царь * взял письмо, наступил на него и сказал посланцу:

— Я — великий царь, повелитель четырех континентов, с какой стати буду слушать распоряжения твоего глупого царя! Быстрее возвращайся и передай ему следующее: «По возвращении твоего посланца слушай мой приказ. Если будешь при этом лежать, сесть [тебе] должно; если будешь при этом сидеть, встать должно; если будешь при этом идти, бежать должно. Если через семь дней не явишься сюда поклониться, нарушишь приказ, то будешь строго наказан!»

В соответствии с полученным приказом тот гонец отправился назад и, прибыв в свою страну, подробно рассказал царю Золотой земли о том, что видел и что было поручено ему передать.

Услышав слова послания, раскаялся Великий Кацин и подумал: «Придется идти со всеми вассальными князьями к великому царю. Однако не следует действовать напролом, пошлю-ка я еще одного посланца».

И он послал вперед посланца со следующим уведомлением: «Великий царь, я иду поклониться тебе. Под моей властью находится тридцать шесть тысяч вассальных князей. Прийти со всеми или только с половиной?»

«Приходи с половиной!» — повелел в ответ нирманический царь.

После этого царь Золотой земли с восемнадцатью тысячами вассальных князей прибыл в Шравасту к этому царю и поклонился ему. При этом он подумал: «Этот великий царь превосходит меня своим внешним обликом, однако уступает мне в силе».

Только он так подумал, как нирманический царь приказал своему драгоценному советнику:

— Дай царю Золотой земли свой лук!

Великий Кацин попытался взять лук, но не смог его поднять. Тогда нирманический царь подцепил лук мизинцем и подал его царю Золотой земли со словами:

* Т. е. царь, сотворенный магической силой самого Будды.

— Натяни этот лук!

Но тетива не поддавалась усилиям царя Золотой земли. После этого нирманический царь поднял лук, натянул его и только отпустил тетиву, как от ее вибрации затряслась и задрожала вся область тысячи великих миров.

Затем нирманический царь взял стрелу и пустил ее. Тут же эта стрела превратилась в пять стрел, наконечники которых выпускали бесчисленные лучи света. А на концах стрел возникло по лотосу, размером с колесо колесницы, а на лотосе восседал вселенский монарх — Чакравартин, обладатель семи драгоценностей.

Лучи, выпускаемые стрелами, озарили район трех тысяч великих миров, и не было ни одного живого существа во всех пяти мирах, которому не было бы сотворено благо.

Так, когда увидали эти лучи в обители богов и там прозвучала проповедь Учения, то полностью очистились боги телесно и духовно. Некоторые из них обрели блага от вступления в поток до архатства, другие породили помыслы о наивысшем и совершенном духовном пробуждении. Третьи же стали пребывать на стадии анагаминов.

Увидав лучи, сотворенные Буддой, и выслушав его проповедь Учения, необычно возрадовались живые существа, относящиеся к разряду людей. Некоторые из них обрели духовный плод вступления в поток, а вступившие в монашество стали архатами. Бесчисленное число живых существ, помысл о наивысшем и совершенном духовном пробуждении породив, стало пребывать на стадии анагаминов.

Когда лучи, сотворенные Буддой, коснулись тех, кто принадлежал к претам, и преты услышали проповедь Учения, то все насытились едой*, избавились от телесных и духовных страданий, стали вдовольстве пребывать. Все преты породили помысл о милосердии и, почтив Будду, полностью освободились от бытия претами и обрели рождение в мире богов или людей.

Когда живые существа, рожденные животными, увидали лучи, сотворенные Буддой, то полностью успокоились их помыслы, направленные к похоти и гневу, рассеялось духовное невежество, в котором они пребывали. Возрадовались и поверили они Будде, отчего полностью избавились от рождения в мире животных и возродились в мире богов или людей.

Когда лучи, сотворенные Буддой, коснулись живых существ ада, то страдавшие от холода согрелись, а мучившиеся

* Преты — духи, постоянно мучимые голодом.

от жары обрели прохладу. Их страдания прекратились, и, возрадовавшись телом и духом, они уверовали в Будду и, освободившись от рождения в аду, возродились в мире богов или людей.

Царь Великий Кацин и вассальные князья Золотой земли, увидав подобные магические превращения, прониклись великой верой, отчего освободились от грязи и скверны и обрели истинный дхармический глаз на Учение.

Глубокого удовлетворения преисполнились сердца восемнадцати тысяч вассальных князей, а магические превращения, сотворенные Буддой, тут же исчезли, и он явился в своем телесном облике, восседающий в окружении монашеской общины.

Тут царь Золотой земли попросил Победоносного принять его в монашество.

— Приди во благе! — сказал Победоносный.

И сразу же волосы на голове и лице Великого Кацина сами собой сбрились, а одежда превратилась в оранжевое одеяние монаха. Он сосредоточил все свои помыслы на Учении, исчезли его прегрешения, и Великий Кацин стал архатом.

Тогда Ананда спросил Победоносного:

— Что за благая заслуга была в прошлом у царя Золотой земли, почему он происходил из столь знатного и высокого рода, обладал великими благородными достоинствами, а при встрече с Буддой Победоносным тут же снялись его прегрешения?

И рассказал на это Победоносный Ананде следующее.

В соответствии с поступками живых существ полностью созревают и плоды их деяний. В давно прошедшие времена в мир пришел будда Кашьяпа. Когда этот будда ушел в нирвану, то один домохозяин соорудил ступу, учредил странноприимный дом для монахов и обеспечил его четырьмя видами необходимых вещей и продуктов.

Прошло длительное время, ступа разрубилась, и прекратилось снабжение странноприимного дома такими жизненно необходимыми вещами, как одежда, пища, сиденья и ложа.

У того домохозяина был сын — монах. Он поведал многим людям об Учении, отчего те восстановили ступу и возобновили снабжение странноприимного дома одеждой, едой, питьем, сиденьями и ложами. Эти люди, которые от всего сердца снабжали странноприимный дом необходимыми жизненными средствами, произнесли такое моление: «В грядущие времена да будем мы знатными, богатыми и долго живущими! Да встре-

тимся мы с приходом Будды в мир и, выслушав Учение, да обретаем необычный плод!»

— Ананда! В той жизни, в то время, тем монахом, сыном домохозяина, и был нынешний царь Золотой земли Великий Кацин. Те же, кто восстановил ступу и снабжал необходимыми жизненными средствами странноприимный дом, были нынешние восемнадцать тысяч его вассальных князей.

Когда Победоносный произнес свое поучение, многочисленные окружающие породили помысел о невозвращении и от всей души возрадовались словам Будды.

Глава двадцать пятая

О МОНАХИНЕ ПО ИМЕНИ УДПАЛАВАРНА ¹⁴¹

Так было онажды услышано мной. Победоносный пребывал в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время царь Прасенаджит умер, и на престол вступил Вайдурья. Он был не из тех царей, кто управляет страной в соответствии с Дхармой. Его слоны топтали людей, и не счесть было убитых.

Благородные жены из знатных родов, видя подобное, не захотели оставаться в миру и, покинув семьи, стали монахинями. Некоторые из жен, принявших духовное звание, были из рода Шакьев, другие были царского рода. Так пятьсот бесподобно красивых и высокородных жен полностью отказались от своих богатств и ушли в монашество.

Это очень обрадовало всех людей, и они снабжали их средствами к жизни.

Как-то раз монахини сказали одна другой:

— Хотя мы и вступили в монашество, но еще не отведали нектара Учения, а поскольку нам следует смирить страсти и гневные порывы, а также избавиться от духовного невежества, то пойдем к ученице Будды, чтобы выслушать от нее Учение.

Они пришли туда, где находилась ученица Будды по имени Ненгама, поклонились ей и сказали:

— Хотя мы и покинули мир, однако еще не отведали нектара Учения. Наставь нас в нем.

Ученица Будды подумала: «Хорошо бы мне убедить их отказаться от духовного звания и соблюдения правил мораль-

ной дисциплины, а также получить обратно их монашеское одеяние и чаши для сбора милостыни *».

И, подумав так, она сказала:

— Зачем вам, женщинам именитых родов, полностью отказываться от своих драгоценностей, слонов, лошадей, дворцов, рабынь, слуг, всевозможных предметов для совершения подношений и, вступив в монашество, подвергать свою жизнь таким мучениям и страданиям? Вместо того чтобы вступать на стезю Учения Будды, лучше бы вам вернуться в свои поместья и наслаждаться пребыванием с мужьями, сыновьями и дочерьми, пользоваться радостями этой жизни и по своему благоусмотрению совершать даяния.

Услышав эти слова, монахини опечалились и, рыдая, вернулись назад.

Затем они отправились к монахине по имени Удпалаварна. Придя к ней, они поклонились и, спросив о ее здоровье, сказали:

— Когда мы в миру пребывали, то были во власти мирских дел. Сейчас, хотя нами и овладело желание идти по стезе монашества, мы не можем избавиться от страданий, проистекающих от духовной омраченности. Яви нам свое милосердие и наставь нас в святом Учении.

Удпалаварна на это ответила:

— Что вы хотите знать, суть ли прошлого, будущего или настоящего? Спрашивайте, и вам будет показано.

— Оставим пока в стороне прошлое и будущее, — промолвили монахини, — просим показать нам настоящее и рассеять наши сомнения.

— Страсти подобны огню, — сказала Удпалаварна. — Они сжигают горы и долины, сгораешь от них, как сгорает соломенная подстилка. Силой страсти один другому творит зло и вред. Такие люди длительное время обречены на три дурных рождения, и нет им срока освобождения.

Приверженные к мирской жизни постоянно испытывают страдания от разлуки с предметом желаний, от рождения, старости, болезни и смерти, от царских законов. Расставшись с жизнью, они рождаются снова, для новых телесных и духовных страданий. Узы мирского бытия крепче тюремных пут.

Я родилась в роду странствующих брахманов. Поскольку мои родители были знатного и благородного рода, они отдали меня в жены сведущему в науках странствующему брахману, также из рода, известного своей знатностью.

* Непременные атрибуты буддийского монаха.

Выйдя замуж, я родила сына. Затем, после смерти родителей мужа, я снова понесла. Когда приблизился срок окончания беременности, я сказала мужу:

— Если я здесь рожу ребенка, то нечистоты от родов будут неприятны. Поэтому отправлюсь-ка я рожать к своим родителям.

— Хорошо, — согласился муж.

Мы взяли сына и вдвоем с мужем пошли к моим родителям. На полпути я почувствовала родовые схватки и в полночь под деревом родила мальчика. Мой муж крепко заснул в стороне, и его ночью укусила змея. Я звала его, но он не откликнулся. Когда рассвело, я посмотрела и нашла мужа мертвым от укуса ядовитой змеи, и его тело уже начало разлагаться. Тут я потеряла сознание и упала на землю. Старший же сын, увидав отца, умерщвленного змеей, начал кричать и плакать. От плача старшего сына я очнулась, посадила его на спину, взяла на руки младенца и, рыдая, пошла по пустынной дороге, где нельзя было ни попутчика найти, ни следа человеческого встретить.

На пути мне встретилась большая река. Она оказалась широкой и глубокой, поэтому обоих детей вместе перенести было невозможно. Я оставила старшего сына на берегу, а младшего взяла и перенесла на другую сторону. Когда я возвращалась за старшим сыном, он, заметив меня, вступил в воду, и его понесло течением. Я пыталась догнать сына, но сил не хватило, и вода унесла его.

Возвратившись на другую сторону, я увидела, что младшего сына съели волки, лишь на земле осталось немного крови.

Тогда я снова потеряла сознание и долго оставалась без чувств. Затем по дороге мне встретился странствующий брахман, близкий знакомый моих родителей.

— Что за несчастье стряслось, почему ты такая печальная? — спросил он.

Я подробно рассказала ему обо всем, что произошло, и, плача, спросила о своих родителях.

— В доме твоих родителей случился пожар, и они сгорели вместе со всеми домочадцами, — ответил странствующий брахман.

Услышав эти слова, я опять без памяти упала на землю. Тогда странствующий брахман привел меня в чувство, взял к себе домой и обходился со мной с такой добротой, будто я была его дочь.

Вскоре другой странствующий брахман взял меня в жены.

Вместе с ним мы жили в полной радости и веселье. Я снова ждала ребенка. Когда истек срок беременности и приблизились роды, моего мужа позвали в другой дом на угощение. В это время у меня начались роды, я крепко заперла дверь и родила сына.

Вернувшись, хмельной муж постучал в дверь, но так как дверь ему не открыли, он в гневе выломал ее, вошел внутрь и избил меня. Узнав, что я родила сына, он убил его, изжарил в масле и заставлял меня есть. Но поскольку я не могла есть мясо сына, то он опять избил меня и насильно заставил есть.

Когда я поела, муж протрезвел, а я подумала: «Нет у меня счастья *», и карма моя ужасна». И, подумав так, оставила мужа и убежала в страну Варанаси.

Сидела я под деревом у города Варанаси, и там же оказался молодой домохозяин. Тот домохозяин оплакивал свою умершую жену, останки которой были погребены на этом месте. Он подошел ко мне и спросил, что я здесь одна делаю. Я рассказала о случившемся со мной, после чего домохозяин привел меня к себе в сад и сказал:

— Будь моей женой.

Я ответила согласием.

Пробыли мы супругами недолго. Мой муж заболел и умер. По обычаям той страны, если супруги при жизни пребывали в любви и согласии, то, когда муж умирал, жену заживо клали с ним в могилу. Меня тоже положили в могилу мужа, но ночью пришли кладбищенские грабители, разрыли могилу, и предводитель грабителей сделал меня своей женой.

Вскоре предводитель грабителей был казнен царем, а его товарищи, погребая останки своего главаря, вместе с ними положили в могилу и меня. Я пробыла в могиле трое суток, но волки разрыли могилу, и я выбралась из нее.

Тут я подумала: «Что за грех совершен мной, если, столько раз преданная смерти, я снова оживала? Некогда слышала, что царевич из рода Шакьев, стал полностью просветленным, носит имя Будды и знает прошлое и будущее. Прибегну-ка я к его защите». С этими мыслями я направилась к саду Джетавана и издалека увидела Татхагату, подобного распутившемуся голубому лотосу, подобного месяцу между звездами. Победоносный в силу наивысшей мудрости знал, что наступило время моего обращения в истинную веру. Он встал и встретил меня.

* Букв. «Нет благой заслуги» как источника счастья.

Я была обнаженной, устыдилась и села на землю, прикрывая груди руками. Тогда Победоносный приказал Ананде:

— Дай этой женщине одежду.

Одевшись, я припала головой к стопам Победоносного и взмолилась:

— Подумай обо мне в милосердии своем и разреши мне вступить в монашество.

Тогда Победоносный приказал Ананде:

— Поручи эту женщину заботам Праджапати, пусть она вступит в монашество.

После этого Праджапати приняла меня в монашество и преподала мне Учение о четырех благородных истинах. Как только я выслушала его, то сразу же стала ревностно прилежать и, обретя духовный плод архатства, познала все деяния прошлого, будущего и настоящего.

Тут монахини попросили:

— Расскажи, какое злое деяние ты совершила в прошлом, что подверглась такому воздаянию.

— Слушайте внимательно, — сказала монахиня Удпала, — и я вам поведаю.

В давно прошедшие времена жил один очень богатый домохозяин, не имевший детей. Он взял вторую жену, которую очень полюбил; вскоре та понесла. По истечении полного срока родился сын. Супруги очень любили и лелеяли ребенка.

Тогда старшая жена подумала так: «Мой род знатен и благороден, но так как у меня нет сына, то и не будет продолжателя моего рода. Когда этот ребенок вырастет, он возглавит род и, став хозяином всех богатств, ничего мне не уделит, и я буду терпеть нужду». Из зависти она решила убить ребенка и иглой проколола ему родничок, да так, что ранки не было заметно.

Ребенок вскоре умер. Вторая жена впала в беспамятство, а затем стала укорять первую, говоря:

— Ты убила моего ребенка.

Первая жена, услышав эти слова, произнесла такую клятву:

— Если я убила твоего ребенка, то пусть во всех моих рождениях моего мужа умертвит ядовитая змея. Если у меня будет сын, то пусть его унесет водой, пусть съедят волки. Пусть мое тело всегда заживо кладут в могилу. Пусть я буду есть мясо собственного сына, а родительский дом со всеми его обитателями сгорит в огне.

В той жизни старшая жена, давшая такую клятву, — это я ныне, и все это мне пришлось испытать.

Тогда монахини спросили:

— За какую благую заслугу ты, после того как увидала Будду и с его разрешения вступила в монашество, вышла из круговорота сансары?

Удпала сказала на это:

— Некогда в Варанаси, на горе, именуемой «Гора встречи», пребывали многие пратьекабудды, шраманы и последователи других учений, обладающие даром предвидения. В то время один пратьекабудда пошел в город за подаянием. Жена некоего домохозяина, увидев его, возрадовалась, вручила подаяние и совершила подношение.

Тогда пратьекабудда вознесся в небо и там показал магические превращения: испустил из тела огонь, изверг воду, ходил, лежал и сидел в небесном пространстве. Жена домохозяина в этот момент произнесла такое моление: «В грядущие времена да уподоблюсь я ему!» Жена домохозяина, которая в то время произнесла моление, это я ныне. Из-за встречи с Татхагатой мысли мои полностью очистились, и я обрела плод архатства. Но хотя я и обрела архатство, постоянно испытываю такие муки, как будто меня пронзают раскаленной железной полосой с макушки до подошвы ступни*.

Когда высокородные пятьсот монахинь прослушали рассказ Удпалы, они содрогнулись телом и духом, поняли, что страсть подобна печи огненной, и помыслы, рождаемые страстями, полностью оставили монахинь. Поняли они также, что страдания мирской жизни паче страданий тюремных, и очистились от всей скверны. Монахини одновременно погрузились в самадхи и обрели архатство.

Затем они в один голос сказали монахине Удпале:

— Страсти полностью господствовали над нами, но в силу твоего наставления в Учении мы вышли за пределы сансарического бытия.

За это и Победоносный восхвалил монахиню Удпалаварну, сказав:

— Монахиня Удпалаварна прекрасно проповедует. Тот наставник Учения, кто может преподать его другому, есть истинный духовный сын Будды.

И многочисленные окружающие воистину возрадовались словам Победоносного.

* Ничто, даже выход из круга обязательных рождений, не избавляет от воздаяния за греховный поступок, и оно длится до тех пор, пока греховность поступка не исчерпается воздаянием за него.

Глава двадцать шестая

О ЦАРЕ ШЮДОЛАКГАРНИ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в роше Вenuвана, где обитали птички календаки. Тогда достопочтенный Ананда поднялся со своего места, оправил облачение и, сложив вместе ладони, обратился к Победоносному с такой просьбой:

— Соизволь поведать, в силу каких причинно-следственных связей пятеро монахов во главе с Каундинья отведали нектар Учения раньше всех, сразу же, как только Победоносный стал в этом мире вращать колесо Дхармы*.

Победоносный сказал Ананде:

— Это пятеро монахов некогда, также первыми моего мяса поев, блаженствовали. Сейчас же, первыми нектар Учения отведав, полностью освободились [от уз сансары].

— Соизволь поведать, — снова попросил Ананда у Победоносного, — что сотворили в прежние времена эти пятеро монахов.

И рассказал Победоносный Ананде.

Несчетное количество калп назад, столь давно, что и умом не постигнешь, в Джамбудвипе был царь по имени Шюдолакгарни, под властью которого находилось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей Джамбудвины. В то время один гадатель предсказал, что в течение двенадцати лет в стране не будут выпадать дожди.

Царь, услышав эти слова, очень опечалился и впал в сильное уныние. «Если случится такая великая засуха, — подумал он, — то каким образом люди найдут себе пропитание на эти двенадцать лет?»

Подумав так, царь собрал вассальных князей и советников на совещание. Подсчитали, сколько собрано зерна в житницах, подсчитали число людей, имеющих в настоящее время, и сколько требуется зерна, чтобы обеспечить потребности каждого в течение двенадцати лет. Выяснилось при этом, что на двенадцать лет зерна не хватит, что и было обнародовано.

Когда настала великая засуха и множество людей умерло от голода, царь подумал: «Что же сделать, чтобы побольше людей осталось в живых?» С этими мыслями он вме-

* Т. е. проповедовать свое Учение.

сте со своими женами и наложницами пошел прогуляться в сад.

Достигли они места отдыха, и когда жены и многочисленная свита заснули, царь встал, поклонился на все четыре стороны и произнес такое моление: «В этой местности случилась засуха и ни у кого не стало еды, поэтому для голодающих я отдаю это тело. После смерти да возродиться мне огромной рыбой и пусть все досыта едят мое мясо!» Произнеся это моление, царь залез на дерево и бросился вниз с его вершины.

После смерти он возродился огромной рыбой в огромной реке. И длина той рыбы была пятьсот йоджан.

В это время пятеро местных плотников пришли на берег реки за древесиной. Они увидели огромную рыбу, и та рыба сказала человеческим голосом:

— Если вы голодны, то режьте мое мясо и ешьте, сколько хотите. Вы первые наештесь моего мяса досыта, а когда насытитесь, то возьмите, сколько поднимете, и отнесите домой. Когда же я воистину стану буддой, то вам первым дам отведать пищи духовной. Пусть все голодные люди этой страны берут мое мясо, сколько им нравится!

Тогда пятеро людей, отрезав мяса, наелись и рассказали об этом жителям страны.

Так, оповещая один другого, собирались все жители Джамбудвипы, отрезали то мясо и ели. Как только кончалось мясо на одной стороне, рыба сама переворачивалась на другую сторону. Как только кончалось мясо на спине, рыба поворачивалась вверх брюхом.

Так поворачивалась рыба в течение двенадцати лет, а все резали мясо и ели. Обо всех этих людях рыба помышляла с милосердием, и в силу этого помысла, все, кто ее мясо ел, после своей смерти возродились богами в высшей сфере.

— Ананда! В той жизни, в то время, царь, возродившийся рыбой, — это я ныне. Пятеро плотников, первыми отрезавшие и поевшие моего мяса, — это ныне пятеро монахов во главе с Каундинья. Многочисленные живые существа, которые потом мое мясо ели, — это восемьдесят тысяч сынов богов и мои ученики, полностью избавленные [от сансарического бытия]. Поскольку я в то время пятерых людей первых одарил, [накормив своим мясом], и тем спас им жизнь, то сейчас им же первым Учение преподаю и членами дхармического тела погасил огонь трех ядов.

Ананда и многочисленные окружающие искренне возрадовались тому, что поведал Победоносный.

Глава двадцать седьмая

О ЦАРЕ АШОКЕ ¹⁴²

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в саду Джетавана, предоставленном ему Анатхапиндадой. Пошли тогда Победоносный с Анандой за подаянием. На дороге играли дети, строя из земли домики и кладовые для драгоценностей, сделанных также из земли.

Один ребенок, издалека увидав идущего Будду, очень обрадовался и решил поднести ему подарок. Он взял горсть земли, предназначенной для сокровищницы, и хотел поднести ее Будде. Но мальчик был слишком мал и не мог достать [до чаши для сбора подаяний]. Он сказал своему приятелю.

— Нагнись, я встану на тебя и положу [подношение] в чашу для сбора подаяния.

— Хорошо, — согласился тот.

Ребенок, взобравшись на плечи приятеля, поднес Будде горсть земли. Будда же взял со дна патры поднесенную ему землю * и передал ее Ананде со словами:

— Сделай из этой земли жидкую смесь для обмазки стен и обмажь храм. Ананда, — продолжал Будда, — подношение, сделанное мне от чистого сердца маленьким мальчиком и использованное для обмазки храма, — его благая заслуга. Поэтому через сто лет после моего ухода в нирвану он возродится царем по имени Ашока, остальные же дети станут его советниками. Царь Ашока будет властителем Джамбудвипы и, сделав известными по всей стране достоинства трех драгоценностей, почитит жертвоприношениями останки Будды, соорудив одновременно восемьдесят четыре тысячи ступ.

Возрадовался Ананда словам Победоносного и спросил:

— В результате какой благой заслуги Татхагаты над его останками будет сооружено столько ступ?

— Слушай внимательно и запоминай, — сказал Победоносный, — а я тебе поведаю.

Давным-давно, бессчетное количество калп назад, жил был в Джамбудвипе царь по имени Сэльтхуп, которому подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. В то время в мире появился будда Пурша. Царь с советниками приготовил четыре рода должных подношений и вручил их будде и его монашеской общине. Царь и жители той страны, встречаясь с буддой, всегда кланялись ему и оказывали ему

* Т. е. принял подношение.

почтение. Однако некоторые вассальные князья лишали себя обретения благой заслуги*, и царь подумал: «Чтобы побудить окраинных вассальных князей и жителей их областей к обретению благой заслуги, надо нарисовать изображение будды и разослать его вассальным князьям». Собралось много живописцев, и царь приказал им:

— Нарисуйте изображение будды!

Живописцы пошли к будде, посмотрели на его признаки и нарисовали картины. Однако признаки, изображенные ими, не имели сходства с признаками будды, и художники не сумели нарисовать картины.

И тогда будда сам смешал краски, изобразил себя и показал изображение живописцам. Те сделали восемьдесят четыре тысячи копий образа будды, обладающего всеми [должными телесными] признаками, и каждому вассальному князю было послано по одному образу с приказом: «Князьям, равно как и всему населению, совершать перед образом жертвоприношения цветами, благовониями и остальными должными предметами, а также поклоняться ему!»

Вассальные князья и население их областей, увидав изображение будды, возрадовались и почтили его.

Царь Сэльтхуп того времени — это я ныне. Заставив нарисовать восемьдесят четыре тысячи изображений тогдашнего Татхагаты, а также послать их вассальным князьям и жителям их областей, я обрел благоую заслугу, в результате которой возрождаюсь в высших сферах владыкой богов Индрой. Сложение мое было прекрасно, и, обретя тридцать два основных и восемьдесят второстепенных признаков телесного совершенства, я стал воистину Буддой. Когда же уйду в нирвану, над останками моими будет сооружено восемьдесят четыре тысячи ступ.

И воистину возрадовались Ананда и многочисленные окружающие рассказу Победоносного.

Глава двадцать восьмая

КУВШИН С ЗОЛОТОМ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, предоставленном ему Анатхапиндадой. В то время монахи, вернувшись из летне-

* Поскольку не оказывали знаков почтения Будде.

го уединения, собрались там, где находился Победоносный. Победоносный, который долго не встречался с монахами, подумал о них в милосердии своем. Подняв длань, отмеченную знаком чакры, колеса с тысячью спиц, он почтительно поклонился монахам и спросил:

— Не болели ли вы? Достаточны ли были подаяния?

Монах Ананда, видя, как Татхагата, обладающий великими достоинствами, поклонился монахам, пришел в изумление и спросил Победоносного:

— О Победоносный! Ты глава мира, обладающий неисчислимыми достоинствами, и твоя мудрость уму непостижима. Почему же ты снизошел до того, что почтительно поклонился монахам?

И поведал Победоносный Ананде следующее.

Давным-давно, столь бесчисленное и неисчислимое количество калп назад, что и умом не охватишь, в Джамбудвипе, в стране Варанаси, жил один домохозяин, искусный в земледелии. Приобретаемое богатство он обращал в золото и, наполнив золотом кувшин, хоронил его в земле. Поступая таким образом, он не тратил приобретаемых богатств, обращая все в золото, и за длительное время скопил один за другим семь кувшинов золота и все их схоронил в земле.

Когда тот домохозяин заболел и умер, он из-за пристрастия к кувшинам с золотом возродился ядовитой змеей, охранявшей то золото.

Прошло длительное время, и того города, [где он жил], не стало. Город тот обратился в ничто, а ядовитая змея, на протяжении долгих лет умирая и снова в том же теле возрождаясь, обвивала кувшин с золотом и так лежала.

Прошло много десятков тысяч лет. В конце круговорота возрожденный домохозяин, недовольный своим [змеиным] телом, подумал: «Я из-за пристрастия к золоту в таком безобразном теле обретаюсь. Что, если я удобрю тем золотом поле благой заслуги? *».

И, подумав так, змея подползла к дороге и спряталась в траве, решив: «Если пойдут люди, окликну». И тут эта ядовитая змея заметила человека, идущего по дороге. Она окликнула его. Человек же, услышав оклик, оглянулся по сторонам, но, ничего не увидев, пошел дальше.

Тогда змея опять позвала:

— Эй, подойди ко мне!

Человек ответил:

* Т. е. пушу золото на доброе в религиозном смысле дело.

— Ты зачем меня зовешь? Ты очень ядовита и явилась, чтобы убить меня.

— Если я захочу причинить вред,— возразила змея,— то в состоянии сделать это, даже если ты и не подойдешь.

Человек испугался и подошел к змее поближе. Тогда змея сказала:

— У меня здесь есть кувшин с золотом. Могу ли я поручить тебе сотворение благой заслуги? Если не сотворишь, то причину тебе вред!

— Можешь поручить, — согласился тот человек.

После этого змея привела человека к кувшину с золотом и вручила ему тот кувшин со словами:

— Возьми это золото и устрой угощение для монашеской общины. В день угощения я опять приду, встречай!

Тот человек взял золото, пришел в монашескую общину, вручил золото ведавшему монашеской кухней и сказал, что золото принадлежит ядовитой змее, которая хочет, чтобы на это золото было устроено угощение для монахов.

На золото приготовили угощение и назначили для него день. В назначенный день тот человек взял заплечную корзину и пришел туда, где находилась ядовитая змея. Змея, увидав того человека, очень обрадовалась, а тот посадил змею в корзину и пошел.

По дороге он встретился с другим человеком, который спросил его: «Ты откуда идешь?», но, хотя он повторил свой вопрос трижды, несущий змею не промолвил и слова в ответ.

Змея разозлилась на несущего и выпустила было ядовитое жало, но подумала: «Этот человек для меня творит благоую заслугу, поэтому, памятуя о благодарности за содеянное им, жалить его нельзя. Он делает для меня полезное дело, поэтому можно и стерпеть его проступок».

Когда они достигли пустынного места, змея сказала:

— Опusti меня на короткое время на землю.

Потом змея упрекнула человека, а тот ответил:

— Я сожалею о своем проступке и раскаиваюсь.

Затем он понес змею дальше, и они прибыли в обитель монахов как раз, когда наступило полуденное время, время принятия монахами пищи. Человек рассыпал перед монашеской общиной цветы, а змея с радостью наблюдала это.

Затем, когда монахи закончили трапезу и совершили омовление уст и рук, они преподали змее наставления в Учении. Обрадовавшись, змея подарила монашеской общине остальные шесть кувшинов с золотом. И, совершив деяние, породившее благоую заслугу, змея скончалась. После кончины она в

результате этой благой заслуги возродилась в мире тридцати трех богов.

— Ананда! Человеком в той жизни, несшим на себе змею, был я. Ядовитая же змея — это Шарипутра. В давно прошедшее время, когда я нес [змею], в ответ на упрек змеи проявил смирение. Поэтому и сейчас перед монахами смирение проявил.

Ананда и другие весьма возрадовались словам Победоносного.

Глава двадцать девятая

О БРАХМАНКЕ ПО ИМЕНИ ТЕВА

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в роще Венувана, где обитали птички календаки. В то время в той местности жил один очень бедный брахман, у которого не было никакого достояния. Крайне обеднев, брахман обращался ко всем с таким вопросом:

— Что нужно сделать, чтобы в этой жизни стать обладателем знатного достояния?

Один человек сказал ему:

— Разве ты не знаешь, что в мир явился Будда по прозвищу Победоносный, который творит благо всем живым существам? Его четыре благородных ученика — Махакашьяпа, Маудгальяяна, Шарипутра и Анирудха — тоже творят благо для бедняков в этом мире. Если ты с сердцем, исполненным веры, почтишь подношением еды этих благородных, то они сделают так, что ты в этой жизни будешь обладать всем, что пожелаешь.

Выслушав этого человека, брахман очень обрадовался. Он стал бродить повсюду, прося милостыню и выполняя поденную работу, и в результате собрал немного средств. Вернувшись домой, брахман приготовил угощение и пригласил членов благородной монашеской общины, а когда те вкушали пищу, пожелал себе благ в этом мире. Жена же брахмана, по имени Тева, угостив монашескую общину, приняла на себя одnodневные духовные обеты.

Случилось так, что в то время царь Прасенаджит отправился на прогулку. На обратной дороге он заметил преступника, привязанного к придорожному дереву. Тот преступник, увидев проезжающего царя, с плачем попросил еды.

— Дам! — сказал царь.

Вернувшись во дворец, он забыл о своих словах и лишь в

полночь вспомнил [про обещание] прислать еды преступнику. Но когда царь собрался послать еду, никто из дворцовой челяди не решался отнести ее; ведь в полночь на дороге, по которой надо было доставить еду, обретались страшные злые духи и ракшасы. Поэтому не нашлось никого, кто бы осмелился пойти, рискуя своей жизнью.

Тогда царь, подумав, в каком отчаянном положении находится тот человек, терзаемый страданиями и голодом, проникся великим милосердием к нему и объявил: «Кто из моей страны осмелится доставить тому преступнику пищу, тот получит тысячу золотых монет». Однако и тут не нашлось смельчаков.

Услышала это объявление жена брахмана, Тева, и подумала: «Я слышала, что тому, кто в миру принял восемь однодневных духовных обетов, не страшны никакие злые духи, ибо никто из злых духов не осмелится причинить ему зло. Я пойду туда, куда меня пошлет царь».

Царь сказал Теве:

— Ты возьми эту еду, отнеси в такое-то место и передай ее преступнику, находящемуся там. За это получишь тысячу золотых монет.

В соответствии с царским распоряжением взяла Тева еду и, памятуя о [данном ею] обете, двинулась в путь. За городом она встретила на дороге с одной ракшаси. Та ракшаси умирала от голода и жажды, родив пятьсот детенышей. Заметив Теву, она приготовилась сожрать женщину. Однако, увидав духовную сестру*, не нарушившую обета, ракшаси испугалась.

— Духовная сестра, подай мне немножко из пищи, что ты несешь, — попросила она.

Тева дала немного, но эта малость силой женщины, давшей духовный обет, чудесным образом превратилась в такое большое количество, что насытились и ракшаси, и ее потомство.

Затем ракшаси спросила:

— Духовная сестра, как тебя зовут?

— Меня зовут Тева, — отвечала та.

— Ты спасла меня и мое потомство от голодной смерти, — продолжала ракшаси. — Здесь, где я обитаю, есть кувшин, полный золота, возьми его на обратном пути. Когда ты пойдешь дальше, то встретишь на дороге мою младшую сестру Аламбу. Встретившись с ней, узнай о ее здоровье и скажи, что я благополучно родила пятьсот детей.

Затем духовная сестра Тева опять пустилась в путь и,

* Духовная сестра — мирская женщина, давшая духовный обет.

пройдя немного, встретила с Аламбой. Когда Тева передала Аламбе, что ее старшая сестра благополучно родила пятьсот детей, та очень обрадовалась и сказала:

— Духовная сестра, это очень хорошо, что ты сообщила мне новости о моей старшей сестре. За это возьми на обратном пути кувшин, полный золота, который находится вот здесь, где я обитаю. По дороге ты встретишься с нашей младшей сестрой. Встретившись с ней, передай ей новости о нас, сестрах, и также скажи о рождении пятисот детей.

Следуя дальше, Тева встретила вскоре младшую сестру тех ракшаси и рассказала ей о двух ее сестрах и сообщила о благополучном рождении пятисот детей. Та также очень обрадовалась и сказала:

— Очень хорошо, что ты сообщила о моих сестрах. За это возьми на обратном пути кувшин полный золота, который находится здесь, где я обитаю.

Затем духовная сестра Тева пошла дальше и добралась до преступника. Она передала ему еду и на обратном пути взяла три кувшина с золотом. Царь также подарил ей тысячу золотых монет, и бедняки супруги стали очень богатыми людьми той страны. Продолжая дальше творить благие дела, они умножили этим свое достояние. Царь же, узнав, что все это обусловлено благими деяниями, назначил [брахмана] советником.

Став очень богатыми, супруги направили свои помыслы, исполненные веры, на дальнейшее творение благих заслуг. Приглашая Будду и монашескую общину, они делали великие пожертвования. В силу того что Победоносный наставил их в Учении, мысли их полностью освободились [от нечистых страстей], и они обрели духовный плод вступления в поток.

И великую радость испытали многочисленные окружающие и Ананда от этого рассказа Победоносного.

РАЗДЕЛ VIII

Глава тридцатая

О ЦИНПА-ЦЕНПО, ИЛИ «ВЕЛИКОМ МИЛОСТЫНЕДАТЕЛЕ»,
ХОДИВШЕМ ЗА МОРЕ

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале, в окружении монашеской общины, состоявшей из двенадцати с половиной сотен

монахов высшего духовного звания. Тогда Победоносный сказал достопочтенному и всезнающему Каундинье:

— Мне нужен прислужник.

Всезнающий Каундинья поднялся со своего места, накинул на одно плечо * верхнее монашеское одеяние, обратился в сторону Победоносного, сложив вместе ладони, поклонился и сказал:

— Победоносный! Я сам с радостью стану прислуживать, хранить твою духовную одежду и чашу для сбора подаяния.

— Ты же стар, — ответил Победоносный Каундинье, — тебе самому требуется прислужник, садись на свое место, Каундинья.

Также и Кашьяпа, Шарипутра, великий Маудгальяна и другие пятьсот учеников — все выразили желание прислуживать Победоносному. Однако он не взял никого из них.

Тогда достопочтенный Анирудха подумал о том, кого из монахов хочет взять Победоносный в услужение, и понял, что по сердцу Победоносному пришелся Ананда. Очевидность этого была подобна солнечному блику, который неизбежно появляется на западной стене дома, когда луч солнца проходит через оконце в восточной стене. И все ученики [Будды] ясно поняли, что в своих мыслях Победоносный держит Ананду.

Тогда достопочтенный Шарипутра и великий Маудгальяна пошли туда, где находился Ананда. Придя к нему, они обменялись с Анандой многими приветственными словами и расположились напротив него.

Расположившись напротив Ананды, Шарипутра и Маудгальяна обратились к нему с такими словами:

— Достопочтенный Ананда, мы радуемся, что ты будешь прислуживать Победоносному. Прислуживание Татхагате обернется для тебя великой пользой.

— Достопочтенный Шарипутра, — ответил на это Ананда, — я не желаю прислуживать Победоносному, и вот почему. Трудно служение Будде Победоносному, и нелегко его терпеть. Подобно тому как трудно обращение с огнем и трудно терпеть огонь, так и трудно служение Будде Победоносному и трудно терпеть его. Поэтому я не хочу прислуживать Победоносному.

Тогда достопочтенный и великий Маудгальяна сказал Ананде:

* Буддийские монахи носят свою верхнюю накидку через одно плечо, оставляя обнаженными правые плечо и руку.

— Ананда, Победоносный о тебе помышляет и тебе радуется. Очевидность этого подобна блику, который неизбежно появляется на западной стене дома, когда луч солнца проходит через оконце в восточной стене. Победоносный хочет видеть только тебя, Ананда, в услужении у себя, так соглашайся же! Прислуживание Татхагате великой пользой для тебя обернется.

— Великий и благородный Маудгальяна, — ответил на это Ананда, — я пойду прислуживать Победоносному, если он согласится с тремя моими желаниями. Первое: не отдавать мне в носку то платье, которое носил Победоносный; второе: не отдавать мне остатков еды, которую ел Победоносный; третье: чтобы и помимо уставного времени Победоносный разрешал мне приходить к нему. В таком случае я с охотой буду прислуживать Победоносному.

После того как достопочтенный Шарипутра и великий Маудгальяна уговорили достопочтенного Ананду прислуживать Победоносному, они пошли туда, где находился Победоносный, и обратились к нему со следующими словами:

— Мы предложили достопочтенному Ананде прислуживать Победоносному. Он сказал, что с охотой будет прислуживать Победоносному, если Победоносный согласится с тремя его желаниями.

— Замечательно, — сказал Победоносный. — Маудгальяна, монах Ананда мудрый и сведущий человек, предвидевший, что те, кто имеет равное право на милости Непорочного*, будут говорить слова порицания, которые вызовут ответные слова порицания. Поэтому он сделал так, чтобы имеющие равное право на милости Непорочного не могли сказать, что монах Ананда прислуживает Учителю ради еды и одежды. Маудгальяна, это замечательное качество монаха Ананды.

Монах Ананда — мудрый и сведущий человек. Поэтому он знает должное время для посещения Победоносного теми, кто входит в число его окружения. Вместе с тем он знает должное время для посещения Победоносного иноверческими странствующими брахманами. Кроме того, он знает, когда иноверческие брахманы сумеют ответить на слова Победоносного, а когда не сумеют. Знает Ананда и то, какие пища и питье полезны и приятны Победоносному, а какие — нет. Эти знания, Маудгальяна, являются замечательным свойством достопочтенного монаха Ананды.

После того как Шарипутра и Маудгальяна убедили Анан-

* Т. е. Будды.

ду прислуживать Победоносному, а Победоносный похвалил Ананду, сказав, что он мудрый и сведущий человек, знающий должное время, монахи в недоумении спросили Победоносного:

— В силу каких причинно-следственных связей монах Ананда стал таким сведущим в определении должного времени?

И рассказал Победоносный Шарипутре.

Давным-давно, бесчисленное и бессчетное количество калп назад, в стране Джамбудвипе был великий царь, под рукой которого находилось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. В то время в городе Варуте жил один брахман по имени Ньягротаха, человек многознающий, сведущий в священных книгах, во врачевании и астрологии. За это царь сделал его своим наставником и повелел вассальным князьям чтить брахмана так же, как и самого великого царя.

Хотя своим достоянием брахман мог соперничать с Кувейрой, богом богатства, однако у него не было сына, и он постоянно пребывал в печали.

«Как же обрести сына?» — грустно думал брахман. Он приносил жертвы Брахме, Индре, Махешваре, богам луны, солнца, звезд, вод и лесов, молил их о даровании ему ребенка.

И через двенадцать лет старшая жена брахмана понесла. Как только это произошло, сведущие женщины осмотрели ее, чтобы выяснить, кого она зачала — мальчика или девочку. Выяснив, что должен родиться мальчик, они сообщили об этом брахману. Услышав такую новость, тот необычайно обрадовался и с еще большей заботой и уважением стал относиться к своей жене.

По истечении девяти месяцев родился мальчик. Был он очень красив, с кожей золотистого цвета, иссиня-черными волосами и отмечен знаками совершенства. После пиршества по случаю рождения [ребенка] приглашенный гадатель осмотрел знаки [на теле мальчика] и дал ему имя Цинпа-ценпо, или «Великий милостынедатель».

Когда Цинпа-ценпо подрос, для него построили летнее и зимнее, осеннее и весеннее жилища, где он пребывал, окруженный роскошью. Смышленный и обладающий острым умом, мальчик был сведущ не только во всех восемнадцати областях знания¹⁴³. Не было также ни одного вида искусства, которое было бы ему неизвестно.

Как-то раз Цинпа-ценпо обратился к родителям с такой пресьбой:

— Я хочу совершить загородную прогулку и посмотреть, что творится вокруг.

Услышав, что сын хочет совершить прогулку, родители тут же отдали необходимые распоряжения: подмести улицы, расставить стяги и штандарты, усыпать [путь] цветами, воскурить благовония. Затем Цинпа-ценпо сел на слона, украшенного различными драгоценностями семи родов, и под звон колокольцев, гром барабанов, звуки литавр, в окружении ста тысяч сановников отправился за город. Все местные жители забрались на крыши домов, расположенных по обеим сторонам улицы, и широко раскрытыми глазами взирали на Цинпа-ценпо, восклицая:

— Своим великолепием и величием он походит на Брахму!

Когда процессия двигалась по дороге, Цинпа-ценпо услышал, как нищие, одетые в рубища, держа черепки [для сбора подаяния], зывали: «Подайте малость!» Он спросил их:

— Отчего вы столь горестны и несчастны?

Одни сказали:

— У нас нет ни родителей, ни братьев, ни жен, ни родственников, поэтому мы бедствуем.

— Мы долгое время болеем и не можем поправиться, — ответили другие, — поэтому так несчастны.

— Ограбленные разбойниками, мы потеряли все, что имели, поэтому просим подаяние, — сказали третьи.

Услышал их речи Цинпа-ценпо, заплакал и двинулся дальше. Проехав немного, он увидал мясников, которые забивали животных, сдирали с них шкуры и рубили на куски.

— Ой! Зачем вы творите такое? — спросил их Цинпа-ценпо.

— Убой животных — наше наследственное ремесло, — отвечали те, — если им не заниматься, то жить будет не на что.

Удивился Цинпа-ценпо и, не в силах взиать [на это], двинулся дальше. По дороге он увидал, как крестьяне пахут землю, а множество птиц и змей собирают и пожирают червяков, в изобилии выползавших из вспаханной земли.

— Зачем вы это делаете? — спросил он крестьян.

Мы пашем и во вспаханную землю бросаем семена, которые затем родят много других семян. Ими мы живем, их же подносим царю.

Опять удивился Цинпа-ценпо и двинулся дальше. Проехав немного, он заметил охотников, раскинувших сети и настороживших силки. Животные и птицы, попавшие в сети и силки,

бились в них, испуская жалобные крики, и старались вырваться, но напрасно.

— Зачем вы это делаете? — спросил Цинпа-ценпо.

— Убийство животных — наше исконное ремесло, и мы занимаемся им, чтобы иметь средства к жизни.

Услышав эти слова, Цинпа-ценпо очень опечалился и направился дальше. По дороге ему встретились рыбаки, которые, поставив сети, наловили много рыбы. Они сложили ее, еще бившуюся, в кучу на берегу.

Видя, это, Цинпа-ценпо спросил:

— Зачем вы делаете это?

— Кроме этого наследственного ремесла, мы другого не знаем, — отвечали рыбаки. — Вот ловим рыбу и тем живем.

Цинпа-ценпо, видя подобное, подумал: «Эти существа из-за своей бедности и нищеты, ради одежды и пропитания вершат такие греховные деяния, которые связаны со смертоубийством. После своей смерти они тотчас же обрекаются на путь трех дурных рождений. Они идут от мрака к мраку, и не настанет для них время спасения».

Вернувшись домой, он день и ночь размышлял об этом, а затем, опечаленный, пришел к отцу и сказал:

— Отец, у меня есть к тебе одна просьба, исполни ее.

— Все сделаю, что ты ни попросишь, сын мой, — отвечал тот.

— Отец, — продолжал юноша, — когда я выезжал за город на прогулку, то видел, как многие люди, страдая от нехватки одежды и пищи, один другого убивают, лгут, клеветают и другие неблагие дела творят. Я хочу сотворить им подаяние и прошу разрешения вдосталь оделить бедняков из твоей великой казны.

— Все сокровища и драгоценности, собранные во множестве, — отвечал отец, — предназначены только для тебя. Так почему же мне не выполнить твоей просьбы!

Получив разрешение, Цинпа-ценпо объявил всем жителям страны:

— Цинпа-ценпо раздаст великие дары. Собирайтесь все и приходите!

И тогда монахи и брахманы, беззащитные бедняки и увечные калеки заполнили все дороги, ведущие в город. Одни продавали путь в сто, двести, триста, тысячу йоджан. Другие же прошли две тысячи, три, четыре, пять и даже десять тысяч йоджан. Они клубились, подобно облакам, и все получали те дары, которых желали. Желавшие одежды получали одежду. Желавшие еды получали еду. Желавшим драгоценностей, зо-

лота, серебра, ляпис-лазури, ездовых животных, колесниц, паланкинов, садов, полей, скота — всем были сделаны дары, согласно их желаниям.

Долгое время раздавались так дары, и одна треть сокровищ была истрачена. Тогда хранитель сокровищ пришел к брахману и сказал:

— Ваш сын, делая подарки из сокровищницы, истратил уже одну треть сокровищ, осталось только две трети. Подумайте при этом о расходах на подарки гостям и на торговые дела.

— Я очень люблю своего сына, — отвечал брахман, — и не буду препятствовать ему. Пусть лучше опустеет сокровищница!

Прошло еще некоторое время, и две трети сокровищ было истрачено, осталась только одна треть. Хранитель сокровищ снова обратился к брахману и сказал:

— Две трети сокровищ истрачено, осталась только одна треть. Откуда брать средства на поднесение подарков нашим гостям и на торговые дела?

— Я очень люблю своего сына и не могу запретить ему, — сказал брахман, — ты сам придумай способ, чтобы состояние мое не расточилось.

Хранитель сокровищ, получив от брахмана такое указание, запер двери сокровищницы и отправился по своим делам.

С тех пор просители, приходившие к Цинпа-ценпо, либо не заставляли на месте хранителя казны, а сокровищница оказывалась на замке, либо хранитель сокровищ приходил, но не давал желаемого. Поэтому Цинпа-ценпо подумал: «Дело так обернулось не в силу самоуправства хранителя казны, а по распоряжению родителей. Да и не должно сыну опустошать родительскую сокровищницу. Но что же мне сделать, чтобы обрести вдосталь драгоценностей на пользу живым существам?»

И, подумав так, он стал спрашивать людей:

— Чем заняться в мире, чтобы богатства вдосталь обрести, обрести его так много, чтобы оно никогда не иссякало?

Одни говорили: «Больше земли обрабатываешь, больше богатств имеешь». Другие говорили: «Если скот разводить и прибыль из этого извлекать, то большое богатство обрешь». Третьи советовали: «Если прибыльную торговлю в дальних странах вести, то богатства умножишь». Некоторые считали: «Отправившись в море и добыв чинтамани — вол-

шебную драгоценность, исполняющую желания, станешь очень богатым».

Выслушал все эти речи Цинпа-ценпо и решил: «Не мой удел заниматься земледелием, разводить скот, вести прибыльную торговлю в дальних странах. Мой удел — отправиться в море». И, решив отправиться в море, он сказал родителям:

— Я отправлюсь в море, добуду там много драгоценностей и вдосталь оделю ими бедняков. Разрешите мне отправиться в море за драгоценностями!

Услышав эти слова, родители чуть не упали в обморок.

— Бедность и нищета в этом мире — вещь обыденная, — сказали они, обращаясь к сыну, — чего тебе не хватает? Почему ты хочешь отправиться в дальний путь, рискуя собственной жизнью? Если хочешь совершать даяния, то раздай все наши богатства, но за море не ходи. В море огромные волны и водовороты, страшные чудовища, ядовитые змеи, ракшасины, подводные скалы и много другого, сулящего верную гибель. Поэтому оттуда трудно вернуться живым. Чего тебе не хватает? Зачем ты хочешь жизнью своей рисковать? Нет тебе на это нашего согласия, и не думай куда-либо отправляться!

Выслушав такое повеление родителей, Цинпа-ценпо решил: «Поскольку не вышло, как я задумал, дам-ка я [себе] клятву: „Лягу на землю перед родителями и не встану до тех пор, пока не выйдет по-моему“». И, подумав так, он сказал родителям:

— Отец и мать, знайте! До тех пор пока мое намерение не исполнится, я буду лежать здесь ниц, не вставая.

Опечаленные родители, посоветовавшись с родственниками, снова описали сыну множество гибельных опасностей, таящихся в море.

— На протяжении двенадцати лет, — сказали затем они ему, — мы в отчаянии приносили жертвы всем богам. Наконец одно божество в тебе, сыне нашем, возродилось *. Так сейчас не оставляй нас, прими пищу **!

Прошли один, два, шесть дней, но сын не внимал никаким уговорам и не отступался от своих слов. Тогда отец подумал: «С самого рождения мой сын никогда не бросал начатого дела, не доведя его до конца. Если я отпущу его в мо-

* В начале рассказа-вставки говорилось о молении бездетных родителей богам с просьбой даровать им сына. Чтобы удовлетворить их просьбу, некое божество после смерти на небесах возродилось в чреве жены брахмана.

** Сын не только не встал с земли, но и отказывался от пищи.

ре, то еще есть какая-то надежда на его возвращение. Если же не отпущу, то не позже чем через неделю мы расстанемся с ним *. Надо отпустить его!».

Подумав так, он подошел к сыну, взял его за руку и сказал:

— Вставай и поешь! Разрешаю отправиться, куда задумал.

Тогда Цинпа-ценпо встал, поел, попил и, выйдя из дома, обратился к многочисленному люду с таким призывом:

— Я отправляюсь в море за сокровищами. Кто хочет идти со мной, присоединяйтесь! Я приготовлю все необходимое [в дорогу] и буду вашим предводителем.

Пятьсот человек [купцов] изъявили желание отправиться с юношей. Они собрали все необходимое [для путешествия]; был установлен срок отправления, и в назначенное время все двинулись в путь. На проводы пришли родители юноши, царь, царевич, советник царя и все жители той местности.

Много дней шел [караван] после прощания с провожавшими, которые не могли удержаться от слез. Но однажды ночью в пустынной, безлюдной местности на него напали разбойники и разграбили все [караванное] имущество.

Продолжая свой путь, юноша и его товарищи дошли до города Нгашувар, где жил брахман по имени Кацили. Они пришли в дом брахмана, и Цинпа-ценпо попросил у брахмана [в долг] тысячу золотых.

У того брахмана была дочь с кожей золотистого цвета и иссиня-черными волосами. Сыновья восьмидесяти четырех тысяч вассальных князей сватались к ней, но ни один не получил ее в жены.

Случилось так, что когда Цинпа-ценпо подошел к дому брахмана и спросил, дома ли он, то девушка, услышав голос Цинпа-ценпо, сказала:

— Тот, чей голос прозвучал за дверью, и есть мой суженый.

Брахман вышел за дверь и, увидав юношу, подумал: «Этот юноша, бесспорно, превосходит других своим благородством». И когда юноша попросил в долг золото, брахман преподнес ему еще и дар: он взял в одну руку золото, а другой подвел к юноше дочь.

— Эту девушку, — сказал он, — отдаю тебе в жены, бери!

— Я иду в море за драгоценностями, — отвечал на это юноша, — в море множество опасностей, и как знать, вер-

* Т. е. сын умрет от голода.

нусь я или нет. Поэтому сейчас не могу решиться взять твою дочь в жены.

— Если благополучно вернешься, — сказал брахман, — то возьмешь эту девушку в жены.

— Если вернусь, то так и сделаю, — ответил Цинпа-ценпо.

После этого брахман дал ему еще три тысячи золотых, снабдил всем необходимым [в дорогу], и они пришли на берег моря.

Затем был построен корабль, и все взошли на него. Семь канатов удерживали корабль у берега.

На корабле Цинпа-ценпо обратился к товарищам с такими словами:

— В море нам встретится много опасностей. Это страшные штормы и ракшасы, водовороты и ядовитые змеи, подводные рифы и морские чудовища, а также много других, хотя и не столь страшных. У кого нет охоты идти [со мной], пусть лучше возвращается, чтобы потом не пожалеть. Пусть идет тот, кто презирает жизнь и не боится навсегда расстаться с родителями, женой, братьями, родственниками. Если благополучно вернемся, то обретем такое богатство в виде всевозможных драгоценностей, что хватит на семь поколений и будет оно неисчерпаемо.

С этими словами юноша обрубил один канат. И так в течение семи дней повторял он эти слова, каждый раз обрубая один канат.

Но вот все канаты были обрублены, поставлены паруса, и попутный ветер помчал корабль с быстротой стрелы.

Цинпа-ценпо был юноша много знающий и весьма сведущий в драгоценных камнях. Когда они достигли острова драгоценных камней, он научил купцов отличать хорошие камни от плохих, оценивать их стоимость в зависимости от веса и качества.

— Драгоценные камни такого цвета, — говорил он, — хотя и меньше весом, но ценятся дорого. Эти драгоценные камни хотя и тяжелые, но стоят дешевле, поэтому их не берите. Если их набрать слишком много, то корабль затонет под их тяжестью. Если набрать слишком мало, то вы будете недовольны, дескать, странствовали, странствовали, а толку нет. А вот такие [камни] как раз подходят.

Исходя из таких объяснений и оценок, купцы наполнили корабль, не перегрузив его.

— Теперь в обратный путь, — сказал Цинпа-ценпо, но сам на корабль не поднялся.

— Пока я не добуду во дворце царя драконов чинтама-ни — волшебный драгоценный камень, исполняющий все желания, — сказал он купцам, — домой не вернусь.

Тут купцы заплакали, впад в отчаяние, и сказали юноше:

— Мы, купцы, служили тебе как нашему предводителю. Сейчас ты нас бросаешь, а если с нами не пойдешь, то мы назад до дому не доберемся, дороги не найдем.

— Купцы, — ответил им на это Цинпа-ценпо, — ничего с вами не случится, я произнесу заклинание, чтобы вы благополучно вернулись на родину. — С этими словами юноша взял в руку курительницу с благовониями, совершил жертвоприношение на все четыре стороны и произнес:

— Я добыл эти драгоценности только на пользу бедным живым существам. Благая заслуга, порожденная совершением этого деяния, да позволит мне стать буддой! Если правдивы мои слова, если исполнится мое моление, то пусть купцы с собранными ими драгоценностями без ущерба и благополучно достигнут Джамбудвипы. — С этими словами он перерезал [корабельную] веревку, паруса поднялись, и купцы благополучно достигли Джамбудвипы.

Цинпа-ценпо же вступил в воды [моря], шел семь дней, и была ему вода по колено. Шел он еще семь дней, и вода достигла его бедер. Шел еще семь дней, и вода была по поясницу. И еще семь дней шел он, и вода достигла его плеч. Затем он плыл семь дней и приплыл к горе. Ухватившись за ветви дерева, юноша вылез на берег и через семь дней достиг вершины горы. Он перевалил через гору и еще через семь дней достиг берега реки. Подойдя к берегу, юноша увидел в воде лотосы золотистого цвета, стебли которых обвиняли ядовитые змеи.

Скрестив ноги и сосредоточив мысли свои в одной точке, сел тогда бодхисаттва * на лотос в позе Майтрейя-самадхи и подумал: «Гневливость и завистливость в прежних бытиях обусловили рождения в столь безобразных телах ядовитых змей». И в силу великого сострадания, порожденного бодхисаттвой, ярость ядовитых змей успокоилась. Тогда он сошел с лотоса и за семь дней пересек [страну] ядовитых змей.

Следуя далее, бодхисаттва встретился с ракшасами, которых прилек человеческий запах. Но помыслы бодхисаттвы, сосредоточенные на любви и милосердии, смирили ракшасов, и те лишь кротко спросили:

— Человек, ты откуда пришел и куда идешь?

* Речь здесь идет об одном из прежних рождений Будды.

— Я пришел, чтобы найти чинтамани, — отвечал им Цинпа-ценпо.

Обрадовались раکشасы и подумали: «Он великой благой заслугой обладает. Однако отсюда до дворца царя нагов так далеко, что ему туда не дойти, и он будет из-за этого страдать. Поэтому доставим-ка мы его во дворец с помощью нашей силы». И, подумав так, они перенесли его по воздуху на расстояние в четыреста йоджан и опустили на землю.

Цинпа-ценпо пошел дальше и вскоре увидал серебряный замок. «Это жилище царя нагов», — решил он.

Тот замок был окружен семью рвами, полными страшных ядовитых змей. Глядя на них, Цинпа-ценпо подумал: «Эти змеями пребывающие, обречены на бытие в столь страшных телах из-за яростности великой в прежних рождениях». И, подумав так, он помыслил о них с любовью и милосердием, как помышляют о собственном сыне. В силу столь милосердного помысла успокоились ядовитые змеи, и, ступая по ним, Цинпа-ценпо подошел к замку царя нагов. У ворот замка свернулись две большие змеи, преграждая вход. Заметив Цинпа-ценпо, они подняли головы и высунули ядовитые жала. Но Цинпа-ценпо породил о тех змеях милосердный помысел, отчего утихла их ярость, и они склонили головы к земле. Тогда, ступая по змеиным головам, Цинпа-ценпо вошел в замок. В замке, в одном из покоев с бесчисленными драгоценностями семи родов, он увидал нага. Тот нага, заметив бодхисаттву, в страхе подумал: «Мое жилище окружено семью рвами, полными ядовитых змей. Кроме нагов и якшей, никто сюда не отважится прийти. Кто же это такой?»

И, подумав так, он встал навстречу Цинпа-ценпо, почтительно поприветствовал его, усадил на трон, сделанный из драгоценностей, и угостил разнообразными яствами. После еды нага спросил:

— Ты зачем пришел и как сюда добрался?

— Люди Джамбудвипы, — отвечал бодхисаттва, — из-за бедности своей ради имущества, еды и одежды творят один другому всяческий вред. После своей смерти они тут же попадают на стезю трех дурных рождений. Сжалившись над ними и желая взять их под свою защиту, я, не страшась лишений, издавек пришел к великому царю, чтобы попросить чинтамани — волшебную драгоценность, исполняющую желания. Не откажи в моей просьбе и подари мне эту драгоценность, чтобы в силу благой заслуги, за пользу, принесенную всем живым существам, я достиг состояния будды.

— Волшебную драгоценность заполучить очень трудно, —

отвечал царь нагов. — Если ты пришел за ней, то оставайся здесь в течение месяца, принимай мои пожертвования*, а меня наставляй в Учении, тогда дам тебе чинтамани!

— Да будет так, — согласился бодхисаттва.

После этого царь нагов ежедневно приготавливал различные вкусные яства и подносил их бодхисаттве, сопровождая жертвоприношение музыкой. Бодхисаттва же в течение месяца наставлял его в тех частях Учения, которые легко укладываются в памяти, а затем сказал, что ему надо уходить. Тогда довольный царь нагов вынул из своего головного украшения драгоценный камень — чинтамани — и вручил его со словами:

— Ты, великий муж, радеющий о благе всех живущих, непременно станешь буддой. А когда обретишь полное просветление, да сделаюсь я твоим лучшим учеником!

— Какова сила чинтамани? — спросил бодхисаттва царя нагов.

— Силой этой драгоценности все необходимое ниспадает дождем на пребывающих в окружности двух тысяч йоджан, — отвечал тот.

«Сила этой чинтамани хотя и большая, — подумал бодхисаттва, — однако она недостаточна для свершения моих великих помыслов». С этими мыслями он двинулся в путь, а царь нагов со своей свитой проводил его.

Шел бодхисаттва шел и наконец увидал вдалеке замок, сооруженный из ляпис-лазури. Приблизился он к замку, а тот замок окружали семь рядов рвов, полных ядовитыми змеями. Помыслил бодхисаттва с любовью и милосердием о тех ядовитых змеях, и они успокоились, а он прошел, ступая по ним.

Приблизился к воротам замка, а около ворот лежали две огромные змеи. В силу милосердного помысла бодхисаттвы успокоились и те ядовитые змеи, а он, ступая по их головам, вошел в замок.

В одной из комнат замка, украшенной множеством драгоценностей семи родов, находился царь нагов. Заметив издали бодхисаттву, он подумал: «Мое жилище окружено семью рядами рвов, в рвах полным-полно ядовитых змей, кроме нагов и якшей, никто не отважится сюда прийти. Кто таков этот человек и откуда он прибыл?» Удивившись, он встретил бодхисаттву, поприветствовал его и усадил на драгоценный

* Святой или духовное лицо, приняв пожертвование, обеспечивают тем самым дарителю благую заслугу.

трон, после чего угостил различными вкусными яствами. Когда бодхисаттва поел, царь нагов спросил:

— Ты откуда и зачем пришел?

— Я пришел, — отвечал бодхисаттва, — чтобы попросить у тебя, царь нагов, чинтамани.

— Эту драгоценность обрести трудно, — отвечал царь нагов. — Если ты действительно ее желаешь, то исполни мою просьбу: в течение двух месяцев оставайся здесь, покажи нам поведение бодхисаттвы, а затем прими мое пожертвование, тогда подарю тебе чинтамани.

— Да будет так, — согласился бодхисаттва.

Затем в течение двух месяцев царь нагов приготавливал различные вкусные яства и подносил их бодхисаттве, сопровождая жертвоприношение звуками музыки. Бодхисаттва же в течение двух месяцев наставлял его в четырех основах сверхъестественных сил. Когда же он подумал об уходе, то царь нагов снял со своего головного украшения волшебную драгоценность и вручил ее со словами:

— Великий муж, твердый в своем обете, ты обязательно станешь буддой. Когда же полное просветление обретешь, да стану я твоим учеником!

— Да будет так, — сказал бодхисаттва и спросил: — Какова сила этой чинтамани?

— Силой этой драгоценности, — отвечал царь нагов, — все желаемое ниспадает дождем на пребывающих в округе четырех тысяч йоджан.

«Хотя сила этой чинтамани и велика, — подумал бодхисаттва, — однако она еще недостаточна для свершения моих помыслов».

Царь нагов проводил его за ворота замка, и он двинулся в путь и шел до тех пор, пока вдалеке не заметил сверкающий золотой замок. Подошел к нему бодхисаттва и увидел, что замок тот окружен семью рядами рвов, а во рвах полным-полно ядовитых змей. И опять помыслил бодхисаттва с любовью [о змеях], ядовитые змеи успокоились, и он пошел, ступая по ним. У замка также лежали, свернувшись, две огромные змеи, головами касаясь ворот. Увидя бодхисаттву, они подняли головы и выпустили ядовитые жала. Но в силу милосердного помысла бодхисаттвы успокоилась их ярость, и он, ступая по головам [змей], вошел в замок. Царь нагов, пребывавший в палате замка, украшенной бесчисленными драгоценностями, увидел бодхисаттву и с удивлением подумал: «Мое жилище окружено семью рядами рвов, во рвах полно ядовитых змей, поэтому никто, кроме нагов и якшей,

сюда не отважится прийти. Кто этот человек и откуда он пришел?»

Царь встал навстречу бодхисаттве, почтительно поклонился ему и усадил на драгоценный трон. Затем он угостил его различными вкусными яствами, а когда тот поел, спросил:

— Кто ты и откуда пришел?

— Я пришел из Джамбудвипы, — отвечал бодхисаттва. — Духовные заслуги живых существ Джамбудвипы ничтожны, и в результате этого они всячески вредят друг другу, убивают один другого за имущество, еду и питье, полностью отвержены десяти неблагим деяниями. После смерти своей они тут же попадают на стезю трех дурных рождений и подвергаются многим мучениям. Поэтому, сжалившись над ними и желая взять их под свою защиту, я пришел, чтобы попросить у тебя, великий царь, волшебную драгоценность — чинтамани.

— Драгоценность, исполняющую желания, заполучить нелегко, — отвечал царь нагов, — но если ты, достопочтенный, пришел ко мне с таким намерением, то пробудь у меня четыре месяца и принимай мои пожертвования, тогда и я подаю тебе чинтамани.

— Так и сделаю, — согласился бодхисаттва.

Царь нагов на протяжении четырех месяцев угощал его различными вкусными яствами, сопровождая подношения музыкой. А бодхисаттва раскрыл перед ним Учение во всей его полноте.

И за это обрадованный царь нагов, невзирая на [недовольство] других нагов и якшей, предоставлял ему все, что только он пожелает.

После того как подобным образом прошло четыре месяца и бодхисаттва собрался уходить, царь драконов вынул из своего головного украшения волшебный драгоценный камень и вручил его бодхисаттве, произнеся такое моление: «Великий муж, твердый в своем обете, [ты] непременно станешь буддой. Когда же полное просветление обретешь, да сделаюсь я твоим лучшим учеником, да стану прислуживать тебе!»

— Да будет так, — ответил на это бодхисаттва и спросил: — Какова сила этой чинтамани?

— Эта чинтамани такова, что все желаемое ниспадает дождем в округе восьми тысяч йоджан, — отвечал царь нагов.

Обрадованный бодхисаттва подумал: «Протяженность Джамбудвипы — не более семи тысяч йоджан. Эта драгоценность поможет осуществить мое желание». Подумав так,

он завернул три чинтамани, добытые им, в полу одежды, вышел за ворота замка, провожаемый царем нагов со свитой, и отправился в [обратный] путь. Пройдя немного, бодхисаттва взял волшебные драгоценности в руку и произнес такое моление: «Если эти драгоценности действительно являются чинтамани, исполняющими желания, то пусть я полечу по небу». И как только прозвучали эти слова, он взмыл в небо и перенесся через море на другой берег. Здесь, немного усталый, он заснул.

Тем временем простые морские наги держали такой совет.

— В этом море, — говорили они, — есть только три драгоценности, исполняющие желания. Все три драгоценности унес этот человек. Раз эти драгоценности обладают такими достоинствами, то украдем их ради наших нужд. И пока бодхисаттва спал, наги украли у него драгоценности, исполняющие желания.

Проснувшись, бодхисаттва глянул и, не найдя чинтамани, подумал: «Их, конечно, украли морские наги. Я, сколько достанет моих сил, вычерпаю море и осушу его». И, подумав так, он сказал себе: «Пока не возвращу чинтамани, не уйду». И, подойдя к берегу моря, он взял черепаховый панцирь и стал вычерпывать им море.

Морское божество, зная замысел бодхисаттвы, сказало ему:

— Море это глубокое и широкое, простирается оно на тысячу триста тридцать йоджан. Пусть сюда придут даже все жители Джамбудвипы, они не смогут осушить море. Что уж говорить о тебе одном! Это бессмысленная затея!

— Если один человек выполняет работу от всего сердца, то нет такого, что он не смог бы свершить, — ответил ему на это бодхисаттва. — Своими волшебными драгоценностями я хотел всем людям сотворить пользу и благо и за эту благую заслугу стать воистину буддой. Если не падать духом, то почему же нельзя осушить это море?

Тем временем Вишну¹⁴⁴ и другие боги увидали, как бодхисаттва в одиночестве вычерпывает воды моря, предавшись всем телом и духом этой трудной работе во имя блага многих живых существ. И они подумали: «Надо помочь бодхисаттве».

Позвав один другого, божества приблизились к бодхисаттве и увидали, как он вычерпывает воду. Тогда все божества сняли с себя небесные одежды и погрузились в воду. Когда они вышли из воды, то морские воды сократились на сорок

йоджан. Вторично погрузились они в воду, и море сократилось на восемьдесят йоджан. И в третий раз они погрузились в воду, и море сократилось на двести йоджан.

Тут наги перепугались и подошли к бодхисаттве со словами:

— Остановись, прекрати осушать море.

Бодхисаттва остановился, и наги спросили его:

— Зачем тебе нужны эти волшебные драгоценности?

— Они нужны для блага живых существ, — ответил тот.

— Они нужны для блага живых существ, но ведь в море также много живых существ, зачем же нам [отдавать] [волшебные драгоценности]? — возразили наги.

— Хотя в море и обитает много живых существ, — ответил им бодхисаттва, — им неведомы страдания бедности. Живые же существа Дхамбудвины, ради богатства один другому зло и вред причиняя, десять неблагих деяний широко творят, за что после смерти все возрождаются в аду живых существ. Из сострадания к ним я и нуждаюсь в этих чинтамани.

Тогда наги достали волшебные драгоценности и вернули их бодхисаттве.

Морское божество, видя подобное усердие бодхисаттвы, подумало: «Он непременно станет буддой» — и произнесло такое моление: «Когда он обретет полное просветление, да сделаюсь я его лучшим учеником!».

Бодхисаттва же, получив назад волшебные драгоценности, [силой их] взмыл в небо и прибыл в свою землю.

— Вернулись ли мои сотоварищи-купцы и благополучно ли они прибыли? — спросил он там.

Обрадовались и удивились, увидав его, купцы, которые благополучно достигли дома. Они пошли к брахману Качиле, и тот, когда услышал о возвращении из-за моря бодхисаттвы, устроил большой пир для него и его сотоварищей-купцов.

Тут бодхисаттва взял в руку чинтамани и, войдя в дом брахмана, наполнил богатствами все его сокровищницы. После этого брахман поднес бодхисаттве воду в драгоценном сосуде. Тот омыл свое тело и ноги, а брахман украсил дочь различными драгоценностями, взял ее за руку и вручил бодхисаттве, который принял ее, доставив брахману огромную радость. Брахман дал дочери пятьсот юных рабынь и пятьсот богато разукрашенных слонов, и под звуки музыки бодхисаттвы и его свита двинулись в путь.

Родители же Цинпа-ценпо, расставшись с сыном, не осушали слез, отчего оба ослепли. Вернувшись из-за моря и

встретившись с родителями, Цинпа-ценпо поприветствовал их, а те, обняв его, узнали в нем своего сына.

— Цинпа-ценпо, когда ты оставил нас и ушел, наши глаза ослепли. Что же ты достал за морем? — спросили родители сына.

— Я достал вот это, — ответил сын и вложил в руку отца волшебные драгоценности.

Тот сжал руку и сказал:

— Подобных камней в моей кладовой и раньше много было. Стоило ли из-за этого идти на такие лишения!

Тогда бодхисаттва взял чинтамани, потер ими глаза родителей, и тут же, подобно тому как сильным ветром разгоняются тучи, была развеяна слепота отца с матерью, и они стали видеть лучше, чем прежде.

— Это действительно волшебные драгоценности, — сказали обрадованные родители. — Похоже, что с их помощью можно избавиться от всех бед.

Тогда Цинпа-ценпо поднял чинтамани и произнес такое моление: «Если вы настоящие чинтамани, исполняющие все желания, то пусть появится трон для моих родителей, сделанный из семи различных драгоценностей, и над тем троном пусть будет драгоценный балдахин». И не успел он произнести это моление, как все тут же свершилось. И наполнились также все царские сокровищницы.

Затем царь послал гонца на слоне, проходящем восемь тысяч йоджан, объявить всем жителям Джамбудвипы следующее: «Цинпа-ценпо достал за морем волшебные драгоценности. Эти чинтамани, обладающие замечательными свойствами, через семь дней дождем ниспошлют на всех различные ценности: одежду, еду и все необходимое. Да возьмет каждый все то, что будет ему во благо».

И вот Цинпа-ценпо совершил омовение, надел новые одежды, поставил на равнине штандарт, на верхушке которого прикрепит чинтамани. Затем он взял в руку курильницу и произнес такое моление: «Все люди Джамбудвипы бедны, и необходимо их избавить от лишений. Поэтому, если драгоценности, исполняющие желания, в действительности являются таковыми, то пусть ниспадет дождем все, что требуется каждому!»

И тут же со всех четырех сторон подул сильный ветер, который сразу же дочиста вымел всю грязь и нечистоты, выпал мелкий дождичек, который прибил пыль, дождем ниспали всевозможные кушанья и напитки, а затем дождем ниспали зерна разных злаков, потом дождем ниспали одежды, и, наконец,

дождем ниспали драгоценности, так что Джамбудвипа покрылась кучами драгоценных камней и стало драгоценностей как щебня и черепков.

И, удовлетворив таким образом, всех, бодхисаттва обратился к людям Джамбудвипы со следующими словами:

— Живые существа Джамбудвипы! Вы ради одежды, пищи и богатства один другого убивали, один другому чинили вред и творили лишь неблагие дела, за что после смерти попадали на стезю трех дурных рождений и шли от мрака к мраку. Из милосердия к вам я презрел морские опасности и многие страдания, ради вашего блага достал за морем волшебные драгоценности, и вы стали пребывать в довольстве, обладая всем. Поэтому телом, словом и помыслом следуйте пути десяти правил нравственного поведения и прилежайте на этом пути!

Так бодхисаттва всячески наставлял и уговаривал жителей Джамбудвипы. И в результате таких наставлений и уговоров все они твердо вступили на путь десяти правил нравственного поведения, в силу чего после своей смерти возрождались в высшей сфере богов.

— В то время, в той жизни, — сказал затем Победоносный, — брахманом Ньягрота был мой нынешний отец Шудходана. Матерью Цинпа-ценпо была моя мать Махамая. Цинпа-ценпо же — это ныне я сам. Нага, пребывавший в серебряном замке, — это нынешний Шарипутра. Нага, пребывавший в ляпис-лазуревом замке, — это нынешний Маудгальяна. Нага, пребывавший в золотом замке, — это Ананда, а морское божество — Анирудха. Ананда, в бытность свою царем нагов, также прислуживал мне и знал всему время. Поскольку он вплоть до сего дня время всему знает, я охотно согласился с тремя его желаниями.

Когда Победоносный произнес эти слова, возрадовался Ананда, преклонил колени и сказал:

— Вплоть до конца своей жизни я буду прислуживать Татхагате.

Выслушав рассказ Победоносного, некоторые из его многочисленного окружения обрели духовные плоды от вступления в поток до архатства. Некоторые стали пратьекабуддами. Некоторые породили помысел о наивысшем духовном пробуждении. Некоторые стали пребывать на стадии анагаминов. И радость их была безмерна.

Глава тридцать первая

О ЦАРЕ ПО ИМЕНИ МЕЛОНДОН, ИЛИ «ЗЕРКАЛЬНОЛИКИЙ»

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в фиговой роще. Тогда Победоносного окружали Брахма, Индра и другие божества. Вся многочисленная свита удивлялась особым признакам Победоносного, его красоте, золотистому цвету тела и возносила ему хвалы.

Монахов взяло недоумение, почему Победоносный оказался столь возвышен над своим окружением и стал всеобщим главой. И они спросили у него об этом. Победоносный сказал:

— Не только ныне я возвышен над окружающими и являюсь всеобщим главой. В давно прошедшие времена я также был возвышен над всеми и являлся их главой.

— Соизволь поведать, — сказали монахи, — каким образом ты в давние времена стал главой над всеми.

И рассказал им Победоносный следующее.

В давно прошедшие времена, столь бесчисленное и безмерное количество калп назад, что и умом не объять, в стране Джамбудвипе был великий царь, которому подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. У того царя было пятьсот сыновей. Как-то раз великая царица родила сына, мальчика со знаками благих заслуг. Тело его было золотистого цвета, волосы иссиня-черные, на ладонях — знак колеса с тысячью спиц, на ступне левой ноги — изображение лошади, а на ступне правой ноги — изображение слона. Мальчика этого нарекли именем Мелондон, или «Зеркальноликий».

Когда великий царь заболел и конец его был близок, советники спросили:

— Кто из сыновей назначается наследником, кому передать царскую власть?

— Того из них следует поставить царем и тому передать власть, — отвечал царь, — кто обладает десятью признаками царского достоинства. А признаки эти таковы: цвет тела — золотистый, а волос — иссиня-черный; знак колеса на ладонях обеих рук; изображение слона на подошве правой ноги; изображение лошади на подошве левой ноги; царская одежда впору, не велика и не мала; восседая на царском троне, исполнен величия и мощи, так что вассальные князья невольно оказывают ему высшие почести, а царицы и их свита, исполненные радости, земно кланяются ему; когда читает в храме священную книгу, то божества кланяются; вдосталь всех оде-

ляет, вызвав силой добродетели и благой заслуги дождь из семи драгоценностей. Если ребенок, рожденный великой царицей, этими достоинствами обладает, то вручите ему царскую власть.

Тут бренность всего сущего воочию проявилась, и царь скончался.

После этого собрались царевици и советники, чтобы выяснить, кто из царевичей обладает перечисленными выше десятью достоинствами. У старших царевичей тела были не золотистого цвета, волосы не иссиня-черные; не было знака колеса на ладонях, а на ступнях — изображений слона и лошади; им не подходило царское платье; когда они садились на царский трон, то, казалось, трепетали от страха и порывались встать, а вассальные князья и советники почестей им не отдавали, царицы же и их свита не выказывали ни радости, ни почтения; когда в храме читали священную книгу, боги им не кланялись; они были не в состоянии вызвать дождь из драгоценностей; не были они и сыновьями великой царицы. Так из пятисот царевичей не нашлось ни одного, кто обладал бы хоть одним необходимым признаком.

Только у младшего царевича тело было золотистого цвета, волосы — иссиня-черные, на ладонях обеих рук — знак колеса, на подошвах ног — изображения слона и лошади. Ему подошло царское одеяние, а когда он воссел на царский трон, то его величие и великолепие оказались столь внушительны, что все вассальные князья почтительно приветствовали царевича, а царские жены и их свита с радостью поклонились ему. Когда он вошел в храм, то его приветствовали боги. Сказал: «Ниспадите [с небес] драгоценности!» — и они тут же выпали дождем. И рожден он был великой царицей. Таким образом, младший царевич явился обладателем всей полноты признаков, и поэтому вассальные князья и советники вручили ему царскую власть.

В пятнадцатый день месяца, на восходе солнца, с восточной стороны возникло огромное золотое колесо с тысячью спиц. Царевич, став на колени, обратился к нему со следующими словами:

— Если я являюсь царем в силу [моих] достоинств, то пусть колесо приблизится ко мне!

И колесо с небес приблизилось к нему.

Затем с горы Благовонной пришел драгоценный слон, хвост которого был украшен талисманом. Сел царь на того слона и взмыл в небо. За полдня он объехал четыре континента. Когда [слон] шел, то там, где ступала его нога, земля превраща-

лась в золотой песок. Драгоценный конь вороной масти, с красной гривой и с красным хвостом пролил дождем драгоценности семи родов. Сел царь на него и за время, потребное лишь на обед, объехал четыре материка, а конь тот не устал и не притомился.

Драгоценный же талисман свестил день и ночь, своим светом озаряя все в округе на расстояние в сто двадцать звучаний голоса. Дождем выпали семь видов драгоценностей, и все оказались оделены ими.

Восхитительно прекрасная драгоценная женщина возрадовала царское сердце. Драгоценный домохозяин, обеспечив царя всеми необходимыми драгоценностями семи видов, сделал их неиссякаемыми. Драгоценный советник в случае царской нужды в четырех родах войск * в один миг собирал непобедимые отряды. Став, таким образом, обладателем этих семи драгоценностей **, царь подумал: «Подобные атрибуты обретыны в результате прежних благих заслуг. Поэтому царская преемственность не должна прерываться ***». Он совершил омовение благовонной водой, надел новое, чистое платье, взял в руку курительницу, повернулся к востоку и, преклонив колени, сказал:

— Благородные существа, обитающие на востоке, внимайте моей просьбе и явитесь сюда.

И двадцать тысяч пратьекабудд пришли к царскому дворцу. Затем царь обратился с таким же молением на юг, запад и север, откуда также пришли к царскому дворцу по двадцать тысяч пратьекабудд.

Затем царь и советники, приготовив все необходимое, почтили их жертвоприношением. После этого восемьдесят четыре тысячи вассальных князей получили разрешение вернуться назад. При прощании вассальные князья сказали благородным созданиям:

— Знайте, мы также почтим вас жертвоприношением, чтобы произвести благую заслугу.

Царь и советники за то, что совершили жертвоприношение пратьекабуддам, на протяжении восьмидесяти четырех тысяч лет после своей смерти рождались в высокой сфере богов.

— Монахи! Царь Мелондон того времени — это я ныне. Отец того царя — это ныне мой отец Шудходана. Царица та —

* Четыре рода войск — пехота, кавалерия, слоны, боевые колесницы.

** Т. е. царь обрел статус Чакравартина, или Вселенского монарха.

*** Т. е. надо породить новые благие заслуги, чтобы и в дальнейшем являться обладателем чудесных качеств.

ныне мать моя Махамая. Пятьсот царевичей — это ныне пятьсот человек из рода шакьев. Как в то время я был высшим главой над всеми, так после Пробуждения я также являюсь наиглавнейшим, отмеченным особыми знаками.

И многочисленная свита безмерно обрадовалась рассказу Будды.

РАЗДЕЛ IX

Глава тридцать вторая

ЛЕКЦОЛЬ И НЬЕЦОЛЬ

Так однажды было услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время Дэвадатта хотя и вступил в монашество, однако, охваченный корыстолюбием, продолжал творить греховные, неблагие деяния: гору обрушив, пытался задавить Будду; вогнал занозу в его стопу; напустил на него бешеного слона; в дружную монашескую общину пытался внести раскол; безгрешную монахиню предал смерти.

Убоявшись последствий своих злодеяний, которые должны сказаться в будущих рождениях, он пришел к шестерым брахманским учителям и спросил их [об этом]. Шестеро брахманских учителей, исходя из своего превратного учения, преподали Дэвадатте, что нет в его деяниях греха, а добро хотя и творишь, но благой заслугой это не обернется. Поверив в это, Дэвадатта тем самым уничтожил благой корень.

Огорченный, Ананда, испытывая сострадание к двоюродному брату Будды*, сказал со слезами Победоносному:

— Омраченный духовным невежеством, Дэвадатта творит неблагие, греховные деяния, он благой корень уничтожил и опозорил род Шакьев.

— Дэвадатта не только в этой жизни из-за корысти и честолюбия благой корень уничтожил, — отвечал Победоносный, — в прошлых рождениях тоже из-за корысти и честолюбия творил дела себе на погибель.

Эти слова вызвали у монахов недоумение, и Ананда обратился к Победоносному с такой просьбой:

* Т. е. к Дэвадатте.

— Соизволь разъяснить, что за деяние себе на погибель сотворил в прошлом рождении Дэвадатта, охваченный корыстолюбием и честолюбием.

И Победоносный поведал Ананде.

— Ананда, давным-давно, столь безмерное и бессчетное количество калп назад, что и умом не охватишь, в Джамбудвипе, в стране Варанаси, жил брахман по имени Махаяви. Он взял жену из равного рода, и вскоре та понесла, а через девять месяцев родила сына. По поводу рождения был устроен большой праздник, на котором ребенка нарекли именем Лекцоль, или «Благонравный», после чего его передали на попечение кормилицы.

Некоторое время спустя жена брахмана снова понесла, и, обычно мягкая и нежная, она в период второй беременности стала злобной и раздражительной. Поскольку роженица так изменилась [в период беременности], то родившегося мальчика называли Ньецоль, или «Злонравный», и также передали на попечение кормилицы.

Когда оба брата выросли, то отправились к морю за драгоценностями. Каждый из них пустился в дорогу в сопровождении пятисот друзей-купцов. Через неделю пути у них иссякли дорожные припасы, и путники оказались на краю гибели. Ослабев, Лекцоль и его друзья совершили жертвоприношение всем богам. И после этого они увидели развесистое плодовое дерево, росшее в пустынной местности. Подойдя к нему, путники обнаружили около дерева прекрасный родник. Напившись из родника, купцы сказали:

— Это знак того, что наша жертва принята богами.

И тут божество воочию явило себя и сказало:

— Сломайте ветку плодового дерева и вы получите все, что желаете.

Тогда путники срезали одну ветку, и перед ними появились вкусные напитки. Срезали другую ветку, и появились различные яства, которые всех насытили. Срезали еще одну ветку, и появилась всевозможная одежда. И еще одну ветку срезали, после чего появились различные драгоценности, да в таком количестве, что ими наполнили все вьюки.

Как раз в это время туда подошел Ньецоль со своими попутчиками. Увидев, как благодаря срезанной ветке вьюки наполнились различными драгоценностями, он подумал: «Если уж они из ветки получили вдоволь драгоценностей, то, вынув корень дерева, получишь гораздо больше различных драгоценных камней». И, подумав так, Ньецоль стал выкапывать корень дерева.

Тогда Лекцоль недовольно сказал:

— Когда мы находились на краю гибели, это дерево нас спасло, поэтому оставь его в покое.

Но Ньецоль не послушал и продолжал выкорчевывать дерево.

Тогда Лекцоль, не желая смотреть на это, вместе со своими спутниками и с кладью ушел прочь. А когда они ушли, из корня дерева выскочили пятьсот ракшасов, которые пожрали Ньецоля и его спутников.

— Ананда! В то время, в той жизни, Лекцоль — это я ныне. Его отец — это ныне мой отец Шудходана. Его мать — это ныне моя мать Махамая. Ньецоль же — это ныне Дэвадатта. Ананда! Дэвадатта не только ныне мне зло творит. Из-за корыстолюбия и честолюбия он творил мне зло во всех предыдущих рождениях. И хотя я наставляю его в благом Учении и радею о его пользе, Дэвадатта меня считает врагом.

И все многочисленные окружающие возрадовались, выслушав рассказ Победоносного.

Глава тридцать третья

О ЦАРЕВИЧЕ ГЕДОНЕ

Так однажды было услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале, вместе с общиной монахов высокого духовного звания. В то время достопочтенный Ананда, видя, как, несмотря на то что Дэвадатта всеми способами пытается причинить Татхагате зло, Татхагата относится к Дэвадатте как к своему сыну Рахуле* и всегда помышляет о нем с милосердием, спросил Победоносного [о причине этого]. Победоносный ответил Ананде следующее:

— Дэвадатта чинит мне зло не только в этом рождении. В других рождениях он также питал ко мне злобу.

Монахи пришли в недоумение, и Ананда опять обратился к Победоносному:

— Соизволь разъяснить, каким образом Дэвадатта в других рождениях чинил зло Победоносному.

И Победоносный рассказал Ананде.

Давным-давно, столь бесчисленное и безмерное число калп назад, что и умом не охватишь, в стране Джамбудвипе был

* Имя сына принца Готамы (позднее Будды) до принятия им монашества.

царь по имени Ратнашастра. Тому царю подчинялось пятьсот вассальных князей, и было у него пятьсот жен и наложниц, но не было у царя сына. Обращался царь с молениями к богам солнца, луны и другим божествам, однако годы шли, а сына все не было, отчего царь, объятый печалью, как-то раз подумал: «У меня нет даже одного сына. Когда срок моей жизни истечет, то пятьсот вассальных князей начнут ссориться друг с другом, повсюду возникнет смута, и моя страна станет бедствовать». Охваченный такими мыслями, сидел царь в грустном раздумье.

Тогда одно божество, зная мысли царя, явилось к нему во сне и сказала:

— В роще за дворцом живут два риши. У одного из них тело золотистого цвета. Ступай к нему, обратись со своей просьбой, и он возродится твоим сыном.

И как только божество произнесло эти слова, царь проснулся. Он тут же пошел в рощу, где находились оба риши. Встретившись с тем риши, царь взмолился:

— В моем роду нет наследника, поэтому возродись в моем роду, поддержи его существование!

— Хорошо, сделаю по-твоему, — ответил на это риши.

Второй же риши, в свою очередь, сказал:

— Я также возрожусь в твоём роду.

— Возродись и ты в моем роду! — согласился обрадованный царь и вернулся во дворец.

Через некоторое время риши с телом золотистого цвета скончался и возродился в чреве великой царицы. Умная женщина, почувствовав наличие ребенка, поняла, что он мужского пола, и сказала царю:

— У меня обязательно будет мальчик.

Обрадованный царь стал с еще большей заботой и вниманием относиться к своей супруге.

По истечении полных девяти месяцев родился мальчик с телом золотистого цвета, иссиня-черными волосами, отмеченный благодатными знаками. Обрадованный царь устроил празднество по случаю рождения сына, а гадатель, рассмотрев знаки ребенка, нарек его именем Гедон, или «Благостный».

Вскоре понесла другая жена царя. В чреве у нее по истечении срока своей жизни возродился второй риши. По случаю рождения второго ребенка также был устроен пир, а гадатель, осмотрев признаки ребенка, дал ему имя Дикдон, что означало «Зловредный».

Царь очень любил и лелеял своего сына Гедона. Он построил для него летнюю и зимнюю, весеннюю и осеннюю резиден-

ции. Когда же ребенок подрос, то он стал сведущ как в восемнадцати науках, так и во всех священных книгах.

Как-то раз Гедон обратился к царю с просьбой.

— Я хочу отправиться за город на прогулку, — сказал он.

Услышав, что сын хочет совершить прогулку, родители тут же распорядились подмести улицы, расставить стяги и штандарты, усыпать [путь] цветами, воскурить благовония. Затем Гедон сел на слона, украшенного драгоценностями семи родов, и под звон колокольцев, гром барабанов, звуки литавр, в окружении стотысячной свиты отправлялся за город. Все местные жители забрались на крыши домов, расположенных по обеим сторонам улицы, и смотрели широко раскрытыми глазами, восклицая при этом:

— Царевич великолепием и величием схож с Брахмой!

Когда процессия двигалась по дороге, Гедон слышал, как одетые в рубища нищие, держа черепки [для сбора подаяния], зывали:

— Подайте малость!

— Отчего вы так горестны и несчастны? — спросил их царевич.

Одни сказали:

— У нас нет ни родителей, ни братьев, ни сыновей, ни родственников, поэтому мы несчастны.

— Мы долгое время болеем и не можем поправиться, — отвечали другие, — поэтому и бедствуем.

— Мы владели имуществом, но разбойники ограбили нас, и мы стали нищими, — сказали третьи.

Услышал эти речи Гедон, заплакал и двинулся дальше.

Немного спустя он увидел мясников, которые забивали животных, сдирали с них шкуры и рубили [туши] на куски.

— Ой! Зачем вы творите такое? — спросил их Гедон.

— Мы продолжаем ремесло наших родителей, которые также убивали животных. Если не станем этого делать, то не на что будет жить

Удивился этому Гедон и, не в силах взирать на такое, двинулся дальше. По дороге он увидел, как множество птиц и ядовитых змей хватили и пожирали червей, выползавших из вспаханной крестьянами земли.

— Зачем вы творите такое? — спросил царевич крестьян.

— Мы пашем и во вспаханную землю бросаем семена, которые затем порождают много других семян. Ими мы живем, их же царю подносим, — прозвучало в ответ.

Опять удивился этому Гедон и двинулся дальше. Проехав немного, он заметил охотников, раскинувших сети и насто-

живших силки. Животные и птицы, попавшие в сети и силки, бились в них, перепуганные, и старались освободиться, но напрасно.

— Зачем вы это делаете? — спросил царевич охотников.

— Убийство животных — наше родовое ремесло, и мы занимаемся им, чтобы иметь средства к жизни, — отвечали те.

Услышав эти слова, Гедон очень опечалился и направился дальше. Встретились ему рыбаки, которые, поставив сети, наловили много рыбы и складывали ее, еще бившуюся, в кучу на берегу.

— Что вы делаете? — спросил Гедон.

— Кроме этого наследственного ремесла, мы другого не знаем, — отвечали рыбаки. — Вот ловим рыбу, тем и живем.

Гедон, видя подобное, подумал так: «Существа эти из-за своей бедности и нищеты вершат греховные деяния, связанные со смертоубийством. После своей смерти они тотчас же обрекаются на путь трех дурных рождений. От мрака к мраку они идут, и не настанет для них время спасения».

Вернувшись домой, он день и ночь размышлял об этом, а затем, опечаленный, пришел к отцу и сказал:

— Отец, у меня есть к тебе одна просьба, исполни ее.

— Все сделаю, что ты ни попросишь, сын мой, — отвечал тот.

— Отец, — продолжал юноша, — когда я выезжал за город на прогулку, то видел, как многие люди, страдая от нехватки одежды и пищи, убивают один другого, лгут и творят другие неблагие дела. Я намереваюсь сотворить им подаяние и прошу разрешения вдосталь оделить бедников из твоей великой казны.

— Все драгоценности и сокровища, во множестве собранные мною, предназначены для тебя, — отвечал отец. — Так почему же не исполнить твоей просьбы!

Получив разрешение отца, Гедон объявил всем жителям страны:

— Гедон раздаст великие дары. Собирайтесь все и приходите!

И тогда буддийские монахи и брахманы, беззащитные бедняки и убогие калеки заполнили все дороги, ведущие в город. Одни проделали путь в сто, триста, четыреста, пятьсот, тысячу йоджан. Другие же прибыли за две тысячи, три, четыре, пять и даже десять тысяч йоджан. Они клубились подобно облакам, и все получали те дары, которых желали. Желавшие одежду получали одежду. Желавшие еды получали еду. Желавшим драгоценностей, золота, серебра, ляпис-лазури, ездо-

вых животных, колесниц, паланкинов, садов, полей, скота были преподнесены дары согласно их желаниям.

Долго подобным образом раздавались дары, и одна треть царских сокровищ была истрачена. Тогда хранитель сокровищ пришел к царю и сказал:

— Царевич, совершая дарения из сокровищницы, истратил одну треть, осталось не более двух третей. Подумай о расходах на подарки и торговые дела.

— Я очень люблю сына и не буду ему препятствовать, пусть лучшие сокровищница опустеет, — отвечал царь.

Прошло еще некоторое время, и было истрачено две трети сокровищ, осталась только одна треть. Хранитель сокровищ снова обратился к царю и сказал:

— Две трети сокровищ уже истрачено, осталась только одна треть. Откуда же брать средства на подношение подарков гостям и на торговые дела?

— Я очень люблю своего сына и не могу запретить ему, — сказал царь, — ты сам придумай способ, чтобы покончить с этим.

Хранитель сокровищ, получив от царя такое распоряжение, запер сокровищницу и отправился по своим делам.

С тех пор нищенствующие монахи, приходившие к Гедону, либо не находили хранителя сокровищ, а сокровищница была на замке, либо хранитель сокровищ приходил, но не давал желаемого.

Тогда Гедон подумал: «Дело так обернулось не из-за самовольства хранителя сокровищ, а по распоряжению отца. Да и не должно сыну опустошать отцовскую сокровищницу. Но что же мне сделать, чтобы обрести вдосталь драгоценностей на пользу многим живым существам?»

И, подумав так, он стал спрашивать у людей:

— Чем заняться в этом мире, чтобы вдосталь обрести богатства, обрести так много, чтобы оно никогда не иссякло?

Одни говорили: «Больше земли обрабатывай, больше богатства получишь». Другие говорили: «Если скот разводишь или торговлей занимаешься, то богатства умножаешь». Третьи сказали: «Отправляйся в море и добудь чинтамани — волшебную драгоценность, исполняющую желания, тогда станешь очень богатым».

Выслушал Гедон все эти речи и подумал: «Не мой удел заниматься земледелием, разводить скот или вести торговлю в дальних странах. Мой удел — отправиться в море». И, решив отправиться в море, он сказал родителям:

— Я отправлюсь в море, добуду там много драгоценностей

и вдосталь оделю ими бедняков. Разрешите мне отправиться в море за драгоценностями!

Услышав эти слова, родители чуть не упали в обморок.

— Бедняки в этом мире, — сказали они, — разума не имея, идут [в море], рискуя телом и жизнью. Ну а тебе чего не хватает, если ты об этом помышляешь? Если хочешь милостыню творить, то раздай наши богатства, а в море не ходи! В море огромные волны и водовороты, морские чудовища, ядовитые змеи, ракшасы, подводные скалы и другие опасности, и трудно оттуда вернуться живым. Чего тебе не хватает, если ты собираешься жизнью riskовать? Нет тебе на это нашего согласия, и не думай об этом!

Выслушав такое повеление, Гедон подумал: «Поскольку не вышло по-моему, дам-ка я себе клятву: „Лягу на землю перед родителями и не встану до тех пор, пока не добьюсь своего“». И, подумав так, он сказал родителям:

— Отец и мать, знайте! Пока мое намерение не исполнится, я буду лежать ниц, не вставая.

Опечаленные родители, посоветовавшись с родственниками, снова указали юноше на множество опасностей, тающихся в море.

— На протяжении двенадцати лет, — сказали затем они ему, — мы в отчаянии жертвы всем богам приносили. Одно божество в тебе, сыне нашем, возродилось. Так сейчас не оставляй нас, прими пищу!

Прошли один, два, шесть дней, но сын не внимал никаким уговорам и не отступал от своих слов. «С самого рождения сын мой никогда не бросал начатого дела, не доведя его до конца, — подумал тогда отец. — Если я отпущу его в море, то еще есть какая-то надежда на его возвращение. Если же не отпущу, то через неделю расстанемся с ним. Надо его отпустить».

Подумав так, он подошел к сыну, взял его за руку и сказал:

— Сын, вставай и поешь! Разрешаю отправляться, куда задумал.

Тогда Гедон встал, поел и попил. После этого он вышел наружу и обратился к многочисленному люду с таким призывом:

— Я отправляюсь в море за драгоценностями. Кто из вас пойдет, присоединяйтесь! Я поведу вас, я же приготовлю все необходимое в дорогу.

Пятьсот купцов из той страны сказали:

— Мы также пойдем в море за сокровищами. — И стали готовиться в путь.

Был в той стране старик корабельщик, который прежде много раз ходил в море. Царевич самолично пришел к нему и сказал:

— Мне нужен человек, знающий морские пути, поэтому ты пойдешь со мной!

— Я дряхл, и мои глаза не видят, — отвечал старик корабельщик, — поэтому идти не могу.

Тогда царевич пошел к отцу и сказал ему:

— Есть один старый корабельщик, который раньше много раз ходил за море, и морские пути хорошо знакомы ему. Прикажи ему идти со мной!

Царь самолично пришел в дом слепого корабельщика и дал ему такое распоряжение:

— Царевич желает идти в море. Хотя я ему и говорил, что этого делать не следует, но он не послушал. Поэтому ты пойдешь с царевичем, как человек, хорошо знающий заморские земли!

— Хотя я дряхлый и слепой на оба глаза, — отвечал корабельщик, — но если царь приказывает, то нельзя нарушить его повеления.

Затем он пришел в царский дворец и спросил:

— Кто решился идти с царевичем в море?

Тут царевич Дикдон сказал отцу:

— Я пойду слугой старшего брата.

Царь подумал: «Чем пойдут чужие, пусть лучше идет младший брат», — и разрешил ему также идти в море.

Затем царевич взял три тысячи золотых, за одну тысячу купил корабль, а две тысячи истратил на припасы и снаряжение, необходимые в пути.

Отъезжающие, которых провожали царь, царица и все люди, подошли к пристани и взошли на корабль, удерживаемый семью канатами. Дождавшись попутного ветра, царевич обратился к сопровождавшим его купцам со следующими словами:

— В море таятся различные опасности. Уходят туда очень многие, а возвращаются очень немногие. Те, кто опасается, ступайте назад! Только те достигнут острова драгоценностей, кто презирает жизнь, не боится навсегда расстаться с родителями, сыновьями, женами, родственниками. Если же благополучно вернемся, то на семь поколений хватит обретенных богатств.

С этими словами Гедон обрубил один канат. Так в течение семи дней повторял он эти слова, каждый раз перерубая один канат.

И вот при попутном ветре были поставлены паруса, и корабль быстро поплыл в открытое море.

Плыли они плыли, и спрашивает корабельщик:

— Видна ли цепь сверкающих белых гор?

— Что-то похожее сверкает, — отвечал царевич.

— Это серебряные горы, — сказал корабельщик.

Плыли, плыли они дальше, и корабельщик спросил:

— Видна ли цепь сверкающих синих гор?

— Что-то похожее сверкает, — отвечал царевич.

— Это сапфировые горы, — сказал корабельщик.

Плыли они плыли, и корабельщик опять спросил:

— Видна ли цепь сверкающих желтых гор?

— Что-то похожее на желтые горы сверкает, — отвечал царевич.

— Это золотые горы, — сказал корабельщик.

Подплыли они к золотым горам и расположились на золотом песке. Тут корабельщик и говорит Гедону:

— Я стар и слаб, двигаться больше не могу и здесь умру. Вы же следуйте отсюда дальше до тех пор, пока не увидите впереди замка, построенного из семи родов драгоценностей. Если ворота замка будут заперты, то постучите в них алмазным пестом, который находится около ворот. Тогда из замка выйдут одна за другой пятьсот богинь и двинутся к вам, держа драгоценности, предназначенные в дар. Богиня, идущая впереди, будет держать синюю драгоценность. Это чинтамани — волшебная драгоценность, исполняющая все желания. Возьми ее и держи крепко, чтобы она не исчезла. Затем примите драгоценности у других богинь. Держите себя в руках, не заговаривайте с ними. Я же ослаб и здесь умру. Отблагодарите меня погребением на этом месте моих останков, а сами плывите дальше.

И, произнеся этот наказ, корабельщик скончался. Похоронив останки корабельщика в золотом песке, все двинулись дальше в соответствии с его наказом, пока не достигли замка, построенного из семи родов драгоценностей. Ворота замка были крепко заперты. Тогда Гедон взял алмазный пест, постучал, ворота открылись, и одна за другой вышли пятьсот богинь, неся драгоценности, предназначенные в дар. Первая из богинь держала в руке синюю чинтамани — драгоценность, исполняющую все желания. Следуя словам корабельщика, Гедон взял чинтамани, завернул ее в полу одежды и сразу же вернулся на корабль.

Когда царевич удалился, его брат Дикдон сказал купцам:

— Берите побольше драгоценностей!

Тогда купцы нагрузили так много драгоценностей, что корабль [на обратном пути] пошел ко дну [вместе со всеми купцами], только Гедон, так как при нем была драгоценность, исполняющая желания, не погрузился в воду.

— Спаси! — закричал тут перепуганный царевич Дикдон своему брату, и Гедон, поддерживая его, помог ему плыть по морю и добраться до суши.

Когда они достигли берега, Дикдон сказал Гедону:

— Мы, оба брата, расставшись с родителями, отправились в море за драгоценностями, но потерпели неудачу. Стыдно, утратив драгоценности, возвращаться домой с пустыми руками.

Царевич Гедон, честный по натуре, сказал младшему брату:

— Зачем же стыдиться, если я достал такую драгоценность?

— Покажи мне, что за драгоценность ты достал, — попросил Дикдон.

Тогда старший брат вынул чинтамани и показал ее младшему брату. Тот, увидав волшебную драгоценность, подумал: «Хотя мы оба — дети одних родителей, однако они старшего брата любят, а меня — нет. Мы с ним вместе отправились за драгоценностями, но старший брат достал чинтамани, а я остался с пустыми руками. Теперь, когда вернемся домой, родители меня еще больше невзлюбят. Поэтому убью-ка я старшего брата, заберу чинтамани и уйду. Если родители спросят, то скажу, что старший брат утонул в море». И он обратился к Гедону с такими словами:

— С нами чинтамани, поэтому нам не следует одновременно спать. Пусть один спит, а другой караулит.

— Так и сделаем, — согласился старший брат, и братья решили по очереди бодрствовать.

Старший брат первый стал в караул. Время ночной стражи давно прошло, а младший брат все еще не мог проснуться. Таким образом, старшему брату пришлось караулить, и когда младший брат наконец встал, то Гедона сморил крепкий сон.

Пока он спал, Дикдон взял в лесу два длинных шипа, воткнул их в глаза спящего брата, а сам схватил чинтамани и убежал.

— Разбойники! — в ужасе закричал Гедон, но никто не отозвался.

Тут божество дерева сказала:

— Разбойник-то твой — это Дикдон.

Криком кричал Гедон от нестерпимой боли в глазах. Пере-

двигаясь где ползком, где на четвереньках, он достиг страны Лисивар. Там он наткнулся на стадо в пятьсот коров, которое пас пастух. Стадный бык увидел ослепленного царевича и стал вылизывать языком его глаза. Около них собралось все стадо, подошел и пастух. Он увидел человека, катающегося по земле, осмотрел его и заметил шипы, воткнутые ему в глаза. Пастух осторожно вытащил шипы и привел царевича в свое жилище. Там он смазал раны молоком и маслом и покормил Гедона.

Спустя некоторое время раны царевича постепенно зажили, и он сказал, что пойдет дальше. Однако пастух не отпустил его.

Когда же раны совсем зарубцевались, то Гедон сказал:

— Сейчас я пойду в город Они.

Пастух проводил его до города, и Гедон на прощание попросил:

— Найди мне киму*.

И пастух выполнил его просьбу.

Стал царевич играть и петь песни, да так благозвучно, что все, слушая его, давали ему еду и питье. К царевичу присоединились даже пятьсот нищих и кормились около него.

Как-то раз пришел [к нищим] царский садовник. Услышал он благозвучную музыку, обрадовался и спрашивает Гедона:

— Не смог бы ты играть в моем саду, да заодно и стеречь сад?

— Нет, не могу, — отвечал тот, — ведь мои глаза ослепли.

— Это не препятствие, что твои глаза ничего не видят, — отвечал садовник, — я прикреплю на вершину дерева колышек со шнуром. Когда раздастся птичий крик, ты только дерни за шнур, и я приду в сад.

Так царевич стал жить в саду и играть там на киме.

Тем временем Дикдон вернулся домой.

— Где твой старший брат и остальные купцы? — спросил его царь.

— Мой брат и прочие купцы, набрав слишком много драгоценностей, утонули вместе с кораблем, — отвечал тот. — Мне же повезло, и я спасся.

Тут царь и царица лишились чувств, а жители страны, услышав эту новость, были охвачены скорбью. В глубокой печали царь и царица сказали Дикдону:

— Не было бы беды, если бы и ты утонул вместе со старшим братом.

* Музыкальный инструмент, род лютни.

Еще когда царевич Гедон жил дома, у него был ручной гусь. И царь обратился к этому гусю с такими словами:

— Царевич Гедон ушел в море за драгоценностями. Говорят, что он утонул. Ты отправляйся, поищи да разузнай, покричи: «Гедон! Гедон!»

Царь написал письмо, прикрепил его к шее гуся, и тот улетел.

Повсюду летал гусь в поисках царевича. И вот в том саду он услышал его голос, опустился, посмотрел и увидел сидевшего царевича. Царевич также узнал гуся по голосу, снял письмо и попросил [людей] прочитать его. В ответ на письмо царевич подробно описал, как Дикдон выколол ему глаза шипами.

У царя страны Лисивар была дочь редкостной красоты. Как-то раз девушка пошла погулять в сад и наткнулась там на Гедона. В рваных одеждах, с всклокоченными волосами, он сидел под деревом, а лицо его было залито слезами.

Царевна почувствовала симпатию к юноше. Она присела около Гедона, и они долго разговаривали.

Наступил полдень, и царь позвал дочь обедать.

— Я не пойду, — сказала та, — пусть принесут мою еду сюда!

Кушанья принесли, и девушка сказала царевичу:

— Давай поедим вместе.

— Я слепой нищий, — отвечал тот, — и мне не пристало есть с дочерью царя. Если царь узнает, то меня накажут.

— Если ты не будешь есть вместе со мной, — возразила девушка, — то я тоже не буду есть.

Пререкались они пререкались, но наконец вместе поели, а затем повели приятные речи, и девушка так влюбилась в Гедона, что никуда не хотела от него уходить.

Под вечер царь послал сказать своей дочери, что пора возвращаться во дворец. Та же велела передать ему следующее: «Я хочу быть женой сторожа нашего сада и не хочу никого другого. Прошу царя не противодействовать моему желанию».

Услышав такое, царь произнес:

— Это неслыханно и поразительно. Моя дочь, просватанная за сына царя Ратнашастры, не дождавшись возвращения царевича из-за моря, хочет стать женой вот такого нищего. Это позор на весь мой род, я не смогу от стыда и головы поднять.

Он послал позвать дочь, но та, верная своему слову, не пошла.

Тогда царь, очень любивший свою дочь, уступил ей. Он сам

вышел к ним, ввел их обоих во дворец и сделал мужем и женой.

Прошло много дней. Случилось так, что дочь царя днем часто уходила, а вечером возвращалась. Гедона охватили подозрения, и он сказал жене:

— Ты сама захотела быть моей женой. Когда же мы стали супругами, то днем ты уходишь и лишь к вечеру возвращаешься. Если не хочешь находиться со мной, а смотришь, как бы уйти, то непременно у тебя на сердце кто-нибудь другой.

— Клянусь, — сказала царская дочь, — я думаю только о тебе и ни на волос не думаю о ком-нибудь другом. Если слова, сказанные мной, являются правдой, то пусть силой сказанной правды один твой глаз прозреет.

И тут же один глаз Гедона стал видеть.

После этого разговора царская дочь спросила Гедона:

— Кто твои родители и где твоя страна?

— Слышала ли ты о царе по имени Ратнашастра?

— Да, слышала, — отвечала та.

— Так вот, он и есть мой отец. А слышала ли ты о царевице по имени Гедон?

— Да, слышала, — ответила жена.

— Так вот, я и есть царица по имени Гедон.

— Что же сделало тебя таким несчастным? — испуганно спросила жена.

И царица подробно рассказал ей обо всем, что произошло.

— Царица Дикдон лишил тебя глаз, — сказала жена, — такого никогда не случалось в мире. Что ты с ним думаешь сделать, когда вы встретитесь?

— Хотя Дикдон и повинен в том, что лишил меня глаз, — ответил Гедон, — однако я несколько не сержусь на него и не питаю к нему ненависти.

— Мне очень трудно поверить, — сказала тогда жена, — что подобное злодеяние не породило у тебя, как ты утверждаешь, чувство обиды. Это неправда.

— И все же я несколько не сержусь на царицу Дикдона, — повторил Гедон. — Если правдивы слова мои, то пусть силой правды этих слов и второй мой глаз прозреет.

И второй его глаз также стал видеть. А после того как прозрели таким образом оба глаза царицы, она стала еще более прекрасна.

Обрадованная царица пришла к отцу и сказала:

— Царь-отец! Знаешь ли ты сына Ратнашастры — царицу Гедона?

— Да, знаю, — отвечал царь.

— В таком случае не хочет ли царь увидеть его? — продолжала дочь.

— Как же я сейчас могу увидеть царевича? — удивился отец.

— Мой теперешний муж — это и есть царевич Гедон, — сказала та.

— Что с тобой случилось, дочь моя? — рассмеялся царь. — Ты с ума сошла или все забыла. Ведь царевич не вернулся из-за моря, а ты утверждаешь, что твой нищий и есть царевич.

— Если не веришь, — взмолилась дочь, — то убедись сам.

И в самом деле, когда царь зашел посмотреть на юношу, он убедился, что тот действительно царевич Гедон.

— Очень сожалею, — сказал тогда царь, — что я не знал этого раньше.

Затем царь скрытно доставил царевича Гедона на перекресток проезжей дороги, и было объявлено во всеуслышание, что царевич Гедон только что вернулся из-за моря. Царские советники вышли встретить Гедона, проводили его во дворец, где было обнародовано, что ему дается в жены царская дочь.

Тем временем гусь с письмом царевича вернулся на его родину. Письмо прочли, узнали, что царевич Гедон жив. Дикдона заточили в тюрьму. К царю страны Лисивар был отправлен гонец с посланием, в котором говорилось: «Услышали, что мой сын Гедон прибыл в твою страну много претерпевший. Вина на тебе, что раньше не сообщил об этом. Теперь же обеспечить его слонами и лошадьми и проводи. Не проводишь, приду сам».

Тем временем царевич Гедон вспомнил о благодеяниях, оказанных ему пастухом. Он замолвил за него слово перед царем страны Лисивар, и пастух одарили множеством подарков. Он получил слонов, лошадей, одежды, поля, скот, золото, серебро, драгоценности, рабов, рабынь, челядь, так что мог прожить жизнь в полном довольстве.

Когда же прибыл гонец от царя Ратнашастры, царь страны Лисивар велел приготовить пятьсот слонов, украшенных драгоценностями, пятьсот слуг, пятьсот молодых служанок и пятьсот колесниц. Сам царь со своими сановниками и многотысячной свитой под звуки музыки вышел проводить дочь. Заранее был послан гонец, и царь Ратнашастра с супругой и придворными встретили царевича.

При встрече царевич спешил и приветствовал родителей. Они обнялись, обменялись теплыми словами и под звуки музыки направились во дворец.

— Где Дикдон? — спросил тут царевич Гедон.

— Он заключен в темницу, — прозвучало в ответ.

— Освободите царевича Дикдона! — попросил Гедон.

— Не должно освобождать совершившего великое злодеяние, — ответил царь.

— Если царевича Дикдона не освободят, я не пойду во дворец, — сказал Гедон. И Дикдон был освобожден.

Царевич Дикдон вышел навстречу старшему брату, поприветствовал его, братья обнялись, и все с удивлением заметили, что Гедон стал относиться к младшему брату с еще большей добротой.

— Где чинтамани? — спросил Гедон брата, когда они пришли во дворец.

— Я спрятал ее в яме, выкопанной при дороге, — ответил тот.

Когда же его послали принести чинтамани, то он не нашел ее. Тогда Гедон пошел вместе с ним, и когда они пришли на место, то Гедон сразу же обнаружил драгоценность.

Вернувшись во дворец, Гедон поднял руку с волшебной драгоценностью и произнес следующее моление: «Если эта драгоценность действительно чинтамани, исполняющая все желания, то пусть трон, на котором сидят мои родители, обретет балдахин, сделанный из драгоценностей семи родов». И только он промолвил эти слова, как все тут же сбылось.

Затем царевич Гедон сказал:

— Да восполнятся богатства, которые были мною потрачены ранец из сокровищницы царя и сокровищниц советников на раздачу даяний. — И едва он повернул чинтамани в сторону сокровищниц, как те тут же наполнились драгоценностями.

После этого царевич Гедон повелел объявить следующее:

— Через семь дней царевич Гедон пошлет дождь, состоящий из драгоценностей семи родов. Собирайтесь все!

В назначенный день царевич Гедон омыл тело благовонной водой, надел новые одежды, прикрепил чинтамани на острие штандарта, поднял курильницу и, поклонившись на все четыре стороны, произнес такие слова:

— Если эта драгоценность действительно чинтамани, исполняющая все желания, то пусть каждый получит все, что пожелает!

И тут же со всех четырех сторон поднялись облака, подул ветер и начисто подмел землю. Сначала брызнул мелкий дождь, который прибил пыль, а затем опустились всевозможные вкусные яства. За ними дождем выпали одежды, а потом выпали драгоценности семи родов, которые заполнили всю

страну. И в это время сердца всех жителей сами стали подобны драгоценностям и золоту.

Тут царевич Гедон обратился к собравшимся с таким наставлением:

— Вы получили все необходимое согласно своим желаниям. Сейчас не стало бедных и обездоленных, поэтому обуздайте каждый тело, речь и помыслы свои, следуйте по пути десяти правил нравственного поведения!

В соответствии с наставлением царевича все стали усердно соблюдать десять правил нравственного поведения, не совершать греховных поступков и поэтому после смерти своей возрождались в высокой сфере богов.

— Ананда! В той жизни, в то время, мой нынешний отец Шудходана и был царем Ратнашастрой, а моя нынешняя мать Махамая — супругой того царя. Царевич Гедон — это я ныне. Царь же страны Лисивар — это будда Кашьяпа. Девушка, ставшая в то время женой царевича, — это ныне Праджapati, а царевич Дикдон — это ныне Дэвадатта. Ананда! В той жизни, в то время, он хотя и причинил мне великое зло, однако я породил мысль о сострадании к нему. Сейчас же, когда я стал Буддой и безгранично мое великое милосердие, то, хотя он и чинит мне мелкие пакости, я, конечно, милосерден к нему.

Когда Будда закончил речь свою, то некоторые из многочисленных окружающих обрели благо вступления в поток, невозвращения и архатства. Некоторые же стали пратьекабуддами, некоторые породили помысл о наивысшем духовном пробуждении.

И все воистину радовались рассказу Победоносного.

Глава тридцать четвертая

О ДОМОХОЗЯИНЕ ДУМЦЕ

Так однажды было услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Вместе с ним находилась монашеская община в двенадцать с половиной сотен человек. В то время в той местности было пятьсот нищих, которые кормились около Будды и его монашеской общины. Как-то раз эти нищие подумали: «Вступим-ка мы в монашество Учения Будды». Они пришли туда, где находился Будда, и обратились к нему со следующими словами:

— Мы живем милосердием Будды и его общины. Прими нас в монашество.

И ответил им Будда так:

— Учение, которое я проповедую, исполнено чистоты, и не существует для него ни знатных и ничтожных, ни богатых и бедных. Оно подобно воде, которая оmyвает и знатных и ничтожных, и богатых и бедных, и хороших и плохих. И нет грязных среди тех, кто водой омылся. Оно подобно огню, который уничтожает все великое и малое, где бы то ни находилось. И вместе с тем мое Учение подобно небу, где мужчины и женщины, мальчики и девочки, богатые и бедные — все без исключения находят себе место. Поступайте по своему желанию!

Очень обрадовались пятьсот нищих, услышав такие слова, и стали с еще большим усердием просить Будду:

— Прими нас в монашество.

— Придите во благо! — сказал тогда Победоносный, и едва только он так повелел, как волосы на лицах и головах [нищих] сами собой сбрились, одежда их превратилась в оранжевые монашеские одеяния, и они обрели полное монашество*. Победоносный наставил их в Учении, отчего полностью очистились их тела и мысли, отринулась скверна, и они стали архатами.

В то время домохозяева, старейшины купцов, знатные и высокогородные, проживавшие в той местности, услышав, что Будда принял в монашество нищих, стали говорить слова порицания, заявляя:

— Если приглашать на угощение Будду и благородную монашескую общину, творя этим себе благую заслугу, то как можем мы садиться [за стол] с этими худородными попрошайками, вступившими в монашество, и давать им на осквернение свою утварь!

В то время сын царя Кошалы, пригласив Будду и его общину на угощение, сказал Победоносному такие слова:

— Приглашаю на угощение Будду и его общину, но не нищих, недавно вступивших в монашество.

На следующий день, когда наступил полдень и Будда с общиной пошел на угощение, Будда обратился к неприглашенным монахам с такими словами:

— Поскольку милостынедатель вас не позвал, то отправляйтесь на север, в северную страну неблагозвучных голосов¹⁴⁵, возьмите там рис, выросший на непаханой и несее-

* Т. е. сразу превратились в монахов, принявших все монашеские обеты.

ной земле, себе в пищу и придите с ним в дом к милостынедателю.

Монахи в соответствии с повелением Будды магическим архатским способом отправились на север, в северную страну неблагозвучных голосов, наполнили рисом свои чаши для сбора подаяния и красиво, подобно гусиной стае, плывя по небу, прибыли в жилище сына царя Кошалы, уселись там по чину и стали есть рис.

Сын царя Кошалы, видя, как монахи магическим путем столь красиво прибыли по небу, чрезвычайно обрадовавшись и удивившись, спросил Победоносного:

— Откуда прибыли столь блистательно благородные, достойнейшие и прекрасные в своем поведении?

— Если знать хочешь, то слушай хорошенько, и я тебе скажу, — ответил Победоносный сыну царя Кошалы. — Это монахи, которых ты, царевич, не пригласил на угощение. А поскольку они царевичем приглашены не были, то отправились на север, в страну неблагозвучных голосов, собрали там рис и едят его.

Услышав такие слова, сын царя Кошалы очень устыдился и раскаялся.

— Ослепленный духовным невежеством, — сказал он, — я был надменен с благородными. — И продолжал, обращаясь к Победоносному: — Достоинства Победоносного не объять умом. Эти нищие хотя и являлись самыми низкородными и презренными из всех жителей страны, однако обрели и благо в этом мире, и вечное благо. Только ради этих дел пришел Победоносный в мир. Но, Победоносный, в силу какого благого корня и каких благих заслуг эти нищие, встретившись с тобой, обрели полное освобождение? И в силу какого злого деяния, изначально сотворенного ими, они рождались нищими и прозябали в бедности?

В ответ на это Победоносный поведал следующее.

Столь несчетное и безмерное количество калп назад, что и умом не окинешь, в Джамбудвипе, в городе Варанаси, на горе, именуемой «Обитель риши», некогда пребывало также много пратьекабудд. В то время, когда Будда еще не явился в мир, там обитали пратьекабудды, а когда на той горе не было пратьекабудд, там обитали риши, наделенные даром предвидения.

В некое время там обитало две тысячи риши. Как-то раз прозорливцы изрекли пророчество: «В течение двенадцати лет не выпадет дождя».

Тогда тысяча риши пришли к богатому, обладающему до-

стоянием домохозяину по имени Думце, жившему в той местности, и сказали:

— Найдется ли у тебя для тысячи риши, покинувших мир, еда и питье на эти двенадцать лет?

— Найдется, — отвечал Думце, — но прошу вас, благородные, не расходитесь кто куда, а пребывайте в одном месте.

Затем к домохозяину Думце пришли еще тысяча риши со словами:

— Мы нуждаемся в еде и питье на эти двенадцать лет.

Домохозяин спросил у хранителя кладовых, достаточно ли добра для того, чтобы пропитать этих благородных на протяжении двенадцати лет. Хранитель кладовых ответил, что достаточно.

Тогда домохозяин назначил пятьсот работников для обслуживания двух тысяч риши и приготовления пищи. Долгое время пятьсот работников приготавливали и раздавали пищу для риши. Наконец им очень наскучило такое занятие, и они сказали один другому:

— Сколько хлопот приходится нам постоянно испытывать из-за этих нищих.

Было заведено так, что тот домохозяин всегда в полдень посылал одного человека приглашать риши на трапезу. У того человека была собака, которая постоянно сопровождала его. Как-то раз тот человек забыл пригласить риши на трапезу. Тогда в полдень собака прибежала к риши и начала громко лаять. Риши услышали собачий лай, поняли, что уже полдень, и сами пришли на трапезу.

Однажды те риши, закончив трапезу, сказали домохозяину:

— Домохозяин, наступило время идти дождям, распорядись, чтобы крестьяне занялись сельскохозяйственными работами.

И домохозяин послал крестьян на сельскохозяйственные работы — сеять ячмень, пшеницу и другие зерновые.

Спустя некоторое время все посеянные зерновые стали расти тыквами. Домохозяин очень удивился и спросил у риши:

— Не бесполезные ли эти растения?

— Нет, не бесполезные, — отвечали те, — только своевременно поливай их.

Спустя некоторое время все тыквы выросли и растрескались. Посмотрели и увидали, что внутри тыкв полным-полно того зерна, которым сеяли. Обрадованный домохозяин наполнил этим зерном свои кладовые.

Пятьсот работников, видя подобное, раскаявшись, сказали:

— Мы оскорбили благородных непристойными словами,

глубоко сожалеем об этом, — и произнесли такое моление: «Да встретимся мы все и каждый из нас в грядущие времена с благородным и да обречем полное освобождение!»

Эти пятьсот человек из-за непотребных слов, сказанных ими, на протяжении пятисот рождений всегда обрекались на нищенство. Но в силу моления, произнесенного ими в раскаянии, встретившись с Буддой, они покинули пределы сансарического бытия.

— Царевич, — закончил Победоносный, — понимать все это надо так: богатый домохозяин Думце того времени — это я ныне; хранитель его кладовых — это ныне ты, царевич Кошалы; человек, который ежедневно звал риши на раздачу пищи, — это теперешний царь Уттраяна; собака та — это домохозяин Мадхурасвара, или «Сладкозвучный». В силу этого * на протяжении всех рождений он обладал сладкозвучным голосом. Пятьсот работников того времени — это нынешние пятьсот архатов.

Закончил Победоносный свое поучение, и один из многочисленных окружающих обрели духовные плоды от первого до четвертого, а другие породили помысел о наивысшем духовном пробуждении.

И все воистину радовались сказанному Победоносным.

РАЗДЕЛ X

Глава тридцать пятая

О ЦАРЕ ПО ИМЕНИ МИКЦЕ

Так однажды было услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада, и проповедовал святое Учение множеству людей.

В то время, когда все горожане торопились слушать слова Учения, один слепой брахман из этого города, стоя у дороги, спросил идущих людей:

— Вы куда спешите?

— Ты что, не слышал, — отвечали те, — в мире появился Татхагата, сейчас он находится здесь и проповедует Уче-

* Имеется в виду лай, позвавший риши на обед.

ние. Очень трудно встретиться с Татхагатой, явившимся в мир*. Поэтому мы идем, чтобы выслушать от Будды Учение.

Тот брахман был знатоком восьми разновидностей голосов: едва услышит чей-то голос, как уже знает, что тому предначертано и сколько он проживет.

Эти восемь разновидностей суть: голос, похожий на крик летучей мыши, на крик сокола, сиплый голос, голос, похожий на рев слона, на ржание лошади, на голос дракона, на звучание колокольчика и на голос Брахмы. Говорящий голосом летучей мыши — бесстыжий и неблагодарный; говорящий голосом сокола гневен и свиреп, находит удовольствие в убийстве и не знает милосердия; говорящий сиплым голосом — это мужчина, говорящий женским голосом, или женщина, говорящая мужским голосом, такой несчастлив, беден и худороден; имеющий голос слона прям по своей натуре, печется о пользе друзей и родственников; говорящий голосом лошади — красноречив, обладает быстрым умом и знаниями, является опорой царю; говорящий голосом дракона обладает постигающим умом и знанием Учения; говорящий голосом, похожим на колокольчик, богат, владеет сотнями и тысячами лянов золота; говорящий голосом Брахмы обладает благими заслугами и великим счастьем, избрав мирской путь, он становится Чакраварином, избрав духовную стезю, он обретает буддство.

И брахман сказал тем людям:

— Я большой знаток голосов. Настоящий Будда должен обладать голосом, характерным для Брахмы. Поэтому ответьте меня к нему!

Люди повели слепого брахмана, а когда слепец приблизился и слышал звучание речи Будды, то он возрадовался и уверовал. Сами собой раскрылись глаза брахмана, и он узрел золотистое тело Будды, украшенное тридцатью двумя отличительными признаками и сиявшее солнечным светом.

Безмерная радость охватила брахмана, и он припал головой к стопам Победоносного. Победоносный преподавал Учение, и породил брахман чувство радости, отчего исчезли двести тысяч его греховных и неблагих поступков, а сам он, обрета плод вхождения в поток, стал обладателем глаза мудрости и попросил принять его в монашество Учения [Будды].

— Приди во благе, — сказал на это Победоносный. И стал тот монахом, и преподавал ему Победоносный надлежащие разделы Учения, отчего брахман обрел архатство.

Многочисленные окружающие пришли в недоумение, а до-

* Здесь имеется в виду, что Будды очень редко появляются на земле.

стопочтенный Ананда обратился к Победоносному с такими словами:

— Хотя Победоносный, творящий благо многим живым существам, милосерден ко всем слепцам, однако наиболее велико его милосердие по отношению к этому брахману, слепому от рождения. Слепой брахман обрел и телесные очи, и очи мудрости.

— Этому слепому брахману я не только сейчас глаза даровал, — отвечал Победоносный, — в прошедшие времена он также был одарен глазами.

— Победоносный, — попросил Ананда, — соизволь обстоятельно поведать, каким образом в давние времена были подарены глаза этому брахману.

— Давным-давно, — начал Победоносный, — столь безмерное и бесчисленное количество калп назад, что и умом не охватишь, здесь, в Джамбудвипе, в стране Букалатэ, был царь по имени Микце. Имя Микце, или «Открытые глаза», получил этот царь за то, что мог видеть на расстояние сорок йоджан, причем скалы и стены не являлись для него препятствием. Подчинялось тому царю восемьдесят четыре тысячи вассальных князей Джамбудвипы, было у него двадцать тысяч жен и наложниц, а также пятьсот сыновей, одного из которых — наследника престола — звали Сушила.

Тот царь правил в соответствии с установленными законами, о всех живых существах помышлял как о своих сыновьях; ветры и дожди свое время знали, поэтому урожаи были отменные, и все благоденствовали.

Как-то раз царь, находясь в уединении, подумал: «Я в силу прежних * благих заслуг стал царем людей, обладаю драгоценностями и великим богатством, все подчиняются моим словам, подобно тому как мягкая трава от дуновения ветра клонится в одну сторону. Но если в этой жизни я не произведу благой плод для будущего рождения, то на муки себя обреку. Так, чем больше крестьяне посеют весной, тем больше соберут осенью. Если я не посею весенних семян в этой жизни, то не соберу осеннего урожая в следующем рождении. Не должно сейчас проявлять леность, надо широко засеивать семенами поле благих заслуг».

И, подумав так, царь приказал своему советнику:

— Пусть достанут все сокровища из моих кладовых и сложат их в кучи перед городскими воротами и на перекрестках дорог, где собирается много народу, для раздачи их людям.

* Т. е. обретенных в прежних рождениях.

Пусть также восемьдесят четыре тысячи вассальных князей наделяют людей согласно их желаниям добром из своих кладовых.

И воздвигли золотой штандарт, и громогласно объявили: — Собирайтесь шраманы и брахманы, бедные, старые и больные Джамбудвины! Кто чего желает, тот все получит согласно своему желанию!

Все подданные не могли нарадоваться на своего царя, поступающего согласно Учению, и наперебой прославляли его.

На окраине страны жил один вассальный князь по имени Паладаварне, который не внимал приказам царя и не правил в соответствии с Учением. У того вассального князя был знающий и умный советник по имени Лодара. Как-то раз тот советник обратился к своему государю с такими словами:

— Государь! Неразумный и вспыльчивый, не имеющий обыкновения предварительно обдумывать, а затем уже решать впоследствии сожалеет. Царь Микце, обладая великим милосердием, простер свои благодеяния на весь люд Джамбудвины, и все государи внимают его повелениям. Только ты один, государь, не уважаешь его. Это неправильно. Если подчиниться ему, то и потомки твои будут пребывать во благе.

Разгневался вассальный князь на советника и не стал его слушать. Опечаленный советник подумал так: «Государь не поступает согласно Учению и творит недозволенное. Когда я дал ему полезный совет, он разгневался и не стал слушать. А поскольку и все подданные недовольны этим государем, то он погибнет».

Подумав так, он организовал заговор, но тайна раскрылась, и князь поднял войска, повелев схватить советника. Советник прознал об этом, вскочил на быструю лошадь и бежал. Вооруженный отряд преследовал его. Когда советника настигли, то он, будучи искусным стрелком, моментально выпустил пятнадцать стрел, поразив пятнадцать человек. После этого преследователи оставили погоню, и советник прибыл в страну царя Микце.

Поприветствовав царя Микце, Лодара поведал ему свою историю, и тот, обрадовавшись, назначил его советником.

Получив сообщение о неповиновении вассального князя, царь Микце спросил советников:

— Разве тот государь не подвластен мне?

— Подвластен, — отвечали советники.

Тогда советник Лодара собрал войско и попросил разрешения напасть на того государя.

— Так и сделаем, — сказал на это царь Микце.

И был назначен срок выступления в страну, где правил Паладаварне.

Когда тот услышал, что на его страну идут войска, он пал духом. В отчаянии, не зная, что делать, Паладаварне переоделся в рубище и затаился в темной каморке.

В то время в той стране жил один негодяй-брахман. Он спросил Паладаварне:

— Ты почему пребываешь в печали и так страдаешь?

— Разве ты не слышал, — отвечал ему Паладаварне, — что мой советник Лодара бежал в страну царя Микце? Я опечален известием, что он ведет войско в мою землю. Если он приведет войско, мы погибнем.

— Собери своих сановников на совет, — сказал на это брахман.

Сановники вместе с брахманом собрались на совет, и брахман сказал:

— Говорят, что, кроме своих родителей, царь Микце ничего не пожалеет для поднесения в дар. В нашей стране живет слепой брахман. Пошлем его, чтобы он попросил у царя Микце один глаз. Если он отдаст глаз, то не сможет вести войска.

— Быть по сему, — согласился Паладаварне.

Послали за слепым брахманом, и, когда тот пришел, Паладаварне обратился к нему с такими словами:

— Я прошу тебя свершить одно дело, и его надо исполнить.

— Что могу совершить я, слепой на оба глаза! — отвечал брахман.

— Царь Микце привел в готовность свое войско. Когда они придут, я, [зрячий], спасусь бегством, но куда побежишь ты, слепой? Известно, что тот царь одаривает чужеземцев всем, что они пожелают. Попроси у него глаз. Если даст, то и войско не придет. Повелеваю тебе: иди и проси у него глаз! — приказал Паладаварне брахману.

— Как я исполню приказ, — взмолился брахман, — если глаза мои не видят?

— Ты иди, — распорядился Паладаварне, — а дорожные припасы, поводыря и все необходимое получишь. Если достанешь глаз, то поднесу тебе и подарок.

С этим брахман и ушел.

А в стране царя Микце стали происходить различные зловещие знамения: гремел гром, и сверкали молнии; падали звезды, и спускалась тьма; от ударов молний повсюду трескалась земля; птицы в небе издавали стонущие крики и падали

наземь; львы, тигры, леопарды и волки с жалобным ревом жались к людям и катались по земле.

Тем временем слепой брахман наконец пришел в эту страну. Подойдя к воротам дворца, он громким голосом произнес:

— Я пришел сюда из другой страны. Царь, твои добродетели повсюду славятся. Говорят, что пришедших с просьбой одежаешь ты полной мерой и желанию просящих не бывает отказа. Прослышав об этом, невзирая на мучительный и опасный путь, я пришел с просьбой, дай мне то, что я хочу.

Услышав эти слова, царь вышел встретить брахмана и спросил его:

— Не устал ли ты в пути? Не измучился ли? Благополучно ли дошел?

Затем царь сердечно продолжал:

— Что же ты хочешь? Царской ли власти, драгоценностей или лошадей, колесниц или одежд, еды, питья или лекарств? Проси и все получишь полной мерой!

— Принесение в дар богатств внешних не оборачивается святостью благой заслуги, лишь сокровенный дар дает великий благой плод. Потеряв глаза, я долгое время был слеп и донные пребываю во мраке. Поэтому прошу царский глаз.

Обрадовался царь, услышав эти слова, и сказал брахману:

— Дарю тебе оба глаза!

— Если царь мне дарит, — произнес брахман, — то пусть скажет, когда совершит дар.

— Через семь дней, — ответил на это царь.

И было объявлено и сообщено всем вассальным князьям: «Царь Микце через семь дней подарит свои глаза брахману. Все, кто хочет видеть это, пусть приходят!»

Все люди Джамбудвипы, услышав такую весть, быстро направились к царю. Восемьдесят четыре тысячи вассальных князей, прибывших к царю со своими советниками, ползком приблизились к нему и, проливая слезы, взмолились:

— Мы, люди Джамбудвипы, своим существованием обязаны царю. Так почему же он покидает нас ради одного человека?!

Царские советники, жены и наложницы, распростершись на земле и биясь об нее головами, молили, стная:

— Не покидай всех нас ради одного брахмана!

Царские сыновья с плачем говорили:

— Мы лишаемся опоры и защиты. Сжался над нами и отступись от намерения пожертвовать свои глаза.

Наследник престола Сушила обратился к царю:

— Вместо жертвы царя-отца разреши мне отдать свои гла-

за. Моя смерть — беда поправимая, если же отец лишится глаз, то все люди Джамбудвилы осиротеют, оставшись без опоры.

В ответ на это царь Микце сказал вассальным князьям, женам и сыновьям:

— В течение моих долгих рождений в качестве кого только не возрождалось это тело. Куча костей* громоздится выше горы Меру. Крови** наберется больше, чем воды в четырех морях. Молока материнского выпито больше, чем воды в четырех реках. Слез пролито при расставании с желанным столько, сколько воды в море. Множество раз в аду живых существ сжигался, варился, вырыванию глаз*** подвергался. В мире претов множество тел сменил, сжигались эти тела, и бесчисленны угли, оставшиеся от тел и глаз. Рождаясь в мире животных, расточил бесчисленное количество тел, умирая в обоюдных смертельных схватках. Рождаясь в мире людей, много раз умирал безвременно и редко умирал естественной смертью в старости. Ведь из-за привязанности к желанному мы убиваем один другого и друг другу причиняем зло. И в мире людей я расточил бесчисленное количество тел и глаз. Если в мире богов рождался, то и эти рождения недолгими были. Так вот, в шести сферах рождений всех трех миров я из-за страстей, гнева и духовного невежества расточил множество тел, но не было случая, чтобы, пожертвовав телом, я попытался обрести духовную просветленность будды. Этот вонючий и нечистый глаз рано или поздно истлеет и сгинет, поэтому правильным будет сейчас поднести его в дар и неправильным будет в дар не подносить. Подарив телесный глаз, я обрету око всезнания будды, а вы не препятствуйте моему помыслу о наивысшем духовном пробуждении!

И все окружающие ничего не могли возразить на эти слова царя.

Затем царь приказал советникам:

— Пусть один из вас вырвет мой глаз!

— Пусть наши тела в порошок сотрут, — отвечали те, — но мы и одного волоска не решимся вырвать у царя. Нечего и говорить о том, чтобы поднять руку на царское око.

— Найдите мне черноликого, косоглазого человека, — повелел тогда царь.

* Т. е. кости тел прежних рождений.

** Т. е. кровь тел прежних рождений.

*** Вырывание глаз — одно из распространенных наказаний в средневековом Тибете.

Когда нашли человека с такой физиономией, царь дал ему в руку нож и приказал:

— Вынь мой глаз!

Царский глаз был вынут и положен в царскую руку. Держа глаз в руке, царь произнес такое моление: «В силу дарения моего глаза да стану я совершенным буддой! Если я стану совершенным буддой, да прозреет немедленно слепой брахман, получив мой глаз!»

И как только прозвучало это моление, око царя было вставлено в глазницу брахмана. Сразу же брахман стал видеть и обратился к царю с такими словами:

— Этого зрения * достаточно, и не надо мне второго глаза.

— Я обещал подарить тебе оба глаза, и если оставлю один, то нарушу данное слово.

И был вынут второй глаз. Царь взял в руку и, произнеся прежнее моление, вставил его брахману, и тот стал видеть обоими глазами. Содрогнулись тут земля и небеса, затряслись и зашатались дворцы небожителей, пришли в изумление боги, увидав пожертвование глаза бодхисаттвой. Они собрались на верхнем небе и совершили жертвоприношение неземными цветами и благовониями, произнося слова восхваления: «Превосходно! Превосходно!»

Прибыл туда и Индра, обратившийся к бодхисаттве с такими словами:

— Что же ты желал получить в результате этого столь трудного деяния?

И бодхисаттва ответил на это:

— Не было у меня желания стать ни царем мар, ни Брахмой, ни одним из четырех великих царей, ни стать Чакравартином и наслаждаться благами трех миров. Цель моя — в результате этой благой заслуги обрести просветление и сподобить благу нирваны все живые существа.

Индра сказал:

— Вырвав глаза и так страдая от этого, не сожалеешь ли ты? Не обуял ли тебя гнев?

— Не сожалею, и нет у меня помысла о гневе, — отвечал царь.

— Трудно поверить в то, что ты не испытываешь сожаления, — промолвил Индра, — когда я вижу, как из обеих твоих глазниц струится кровь, заливая лицо.

— И все же я не сожалею о том, что отдал глаза, поскольку за это обрету наивысшее духовное пробуждение, — ответил

* Т. е. одного глаза.

царь. — И если правдива моя речь, то пусть, как и прежде, будут у меня два зрячих глаза.

И не успел царь промолвить эти слова, как у него опять стало два глаза, которые видели лучше прежних.

Несказанно возрадовались тут все люди и боги, а царь сказал брахману:

— Я отдал тебе глаза, и поэтому ты стал зрячим. Когда же я стану буддой, то подарю тебе дхармический глаз. Возьми эти драгоценности и ступай.

Брахман, обрета глаза и получив драгоценности, вернулся обратно в свою страну. Тот государь встретил его и сразу спросил:

— Получил ли ты глаза?

— И глаза получил, и зрение обрел, — ответил брахман.

— Ну а царь умер или нет? — снова спросил Паладаварне.

— Туда снизошли боги, и в силу моления у царя снова стало два глаза, видящих лучше прежних, — ответил брахман.

Услышав эти слова, Паладаварне потерял сознание, сердце его разорвалось, и он умер.

— Ананда! Царь Микце того времени — это я ныне. Паладаварне — это Дэвадатта. Тот слепой брахман — это нынешний слепой брахман, обретший архатство. Ранее он получил телесные глаза, ныне же получил глаз мудрости. Я же, во имя Учения во всех рождениях творя подвиги, стал совершенным Буддой. И вы также прилежайте на пути своих существований!

Когда Победоносный закончил свои слова, то некоторые из многочисленных окружающих вступили в поток, стали пребывать на уровне одного возвращения, невозвращения, обрели архатство. Другие породили помысел о наивысшем духовном пробуждении.

И все радовались словам Победоносного.

Глава тридцать шестая

ОБ АТАПЕ ПО ПРОЗВИЩУ «ОПОЯСАННЫЙ ПАЛЬЦАМИ»

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время у царя Прасенаджита был первый советник, человек могущественный и много знающий. Его жена забеременела и родила ребенка, обладающего знаками

благодати и несравненно прекрасной наружностью. Когда пригласили знатока примет и показали ему мальчика, тот обрадованно сказал:

— Этот ребенок, отмеченный знаками благих заслуг, обладает выдающимися способностями и проницательным умом.

— Какое имя следует дать мальчику? — спросил, услышав такие слова, отец ребенка.

— Что удивительного произошло в то время, когда мальчик был в утробе матери? — спросил, в свою очередь, знаток примет.

— Мать ребенка и прежде была кроткой и благородной характером, — ответил советник. — Со времени же зачатия ребенка ее нрав стал еще более кроток и благороден. Она с удовольствием говорила о достоинствах и хороших сторонах других людей и не любила говорить об их пороках и недостатках, с любовью и милосердием относилась ко всем окружающим и обездоленным.

— Это заслуга мальчика, — сказал знаток примет, — да будет он называться Атапа, или «Не знающий горя».

Мальчик рос попечениями родителей, а когда вырос, то силой сравнялся с самыми могучими бойцами. Он один мог противостать тысяче человек, в прыжке хватал птицу, летящую в небе, а скоростью бега спорил с лошадьёю. За это родители еще больше полюбили сына.

В то время в той стране жил один брахман, знаток священных текстов, который славился своей ученостью. И учились у того брахмана постоянно пятьсот учеников. Родители Атапы привели к нему сына и отдали брахману в учение.

Юноша Атапа так прилежал в занятиях, что в один день изучал больше, чем другие могли изучить за год. И в течение недолгого времени он постиг все науки.

Наставник-брахман возлагал на юношу особые надежды. Он приблизил Атапу к себе и постоянно находился вместе с ним. Другие ученики также относились к юноше с большим уважением.

Жена брахмана, заметив прекрасную наружность юноши и его способности к учению, превосходящие способности других учеников, влюбилась в Атапу и постоянно помышляла о нем. Однако юноша днем и ночью находился вместе с другими учениками, поэтому ей не представлялось случая поговорить с ним. А поскольку ее желания оставались неосуществленными, страсть прочно укоренилась в сердце женщины.

Как-то раз один милостынедатель пригласил брахмана с

учениками погостить у него три месяца. Тогда у брахмана с женой состоялся такой разговор.

— Милостынедатель пригласил меня с учениками погостить три месяца, — сказал брахман, — не оставить ли мне одного из учеников заниматься по хозяйству?

— Сам знаешь, что дел по хозяйству много и заниматься ими должен человек способный. Поэтому следует оставить юношу Атапу, человека надежного, — отвечала обрадованная жена.

Тогда брахман приказал Атапе:

— Ты оставайся и присматривай за хозяйством, а я пойду в гости к милостынедателю.

Так по распоряжению наставника Атапа остался дома.

Когда брахман с учениками ушел, то чрезвычайно обрадованная жена, отменно нарядившись, стала всяческими способами обольщать юношу. Но Атапа не поддался на ее ухищрения. Тогда взыграла ее похоть, и она сказала напрямик:

— Хотя я давно влюблена в тебя, но раньше не было удобного случая. Сейчас наставник удалился, оставив тебя, поэтому мы одни, и время настало. Удовлетвори мое желание!

— Я — брахман, — ответил на это Атапа, — и в силу дхармы* брахмана мне не должно спать с женой наставника. Если сотворю такое, то не буду брахманом. Поэтому я уж лучше умру, но не сделаю этого.

От несбывшегося желания жену наставника охватил стыд и досада, перешедшие в гнев, и она решила поссорить [наставника] и Атапу.

Перед возвращением брахмана его жена порвала на себе одежду, исцарапала ногтями лицо, запачкалась пылью и, как бы обесчещенная, пала на землю, не произнося ни слова.

Вернувшись, брахман вошел в дом и увидел свою жену в таком состоянии.

— Что с тобой стряслось? — спросил он ее.

— Чего тут спрашивать, — отвечала та со слезами.

— Что случилось? — настойчиво спросил брахман. — Говори!

И жена, рыдая, ответила:

— Когда ты ушел, твой хваленый Атапа постоянно вынуждал меня лечь с ним. Так и не вынудив, он порвал мои одежды и изранил лицо. Что за ученики у тебя!

Услышав эти слова, брахман очень разгневался и сказал жене:

* Т. е. согласно правилам нравственного поведения.

— Атапа так силен, что один справится с тысячью человек, к тому же он сын великого советника и знатного рода. Поэтому надо осторожно сделать так, чтобы он совершил преступление.

Он пришел к Атапе, ободрил его подходящими приятными словами и спросил:

— Когда я отсутствовал, тебе, вероятно, причинили много беспокойства великие заботы? — После такого вступления брахман сказал: — Ты для меня, сколь мог, творил добро, и я всегда буду помнить твои благодеяния. Сейчас я наставлю тебя в одном сокровенном учении, которое я никому еще не открывал. Если ты поступишь в соответствии с моими наставлениями, то возродишься божеством Брахмой.

Юноша Атапа, встав на колени, попросил наставить его в сокровенном учении. И брахман дал Атапе такое наставление.

— Если ты в течение семи дней, соблюдая пост, отрубишь голову у тысячи человек, возьмешь у каждого по пальцу и из тысячи пальцев сделаешь опояску, то тогда воочию узришь божество Брахму, а после смерти сразу же возродишься божеством Брахмой.

Усомнился Атапа, услышав такое поучение наставника, и сказал ему:

— Невероятно, чтобы отнятие жизни могло привести к рождению божеством Брахмой.

— Если ты мой ученик, — сказал брахман, — то почему не внемлешь моим наставлениям?! Если же ты мне не веришь, то не оставайся здесь, а ступай себе куда хочешь.

Сказав это, он произнес заклинание и вонзил в землю меч. Произнесенное заклинание вызвало у Атапы приступ гнева. Наставник, видя, что юноша пришел в гнев, дал ему в руку меч, и Атапа, держа меч, выбежал за ворота. Он убивал встретившихся людей, отрезал у них пальцы и прикреплял их к опояске. Поэтому все прозвали его «Опоясанный пальцами».

Так, убивая повсюду, он на седьмой день собрал девятьсот девяносто девять пальцев, и ему не хватало до полной тысячи только одного пальца. Однако все люди разбежались и спрятались, ни один не показывался, и сколько юноша ни искал, никого не мог больше найти.

Мать юноши, который семь дней ничего не ел, сжалившись, хотела послать ему еды. Однако все были перепуганы, и ни один не осмелился [отнести ему пищу].

Тогда мать сама взяла еду и пошла к сыну. Тот, издалека

увидав идущую мать, бросился к ней, намереваясь ее убить. Мать закричала юноше:

— Неужели ты, лишившись чувства сыновнего уважения и помышляя о зле, греховное деяние совершишь и убьешь мать?

— Согласно наставлению моего учителя я должен за семь дней набрать тысячу пальцев, — отвечал ей сын. — Если наберу тысячу пальцев, то смогу возродиться божеством Брахмой. Сейчас у меня неполное количество пальцев, и я вынужден убить тебя.

— Если так, — сказала мать юноши, — то не можешь ли ты не убивать меня, а лишь отрезать палец?

И тут Победоносный издалика посмотрел и, зная, что время обращения [в истинную веру] наступило, обернулся монахом и пошел в ту сторону. «Опоясанный пальцами», увидав монаха, отступился от убийства матери и бросился навстречу монаху, намереваясь его убить.

Будда, видя столь стремительное его приближение, стал уходить тихим, спокойным шагом. «Опоясанный пальцами» бросился вдогонку, но, как ни старался, настичь не мог. Издалека он крикнул:

— Монах! Отдохни немного.

Победоносный же издалика отвечал:

— Я постоянно отдыхаю, это ты не отдыхаешь.

— Как это так, ты отдыхаешь, а я не отдыхаю? — спросил «Опоясанный пальцами».

И Победоносный сказал на это:

— Я отдыхаю, потому что чувства мои постоянно в покое и обрел я силу самадхи. Ты же, ложно наставленный учителем, предан греху, и твои мысли, подвергшиеся обольщению, не дают тебе покоя. Поэтому ты день и ночь занимаешься смертоубийством, творя беспредельные греховные деяния.

Как только «Опоясанный пальцами» услышал эти слова, он своими мыслями проник в их суть. Бросив меч на землю, Атапа издалика приветствовал Победоносного и крикнул:

— К твоей защите прибегаю!

Победоносный подошел и явил облик Будды, украшенный тридцатью двумя лучезарными телесными признаками. «Опоясанный пальцами», узрев тело Будды, отмеченное блистательными признаками, пал на землю и в раскаянии поведал о своих грехах.

Победоносный наставил его в Учении, в результате чего Атапа совершенно чистым дхармическим оком стал взирать

на Учение Будды*. Исполненный веры, он попросил принять его в монашество, на что Победоносный сказал:

— Приди во благо!

И тут же волосы на его лице и голове сбрились сами собой, и он стал монахом. А когда Победоносный преподавал ему должные разделы Учения, полностью очистились его мысли, и он стал архатом. После этого Победоносный увел его в рощу Джетавана.

В то время все люди и животные, обитавшие в той стране, приходили в ужас, едва услышав прозвание «Опоясанный пальцами». Беременные женщины и самки животных от страха даже не могли разродиться. Случилось так, что в то время не могла разрешиться от бремени одна слониха. Победоносный тогда приказал «Опоясанному пальцами»:

— Поди к той слонихе и скажи ей: «Я с самого рождения вплоть до сего дня не убил ни одного человека».

— Как я, убивший множество людей, могу произнести слова «не убил»? — спросил юноша.

— Ты только что возродился заново в благородном Учении, — отвечал на это Победоносный.

После этого «Опоясанный пальцами» надел монашеское одеяние и в соответствии с повелением Победоносного пришел к слонихе и произнес эти слова. И слониха тут же благополучно разрешилась от бремени, а «Опоясанный пальцами» вернулся назад.

Тем временем царь Прасенаджит с войском выступил для поимки «Опоясанного пальцами» и подошел к роще Джетавана. В роще находился невзрачный монах, маленького роста, обладавший чрезвычайно благозвучным голосом. Он творил в храме песнопение, и войско, услышав его, замерло, охваченное желанием слушать без конца. Слоны и лошади также навестили уши и слушали, не желая идти дальше.

Удивившись, царь спросил:

— Почему не движутся дальше слоны и лошади?

— Они хотят слушать благозвучный голос, поэтому не идут, — последовал ответ.

— Если уж рожденным в мире животных столь нравится слушать слова Учения, то что уж тут говорить обо мне, рожденном в мире людей. Немедленно надо послушать, — сказал царь и отправился в рощу Джетавана. Там он слез с колесницы, влекомой слоном, отстегнул меч, велел отложить зонт**

* Т. е. полностью осознал и воспринял Учение.

** Один из атрибутов царского достоинства в Индии.

и отправился к Победоносному. Представ перед его очи, царь склонил перед Победоносным голову в приветствии и сказал:

— Хотелось бы видеть, кто такой этот монах с благозвучным голосом, и подарить ему четыре тысячи каршапани*.

— Сначала давай подарок, а потом уже и встретишься с ним, ибо если ты сначала с ним встретишься, то не захочешь дать и одного каршапани, — сказал Победоносный царю.

После этого царь встретился с монахом и нашел, что он так дурен собой и мал, что теперь и мысли не возникло бы подарить тому хоть один каршапани. Затем царь преклонил перед Победоносным колени и спросил:

— Какие деяния совершил в прежних рожденьях этот безобразный и низкорослый монах, обладающий столь сладкозвучным голосом, что сделало его таким?

— Хорошенько слушай и запоминай, — сказал Победоносный, а я тебе поведаю.

В давно прошедшие времена, когда будда Кашьяпа, придя в мир, сотворил благо живым существам, а затем удалился в нирвану, жил царь по имени Крикрици. Этот царь собрал земные останки будды Кашьяпы, намереваясь соорудить [над ними] ступу. Тогда четыре владыки нагов, обернувшись людьми, пришли к тому царю и спросили:

— Будешь сооружать эту ступу из драгоценностей или из земли?

— Следовало бы соорудить эту ступу из драгоценностей, — отвечал царь, — но нет такого большого количества драгоценностей, поэтому она будет сделана из земли. Ведь каждая из сторон ступы протянется на пять йоджан, а высота ступы составит двадцать пять йоджан.

Тогда четверо владык нагов сказали царю:

— Мы — владыки нагов и хотим дать царю драгоценности для постройки ступы.

Царь очень обрадовался, услышав эти слова, и произнес:

— Такое даяние просто превосходно!

Тогда владыки нагов продолжали:

— С четырех сторон города за его пределами имеется по большому роднику. Если брать воду из родника с восточной стороны и замешивать на ней кирпичи, то все они окажутся сделанными из ляпис-лазури. Если брать воду из родника с южной стороны и замешивать на ней кирпичи, то все они окажутся сделанными из золота. Если брать воду из родника с западной стороны и замешивать на ней кирпичи, то все они

* Название монеты в древней Индии.

окажутся сделанными из серебра. Если брать воду из родника с северной стороны и замешивать на ней кирпичи, то все они окажутся сделанными из хрусталя.

Услышав такие слова, царь еще больше обрадовался. Он назначил четырех надзирателей, каждый из которых отвечал за строительство одной стороны ступы, и работа началась.

Три надзирателя уже заканчивали свои участки ступы, а участок четвертого по лености его был еще далек от завершения. Царь, самолично прибывший посмотреть на сооружение ступы, сказал ленивцу:

— Так как ты не старался, то работа твоя не кончена. Я тебя накажу.

Тот человек вспылил, услышав слова царя, и заявил:

— Такую огромную ступу никогда не закончишь!

Однако, понуждаемые царем, ленивый надзиратель и его работники стали неустанно трудиться днем и ночью, так что все участки ступы были закончены в одно время.

Вспыливший надзиратель, узрев чудесный вид и необычайную красоту ступы, блеск ее драгоценных материалов, очень обрадовался и раскаялся в греховности своего прежнего поведения. Он прикрепил к вершине ступы золотой колокольчик, произнеся при этом такое моление: «Где бы и когда бы я ни возродился, да буду иметь сладкозвучный голос, такой, чтобы, слыша его, радовались все живые существа. В будущие времена да встречусь я с Буддой Шакьямуни и освобожусь от сансарического бытия!»

— Великий царь! В то время, в той жизни, надзиратель за строительством одной стороны ступы, сказавший в запальчивости, что ступа чрезмерно велика, — это и есть нынешний монах. Только за слова «ступа чрезмерно велика» он всегда возрождался безобразным карликом. Однако за его моление об обретении сладкозвучного голоса и о встрече со мной, которое он произнес, с радостью принеся в дар золотой колокольчик, прикрепленный им на ступе, на протяжении пятисот рождений он обладал сладкозвучным голосом, а теперь, встретившись со мной, обрел освобождение от сансары.

Прослушав этот рассказ, царь собрался уходить.

— Царь! Куда ты направляешься? — спросил его Победоносный.

— В этой стране есть негодяй, которого зовут «Опоясанный пальцами». Он уже убил множество людей и в дальнейшем будет чинить зло. Поэтому мы идем, чтобы покончить с ним.

— Отныне «Опоясанный пальцами» не убьет даже му-

равья, а о ком другом и говорить нечего, — сказал Победоносный.

Царь подумал: «Не привел ли Победоносный того злодея в истинную веру?»

Победоносный же продолжал:

— Этот «Опоясанный пальцами» сейчас принял монашество и стал архатом. Он освободился от скверны всех грехов и ныне пребывает в этом жилище. Если царь желает с ним встретиться, то здесь может сделать это, — добавил Победоносный, посылая царя к келье «Опоясанного пальцами».

Когда царь подошел к дверям кельи «Опоясанного пальцами», он услышал звуки отхаркивания, доносившиеся изнутри. Царь тут же вспомнил множество убитых людей и так испугался, что упал без памяти на землю. Лишь спустя долгое время он пришел в себя, вернулся к Победоносному и рассказал ему о случившемся. В ответ на это Победоносный сказал великому царю:

— Слушай же хорошенько, великий царь. Давным-давно в Джамбудвипе, в стране Варанаси, жила очень ядовитая птица, которая питалась только ядовитыми червями. Тело ее было столь ядовито, что его не то чтобы тронуть, даже близко к нему подойти было опасно. Куда бы та птица ни прилетала, все живые существа в смятении падали на землю и пребывали в страхе.

Как-то раз та ядовитая птица прилетела в рощу и, сев на верхушку дерева, подала свой голос. А около того дерева находился царь слонов. Услышав крик ядовитой птицы, он тут же пал без памяти на землю. Великий царь! В то время той ядовитой птицей и был нынешний «Опоясанный пальцами». Царем же слонов был ты сам, великий царь.

Тогда царь сказал Будде:

— Этот «Опоясанный пальцами» в своем исступлении столько людей убил, а Победоносный его в благе утвердил.

— Великий царь, — ответил Победоносный, — этот монах «Опоясанный пальцами» не только в настоящее время после убийства многих людей был мною наставлен на истинный путь. В давно прошедшие времена «Опоясанный пальцами», также убив всех этих людей*, был мною на путь наставлен и благие помыслы обрел.

Тогда царь попросил:

— Да соблагоизволит Победоносный подробно поведать

* Т. е. тех, кем были убиты ныне в своих прежних рождениях.

об убийствах этих людей в давно прошедшие времена и о причине таких злодейских деяний.

И Победоносный рассказал.

Давным-давно, бесчисленное количество калп назад, в Джамбудвипе, в стране Варанаси, был царь по имени Баламадар. Как-то раз этот царь в сопровождении четырех видов своего воинства отправился в лес позабавиться охотой. Встретив красного зверя, царь увлекся его преследованием и, потеряв свиту, один очутился в дремучем лесу. Устав, он слез с лошади отдохнуть.

А в том дремучем лесу жила львица. Сжигаемая похотью, она бродила по лесу и наткнулась на царя, пребывавшего в одиночестве. Тут похоть львицы вспыхнула с еще большей силой. Охваченная желанием, она приблизилась к царю, подняв хвост. Царь, видя животное, изнывающее от страсти, подумал: «Этот хищник свиреп, и у него достаточно силы, чтобы убить меня. Если я не выполню его желания, то мне придет конец». И, охваченный страхом, он удовлетворил страсть львицы. После этого львица удалилась, а подоспевшие слуги проводили царя во дворец.

Та львица понесла и в должный срок родила сына, совершенно человеческого облика, только с пестрыми ногами. Львица, помня, что это царский сын, посадила его себе на спину и доставила царю, который, также признав в нем своего ребенка, взял его на воспитание и назвал Калмашапада, или «Пестроногий».

Мальчик рос и вырос очень смелым и отважным юношей. После смерти царя он унаследовал царский трон и взял двух жен: одну жену — из рода кшатриев, а другую — из рода брахманов.

Как-то раз отправился Калмашапада в загородный парк на прогулку и сказал своим женам:

— Жены, вы обе поезжайте быстрее следом. С той, которая первая встретится со мной, проведу полный день в играх и забавах. Та же, которая прибудет позже, не будет ко мне допущена.

Когда царь отбыл, обе жены нарядились, приготовили колесницы и в одно и то же время отправились в путь.

На дороге стояла кумирня. Жена, происходившая из брахманского рода, сошла перед ней с колесницы, поклонилась божеству и быстро двинулась дальше. Однако она прибыла позже и в соответствии с распоряжением царя не была к нему допущена. В гневе та жена возроптала на божество, говоря ему про себя такие слова: «Я, почтив тебя, опоздала

к царю и не могла быть с ним. Если ты воистину обладаешь силой, то почему же отказал мне в покровительстве и помощи?!» И задумала она учинить вред тому божеству.

Когда царь вернулся во дворец, эта жена обратилась к нему с такой просьбой:

— Позволь мне провести один день по своему усмотрению.

— Разрешаю, — согласился царь.

Тогда женщина, собрав многих людей, пошла к кумирне и разрушила ее, сровняв с землей.

Такой поступок вызвал сильное раздражение у божества — хранителя кумирни. В гневе это божество решило нанести вред царю и пришло во дворец. Но божество — хранитель дворца не пустило его внутрь.

В то время на горе, именуемой «Местопребывание риши», обитал один риши. Царь Калмашапада чтит того риши угощениями, и поэтому риши изо дня в день прилетал по небу во дворец. Поскольку он не желал изысканной пищи, то ел пищу грубую и, немного поев, удалялся.

Как-то раз риши не пришел, а божество — [хранитель сломанной кумирни], прознав про это, обернулось риши, намереваясь проникнуть во дворец. Однако божество — хранитель дворца узнало его и не пропустило. Тогда первое божество крикнуло за дверью:

— Войти не разрешают!

— Снаружи риши зовет, быстрее пустите его! — приказал тогда царь. И божество — хранитель дворца в соответствии с распоряжением царя пропустило оборотня.

Войдя внутрь, оборотень сел на место риши, и царь поднес ему пищу, которая всегда готовилась для риши. Риши-оборотень не захотел есть эту пищу и сказал царю:

— Эта пища очень плохая. Я бы поел мяса и рыбы.

— Великий риши, — отвечал царь, — поскольку ты прежде ел простую пищу, то мяса не приготовлено.

— Впредь я эту скверную пищу есть не буду, — заявил риши-оборотень, — готовь рыбу и мясо. — С такими словами оборотень удалился.

Тогда царь велел приготовить мясо и рыбу, как того желал риши-оборотень, а когда пришел подлинный риши, то подал их ему.

Подлинный риши возмутился и разгневался на царя, но тот ему сказал:

— Великий риши! Разве в свой вчерашний приход ты не распорядился приготовить именно такую пищу?

— Я вчера целый день постился и не приходил, — возразил риши, — кто же мог так распорядиться?! Ты сотворил это, чтобы меня опорочить. За это ты, царь, да будешь на протяжении двенадцати лет питаться только человеческим мясом! — сказал риши и удалился.

Случилось так, что однажды у царского повара не оказалось мяса. Не найдя впопыхах ничего другого, он, увидав труп ребенка, подумал: «И такое мясо сойдет». Отрубив у трупа голову, руки и ноги, повар приготовил мясо, сдобрил его различными специями и подал царю.

Царь поев то мясо, нашел, что оно значительно вкуснее прежнего, и спросил повара:

— Преподнесенное мясо не имело такого вкуса. Это мясо значительно вкуснее. Чье оно?

Испугавшись, повар пал на землю и взмолился:

— Если царь не вменит мне в вину, то все честно скажу.

— Говори честно, — промолвил царь, — и не будет на тебе вины.

— Знай же, царь, — сказал тогда повар, — случилось так, что, не имея под рукой никакого мяса, я нашел труп ребенка и приготовил его.

— Это мясо очень вкусное, — сказал царь, — впредь всегда готовь такое мясо.

В ответ на царские слова повар сказал:

— Хотя мне и удалось найти труп ребенка, чье мясо я приготовил в пищу, однако в дальнейшем я могу не найти подобного.

— Впредь, — распорядился царь, — ты можешь брать детей тайком, чтобы никто не видал. Я имею на то власть.

Выполняя распоряжение царя, повар ночью похищал детей и на следующий день готовил [из их мяса] пищу.

Спустя некоторое время большинство горожан разразились стенаниями. «У меня сын пропал», — раздавалось здесь и там.

«Отчего это происходит?» — задались вопросом советники. Ночью были расставлены караулы на перекрестках улиц, бдением которых был схвачен похититель детей — царский повар. Связав, его привели пред лицо царя и сказали:

— За последнее время пропало много детей.

Однако царь пребывал в молчании. Так было повторено трижды, но царь продолжал молчать.

— Мы схватили совершившего злодеяния, а поскольку преступник обнаружен, то следует вынести ему приговор, и тут молчанье неуместно, — снова оказали царю [советники].

— Я приказал, — ответил на это царь.

Недовольные и рассерженные советники разошлись, а выйдя из дворца, сказали один другому: «Царь — враг, который пожирает наших детей. С царем, который питается человечиною, нельзя жить вместе и дела иметь. Следует уничтожить такого зловредного врага». И все единодушно порешили убить царя.

За городом была роща с прудом, куда царь ежедневно ходил совершать омовение. Советники спрятали в роще вооруженный отряд, и, когда царь совершал омовение в пруду, отряд окружил и схватил его, намереваясь убить.

Испуганный царь обратился к отряду с такими словами:

— Почему вы пришли, чтобы окружить и схватить меня?

И советники сказали царю следующее:

— Нареченный царем должен заботиться о своих многочисленных подданных. А из-за того что царь пожирал детей своих подданных, все они не находят себе места от нестерпимых страданий. Вот поэтому, царь, тебя убьют.

— Конечно, такие мои деяния являлись грехом, — отвечал царь, — но если я впредь этого не буду делать, отпустите вы меня или нет?

— Если даже с небес выпадет черный снег, а на голове твоей родится черная змея, — отвечали на это советники, — то и тогда не отпустим тебя! И не веди больше речи об этом!

Услышав такие слова советников, царь Калмашапада подумал: «Сейчас мне неизбежно придется отдать жизнь». И, подумав так, сказал советникам:

— Коли уж вы решили меня убить, то позвольте мне одну минутку спокойно предаться своим мыслям, а потом убивайте.

Советники подождали немного, давая возможность царю предаться своим мыслям, а тот про себя произнес такое заклятие: «Силою всех моих благих заслуг, которые я обрел ранее, когда благие дела творил, царское правление согласно дхарме осуществлял, риши подаянием чтил, да превращусь я в ракшаса, летающего по небу!»

И сразу же после этого заклятия он превратился в ракшаса, взмыл в небо и крикнул сверху сановникам:

— Хотя вы и хотели убить меня, но в результате своих благих заслуг я остался живым. Отныне буду предавать вас смерти, пожру жен ваших, детей милых и всех подданных! — С этими словами он улетел, опустился на гору и с тех пор превратился в пожирателя людей. Люди, объятые страхом, постоянно спасались бегством и прятались. А тот ракшас,

пожиравший людей, обзавелся большой компанией других ракшасов, занял свиту и многочисленную прислугу.

Как-то раз ракшасы из свиты сказали ракшасу Калмашапада:

— Раз мы — твоя свита и твои слуги, то устрой для нас пиршество.

Ракшас Калмашапада решил: «Быть по сему», и они договорились убить пятьсот царей и приготовить из них [угощение для] пиршества. После этого пошли ракшасы, стали ловить царей и сажать их в пещеру. Изловили они четыреста девяносто девять царей, не хватало только одного для полного счета.

Цари, посаженные в пещеру, сказали один другому:

— Мы страдаем, и нет нам защиты. Вот если бы могущественный Сутасома прибыл сюда, то он мог бы нас спасти. Давайте попросим ракшаса доставить сюда Сутасому.

И, сговорившись так, они обратились к царю ракшасов с такими словами:

— Царь, если ты собираешься устраивать пир, то, убив для угощения нас, обычных людских царей, хорошего пира не устроишь. Но если достанешь царя, именуемого Сутасомой и обладающего великими достоинствами, то пиршество будет величественным.

— О, сколь это замечательно! — сказал царь ракшасов, взмыл в небо и отправился за Сутасомой.

Тем временем Сутасома в сопровождении молодых дев вышел за город, чтобы совершить омовение. По дороге он встретил нищенствующего брахмана и, одарив его, сказал:

— Я иду, чтобы совершить омовение. На обратном пути одарю тебя снова.

Когда Сутасома пришел на место и совершал омовение, появился царь ракшасов и унес его в пещеру. Опечаленный, Сутасома разрыдался, и Калмашапада спросил его:

— Говорят, что ты один из всех обладаешь наивысшими достоинствами. Но ведь великое существо ничего не страшится. Почему же ты печален и плачешь, как маленький ребенок?

Сутасома сказал на это ракшасу:

— Я печален не потому, что, привязанный к бренному телу, напуган ракшасом. Но потому, что раньше ни разу не солгал, а сейчас, направляясь совершить омовение, встретил на дороге нищенствующего брахмана и сказал, что на обратном пути, после омовения, одарю его. Когда же я совершал омовение, то ты, царь, унес меня сюда. И вот от мысли, что

я солгал, пребываю в печали. Тела и жизни своих мне не жаль, и если ты, царь, из милосердия ко мне подождешь семь дней, то, одарив того брахмана, я вернусь к тебе принять смерть.

Ракшас возразил на это:

— Если сейчас отпущу тебя, возвратишься ли ты?

— Если не вернусь, — отвечал Сутасома, — то ты обладаешь силой, чтобы [снова] схватить [меня]. — И Сутасома был отпущен.

Когда Сутасома вернулся домой, то брахман все еще ожидал его. Радостный, Сутасома одарил его, а брахман, зная, что Сутасома скоро возвратится [к ракшасу], чтобы лишиться жизни, и горюет из-за привязанности к своей стране, сказал ему такие шлоки:

Когда конец калпы наступит,
небеса и реки пламенем вспыхнут;
гора Меру и моря также
полностью в прах обратятся.
Боги, наги и асуры — все,
силу утратив, повержены будут,
а если не станет ни земли, ни неба,
подумай, как может сохраниться правление царя?
Рождения, старости, болезни и смерти
круговращение конца не имеет,
а несвершение бранных желаний
влечет за собою муки страданий.
Вред от желаний крайне велик,
больше, чем от других грехов;
когда три мира страданием исполнены,
то нет смысла и думать о царстве.
Исчезнет все изначально сущее,
причинами и следствиями оно образуется;
за расцветом сил старость приходит,
а истина неизбежно ложью оборачивается.
Все существа от начала до конца
пребывают в иллюзорном мире,
и подобно пустоте трех миров
так же пусто управление страной.
Бестелесна высшая мудрость,
но рожденные из невежества,
в четырех ядовитых змеях * обитая,
все почитают за благо.
Тело не имеет вечного «я»,
сердце не имеет вечной души,
а если расстаешься с телом и сердцем,
то и о царстве нечего жалеть.

* Четыре ядовитые змеи — рождение, старость, болезнь и смерть — как четыре ступени человеческого бытия.

Когда Сутасома услышал эти шлоки и постиг их смысл, он очень обрадовался, поставил на царство наследника, привел к присяге советников и в соответствии со своим обещанием приготовился в обратный путь.

Тут советники обратились к нему со следующими словами:

— Не бойся царя Калмашапада. Наше мнение таково: если царь будет пребывать в железном доме, выстроенном для защиты царской особы, то, как бы могуч ни был Калмашапада, он ничего не сможет поделать.

— Кто бы ни родился человеком, — отвечал на это царь, — он должен обладать совестью, не позволяющей говорить ложь. Если я скажу неправду, то и в живых остаться будет мне не в радость. Поэтому исполню обещание, данное мною ранее, и пусть лучше умру, но не останусь в живых ценою лжи.

Сказав так, царь произнес многочисленные похвалы совести и рассказал о многих пагубных последствиях лжи, так что сановники почувствовали себя подавленными и не смогли произнести ни слова.

Все провожали царя, все рыдали и стонали, простирали к нему руки, лишались чувств.

Когда Сутасома двинулся в путь, то ракшас Калмашапада подумал: «Пора Сутасоме прибыть» — и, поднявшись на вершину горы, издали увидел Сутасому, идущего на гибель. Когда тот приблизился, ракшас увидел, что лицо Сутасомы значительно веселее, чем было прежде. Тогда царь ракшасов спросил Сутасому:

— Почему радуешься мне, смерть видя? Или что-то хорошее ты нашел в своей стране, и это тебя так обрадовало?

Сутасома ответил на это:

— Великий царь! Ты, оказав безмерную милость, мою жизнь продлил, так что я, не нарушив прежнего обещания, большой дар сделал и, прослушав святое Учение, запечатлел его в памяти. И теперь, когда мой помысел осуществился, радостнее здесь жизнь отдать, чем остаться живым.

Тогда царь Калмашапада сказал:

— Что за Учение ты прослушал? Поведай мне о нем.

Сутасома пересказал Калмашападе услышанные шлоки, а кроме того, зная, сколь велик грех смертоубийства и сколь неотвратимо воздаяние, которое влекут за собой неблагие деяния, он подробно рассказал об этом царю ракшасов. А когда Сутасома широко показал ему благостность нелишения жизни [живых существ], величие благой заслуги и значимость

доброты, то ракшас Калмашапада очень возрадовался, склонился перед ним и в соответствии с преподанным наставлением отказался в дальнейшем чинить смертоубийства и отпустил царей, посаженных в пещеру, в их страны.

После этого Сутасома, собрав войско, встретился с Калмашападой и снова возвел его на трон. К этому времени с момента заклания риши прошло полных двенадцать лет, так что Калмашапада уже мог не есть больше человеческое мясо и, как прежде, осуществлял благое правление.

— Великий царь! В той жизни, в то время, Сутасома — это я ныне. Царь Калмашапада — это ныне «Опоясанный пальцами». Люди, которых за двенадцать лет пожрал в то время Калмашапада, суть люди, убитые «Опоясанным пальцами». Эти люди, когда бы и где ни рождались, всегда бывали убиты им. Я же во всех рожденьях приводил его к добродетели.

— Что сотворили эти люди в давнем рожденьи, если во всех последующих рожденьях их убивал «Опоясанный пальцами»? — спросил царь Победоносного.

И сказал тогда Победоносный:

— О великий царь, слушай внимательно, и я поведаю тебе об этом.

В давно прошедшие времена, несчетное число калп назад, здесь, в Джамбудвипе, в стране Варанаси, был царь по имени Баладара. У царя было два сына столь прекрасной наружности, что глаз не оторвешь, и одаренные к тому же большими способностями.

Как-то раз младший сын подумал: «Если мой отец скончается, то царем станет старший брат, я же, как младший, никогда не обрету царского достоинства. Но разве стоит, родившись царевичем, не стать царем, а прозябать на задворках? Пойду-ка я в горы и стану на стезю отшельничества». С этими мыслями он пришел к царю-отцу и стал просить его:

— Я хотел бы уйти в горы и стать на стезю отшельничества. Если любишь меня, но не возражай против моего желания.

Царь согласился, и царевич ушел в пустыню.

С того времени прошло много лет. Царь-отец скончался, и на трон взошел старший брат. Но старший брат царствовал недолго. Он вскоре заболел и умер, и не осталось продолжателя царского рода.

Собрались сановники и стали совещаться, что делать. Один из них сказал:

— Младший сын великого царя с царского разрешения

ведет сейчас в горах жизнь отшельника. Пригласим его на царство.

— Если это действительно так, — согласились другие сановники, — то не мешкая пригласим его на царство. — И отправились в горы на поиски царевича. Встретив его, они сказали:

— У нас нет царя, и мы пришли, чтобы ты стал царем.

— Ваши слова страшны, — сказал отшельник. — Здесь я пребываю во благе и не имею никаких забот. Мирские же люди необузданны, царей убивают. Я не могу [быть царем].

— Царский род прервался, и нет ему продолжателя, — возразили на это сановники. — Только один ты, отшельник, принадлежишь к царскому роду, и раз жители страны защитника* лишились, то просим тебя: во имя сострадания к многим живым существам приди царем!

Отшельник не смог отказаться и, выполняя просьбу сановников, вернулся в свою страну и стал царем.

Отшельник тот с молодости не был осквернен похотью. Но, став правителем, он постепенно осквернился женщинами да так, что в нем с огромной силой пробудились чувственные желания. Днем и ночью он не знал в них удержу и даже издал такой указ: «Люди моей страны, имеющие дочерей на выданье, пусть сначала присылают их ко мне, а потом уж выдают замуж». А кроме того, он употреблял во зло каждую красивую женщину своего государства, которая приходилась ему по вкусу.

Как-то раз одна женщина явилась голой перед большим собранием народа и приготовилась помочиться. Все, смеясь, говорили:

— Смотрите, что делает эта бесстыдница.

Тогда та женщина заявила:

— Чего же тут стыдного, когда женщина мочится перед другими женщинами? Ведь вы не стыдитесь мочиться один в присутствии другого, так и мне не стыдно, раз мочусь среди женоподобных.

— Что означают слова, сказанные тобой? — спросили люди.

— В этой стране только один царь мужчина, — отвечала та, — все же остальные — не более как женщины. Если бы вы были мужчинами, то царь не смог бы совершать такие непристойности!

— Эта женщина говорит правду, — сказали люди. — За

* Т. е. царя.

свою безнравственность царь непременно должен быть уничтожен!

И, посоветовавшись, все решили умертвить царя, когда он пойдет в свой парк. Когда царь подошел к пруду, то вооруженные люди, спрятавшиеся в парке, со всех сторон набросились на него и схватили, намереваясь убить.

— Что вы делаете? — закричал царь в страхе.

И сановники сказали ему такие слова:

— Царь не поступал в соответствии с законами нравственности, но, обуянный похотью, позорил, унижал и оскорблял все население страны. Не в силах более терпеть, мы порешили тебя уничтожить и найти мудрого правителя.

— Прежде я действительно творил зло, но если впредь не будет подобного, отпустите ли вы меня?

— Если даже с неба выпадет черный снег, а на твоей голове родится черная змея, — отвечали сановники, — то и тогда не отпустим, и не проси!

Услышав это, царь подумал: «Сейчас меня непременно убьют». И в ярости он сказал сановникам:

— Прежде я жил в горах и был чужд всего мирского. Вы же заставили меня стать царем, а теперь хотите убить. Где бы я ни родился, да буду встречаться с вами и вас убивать!

Но хотя царь и произнес такое заклятие, его не отпустили, а убили.

— Великий царь, — произнес Победоносный, — отшельник, царь того времени, — это ныне «Опоясанный пальцами». Люди же, которые в то время сговорились убить царя, — это люди, ныне убитые «Опоясанным пальцами». Они всегда, [во всех рождениях], были убиваемы «Опоясанным пальцами».

Царь преклонил колени и спросил Победоносного:

— Этот монах «Опоясанный пальцами», убивший столько людей, подвергается ли сейчас, когда обрел благой плод монашества, возмездие за совершенное?

И ответил на это Победоносный:

— О великий царь, если совершишь греховное деяние, то возмездие за него неизбежно. Этот монах, который сейчас пребывает в своей келье, испытывает нестерпимые мучения от адского огня, вырывающегося из всех пор его тела.

После этого Победоносный, чтобы дать понять окружающим неизбежность возмездия за греховные деяния, сказал одному монаху:

— Монах, ступай, возьми ключ и вставь его в замочную скважину кельи «Опоясанного пальцами».

Выполняя это указание, монах взял ключ и вставил его в замочную скважину, отчего ключ тут же расплавился. Испуганный монах вернулся к Победоносному и поведал ему о случившемся. Победоносный сказал тому монаху:

— Это возмездие за совершенные грехи.

От этого царь и его свита преисполнились веры. Тогда достопочтенный Ананда обратился к Победоносному с такими словами:

— Что за благо сотворил монах «Опоясанный пальцами» в прежнем рождении, если сила его была равна силе великого бойца, а быстротой он мог поспорить с птицей? Что за благо он сотворил, если, встретившись с Победоносным, освободился от сансарического бытия? Яви милость и поведай об этом своему многочисленному окружению.

И сказал Победоносный:

— Слушай хорошенько!

Давным-давно, во времена будды Кашьяпы, был один монах, ведавший хозяйственными делами. Как-то раз он шел, неся более тридцати мер зерна, и по дороге попал под дождь. Укрытия не было, и зерно, находившееся в сосуде, все вымокло. Монах попытался идти быстрее, но не мог, так как был отягощен пропитавшей его водой. И тогда монах произнес такое моление: «В будущие времена* да станет сила моя равна силе тысячи человек, а быстрота моего тела да будет подобна летящей птице! В будущие времена, когда я встречу с Буддой Шакьямуни, пришедшим в мир, да освобожусь я от сансарического бытия!»

— Ананда, не посчитай его за другого. Монах, ведавший в то время хозяйственными делами, — это ныне монах «Опоясанный пальцами». Монашеский чин, соблюдение правил моральной дисциплины, речение делам монашеской общины обусловили то, что по своему молению он всегда рождался одаренным прекрасной наружностью, огромной физической силой и ловкостью. А когда встретился со мной, то в силу того же моления избавился от сансарического бытия.

После того как Ананда, монахи, многочисленная царская свита прослушали учение Победоносного о неминуемом воздаянии за греховные поступки, все они породили ревность к творению блага. Запечатлев в уме четыре благородные истины, некоторые обрели плод вступления в поток, одного возвращения, невозвращения и архатства. Некоторые породили благой корень становления пратьекабуддой. Некоторые

* Т. е. в будущие рождения.

же породили помысел о наивысшем духовном совершенстве и стали пребывать на стадии анагаминов. Все они тело, речь и помыслы свои к благу устремили и с радостью следовали Учению Победоносного.

РАЗДЕЛ XI

Глава тридцать седьмая

О ЖЕНЩИНЕ ПО ИМЕНИ НЕНГАМО

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той стране жила женщина по имени Ненгамо, очень бедная, существовавшая подаянием. Та женщина, видя, как царь, сановники и весь народ чтят подношениями Будду и его общину, подумала: «Что за грех я совершила [в прежнем рождении], если так бедна, низкородна и нет у меня даже семян для поля благих заслуг*?»

Очень расстроилась и опечалилась Ненгамо, подумав так. Целый день с утра до вечера она просила подаяние и добыла только одну монетку. Взяв эту единственную монетку, она пришла к торговцу маслом, чтобы купить масла. Торговец маслом сказал:

— На одну монетку можно купить слишком мало масла. Для чего оно тебе нужно?

И Ненгамо правдиво все ему рассказала. Тогда продавец маслом пожалел ее, продал ей масла и еще добавил от себя. Обрадованная Ненгамо взяла масло, пришла в храм, поставила лампаду перед обликом Будды и, сказав: «Подношу это Будде Победоносному», произнесла такое моление: «Ныне я, нищая, жертвую Будде маленький светильник. В силу этой благой заслуги да обрету я в будущем [рождении] светильник мудрости, чтобы развеять скверну мрака всех живых существ». И, произнеся это моление, она удалилась.

Другие светильники ночью погасли, лишь один светильник Ненгамо горел до рассвета. В то время дежурил Маудгальяя-

* Поле благих заслуг — объект пожертвования (например, Будда, монашеская община и т. д.); в результате жертвования порождается благая заслуга.

на. С рассветом он пришел, чтобы собрать остатки масла, и обнаружил один светильник, горящий ярким пламенем. В этом светильнике не иссякло масло и не уменьшился фитиль, казалось, что он только что зажжен. Маудгальяна подумал, зачем светильнику гореть днем, и дунул, желая потушить его. Но тот не погас. Маудгальяна пытался погасить его рукой, тоже не смог. Тогда Маудгальяна набросил на светильник одежду, но тот все же не потух. Победоносный, видя это, сказал Маудгальяне:

— Хотя ты и хочешь погасить этот светильник, но этого светильника тебе не погасить. У тебя, моего ученика, нет сил, чтобы задуть его. Если ты даже соберешь воедино воды четырех океанов и поднимешь их ветром на этот светильник, то и тогда он не погаснет. И все это потому, что этот светильник создан великим помыслом о сотворении всем людям огромного блага.

Когда Победоносный произнес эти слова, то перед ним явилась Ненгамо, коснулась головой стопы Победоносного, и тот предсказал ей следующее:

— По прошествии двух калп ты, нося имя «Свет лампы», обретешь буддство и станешь обладательницей десяти трансцендентных способностей.

Услышав это предсказание Победоносного, Ненгамо очень обрадовалась, опустила на колени и смиренно попросила принять ее в монашество. И Победоносный принял ее в монашество.

Достопочтенный Ананда и Маудгальяна, будучи очевидцами предсказаний Победоносного и принятия Ненгамо в монашество, преклонив колени и сложив вместе ладони, обратились к Победоносному с таким вопросом:

— Какое деяние совершила Ненгамо в прошлом [рождении], если вплоть до сего времени она была очень бедна и ей не хватало на жизнь? И за какое деяние при встрече с Победоносным она была почтена?

И рассказал на это Победоносный Ананде [и Маудгальяне].

Давным-давно в мир пришел будда Кашьяпа. В то время жена одного домохозяина пригласила будду и его общину на угощение. Несколько ранее будду пригласила и другая, бедная женщина, которую Кашьяпа посетил в первую очередь, и женщина та сподобилась блага одного возвращения.

Тогда жена домохозяина, будучи женщиной знатной, богатой и высокородной, стала бесчестить бедную женщину, сказав при этом:

— Почему же Победоносный сначала отозвался не на мое приглашение, а на приглашение нищей?!

И за оскорбление благородного эта богатая женщина на протяжении пятисот рождений появлялась на свет неимущей, в числе тех, кто живет подаянием. Однако за то, что она на следующий день, исполненная веры, с радостью почтила подношением будду Кашьяпу и его монашескую общину, сейчас, встретившись с Буддой, вступила в монашество и выслушала предсказания Победоносного.

Тут царь, его советники, многие люди, услышав предсказание Будды, данное им бедной женщине после подношения Будде светильника, стали чтить ее, приготовили достаточное количество прекрасных вещей, необходимых для жизни, и поднесли ей. Юноши и девушки той страны, высокородные и низкородные, — все приготовили ароматные светильники и поднесли их Победоносному, находившемуся в саду Джетавана. Множество людей, поднесших светильники, заполнили ими весь сад Джетавана, и светильники мерцали повсюду, словно звезды в небесах. А подношения шли день за днем, и так беспрестанно в течение семи суток.

Тогда обрадованный и удивленный Ананда вознес хвалу [Победоносному], сказав:

— Сколь велики достоинства Победоносного! — и спросил у него: — Что за благое дело сотворил в прошлом [рождении] Победоносный, если стал обладателем столь бесчисленного количества светильников?

И рассказал Победоносный Ананде следующее.

Давным-давно здесь, в Джамбудвипе, был царь по имени Башили, которому подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. Супруга царя родила сына с телом золотистого цвета. Мальчик был отмечен тридцатью двумя телесными знаками великого существа и обладал восьмьюдесятью [второстепенными] знаками физического совершенства. На макушке ребенка находилась сверкающая драгоценность, слепящая глаза.

Позвали гадателя, чтобы тот, определив характер знамений, дал ребенку имя. Гадатель, посмотрев на мальчика, был удивлен его телесными знаками и, обследовав руку ребенка, сказал:

— Превосходно! Этому царевичу нет равных ни среди богов, ни среди людей. Если он пойдет по светской стезе, то станет Чакравартином, вселенским монархом. Если изберет монашество, то станет буддой.

Затем гадатель спросил царя:

— Какие удивительные знамения наблюдались при рождении царевича?

— Когда родился царевич, — ответил царь, — то на макушке у него была сверкающая драгоценность.

И гадалщик назвал царевича Ринцен Цзюкпю, что означало «Драгоценная корона».

Когда мальчик подрос, он принял монашество и, прилежая на стезе духовного совершенствования, стал буддой, сотворив живым существам несчетное количество добрых дел.

Как-то царь-отец пригласил будду с монашеской общиной и устроил в их честь трехмесячную раздачу угощения.

Один монах по имени Арья Митра взял на себя обязанность обеспечить храм лампами на эти три месяца. Изю дня в день он обходил города и селения, выпрашивая у купцов, домохозяев и прочих людей сливочное масло*, растительное масло, светильники и фитили. У того царя была дочь, которую звали Муни. Видя с крыши своего дворца, как хлопочет тот монах, ежедневно обходя селения, она прониклась к нему жалостью и послала к монаху человека с таким вопросом:

— О благородный! Чем ты так занят, что постоянно подвергаешься подобным хлопотам?

— Я взял на себя обязанность на протяжении трех месяцев обеспечивать светильниками Будду и его общину, — ответил монах, — поэтому брожу по селениям и прошу у набожных мирян сливочное масло, растительное масло, фитили и другие необходимые принадлежности.

Когда до дочери царя довели ответ монаха, она очень обрадовалась и велела передать ему следующее:

— Впредь ты избавишься от своих постоянных хлопот, я сама приготовлю все необходимое для светильников, приходи и бери!

— Так и сделаю, — ответил на это монах.

И впредь он стал постоянно получать [от царевны] масло для светильников и все необходимое и доставлять их в храм. Поскольку монах Арья Митра, так изю дня в день жертвуя лампы, породил помысел о великом благе для всех, то Победоносный предсказал ему:

— В будущие времена, по прошествии бесчисленных калп, ты станешь буддой под именем Диранггара, или «Творитель ламп», обладателем тридцати двух [телесных] признаков великого существа.

* Лампады в ламаистских монастырях заправляются сливочным маслом.

Царская дочь Муни, прослышав про такое предсказание о монахе Арья Митра, подумала: «Лампы, пожертвованные Будде, приготовила я. Однако монах, который только побудил меня к этому, удостоился такого предсказания, а я — нет». И, подумав так, она пришла к Будде и правдиво рассказала ему о своих мыслях. Тогда Будда сказал:

— Девушка Муни! В будущие времена, когда пройдет девяносто одна безмерная калпа, ты станешь буддой под именем Шакьямуни и будешь обладать тридцатью двумя признаками великого существа.

Чрезвычайно обрадованная девушка припала головой к стопам Будды и попросила принять ее в монашество. После того как Победоносный принял ее в монашество, она неустанно прилежала на пути духовного совершенствования.

Затем Победоносный сказал Ананде:

— В то время, в той жизни, монах Арья Митра был буддой прошлых времен Диранггарой. Царская же дочь — это я ныне. В силу того что раньше я жертвовал лампы, на протяжении бесчисленных калп наслаждался благами этой заслуги в мире богов и людей, а мой облик отличался от других красотой и благородством. Сейчас же, став Буддой, обладаю множеством светильников.

После этого рассказа Победоносного некоторые из многочисленных окружающих обрели духовные плоды от первого до четвертого, некоторые породили благой корень для становления пратьекабуддой, некоторые же породили помысел о наивысшем духовном пробуждении.

Достопочтенный Ананда и другие окружающие Будду с огромной радостью выслушали сказанное им.

Глава тридцать восьмая

О БАШИЦЗИРЕ — СЫНЕ ДОМОХОЗЯИНА

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале. В то время в той стране жил очень богатый домохозяин по имени Шири, обладатель большого достояния, чьи кладовые были полны драгоценностями семи видов. Он взял жену из равного рода, которая вскоре понесла и, когда прошло полное количество месяцев, родила мальчика, столь красивого, что равных ему не было на свете.

Обрадованные родители позвали гадалщика, который, осмотрев признаки мальчика, сказал:

— Ребенок этот отмечен знаком благой заслуги и станет хранителем рода.

Крайне обрадовавшись, родители мальчика сказали гадалщику:

— Дай ребенку имя.

Тогда гадалщик спросил:

— Какие знамения или странные вещи имели место со времени зачатия мальчика?

— Никаких, — ответил отец, — кроме того, что мать ребенка, которая раньше не отличалась [умением] красиво говорить, с зачатием сына стала очень красноречивой.

— Да будет имя ребенка Башицзир, — ответил тогда гадалщик.

Попечением родителей рос Башицзир и стал умным и сильным юношей. Как-то раз, забавляясь с приятелями, он увидел в одной низкородной семье чрезвычайно красивую и обходительную девушку и, влюбившись в нее, задумал на ней жениться. Вернувшись домой, он сказал отцу с матерью:

— Возьмите ту девушку мне в жены.

— Мы родовиты и знатны, — отвечали родители сыну, — а та девушка происходит из низкого рода. Как же можно брать ее в жены!

— Какое мне дело до родовитости, — отвечал им опечаленный юноша, — я люблю именно эту девушку, поэтому возьмите ее мне в жены. Если она не станет моей женой, то я покончу с собой.

Тогда родители не стали больше препятствовать сыну и начали сватать ту девушку. В ответ на сватовство родители девушки сказали:

— Вы высокородны и знатны, мы же низкого, презренного происхождения, поэтому нельзя нам породниться. Зачем же просите нашу дочь?

Однако юноша был влюблен в девушку, и сватовство возобновилось, на что родители девушки сказали:

— Если юноша освоит все виды нашего трудного искусства — пение, танцы, гимнастические трюки — и публично покажет их перед царем, то мы породнимся.

Пренебрегая презрением, с которым [люди] относились к изучению скоморошьяго искусства, юноша освоил все его виды. И вот однажды царь устроил представление, где лучшие гимнасты лазали по шесту, прыгали, ходили по канату, показывая все виды своего ремесла. Туда же пришел сын домохо-

зяина и показал свое искусство канатоходца. Царь, который отсутствовал во время его выступления, приказал:

— Покажи еще раз!

Уставший юноша пошел по канату, но посередине сорвался с него.

— Нет мне спасения! — в ужасе воскликнул он.

Тогда Маудгальяяна, прибывший в то место, подхватил его, не давая упасть на землю, и спросил:

— Хочешь, не расставаясь ни с телом, ни с жизнью, вступить в монашество или предпочтешь упасть на землю, но взять девушку в жены?

— Если останусь в живых, — отвечал юноша, — то мне и жена не нужна.

Тут Маудгальяяна сотворил землю из воздушного пространства, и на нее благополучно опустился юноша, не испытывая страха. Очутившись на земле, он очень обрадовался и, следуя за Маудгальяяной, пришел туда, где находился Победоносный. Там он коснулся главой стопы Победоносного и совершил пожертвование Будде. И Победоносный подробно рассказал ему о достоинствах творения милостыни, соблюдения духовных обетов, рождения в высокой сфере богов, о скверне желаний, о благостности монашества. И от этого мысли юноши полностью освободились [от скверны], и, обретя первый духовный плод, он попросил Победоносного разрешить ему вступить в монашество, просил наставить его в святом Учении.

Победоносный разрешил, и волосы на лице и голове юноши сами собой сбрились, и он стал монахом; прилежая в Учении шраманов, отринул всю скверну и обрел архатство.

Тогда достопочтенный Ананда обратился к Победоносному с такими вопросами:

— Что связывало в прошлом этого монаха и девушку, если он питал страсть к ней до тех пор, пока жизнь его не оказалась под угрозой? Что за благой корень взрастил Маудгальяяна, если он спас жизнь [юноши], и по какой причине [этот юноша] в конце концов стал архатом?

И поведал Победоносный Ананде следующее.

Давным-давно, безмерное число калп назад, здесь, в стране Варанаси, у одного домохозяина родился сын невиданной красоты. В то время к домохозяину прибыл из-за моря один человек, который преподнес ему птичье яйцо, а домохозяин взял его. Вскоре яйцо треснуло, и из него появился вполне сформировавшийся птенец. Домохозяин подарил птенца сыну.

Ребенок и птенец выросли вместе и очень привязались друг к другу. Когда сын домохозяина хотел пойти посмотреть

какое-нибудь зрелище, он садился птице на спину, и та, неся его, взмывала в небо и летела. Когда же [юноша] пресыщался [зрелищем], птица доставляла его домой. И так они путешествовали ежедневно.

Как-то раз юноша услышал, что в стране другого царя устраивается веселое представление. Сев на птицу, юноша отправился в ту страну посмотреть на это зрелище. Птица опустилась на вершину дерева, а юноша слез и отправился на место представления. По дороге он встретился с царской дочерью, влюбился и соблазнил ее. Но тайна раскрылась, юноша был схвачен царем и приговорен к смерти. Тогда сын домохозяина сказал царю:

— Зачем казнишь меня оружием. Разреши мне влезть на верхушку дерева и разбиться, прыгнув вниз.

Царь разрешил. Тогда юноша влез на дерево, сел верхом на птицу и улетел, чем спас себе жизнь.

— Ананда! В той жизни, в то время, сын домохозяина и был нынешний Башицзир. Царская дочь — ныне та низкородная девушка. А птицей был тогда Маудгальяна. В прошлые времена та птица спасла [юноше] жизнь, которая подвергалась опасности из-за чувственной страсти. Ныне Маудгальяна спас [сына домохозяина], жизнь которого тоже из-за чувственной страсти могла прерваться.

Причина же обретения этим монахом плода мудрости и непорочности состоит в следующем. В давние времена здесь, в Варанаси, один пратьекабудда обратился за подаянием к некоему домохозяину, и тот домохозяин, дав подаяние, попросил [пратьекабудду] наставить его в Учении.

— Я не в состоянии проповедовать Учение, — ответил пратьекабудда, швырнул в небо чашу для сбора подаяния, взмыл вверх и исчез.

Тогда домохозяин подумал: «Хотя этот достопочтенный человек и обладает великой магической силой, но в святом Учении наставить не может» — и произнес такое моление: «В будущем [рождении] да встречу я с благородным, от которого в противоположность этому достопочтенному человеку получу неиссякаемое наставление в святом Учении!» В результате этого [моления] он обрел плод мудрости и архатства.

Воистину возрадовались многочисленные окружающие сказанному Победоносным. Некоторые обрели духовный плод вступления в поток, одного возвращения, невозвращения и архатства. Некоторые породили благой корень пратьекабудды. Некоторые породили помысел о духовном пробуждении.

И все радовались словам Победоносного.

Глава тридцать девятая

О ДОМОХОЗЯИНЕ ПО ИМЕНИ ЮКБАЦЗЕН

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той стране жил один очень бедный брахман по имени Циндя Лосюся. Жена брахмана была безобразна и слепа, она родила семь дочерей, [но не родила] ни одного сына. Дочери брахмана все были выданы замуж. Как-то раз собрались зятья у брахмана, а его жена, женщина вспыльчивая и злая, разгневалась на приход дочерей с зятьями, за что дочери, в свою очередь, изругали мать.

Когда настало время жатвы, бедняк брахман занял у соседа вола. Работая в поле, он не приглядывал надлежащим образом за волом, и тот потерялся. Тут Циндя Лосюся подумал так: «Какой грех совершил я [в прежнем рождении], если прихожу домой — жена постоянно бранится, дочери и зятья презируют, а сейчас потерял вола, занятого у соседа? Если не найду его, то не знаю, что и делать».

Одолеваемый печальными мыслями, он увидел вдалеке Татхагату, сидевшего под деревом в безмятежном спокойствии. Опершись на палку, брахман издалека наблюдал за Буддой и думал: «Сколько счастливых монахов Гаутама. Нет у него бранчивой жены, нет ни злых дочерей, ни кичливых зятьев. К сбору урожая ему не надо брать займы вола и наживать себе тем хлопоты».

Победоносный, сердцем познав мысли брахмана, сказал: — Как ты и думаешь, мне действительно ничто не досажает: раз нет злой жены, то нечего говорить о ругани и брани, нет зла и от семи дочерей, и зятьев также нет, и нет нивы, чтобы жать, и нет хлопот от потери вола. Не хочешь ли ты вступить в монашество?

И ответил на это брахман Победоносному:

— Сейчас я думаю о семье как о могиле, о жене и дочерях как о врагах. Если Победоносный примет меня в монашество, то я вступлю.

— Приди во благо! — сказал на это Победоносный. И тут же волосы на лице и голове брахмана сами собой сбрились, и он стал монахом. После этого Победоносный преподал [новообращенному] должным образом Учение, отчего тот избавился от всякой скверны и стал архатом.

Тут обратился к Победоносному Ананда и сказал:

— Прекрасно! Уму непостижимы блага, творимые Побе-

доносным для живых существ. Что хорошего совершил этот брахман в прошлом [рождении], если он избавился от зла всех грехов и обрел великое благо, подобно тому как [испачканная] белоснежная хлопчатобумажная ткань [снова] обретает [свой природный] цвет?

На это Победоносный ответил Ананде:

— Этому брахману я не только теперь пользу принес и сделал его пребывающим во благе. В давно прошедшие времена я также от всех грехов его освободил и сделал счастливым.

— Соизволь поведать, — попросил Ананда, — каким образом этот брахман был сделан счастливым в давно прошедшие времена.

— Слушай хорошенько и запоминай, — сказал тогда Победоносный, — а я тебе поведаю.

— Именно так и буду слушать, — ответил Ананда на эти слова Победоносного, и тот рассказал ему следующее.

Давным-давно, бессчетное и безмерное число калп тому назад, жил царь по имени «Прекрасный», который правил в соответствии с Дхармой. В то время в той местности был брахман, которого звали Юкбацзен. Тот брахман был весьма беден, и не было у него ни еды, ни одежды.

Как-то раз он занял вола у одного домохозяина. Проработав день, он привел вола во дворик домохозяина, который в то время ужинал. Юкбацзен оставил вола во дворе, а вол вышел через другие ворота и исчез.

Поев, домохозяин встал и, не обнаружив вола, спросил Юкбацзена:

— Где вол?

— Я привел его к тебе, — отвечал тот.

— Ты потерял моего вола, верни его! — воскликнул домохозяин.

— Я не терял вола, — настаивал Юкбацзен.

Тогда оба порешили: «Пойдем к царю, пусть он рассудит, кто из нас прав, а кто не прав». И, решив так, они направились к царю.

Когда они шли по дороге, то у одного прохожего вырвалась кобыла, и тот крикнул Юкбацзену:

— Держи кобылу!

Юкбацзен взял камень, швырнул его и, попав в кобылу, сломал ей ногу.

— Ты погубил мою лошадь, давай другую! — закричал тот.

— Почему это я должен давать лошадь?! — возразил Юкбацзен.

— Тогда пойдем к царю, пусть он решит наше дело, — сказал прохожий. И они вместе пошли дальше.

Юкбацзен решил убежать. Он вскочил на стену, [окружавшую один дом], и прыгнул с нее. А под стеной находился ткач, занимавшийся своим ремеслом. Юкбацзен упал на него, да так, что ткач испустил дух.

Тут жена ткача схватила Юкбацзена и закричала:

— Ты убил моего мужа, верни мне мужа!

— Как же я верну твоего мужа? — удивился Юкбацзен.

— Тогда пойдем к царю, пусть он решит наше дело, — сказала та.

По дороге им встретилась глубокая река. С другого берега реку переходил плотник, державший в зубах топор.

— Глубокая ли река? — спросил у него Юкбацзен.

— Глубокая, — ответил тот, роняя топор в воду.

Не найдя топора, плотник схватил Юкбацзена, крича:

— Ты бросил в воду мой топор!

— Я не бросал твоего топора, — возразил Юкбацзен.

— Пойдем к царю, пусть он решит наше дело, — сказал плотник. И все вместе пошли дальше.

Устав, они зашли в дом к торговке вином и попросили вина. У торговки был новорожденный сын, который спал [на лавке], прикрытый одеждой. Юкбацзен сел на него и насмерть задавил ребенка.

Мать мальчика схватила Юкбацзена, крича:

— Ты убил моего сына, верни мне сына!

— Я не убивал твоего сына, и как я его верну? — сказал Юкбацзен.

— Тогда пойдем к царю, чтобы он рассудил нас, — сказала та. И все вместе пошли дальше.

По дороге они проходили мимо дерева шагодака, на котором сидел ворон. Ворон, увидав Юкбацзена, крикнул ему:

— Ты куда идешь?

— Я не иду, меня ведут, — отвечал тот.

— Куда ведут?

— К царю.

— В таком случае, — сказал ворон, — спроси царя от моего имени следующее: «В некоей местности на дереве шагодака сидит ворон. Когда он сидит на другом дереве, то его голос звучит отвратительно, когда же он садится на это дерево, то его голос становится на удивление благозвучен. Почему так?»

В другом месте их увидела змея и, в свою очередь, попросила узнать у царя следующее. «Вылезать из норы, — сказала

она, — мне не составляет никакого труда, но обратно заползаю с большими мучениями. Почему так?»

Пошли они дальше, и по дороге их увидала молодая женщина, которая попросила узнать у царя следующее: «Когда я живу в доме родителей, то мечтаю о доме свекра. Когда же нахожусь в доме свекра, то мечтаю о доме родителей. Почему так?»

Пошли они дальше и наконец пришли к царю. Поклонились все царю в ноги и стали рядом сбоку.

— Рассказывайте, с каким делом пришли, — повелел им царь.

Тогда истец-домохозяин рассказал о своем деле.

— Занимал ли ты вола? — спросил царь Юкбацзена.

— Занимал.

— Вернул ли?

— Думаю, что он видел, как я вернул, — ответил Юкбацзен.

И царь распорядился так:

— Юкбацзену за то, что он, вернув вола, не сказал об этом, вырвать язык! Домохозяину же за то, что он видел приведенного вола, но не привязал его, вырвать глаз!

Но домохозяин запротестовал:

— Юкбацзен моего вола увел, да мне еще и глаз вырвут. Нет, пусть уж лучше Юкбацзен будет победителем [в нашей тяжбе].

Другой человек сказал:

— О государь! Юкбацзен погубил мою кобылу.

— Как ты погубил его кобылу? — спросил царь Юкбацзена.

— Я шел по дороге, — ответил Юкбацзен, — а этот человек крикнул: «Держи кобылу!» Я поднял камень, бросил [в лошадь] и так погубил ее.

И царь вынес такое решение:

— Хозяину за то, что крикнул: «Держи кобылу!» — вырвать язык! Юкбацзену же за то, что он бросил камень, отсечь руку!

Тот человек запротестовал:

— И лошадь моя погибла, и мне еще язык вырвут. Нет, пусть уж лучше Юкбацзен будет победителем [в нашей тяжбе].

Плотник сказал:

— Юкбацзен спросил у меня, глубока ли река, поэтому упал в реку топор, который я нес в зубах.

И царь распорядился так:

— Вещи следует носить на плече. За то, что плотник нес [топор] в зубах, выбить ему два передних зуба! Юкбацзену же за то, что спросил: «Глубока ли река?» — вырвать язык!

Плотник запротестовал:

— Я и топор потерял, да мне еще и зубы выбьют. Нет, пусть уж лучше Юкбацзен будет победителем [в нашей тяжбе].

Торговка вином сказала:

— Юкбацзен убил моего сына.

— Устав, я зашел выпить вина, — стал объяснять Юкбацзен, — не посмотрев на лавку, я сел, а там лежал ребенок, вот я нечаянно и задавил его.

Царь сказал:

— Твоя оплошность, торговка вином, состоит в том, что ты, уложив спать сына, так укрыла его, что он виден не был. Оплошность Юкбацзена состоит в том, что он неосмотрительно опустил на лавку. Поэтому пусть Юкбацзен станет твоим мужем и сделает тебе [другого] ребенка!

Торговка вином запротестовала:

— И сына моего убил, и мужем моим станет. Нет, пусть уж лучше Юкбацзен будет победителем [в нашей тяжбе].

Жена ткача сказала:

— Юкбацзен убил моего мужа.

— Испугавшись множества врагов, — стал объяснять Юкбацзен, — я, спасаясь бегством, перепрыгнул через стену и, не видя, что под стеной человек, убил его.

И распорядился царь:

— Ступай и будь мужем этой женщины!

Но та запротестовала:

— Сначала моего мужа убил, затем [мне] мужем станет. Нет, пусть уж лучше Юкбацзен будет победителем [в нашей тяжбе].

Так решил [царь] все их тяжбы и, приняв сторону Юкбацзена, полностью обелил его.

Решал этот царь также спор двух женщин о ребенке. Царь, обладавший острым умом, разобравшись в деле, приказал женщинам:

— Возьмите ребенка каждая за руку и изо всех сил тяните к себе. Какая из вас перетянет, та и заберет ребенка.

Женщина, которая не была матерью ребенка, несколько не жалея его и не боясь причинить ему вред, тащила изо всех сил. Настоящая же мать ребенка из любви к сыну опасалась повредить ему, поэтому хотя и была сильнее, но тянула [его в свою сторону] осторожно.

Царь же, выяснив [таким образом] дело, сказал той, что грубо тянула [к себе ребенка]:

— Ребенок не твой, а другой женщины, скажи честно!

Так женщина, что тянула мальчика осторожно, была признана его матерью и забрала себе ребенка.

Затем к царю пришли два человека, которые спорили из-за куска хлопчатобумажной ткани. Царь, выслушав их, также решил дело вышеизложенным способом.

Тогда Юкбацзен обратился к царю с такими словами:

— Когда эти [люди], схватив меня, вели [на суд], одна змея просила узнать у тебя, царь, следующее: вылезать из норы ей легко, но забраться обратно стоит больших мучений. Почему так?

И царь сказал:

— Передай этой змее вот что: когда она вылезает из норы, то не разгорячена и голодна. Поэтому вылезать ей легко. Выйдя из норы, она съедает много пищи, да при этом еще злится на птиц, которые нападают на нее. От всего этого она раздувается и с трудом заползает обратно в нору. Пусть будет умереннее в пище и не поддается чувству гнева, тогда будет так же легко заползать в нору, как и вылезать из нее.

Затем Юкбацзен передал просьбу молодой женщины. Царь ответил так:

— Передай этой молодой женщине, что в семье ее родителей у нее есть сердечный друг. Когда она находится в семье свекра, то из-за страсти к этому другу она стремится вернуться к родителям, а когда поживет в семье родителей и сердечный друг наскучит ей, то она, воспылав чувствами к мужу, хочет вернуться в семью свекра. Пусть та женщина откажется от одного и крепче привяжется к другому, тогда и ее мужам придет конец.

На просьбу ворона, пребывающего в некой местности на дереве шагодака, царь ответил следующее:

— Под этим деревом зарыто золото, от этого голос ворона становится благозвучным. Под другими же деревьями золота нет, поэтому и голос противный. — И сказал царь Юкбацзену: — Хотя ты и совершил много преступлений, но я тебя отпускаю. Ты — бедный человек, выкопай золото, хранящееся под деревом, и возьми себе.

Юкбацзен передал каждому [из вопрошавших] ответы царя, достал из-под дерева золото и унес с собой.

С этого времени Юкбацзен наладил свое хозяйство и, ни в чем не нуждаясь, провел жизнь в богатстве и благополучии.

— Ананда! Царь по имени «Прекрасный», который жил в

то время, — это не кто иной, как я ныне. Брахман Юкбацзен, живший в то время, — это ныне брахман Лосюся. В давние времена я, от страданий [его] избавив и дав богатство, сделал его благополучным. Сейчас, став Буддой, я также избавил его от страданий и даровал ему неисчерпаемые сокровища драгоценного Учения.

Достопочтенный Ананда и многочисленные окружающие безмерно возрадовались словам Победоносного.

Глава сороковая

О БРАХМАНЕ ПО ИМЕНИ ШИНЦЗИР

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той местности жил один знатный и богатый брахман по имени Шинцзир, у которого не было сына. Он направился к шестерым учителям и спросил у них об этом. Шестеро учителей сказали:

— Нет никаких примет, что у тебя будет сын.

Брахман вернулся домой, облачился в грязные одежды и удалился в скорбные покои. Пребывая в большой печали, он думал так: «Нет у меня сына, и если болезнь оборвет мою жизнь, то моим домом и богатством завладеет царь».

Случилось, однако, что жена брахмана подружилась с одной монахиней, и та монахиня пришла к ним в дом. Увидев опечаленного, убитого горем брахмана, она спросила у его жены:

— Чем так опечален твой муж?

И жена брахмана ответила:

— У нас нет сына, [муж] спрашивал у шестерых учителей, а они сказали: «Нет примет, что у тебя будет сын», вот он и горюет.

Тогда монахиня сказала:

— Шестеро учителей не всеведущи, откуда им знать причину и следствия явлений? В миру пребывает Татхагата. Все он познал и во все проник, поэтому не скрыто от него ни прошлое, ни будущее. Почему бы не спросить [у него], будет или нет [у вас] сын?

Когда монахиня ушла, жена брахмана рассказала мужу о ее словах, и обрадовался брахман, взвесив [слова монахини], и уверовал [в них]. Он тут же надел новое платье и пошел туда, где находился Победоносный.

Придя к нему, он коснулся главой стопы Будды и спросил Победоносного:

— Победоносный! Дано ли мне иметь сына?

И Победоносный отвечал:

— Брахман, у тебя будет сын, обладающий к тому же благой заслугой. Когда он вырастет, то захочет принять монашество.

Безмерно возликовал брахман, услышав эти слова Победоносного.

— Не страдаю я больше, — сказал он, — займись бы только сына, а там пусть он и монашество принимает. — С этими словами брахман пригласил Победоносного и монашескую общину прийти к нему на угощение. А Победоносный, больше ничего не сказав, принял его приглашение.

На следующий день с наступлением полудня Будда вместе с общиной пришел в дом брахмана и занял приготовленное ему место. Брахман с женой почтительно поднесли угощение, и, [отведав его], Будда с общиной удалился.

На их пути находился луг, где бил родник с чистой водой. Здесь Будда и монашеская община отдохнули. Каждый из них, зачерпнув ключевой воды, омыл чашу для сбора подаяния, руки и ноги.

В это время туда прибежала обезьяна и пыталась взять у Ананды его чашу для сбора подаяния. Боясь, что чаша окажется разбитой, Ананда не дал ее. Тогда Победоносный сказал Ананде:

— Дай обезьяне чашу!

Ананда отдал обезьяне чашу, а та залезла на дерево и, набрав в чашу меда, поднесла ее Победоносному.

— Очисти мед от сора! — повелел Победоносный.

Тогда обезьяна очистила мед от остатков насекомых и другого сора и отдала чашу. Победоносный принял чашу и сказал:

— Смешайте мед с водой и подайте [мне]!

Мед смешали с водой и вручили чашу Победоносному. Победоносный разделил [ее содержимое] между членами общины, и каждому хватило вдоволь.

Тогда обезьяна, видя подобное, очень обрадовалась, запрыгала, затанцевала [на дереве] и, сорвавшись вниз, разбилась. Тут же она возродилась сыном брахмана в чреве его жены, которая понесла и спустя должное количество месяцев родила необычайно красивого ребенка.

При рождении ребенка все сосуды в доме брахмана наполнились медом. Брахман с женой очень удивились и позвали

гадальщика. Гадальщик, взглянув на приметы ребенка, спросил:

— Какие знамения или другие удивительные вещи случились при рождении ребенка?

— При рождении ребенка [все сосуды в доме] наполнились медом, — ответили ему.

И ребенок получил имя Чжанцзицок, что означало «Превосходный мед».

Мальчик рос попечениями родителей, а когда вырос, то попросил у них разрешения уйти в монашество. Но родители, привязанные к сыну, не разрешили. Снова и снова просил юноша разрешения, говоря:

— Папа и мама, если вы будете мне препятствовать, то я решу покончить с жизнью, ибо не могу пребывать в мирской суете.

Посоветовались [между собой] родители юноши и сказали [один другому]:

— Победоносный еще раньше говорил, что [сын] вступит в монашество. Если будем препятствовать, то он расстанется с жизнью, поэтому надо разрешить. — И, решив так, они сказали: — Сын, позволяем исполнить твоё желание и вступить в монашество.

Обрадовавшись, юноша пошел туда, где находился Победоносный, припал головой к его стопам и попросил принять его в монашество.

— Приди во благо! — сказал Победоносный.

И тут волосы на голове и лице юноши сами собой сбрились, и он стал монахом. Затем благодаря подробному наставлению в Учении о четырех благородных истинах его мысли полностью освободились. Вся скверна сошла с него, и он стал архатом.

Когда вместе с другими монахами он отправлялся творить благо живым существам, то в случае жажды или усталости чаша для подаяния, брошенная им в небо, сама собой наполнялась медом, и все сообща пили [из нее].

Тогда Ананда спросил Победоносного:

— Что за благую заслугу сотворил монах Чжанцзицок, если, вступив в монашество, так скоро стал архатом и обрел исполнение своих желаний?

Тогда Победоносный, в свою очередь, спросил Ананду:

— Ананда, помнишь ли ты брахмана по имени Шинцзир, который в свое время сотворил нам угощение? Ананда, а помнишь ли, что, когда ты завершил трапезу и отдыхал на лугу, одна обезьяна взяла у тебя чашу для сбора подаяния и, на-

полнив ее медом, поднесла мне, а потом, прыгая и танцуя от радости, сорвалась [с дерева] и поменяла жизнь *?

— Помню, — последовал ответ.

— Так вот, Ананда, — сказал Победоносный, — обезьяна, которая в то время поднесла мне мед, — это и есть ныне монах Чжанцзицок. За то, что, увидав Будду Победоносного, обезьяна от всего сердца поднесла ему мед, она возродилась сыном того брахмана, ребенком прекрасного облика, который очистился от скверны, вступив в монашество.

Тогда Ананда, преклонив правое колено, обратился к Победоносному с такими словами:

— Что за греховный поступок совершил этот монах, если родился в облике обезьяны?

И Победоносный рассказал Ананде следующее.

В давние времена, когда в мир явился будда Кашьяпа, один молодой, новообращенный монах увидел, как другой монах перепрыгнул через канаву.

— Ты проворен, словно обезьяна, — сказал ему молодой монах.

— А знаешь ли ты, кто я? — спросил молодого тот, другой монах.

— Почему же не знаю? Ты обычный монах будды Кашьяпы, — ответил молодой монах.

— Не насмехайся надо мной! — сказал тот монах. — Я монах не только по названию, я обрел и четыре благих плода монашества **.

Услышав эти слова, молодой монах так перепугался, что даже волоски на его теле встали дыбом. Он пал на землю и стал просить прощения, полностью раскаявшись.

За свое полное раскаяние он не возродился в аду живых существ, но за насмешку над архатом он на протяжении пяти сот перерождений всегда рождался обезьяной. Однако, благодаря тому что он некогда вступил в монашество и соблюдал правила моральной дисциплины, встретившись с Буддой, точно омывшись, он избавился от всех страданий.

— Ананда, нынешний Чжанцзицок и был в то время тем молодым монахом.

Тут Ананда и многочисленные окружающие, выслушав слова Будды, в один голос воскликнули:

— Необходимо следить за всем, что вершишь телом,

* Поменять жизнь — в буддизме значит: умереть и снова родиться в другом облике.

** Т. е. обрел архатство.

речью и помыслом. Монах тот не следил за тем, что вершил речью, и вот какое воздаяние получил за это!

— Именно так, как ты говоришь, Ананда, — отозвался на это Победоносный. И он дал подробные наставления по четырём благородным истинам, в результате чего у присутствующих все вершимое телом, речью и помыслом исполнилось чистоты, а мысли освободились от скверны. Поэтому некоторые вступили в поток, обрели благо одного возвращения, невозвращения и архатства. Другие породили помысел о наивысшем духовном пробуждении. Некоторые же стали пребывать на стадии анагаминов.

И все окружающие возрадовались словам Победоносного.

Глава сорок первая

О ДОМОХОЗЯИНЕ ПО ИМЕНИ ДАНЦИЛА

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Раджагрихе, в роще Вenuвана, где обитали птички календаки. В то время в стране Кошала жил один богатый, знатный и высокородный домохозяин по имени Дамшицзир. Поскольку у него не было сына, то он приносил жертвы на алтарь всех божеств и нагов, выпрашивая себе ребенка.

Благодаря тому что тот домохозяин, выпрашивая сына, жертвы богам от всего сердца приносил, с течением времени его жена понесла и через полное количество месяцев родила такого прекрасного ребенка, какой редко появлялся на земле.

Позвали гадальщика, который осмотрел приметы мальчика и в соответствии с ними дал ребенку имя Данцила.

Попечениями [родителей] рос мальчик, а когда вырос, то скончался отец Прасенаджита, и Прасенаджит стал царем, как и его отец. Когда Прасенаджит сделался царем, случилось так, что все в доме [домохозяина Данцила] превратилось в драгоценности семи родов, наполнились все [его] многочисленные кладовые, и не было такого, чего бы [он] не имел.

В то время заболел горячкой царский сын Вайдурья. Врачи сказали, что он будет жить, если его тело смазать лекарством, сделанным из той породы сандала, которая называется гоширша. Тогда царь приказал довести до сведения жителей такие свои слова: «Кто из вас имеет сандал гоширша и поднесет его царю, тот получит в подарок тысячу ланов золота». Но ни один не явился [с лекарством].

Тут кто-то сказал царю:

— В изобилии все имеется в семье домохозяина Данцилы из Кошалы.

Тогда царь сел в колесницу, запряженную лошадьми, и сам поехал за сандалом.

Когда царь подъехал к воротам дома Данцилы, привратники доложили домохозяину:

— Сюда прибыл царь Прасенаджит, и сейчас он ожидает у ворот.

Обрадованный домохозяин выскочил за ворота и ввел царя в дом. Войдя в ворота, царь огляделся: сами ворота были сделаны из серебра, за воротами с внутренней стороны сидела на серебряном стуле красавица, равной которой не было в мире, и прядла серебряную нить. Около нее находилось десять хороших прислужниц. Увидав такое, царь спросил у домохозяина:

— Не жена ли тебе эта женщина?

— Не жена, а служанка-привратница, — отвечал тот.

— Ну а для каких надобностей эти хорошенькие девушки? — снова спросил царь.

— Это рассыльные, — пояснил домохозяин.

Затем они прошли другие ворота. Огляделся царь: сделаны эти ворота были из голубой ляпис-лазури, а за воротами он увидал молодую красавицу, превосходящую своей красотой предыдущую женщину, и около нее в полтора раза больше хороших прислужниц.

Затем прошли еще одни ворота, и опять огляделся царь: ворота были сделаны из золота, за воротами на золотом стуле сидела красавица, затмевавшая своей красотой прежних, и ткала золотую ткань, и справа и слева от нее находилось молодых прислужниц намного больше, чем прежде.

— Это не твоя жена? — спросил у домохозяина царь.

— И это не моя жена, — отвечал царю домохозяин.

Затем открылась дверь, ведущая во внутренние покои дома. Огляделся царь: полы здесь были сделаны из ляпис-лазури, такой прозрачной, как вода. Потолки комнат были расписаны фигурами диких зверей, морских чудовищ, рыб. От колебания воздуха эти фигуры [как бы] двигались, отражаясь в полу.

Царь подумал, что это настоящая вода, и спросил:

— Уж не от ветхости ли [постройки] здесь скопилась вода?

— Это не вода, а голубая ляпис-лазурь, — отвечал Данцила и, сняв с руки браслет, бросил его на пол.

Царь, видя такое, вступил во внутренние покои. Затем в

комнате, сделанной из семи сортов драгоценностей, было поставлено сиденье из ляпис-лазури, и царя попросили занять его. В той комнате находилась жена домохозяина, из глаз которой текли слезы.

— Почему ты плачешь, — спросил ее царь, — или не рада моему приходу?

— Хотя прибытие сюда царя — очень желательное и радостное событие, однако царское платье слегка пахнет гарью. Это и вызвало слезы, а отнюдь не нежелание видеть царя.

— Разве в вашем доме совсем не зажигают огня? — спросил царь.

— Нет, огня не держим, — отвечали ему.

— Тогда как же вы готовите пищу? — последовал вопрос.

— Как только мы подумаем о пище, то сами собой появляются всевозможные яства, — отвечали царю.

— Ну а как же вы видите во мраке ночи? — снова спросил царь.

— Освещение дает чинтамани — драгоценность, исполняющая все желания. Двери хотя и закрыты, но от лучей чинтамани, льющихся через окна, светло как днем, — услышал царь.

После этого Данцила, опустившись на колени, спросил царя:

— Зачем царь утруждал себя, прибыв сюда?

— Мой сын Вайдурья заболел горячкой, — ответил царь. — Врачи сказали, что его необходимо натереть лекарством, изготовленным из сандала гоширша. Я прибыл попросить у тебя [этот сандал].

Обрадованный домохозяин пригласил царя проследовать в сокровищницу. Там он показал царю драгоценности семи родов и все остальные сокровища, а затем, указав на огромную кучу сандала, сказал:

— Берите, сколько желаете!

— Дай два ляна! Больше не требуется, — распорядился царь, и домохозяин вручил ему, сколько он желал.

Когда царь собирался отправляться назад, он сказал домохозяину:

— Ты сходи и повидайся с Буддой!

— Что это за название такое — «будда»? — спросил домохозяин.

— Как, разве ты не слышал? — удивился царь. — Сын царя Шудходаны, опечаленный [неотвратимостью] старости, болезни и смерти, покинул мирскую жизнь и, обретя просветление, стал Буддой, обладающим тридцатью двумя [главными]

и восьмьюдесятью [второстепенными] знаками телесного совершенства. Не имея равных в искусстве магических превращений и в мудрости, он почитается главой богов и людей и именуется Буддой.

Услышав такие слова царя, домохозяин уверовал в них и спросил царя, где сейчас пребывает Будда.

— Сейчас Будда пребывает в Раджагрихе, в роще Венувана, — отвечал тот.

Как только царь отбыл, домохозяин направился туда, где пребывал Будда. Обозрев Будду, домохозяин нашел, что совершенством облика тот превосходит всех царей. С великой радостью домохозяин поклонился Будде и осведомился о его здоровье.

Победоносный надлежащим образом наставил его в Учении, благодаря чему домохозяин обрел вступление в поток. Затем он встал на колени и попросил у Победоносного принять его в монашество.

— Приди во благо! — произнес Победоносный, после чего волосы на голове и лице домохозяина сами собой сбрились, и он стал монахом. В силу же надлежащего наставления в Учении о четырех благородных истинах скверна его мыслей полностью очистилась, и он стал архатом.

Тогда Ананда и многочисленные окружающие обратились к Победоносному с такими словами:

— Что за благую заслугу породил монах Данцила, если рожденный в мире людей, он хотя и обладал всем, чем пользуются боги, но не был привязан к своему богатству? Вступив в монашество, он сразу же обрел его плод*.

— Слушай же хорошенько, — сказал Победоносный Ананде и рассказал.

Давным-давно, девяносто одну калпу тому назад, прибыл в мир будда Випашьин. Когда этот будда удалился в нирвану и совершались религиозные церемонии перед его изображением, пятеро монахов в один голос произнесли такой обет: «Мы найдем уединенное место, и медитация станет нашим путем к [духовному] просветлению». Нашли они в одном лесу зеленую полянку с родником и избрали ее местом своего уединенного пребывания.

После этого [четверо] монахов обратились к пятому с единой просьбой.

— Это наше место, — сказали они, — далеко от города. Если мы все будем ходить за подаванием, то нам будет хло-

* Т. е. стал архатом.

потно. Ради сотворения себе благой заслуги ты один ходи за подаением.

— Так и сделаю, — согласился пятый монах. И он стал постоянно ходить в город, рассказывать многочисленным подателям милостыни об Учении и собирать подаение [на оставшихся монахов].

Четверо монахов, усиленно медитируя, по прошествии девяности дней обрели духовный плод и тогда сказали тому монаху, что собирал подаение, такие слова:

— Благодаря тебе мы достигли блаженства и обрели желанное самадхи. Поэтому произнеси перед нами свое пожелание, и оно полностью сбудется.

Тут обрадованный монах произнес такие слова:

— В будущие времена, где бы я ни возрождался, в миру людей или богов, да буду обладать я богатством и полным достатком! Да не нужно мне будет трудиться для приобретения всего необходимого, да все явится само собой! Да встречусь я с благородным наставником * и стократно, тысячекратно по сравнению с вами выслушаю святое Учение и, полностью очистив свои мысли, обрету духовный плод!

— Ананда, — сказал Победоносный, — за то, что в той жизни, в то время, монах Данцила снабжал подаением своих четырех друзей монахов, на протяжении девяности одной калпы он возрождался в мире богов или людей знатным и высокородным, а не в роду бедном и обездоленном. Сейчас же, едва встретившись со мной, веру обрел.

Выслушав поучение Победоносного, Ананда и другие монахи, еще более прилежая, обрели духовные плоды от первого до четвертого. Некоторые же, породив мысль о великодушии, стали пребывать на стадии анагаминов.

И все окружающие радовались словам Победоносного.

Глава сорок вторая

О ЮНОШЕ ПО ИМЕНИ ЛАНБОГОН

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, предоставленном ему Анатхапиндадой. В то время в стране Магадха у одного домохозяина родился сын, мальчик чрезвычайно красивый и обладающий знаками благих примет. Не успел ребенок родить-

* Т. е. с Буддой.

ся, как в кладовой домохозяина чудесным образом возник золотой слоненок. Родители мальчика, видя подобное, очень обрадовались и показали гадателю, который, осмотрев ребенка, установил, что он отмечен знаками благой заслуги.

— Какое удивительное знамение сопутствовало рождению мальчика? — спросил гадатель.

— Когда этот ребенок родился, — отвечали родители, — в нашей кладовой сам собой появился золотой слоненок.

— Тогда и имя мальчика будет Ланбогон, или «Покровитель слонов».

Рос мальчик, а вместе с ним рос и золотой слоненок. Куда шел мальчик, туда шел и золотой слоненок, и они были неразлучны. Испражнялся и выпускал мочу тот слоненок всегда золотом.

Когда Ланбогон подрос, он всегда играл вместе с пятьюстами сыновьями других домохозяев. Подростки дружили между собой и как-то раз стали рассказывать друг другу о том, что удивительного есть у них в семьях. Одни мальчики говорили: «В наших семьях сиденья и постели — все сделано из драгоценностей семи родов». Другие говорили: «В наших домах и в наших садах все сделано из драгоценных камней». Третьи заявляли: «Наши кладовые всегда полны отборными драгоценными камнями».

Так рассказывали они один другому о всевозможных удивительных вещах. Ланбогон, в свою очередь, также сказал:

— Когда я родился, у нас появился сам собой золотой слоненок. Я подрастал, и он также подрастал. Задумаю я пойти посмотреть какое-нибудь зрелище, сажусь на слоненка, и он быстро доставляет меня куда нужно. А испражнения и моча слоненка превращаются в золото.

При этом присутствовал царевич Аджатасатру. Услышав рассказ Ланбогона, он подумал: «Когда я стану царем, то отберу этого слона».

И вот стал Аджатасатру царем. Призвав к себе Ланбогона, он приказал:

— Приведи мне золотого слона!

Родители Ланбогона сказали сыну:

— Нет человека более яростного, свирепого и алчного, чем Аджатасатру. Если он даже родного отца убил, то о других и говорить не приходится. Сейчас он хочет отобрать твоего слона, поэтому надо слона ему подарить.

— Никто не в силах отобрать моего слона, — заявил юноша. С этими словами он сел вместе с братом на слона и отправился к царскому дворцу.

Когда привратники доложили о них царю, тот распорядился:

— Пусть Ланбогон с братом, не слезая со слона, въезжают во двор!

Ланбогон с братом, сидя на слоне, въехали в ворота, спешили, поприветствовали царя и пожелали ему благополучия.

Обрадованный царь усадил их на разостланный ковер, угостил едой и напитками, а потом сказал Ланбогону:

— Золотого слона оставьте, а сами можете отправляться домой!

Услышав такой приказ царя, Ланбогон оставил слона, а сам вместе с братом пошел пешком. Но не успели они выйти за ворота, как золотой слон прямо из-под земли появился перед Ланбогоном. Оба брата опять сели на слона и вернулись домой.

Вернувшись домой, Ланбогон подумал: «Царь не поступает в соответствии с Дхармой, он осудит даже и невинного. Поэтому, если я не отдам ему слона, то из-за этого слона с жезлом распрощаюсь. Отправлюсь-ка я сейчас туда, где Победоносный творит благо многочисленным живым существам мира, уйду из семьи и с радостью буду вести монашескую жизнь».

Подумав так, он попросил у родителей разрешения вступить в монашество, и те дали свое позволение.

Распрощавшись с отцом и матерью, сел Ланбогон на золотого слона и прибыл в рощу Джетавана. Подойдя к Победоносному, он коснулся головой его стопы и подробно рассказал о том, что с ним случилось.

— Приди во благо! — произнес Победоносный. И тут же волосы на лице и голове Ланбогона сами собой сбрились, и он стал монахом. Победоносный должным образом наставил его в Учении о четырех благородных истинах, благодаря чему Ланбогон обрел архатство.

Где бы ни находился монах Ланбогон вместе со своими товарищами, другими монахами, всегда поблизости был и золотой слон. Тогда все жители Шравасты начали собираться, чтобы посмотреть на золотого слона, и производили такой шум и там, что мешали йогической практике [монахов]. Монахи пожаловались Победоносному, и тот сказал Ланбогону такие слова:

— Много людей собирается, чтобы посмотреть на твоего слона, нарушая этим уединение [монахов]. Поэтому поскорее избавься [от слона].

— Да я и сам, в монашество вступив, думал от него избавиться, да никак не выходит, — отвечал Ланбогон.

— А ты трижды скажи слону такие слова: «Сансарическое бытие для меня окончилось, ты мне больше не нужен!» — и слон исчезнет, — наставил Победоносный Ланбогона.

В соответствии с наставлением Победоносного Ланбогон трижды сказал слону: «Ты мне не нужен», и золотой слон погрузился в землю.

Удивленные монахи спросили Победоносного:

— Что за добрый корень на поле благих заслуг посадил в прежнем рождении монах Ланбогон, если вызрел такой плод?

И поведал Победоносный Ананде и другим монахам следующее.

— Каждый человек, кто бы ни был, — сказал Победоносный, — если посеет немного добрых семян на поле благой заслуги трех драгоценностей, обретет безмерный плод.

Давным-давно, во времена, когда в мир явился будда Кашьяпа, человеческий век длился двадцать тысяч лет. Тот будда сотворил благо живым существам, а когда ушел в нирвану, то над его мощами соорудили множество ступ.

Среди этих ступ была одна, посвященная слону, на котором ехал бодхисаттва, спускаясь с неба Тушита, чтобы войти в чрево матери*. Со временем изображение слона немного разрушилось. Один человек, пришедший поклониться ступе, увидав, что изображение слона немного разрушено, подумал: «Я почию это разрушившееся изображение ездового животного бодхисаттвы». Подумав так, он приготовил глину и обмазал поврежденные места, произнеся при этом такое моление: «В грядущие времена [рождения] да буду я постоянно высокороден, знатен и несметно богат!»

И тот человек после смерти возродился в высокой сфере богов. Когда время пребывания божеством истекало, он рождался в мире людей неизменно высокородным, знатым, богатым, прекрасной наружности, а золотой слон был постоянно его хранителем.

— Ананда, — сказал в конце Победоносный, — человек, который в той жизни, в то время, починил слона, — это и есть нынешний Ланбогон. За то, что он починил слона, всегда поль-

* До становления буддой Кашьяпа пребывал в качестве бодхисаттвы на небе Тушита, буддой же он мог стать только через рождение человеком, для чего надо было спуститься с небес и возродиться в чреве женщины.

зовался великим богатством в мире богов и людей. За то, что чтил три драгоценности, встретившись со мной, он удалился из мира в мое Учение, отчего скверна его мыслей полностью отринулась, и он стал архатом.

Достопочтенный Ананда и многочисленные окружающие, выслушав поучение Победоносного, постигли его суть, отчего некоторые обрели плод вступления, одно возвращение, невозвращение и архатство. Некоторые породили помысел о наивысшем духовном совершенстве и стали пребывать на стадии анагаминов.

И многочисленные окружающие безмерно радовались рассказанному Победоносным.

РАЗДЕЛ XII

Глава сорок третья

О БРАХМАНЕ, ПОДАРИВШЕМ МАТЕРИЮ НА ЗАПЛАТУ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Как-то раз Победоносный, взяв с собой Ананду в качестве прислужника, отправился за подаянием. Случилось так, что на одеянии Победоносного оказалась небольшая дырочка. И она тоже послужила делу обращения живых существ.

Когда Победоносный вернулся после сбора подаяния, к нему явился один брахман. Поклонившись Победоносному и озирая его блистательную внешность, брахман заметил небольшую дырочку на одежде Победоносного и решил подарить ему [материю на заплату]. Дома он отрезал лоскут от белой хлопчатобумажной ткани и поднес его Победоносному со словами: «Залатай свою одежду этим лоскутом ткани».

Победоносный в милосердии своем принял дар, чем очень обрадовал брахмана. Затем Победоносный в милосердии своем произнес такое пророчество.

— Брахман, — сказал он, — в будущие времена, спустя сто неизмеримых калп, ты станешь буддой под именем «Замечательный провидец» и в полной мере обретешь десять трансцендентных способностей.

Выслушав это пророчество, ушел брахман, преисполнившись радости.

Тогда знатный глава купцов и его домочадцы, жившие в той местности, подумали следующее: «С какой это стати Победоносный за столь маленький дар жалует такое великое вознаграждение?» И, подумав так, все они изготовили из белой хлопчатобумажной ткани различные одеяния для Татхагаты и поднесли их Будде.

Ананда спросил тут Победоносного:

— Что за благой корень взрастил Победоносный в прежнем рождении, если все одарили его множеством одеяний?

— Хорошенько слушай и запоминай, — отвечал Ананде Победоносный, — а я тебе расскажу.

Давным-давно, бесчисленное количество калп тому назад, явился в мир будда Випашьин и пребывал в окружении девяноста тысяч монахов. Царя того времени звали Банду. Его главный советник пригласил будду с монашеской общиной на трехмесячное угощение. Победоносный принял это приглашение, и главный советник, вернувшись домой, приготовил все необходимое.

Тем временем царь также решил пригласить на угощение будду Випашьина с его общиной. Он отправился к нему и, прибыв, произнес такие слова:

— Прошу пожаловать будду с благородной монашеской общиной на протяжении трех месяцев принимать мои подношения.

На это Победоносный сказал царю:

— Поскольку меня ранее пригласил великий советник, то сначала пойду к нему. Ведь в силу святого Учения великое существо не должно нарушать обещания, данного ранее.

Вернувшись во дворец, царь сказал своему советнику:

— В этой стране нет никого выше меня. Победоносный в моей стране пребывает. Я решил совершить ему подношение и пригласил к себе. Однако ты пригласил его ранее. Ты обожди, сначала я приму [будду], а затем примешь ты!

— О государь! — ответил советник царю. — Ты волен по своему усмотрению располагать моим телом и жизнью, и Татхагата здесь постоянно пребывает, так что царская страна неизменно благоденствует и мор не случается в ней. Конечно, я немного обожду [принимать будду].

«Все же так не годится», — подумал царь и сказал:

— Мы оба по очереди через день будем принимать [будду].

Так они и сделали. Один день принимал царь, один день

принимал советник, и желание обоих [принять будду] было исполнено.

По этому поводу великий советник поднес Татхагате комплект духовного одеяния и подарил также каждому монаху девяностотысячной общины по куску материи на монашеское платье.

— Ананда, — закончил Победоносный, — великий советник того времени, который приготовил монашеские одеяния и поднес их будде с общиной, был не кто иной, как я ныне. Этим я для своих последующих рождений благоую заслугу сотворил, в результате чего беспечно наслаждался во всех рождениях ее неисчерпаемым плодом.

Ананда и многочисленные окружающие, выслушав сказанное Победоносным, прониклись усердием к делу творения благой заслуги и безмерно радовались его словам.

Глава сорок четвертая

О ТОМ, КАК БУДДА ВПЕРВЫЕ МИЛОСЕРДИЕ [В СЕБЕ] ПОРОДИЛ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время монахи вернулись с летней аскезы, пришли к Победоносному, поклонились ему и осведомились о его здоровье.

— Не измучились ли вы? — обратился он к монахам, породив жар сердечного милосердия.

Тут Ананда спросил Победоносного:

— С какого времени присуще Победоносному сердечное милосердие, высказанное им монахам?

— Если ты хочешь знать об этом, то я тебе поведаю, — сказал Победоносный Ананде.

Давным-давно, столь бесчисленное количество калп тому назад, что и не перескажешь, в ад живых существ низверглись два человека, творивших зло. Стражи ада заставляли их таскать железную колесницу и били железными молотами, побуждая без усталости бегать.

Один из них, слабый физически, будучи не в состоянии влочить колесницу, подвергался ударам железного молота, умирал и снова возвращался к жизни.

Его напарник, видя такие мучения и породив помысел о милосердии, сказал стражу ада:

— Я один буду тянуть железную колесницу, отпусти этого человека!

Разгневавшись, страж ада ударил его железным молотом, отчего тот сразу умер и возродился в небе тридцати трех богов.

— Ананда, — закончил Победоносный, — человек, пребывавший в то время, в той жизни, в аду живых существ и породивший милосердие, — это я ныне. В то время я в аду живых существ впервые породил помысел о милосердии. С того времени и по сей день обо всех живых существах мыслю с милосердием и любовью.

Ананда и многочисленные окружающие безмерно радовались рассказу Победоносного.

Глава сорок пятая

О ЦАРЕ ЦЗИВОКЪЕ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада, в окружении двадцати с половиной сотен монахов высокого звания. Победоносный, как-то раз заметив, что монахи, будучи привержены к нарядной одежде, прибыткам и славе, стараются скопить и прибрать к своим рукам как можно больше [всякого добра], так сказал им о вреде алчности:

— Каждый алчный после разрушения тела своего *, жизнь закончив, сразу же попадает на стезю трех дурных рождений и подвергается бесчисленным страданиям. Вспоминаю, как я в прежнем рождении, в давно прошедшие времена, из-за жадности попал на стезю дурных рождений и претерпел множество мучений.

Тогда Ананда, став на колени и сложив вместе ладони, обратился к Победоносному с такими словами:

— Каким образом из-за жадности попал Победоносный на стезю дурных рождений?

— Давным-давно, столь безмерное и бессчетное количество калп назад, что и умом не окинешь, — стал рассказывать Победоносный, — здесь, в Джамбудвипе, был царь по имени Чубате. Этому царю подчинялось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей Джамбудвипы, и было у него двадцать ты-

* Т. е. после смерти.

сяч жен и дворцовых наложниц, а также десять тысяч великих советников.

Как-то раз на макушке у царя вскочил волдырь размером с куриное яйцо. Был волдырь совершенно прозрачен и чист и не причинял боли.

Волдырь постепенно рос, а когда стал величиной с тыкву, то лопнул, и из него появился чрезвычайно красивый ребенок, с волосами иссиня-черного цвета и золотистым телом, отмеченный благими знаками.

Гадалщик, осмотрев ребенка, сказал:

— Этот мальчик обладает приметами, говорящими о его удивительных достоинствах. Без сомнения, он станет Чакравартином, владыкой четырех континентов. — И дал ребенку имя Цзивокье, что означает «Макушкой рожденный».

Когда мальчик вырос, то за свои высокие достоинства был посажен царем на вассальное княжение.

Как-то раз царь заболел. Собрались вассальные князья, ухаживали за больным царем, лечили его, но все было напрасно, царь скончался. Тогда собравшиеся вассальные князья отправились туда, где находился Цзивокье, и, придя к нему, сказали:

— Поскольку великий царь скончался, то просим тебя стать царем.

Цзивокье ответил на это:

— Если я обладаю благой заслугой и судьбой стать царем, то пусть четыре великих царя вместе с Индрой попросят меня об этом и поставят на царство.

Как только он вымолвил эти слова, спустились [с небес] четыре великих царя, держа драгоценную вазу, наполненную благовонной водой, и, вылив ему [воду] на темя, наделили царской властью. Спустился и царь богов Индра, который преподнес драгоценную корону и, надев ее на голову Цзивокье, восславил его достоинства.

Тогда вассальные князья попросили нового царя прибыть на царство в срединный царский удел.

— Если мне суждено быть царем, — отвечал им Цзивокье, — то должно, чтобы царские земли прибыли ко мне, а я не пойду за ними.

И тут же появился здесь царский удел с царским дворцом, садом, бассейном для омовения и всем необходимым. Вместе с тем здесь оказались все атрибуты вселенского монарха: золотое колесо, драгоценный слон, драгоценный конь, драгоценная женщина, драгоценный советник, драгоценный домохозяин, и, таким образом, Цзивокье стал Чакравартином, вла-

дыкой четырех континентов, осуществлявшим правление согласно Дхарме.

Как-то раз, видя, что многие люди землю обрабатывают и пашню готовят, он спросил советников:

— Для чего это делается?

— Все живое жизнь поддерживает пищей, для этого люди и пашут, — отвечали советники.

Тогда царь произнес:

— Если я обладаю силой благой заслуги, сделавшей меня царем, то пусть, не требуя работы, сами собой появляются всевозможные яства, да так, чтобы всем было вдоволь и исчезли бы голод и неутоленная жажда!

И как только эти слова были сказаны, сами собой явились еда и напитки.

Однажды на прогулке царь заметил ткачей, занимавшихся прядением и тканьем.

— Что они делают? — спросил он.

— Еда появляется сама собой, — отвечали ему, — однако нет одежды, прикрывающей тело. Они и делают одежду.

Тогда царь произнес такие слова:

— Если я обладаю царским жребием, то пусть сама собой появляется одежда! Пусть у всех бедняков будет достаточно одежды!

И как только эти слова были сказаны, на всех деревьях сами собой выросли одежды всевозможных расцветок, и у всех людей появились в изобилии разные носильные вещи.

Во время очередной прогулки заметил царь людей с музыкальными инструментами в руках.

— Что это все означает? — спросил царь.

— Поскольку теперь вдоволь еды и одежды, — отвечали ему, — то музыканты играют на разных инструментах. Вот это и есть музыка, сопровождающая радость и веселье.

— Если я обладаю царским жребием, — сказал тут царь, — то пусть музыка играет сама собой и сами собой появятся лучшие музыкальные инструменты!

И как только эти слова были сказаны, на ветках всех деревьев появились музыкальные инструменты. Желая слушать музыку — сами собой раздаются мелодичные звуки, доставляющие радость.

Благодаря благим заслугам и великому счастью царя с небес дождем стали падать драгоценности семи родов и заполнять всю страну. Царь спросил советников:

— Чьи добродетели вызывают подобное?

— Подобное вызвано добродетелями царя и благими заслугами живых существ, — отвечали ему советники с поклоном.

— Если причина этого — сила благих заслуг живых существ, то пусть драгоценности выпадают повсюду! — сказал тогда царь. — Если же это происходит только в силу моего жребия, то пусть драгоценности падают только в пределах дворца!

И как только были произнесены эти слова, то в других местах драгоценности перестали падать и падали лишь в пределах дворца непрерывно в течение семи суток.

И наслаждался Цзивокье в Джамбудвипе пятью радостями¹⁴⁶ на протяжении восьмидесяти четырех тысяч лет, после чего около дверей его дворца появился якша и громовым голосом прокричал:

— На востоке имеется Восточная страна достойных¹⁴⁷. Там благодно и беспримерно прекрасно. Поэтому, великий царь, тебе стоит туда отправиться!

Царь был рад сделать это. Вместе с золотым колесом поднялся он в небо, за ним последовали драгоценный советник и другие драгоценные атрибуты Чакравартина, и они прибыли в Восточную страну достойных. Все [тамошние] вассальные князья поклонились (присягнули?) ему, и восемьдесят тысяч лет наслаждался царь всеми пятью радостями в Восточной стране достойных.

После этого якша снова сказал:

— На западе имеется Западная страна, где разводят скот¹⁴⁸. Там также весьма благодно. Великому царю стоит туда отправиться.

Царь был также рад сделать это, и наслаждался он всеми благами в Западной стране, где разводят скот, сорок тысяч лет.

И снова якша сказал:

— На севере имеется Северная страна неблагозвучных голосов. Люди той страны живут в дружбе и обладают прекрасным достатком. Поэтому царю стоит отправиться в ту страну.

Царь с радостью отправился туда и в течение восьмидесяти тысяч лет наслаждался всеми пятью радостями в стране неблагозвучных голосов.

Затем якша сказал:

— Благодность местопребывания четырех божественных царей из рода великих царей-хранителей не поддается измерению. Царю следовало бы туда направиться.

Царь вместе с советником и войском четырех родов взмыл в небо и направил свой путь в ту страну.

Четыре великих царя, издав далеко увидав его, перепугались и, собрав войско, вышли навстречу. Однако они ничего не могли поделать и вернулись назад.

Цзивокье провел там, наслаждаясь всеми благами, десять тысяч лет и [затем] решил отправиться в обитель тридцати трех богов. Вместе со всей своей свитой он взмыл в верхнее небо и направил свой путь в обитель тридцати трех богов.

В то время в долине горы Меру обитало пятьсот риши. Улавлившие испражнения и моча царских слона и коня коснулись риши, и те спросили один другого:

— Что это?

Один риши, обладавший острым умом, сказал другим:

— Царь Цзивокье следует в обитель тридцати трех богов. Несомненно, это нечистоты его слона и коня.

Разгневавшись, риши с помощью мантр¹⁴⁹ и мудр¹⁵⁰ преградили путь Цзивокье и его многочисленной свите.

Царь же, узнав об этом, произнес такое заклятие:

— Если я обладаю благой заслугой и могуществом, то пусть эти риши явятся ко мне и почтят меня!

В силу великих царских достоинств и его могущества пятьсот риши один за другим предстали перед ним и служили ему. И путь в обитель тридцати трех богов был продолжен.

Поднявшись вверх, царь и его свита издав далеко увидели прекрасный дворец богов, сверкающий всеми цветами радуги. В том прекрасном дворце имелось двенадцать с половиной сотен ворот. Испуганные боги заперли ворота на тройные железные засовы.

Цзивокье вместе с войском беспрепятственно подошел к дворцу. Протрубив в рог, он натянул и отпустил зазвеневшую тетиву. Тут же все двенадцать с половиной сотен ворот одновременно сами собой отворились, и вышел Индра встретить царя. Он ввел царя во дворец богов и усадил его на половину своего трона*.

Владыка богов и владыка людей походили друг на друга своим внешним видом. Смотрящие на владык не различали их [с первого взгляда] и распознавали, только приглядевшись.

Царь пребывал во дворце богов, наслаждаясь всеми пятью наивысшими радостями, на протяжении тридцати шести кон-

* Т. е. Индра — владыка богов — разделил с царем свою власть.

чин и новых воплощений владыки богов Индры, последним из которым был бодхисаттва по имени Кашьяпа.

В то время владыка асуров двинул на богов свои войска. Индра не мог противостоять им и вместе со своим войском бежал назад, в свою обитель.

Тогда вышел Цзивокье, протрубил в рог, прозвенел тети-вой лука, и тут же все войско асуров обратилось в бегство.

Тут Цзивокье подумал: «Никто не может сравниться со мной силой и могуществом. Затем же делить власть с Индрой? Лучше я убью его и буду господствовать один».

Но как только возник этот греховный помысел, царь тут же низвергся с небес и упал при последнем издыхании около дверей своего прежнего дворца, пришедшего в упадок. К нему приблизились люди и обратились с такими словами:

— Если нас спросят, каким образом умер владыка мира царь Цзивокье, что на это отвечать?

— Если такое спросят, — сказал Цзивокье, — то отвечайте следующее: царя Цзивокье сгубила власть желаний. Четыреста миллионов лет правил он четырьмя континентами, семеро суток падали дождем драгоценности, и хотя двух обителей богов достиг он, но все было ему недостаточно, за что он низвергся с небес и умер.

— Поэтому, монахи, — заключил Будда, — страсть к наживе и славе воистину есть великое зло. Навсегда отриньте ее и сосредоточьте все помыслы на достижении истинного просветления.

Тогда Ананда спросил Победоносного:

— Что за благую заслугу сотворил в прежнем рождении царь Цзивокье, если обрел столь великий плод?

— Давным-давно, столь бесчисленное количество калп тому назад, что и умом не окинешь, — рассказал Победоносный, — в мир явился будда Пурша и вместе со своим окружением творил в миру благие дела. В то время женился сын одного брахмана. А по обычаю мирян, когда женишься, надо рассыпать горсть гороха. И тот юноша, взяв горсть гороха, вышел, чтобы рассыпать его. На дороге он встретился с Победоносным и, очень обрадовавшись, рассыпал перед ним этот горох. Четыре горошины попали в патру Победоносного, а одна — на его темя. Только по причине и вследствие этого юноша обрел великую благую заслугу. Четыре горошины, попавшие в чашу для подаяния, обернулись для него владычеством над четырьмя континентами. Горошина, приставшая к темени, обернулась наслаждением и почестями в двух обителях богов.

Прослушав рассказанное Победоносным, некоторые его ученики обрели духовные плоды от первого до архатства.

И многочисленные окружающие безмерно радовались сказанному Победоносным.

Глава сорок шестая

О ДЕСЯТИ СЫНОВЬЯХ ЖЕНЩИНЫ СУМАНЫ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравастии, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. Младшую дочь домохозяина Анатхапиндады, девушку чрезвычайно красивую, звали Сумана. Из всех дочерей тот домохозяин больше всего любил свою младшую дочь и поэтому, куда бы ни шел, ее также брал с собой.

Как-то раз домохозяин пошел поклониться Будде, и вместе с ним пошла младшая дочь. При биде Будды девушку охватила огромная радость, и она решила умастить благовонной мазью его жилище.

В то время девушка держала в руках яблоко, и Победоносный сказал:

— Дай!

Девушка тут же положила его в руку Победоносного, который, приняв яблоко, начертал на нем названия различных превосходных благовоний и вернул его девушке. Когда девушка вернулась с родителями домой, она отправилась на рынок и купила множество различных благовоний, которых желал Победоносный.

Затем девушка снова пошла в сад Джетавана и целый день умащивала благовониями жилище Победоносного.

Случилось так, что тем временем сын царя страны Цзишири был послан в Раджагриху. По пути царевич оказался в саду Джетавана. Увидав там девушку, которая умащивала благовониями [жилище Будды], он влюбился в нее и, решив взять ее в жены, попросил эту девушку у царя Прасенаджита.

— Кто она? — спросил царь.

— Она дочь домохозяина Анатхапиндады, — последовал ответ.

— В таком случае у меня просить ее бесполезно. Проси у родителей самой девушки! — сказал царь.

И хотя царевич слезно просил у царя Прасенаджита [удовлетворить его желание], тот по-прежнему отвечал:

— Делай так!*

Тогда царевич отправил назад в свою страну всех слуг и свиту, оставив себе только одного слона.

Выбрав время, он пришел в сад Джетавана, похитил девушку Суману, сел на слона и пустился в бегство. Домохозяин Анантхапиндада хотя и отправился за ним в погоню, но не догнал. А царевич, вернувшись в свою страну, женился на Сумане.

Прошло время. Жена царевича забеременела и спустя должное число месяцев принесла десять яиц. Яйца лопнули, и из каждого яйца появилось по восхитительно-прекрасному ребенку.

Дети выросли отважными и ловкими юношами, любившими охотиться на диких зверей и убивать их.

— Не убивайте диких животных, — наставляла мать своих детей.

— Для нас нет иного удовольствия, кроме охоты на диких зверей, — отвечали те. — Если мать не разрешает нам их убивать, то, значит, она питает к нам ненависть.

— Я отнюдь не ненавижу вас, — возразила им мать, — наоборот, только из-за любви к вам ваша мать запрещает убивать животных, и вот почему: за грех пресечения жизни человек в течение многих сотен тысяч лет подвергается мучениям в аду живых существ. Постоянно возрождаясь в аду с головой оленя, барана, зайца и всех прочих диких животных, он служителями ада бесчисленное количество лет предается смерти. Хотя и желаешь избавиться от этого, но нет спасения от [последствий] греховных деяний.

— Мать, — спросили сыновья, — слова подобного поучения ты слыхала от других или дошла до них своим рассудком?

— Эти слова я слыхала от Будды, — отвечала им мать.

— Расскажи, кто это такой, именуемый Буддой, — попросили сыновья.

Удивленная мать сказала:

— Как, разве вы не слышали о прекрасном сыне царя Шудходаны, который стал вселенским монархом — Чакравартином. Желая поправить старость, болезнь и смерть, он вступил в монашество, и путем медитации, увенчались успехом его намерения, и он обрел наивысший плод. Ростом в шестнадцать локтей, он украшен всеми благостными приметами, ему присущи три ведения и шесть трансцендентных способностей,

* Т. е. проси девушку у родителей.

безгранично его провидение, а прошлое, настоящее и будущее открыты для него, как плод, лежащий на ладони.

Возрадовались сыновья, услышав рассказ матери, и спросили:

— Далеко ли отсюда пребывает сейчас Будда? Можно ли увидеть его?

— Сейчас Будда пребывает в Шравастии, — отвечала им мать, — и увидеть его можно.

— В таком случае мы пойдем повидать Будду, — сказали сыновья.

Мать им разрешила, и они все вместе отправились в Шравастии.

Когда они пришли туда, их увидел Анантхапиндада, который являлся дедом юношей, и, безмерно обрадовавшись, повел внуков в сад Джетавана, чтобы они узрели Татхагату. При виде Будды юноши нашли, что его свойства, о которых они слышали ранее, на самом деле тысячекратно прекраснее, и великая радость охватила их.

Победоносный должным образом преподавал им Учение, и у десяти юношей одновременно раскрылся чистый дхармический глаз на Учение Будды, после чего они попросили Будду принять их в монашество.

— Имеете ли вы разрешение ваших родителей? — спросил юношей Победоносный.

— Мы еще не спрашивали, — отвечали те.

— До получения разрешения родителей в монашество вступать нельзя, — сказал им Победоносный.

Тогда Анантхапиндада обратился к Победоносному с такими словами:

— Я дед этих юношей, и поскольку я тоже имею права на внуков, то разрешаю им вступить в монашество.

В соответствии с этим Победоносный также дал свое согласие, и тут же волосы на лицах и головах юношей сами собой сбрились, и они стали монахами. Прилежая на монашеском пути, все они обрели архатство.

Десять монахов жили между собой очень дружно. Если в путь отправлялись, то отправлялись вместе. Если останавливались где, то и останавливались вместе. Поэтому все жители страны также исполнились [друг к другу] дружелюбия.

И спросил Ананда Победоносного:

— Что за благую заслугу произвели эти десять монахов, если они родились в знатном роду и обладают прекрасным обликом?

На это рассказал Победоносный Ананде следующее.

— Давным-давно, девяносто одну калпу тому назад, в мир явился будда по имени Вишвабху¹⁵¹. Сотворив благо живым существам, он удалился в нирвану, а его святые останки [чудесным образом] умножились, и над ними было сооружено бесчисленное количество ступ.

Со временем одна ступа разрушилась, и некая старуха стала ее починять. Десятеро молодых путников, проходивших там, увидели ее [за этим занятием] и спросили:

— Ты что делаешь?

Старуха ответила им:

— Эта ступа — место подношений. Ее восстановление зачтется за великую благоую заслугу. Поэтому, желая благой плод обрести, починяю ее.

Обрадовались юноши и сказали:

— Мы также поможем.

Починив ступу, десятеро юношей произнесли такое моление:

— Да будем мы возрождаться сыновьями этой старой женщины!

И с этого времени на протяжении девяносто одной калпы они вместе возрождались в мире богов или людей и пребывали в благополучии. Следующие три качества выделяли их среди других людей: здоровье и физическая красота, всеобщее уважение, постоянное долголетие вкупе с тем, что во всех своих бытиях они ни разу не низвергались в ад живых существ. Встретившись же со мной, они отряхнули всяческую скверну и стали архатами.

В той жизни, в то время, та старуха — это ныне женщина Сумана. Десять молодых путников — десять этих архатов.

После рассказа Победоносного некоторые из многочисленного окружения вступили в поток, обрели одно возвращение, невозвращение и архатство. Другие же, породив помысел о наивысшем духовном совершенстве, стали пребывать на стадии анагаминов.

И все безмерно радовались сказанному Победоносным.

Глава сорок седьмая

ОБ УПАГУПТЕ ¹⁵²

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время в той стране был бродячий

брахман по имени Упагупта, который обладал большими знаниями и светлым умом, а также он был сведущ в событиях прошлого, будущего и настоящего.

Пришел тот брахман как-то раз к Победоносному и изъявил желание вступить в монашество, сказав при этом:

— Вступлю в монашество, если мудростью и талантами сравняюсь [в результате этого] с Шарипутрой. Если же это невозможно, то вернусь домой.

— Это невозможно, — ответил Победоносный.

Тогда бродячий брахман не стал вступать в монашество и вернулся домой.

Однажды Победоносный сказал своему многочисленному окружению:

— Через сто лет после моего ухода в нирвану этот брахман вступит в монашество, станет обладателем шести трансцендентных способностей и сотворит благо множеству живых существ.

Уходя в нирвану, Победоносный сказал также Ананде:

— Ухажу в нирвану и передаю тебе сосуд всех сутр. Храни их крепко и распространяя!

И после ухода Победоносного в нирвану Ананда стал хранителем сосуда всех сутр святого Учения. Когда Ананда полностью покидал свое тело, он отдал такое распоряжение своему ученику Яшеке:

— Уходя, передаю тебе все сутры, храни их крепко! — И добавил следующее: — В стране Варанаси у домохозяина Гупты будет сын по имени Упагупта. Ты выпроси его и прими в монашество. Когда же ты уйдешь, то святое Учение вручи ему.

После кончины Ананды Яшека хранил святое Учение и сотворил много блага живым существам этого мира. Затем он пришел в город Варанаси и, установив дружеские отношения с тамошними домохозяевами, постепенно приблизился к той семье* и завязал с ней дружбу.

У домохозяина Гупты родился сын, которому дали имя Упагупта. Когда он был еще маленьким и неокрепшим ребенком, Яшека попросил отдать его в монашество, но домохозяин сказал на это:

— Не выйдет. Мой единственный, желанный сын будет хранителем рода. Вот если родится еще один ребенок, тогда отдам.

Через некоторое время родился еще один ребенок, кото-

* Т. е. к семье домохозяина Гупты.

рого называли Нандангупта. Яшека снова пришел к этому домохозяину и попросил ребенка. Но домохозяин сказал:

— Старший сын должен заниматься внешними делами [семьи], а младший — ее внутренними делами, тогда все будет в порядке. Поэтому не могу отдать. Вот если появится еще один ребенок, то его непременно отдам.

Яшека, будучи архатом, обладал тремя ведениями и знанием всех свойств, присущих [тому или иному] живому существу. Поэтому, проникнув в природу двух сыновей домохозяина и найдя, что их уделом отнюдь не является монашество, он не стал настаивать.

Затем у домохозяина родился третий сын, мальчик прекрасной наружности. Яшека опять пришел к тому домохозяину и попросил у него сына.

— Ребенок еще очень мал и не может выполнять обязанностей служки, поэтому не могу тебе отдать. Вот когда подрастет, тогда и отдам.

Когда мальчик вырос и вошел в разум, отец вверил ему богатства и товары и пустил по торговой части.

Как-то раз Яшека пришел к [младшему] сыну домохозяина, преподавал ему Учение и, побудив его сосредоточить свои мысли в одной точке, дал следующее наставление:

— При возникновении благостного помысла откладывай в сторону белый камешек. При возникновении неблагоприятного помысла откладывай в другую сторону черный камешек. Затем посчитай, каких больше.

Упагупта в соответствии с этим наставлением откладывал камешки при появлении [у него] благостного и неблагоприятного помыслов, а затем считал.

Сначала черных камешков оказывалось очень много, а белых совсем мало. Затем в результате постепенного совершенствования число черных и белых камешков сравнялось. И наконец, когда он свои помыслы от мирских влечений отвратил, черные камешки исчезли и остались только белые. Совершенствовались и умножались его благие помыслы, и он обрел первый духовный плод.

В то время одна гетера, проживающая в городе, послала служанку к Упагупте купить цветов. Упагупта был честен и отпустил служанке много прекрасных, радующих глаз цветов.

Когда служанка принесла цветы и вручила их своей хозяйке, та с удивлением спросила ее:

— Цветы, что мы прежде покупали, стоили столько же, сколько и эти. Но почему же прежде цветов было мало, а сейчас много? Не обманывала ли ты меня раньше?

Служанка ответила:

— Нынешний торговец цветами на удивление честен. Ему чужд обман, поэтому я и получила так много [цветов]. Этот человек красив и прекрасно сложен. Если госпожа взглянет на него, то влюбится.

Тогда гетера послала служанку пригласить Упагупту. Но Упагупта не пришел, так как не имел на то никакого желания. Еще и еще раз звали его, но он не хотел приходить.

Как-то раз та гетера встретила с царским сыном и, польстившись на его драгоценные одежды, убила царевича, а труп спрятала.

По приказу царя стали обыскивать дома и нашли тело царевича в доме у гетеры.

Согласно царскому распоряжению ей отсекали руки и ноги, отрезали нос и уши, а останки выбросили на кладбище. Но, несмотря на такое, она все еще оставалась жива, и Упагупта пришел к ней.

Гетера спросила его:

— Почему раньше, когда я была прекрасна, ты не захотел прийти, а сейчас, когда я столь ужасна, пришел?

Упагупта ответил:

— Я пришел сюда не из-за чувственного желания, а из-за милосердия к тебе. — И он наставил ее в Учении о четырех аспектах бренности, сказав, что тело — это сосуд нечистот, объект страданий, пустотно оно и безлично. Поэтому только невежественные глупцы привязаны к бренному телу.

И гетера, выслушав его поучение, обрела чистый дхармический глаз на святое Учение, а Упагупта обрел плод невозвращения.

Затем Яшека попросил домохозяина отдать этого юношу в монастырь. Домохозяин вручил юношу Яшеке, тот привел его в храм и возложил на него [первые] десять обетов.

Спустя двадцать лет Упагупта принял монашеские обеты во всей их полноте, а затем стал архатом. Обладая тремя ведениями и шестью трансцендентными способностями, он обрел неистощимое красноречие и, собирая толпы людей, наставлял их в Учении.

Как-то раз, [во время проповеди], греховный Мара низвел дождь золотых монет на многочисленных собравшихся, и все люди, возжаждав денег, перестали слушать слова Учения.

На следующий день, во время проповеди Учения, греховный Мара низвел дождь цветочных венков на многолюдное сборище, чем привел в смятение помыслы всех людей.

И еще на следующий день, когда Упагупта проповедовал

Учение многочисленному собранию людей, владыка мар явил голубого слона с шестью клыками. На каждом клыке находился водоем, в каждом водоеме имелось семь цветов, на каждом цветке сидели по семи хрустальных дев и играли на музыкальных инструментах. Тот слон медленно выступал, рисуясь своей величавой походкой, все же люди, глаза на него, не желали [слушать слова] Учения.

И еще на следующий день, во время проповеди Учения многочисленному собранию, владыка мар обернулся молодой девушкой прекрасного облика и вступил в толпу собравшихся. Все люди тарасили глаза [на эту девушку] и забыли слушать [слова] Учения. Яшека* тут же обернул эту магическую девушку белым скелетом, и все люди, увидев это, тотчас обратили свое внимание к святому Учению, отчего многие обрели духовный плод.

У достопочтенного [Упагупты] была собака. Каждый день, наострив уши, она внимала святому Учению. Поэтому после смерти собака возродилась [божеством] в шестой обители богов и располагалась на одном сиденье с греховным Марой. «Это божество, — подумал греховный владыка, — видно, обладает огромными достоинствами, если равно мне. Надо выяснить, из кого же оно после смерти здесь возродилось». Выяснил и обнаружил, что [божество] возродилось из собаки. «Это все монах сделал, чтобы оскорбить меня и унизить», — подумал Мара.

Издавека он увидел, что достопочтенный [Упагупта] пребывает в самадхи, и надел ему на голову драгоценную корону.

Поднявшись из самадхи, Упагупта обнаружил на голове корону. Стал выяснять, кто надел ему корону, и нашел, что это сделал греховный Мара. Своей магической силой он вызвал греховного Мару к себе и, обернув труп собаки жемчужной налобной повязкой, вручил ее греховному Маре со словами:

— Ты дал мне корону, взамен я дарю тебе эту нить жемчуга, прими!

Греховный Мара взял нить жемчуга, надел ее на голову и удалился.

Вернувшись назад, он нашел, что жемчужная повязка, надетая на его голову, является не чем иным, как трупом собаки. С отвращением он пытался сбросить ее, но, сколь ни напрягал силы, сбросить не мог.

* Вероятно, в тексте ошибка и следует читать Упагупта.

Тут к нему подошел Индра.

— Сбрось с меня эту нечисть! — попросил его греховный Мара.

— Кто это сделал; только тот может сбросить, — ответил ему Индра, — я же не в силах ее сорвать.

Ко всем богам, вплоть до владыки богов Брахмы, обращался греховный Мара с просьбой освободить его от этой нечисти. Но ответ был такой же, как и прежде: «У меня нет сил сбросить ее».

Ничего не оставалось делать. Пришел греховный Мара к достопочтенному Упагупте и обратился к нему с такими словами:

— Воистину Будда Победоносный обладает великими достоинствами. Его милосердие всеобъемлюще. Вы же, шрамы, ужасны. Вот, к примеру, некогда я с войском в восемьдесят тысяч претов окружил бодхисаттву и пытался свести на нет его высшее духовное пробуждение. Однако он, милосердие в себе взрастив, не мыслил меня своим врагом. Над тобой же я только немного подшутил, а ты вон какое дело сотворил.

— Верно ты говоришь, — согласился Упагупта. — Сравнивать Будду со мной — дело никоим образом не возможное. Это то же самое, что сравнивать гору Меру с горчичным зерном, или океан с лужицей в следе из-под копыта, или царя зверей льва с лисицей — все это величины несоизмеримые. Я родился в конце плохого периода времени и не зрел Татхагату. Слышал я, что ты силой магических превращений можешь обернуться Буддой. Покажи, я хочу непременно видеть [его].

Мара сказал:

— Я обернусь его подобием. Только ты не кланяйся мне.

— Не буду кланяться, — ответил Упагупта.

Тут же владыка мар обернулся Буддой, рост которого составлял шестнадцать локтей, а тело, украшенное тридцатью двумя знаками высшего существа и восемьюдесятью [второстепенными] признаками телесных совершенств, было золотистого цвета и блистало ярче солнца и луны.

Обрадованный Упагупта собрался отдать поклон, но владыка мар тут же принял свой настоящий облик и спросил Упагупту:

— Достопочтенный, ты ведь не хотел кланяться. Почему ты намеревался отдать поклон?

— Я хотел отдать поклон Будде, но не тебе, — ответил Упагупта.

— Во имя милосердия избавь меня от трупа собаки, — попросил владыка мар Упагупту.

— Породи помысел о сострадании, стань защитником всех живых существ, и собачий труп обратится в нить подлинных драгоценностей. Но только породить недобрый, преховный помысел, нить [опять] собачьим трупом обратится.

Ужаснулся владыка мар и постоянный добрый помысел в себе породил.

В то время Упагупта, обретя духовный плод, живые существа в истинную веру обращал. Число тех, кто его стараниями обрел все четыре духовных плода, сопоставимо со следующим: если каждый, обретший духовный плод, положил бы палочку небольшой длины в помещение, которое в шестьдесят раз выше, длиннее и шире этой палочки, то это помещение оказалось бы целиком заполненным такими палочками.

Все люди стали восхвалять и прославлять Упагупту, говоря:

— Велики твои достоинства, поэтому ты бесчисленное количество живых существ в истинную веру обратил.

— Если я, — сказал Упагупта, — в то время, когда пребывал в мире животных, живые существа также обращал в истинную веру и делал их обладателями благородного [духовного] плода, то ныне стоит ли говорить об обращении в истинную веру?

— Соизволь поведать нам, — попросили многочисленные окружающие, — каким образом ты прежде живые существа в истинную веру обращал.

И рассказал Упагупта.

В давно прошедшие времена здесь, в Варанаси, на «Горе встреч риши», пребывало пятьсот пратьекабудд. В то время одна обезьяна ежедневно наблюдала за жертвоприношениями и поведением пратьекабудд. Затем пратьекабудды ушли в другое место, а на горе стало обитать пятьсот бродячих брахманов. Некоторые из этих брахманов совершали жертвоприношения солнцу и луне, некоторые — божеству огня. Те, кто совершал жертвоприношения солнцу и луне, поднимали одну ногу в направлении солнца и луны. Поклонники же божества огня каждое утро возжигали огонь.

Тогда обезьяна схватила рукой поднятые ноги тех брахманов и дернула их вниз, а также потушила огонь у тех, кто его возжег. Затем она села выпрямившись, как сидят в позе медитации.

Тут бродячие брахманы сказали один другому:

— Похоже, что эта обезьяна хочет сказать нам: «Посту-

пайте так!» Давайте мы также сядем, выпрямив тело, и подумаем над смыслом этого.

И как только бродячие брахманы сели в такую позу, они проникли умом в ее смысл и стали пратьекабуддами.

— В той жизни, в то время, — сказал Упагупта, — я и был той обезьяной.

— Почему же ты возродился тогда в теле обезьяны? — спросили окружающие.

— Давным-давно, девяносто калп тому назад, — рассказывал Упагупта, — когда в мир явился будда Випашьин, в Варанаси, на «Горе встреч риши», обитали монахи. В то время один монах, обретший духовный плод, быстро шел по вершине горы. Тут один молодой монах сказал ему:

— Монах, ты такой же быстрый, как обезьяна.

По этой причине и вследствие этого он был обречен иметь тело обезьяны в продолжение пятисот рождений. Поэтому следите за речью своей и не говорите грубых слов.

Когда Упагупта излагал это поучение, некоторые из многочисленных окружающих обрели духовный плод вступления в поток, одного возвращения, невозвращения и архатства. Некоторые взрастили благой корень становления пратьекабуддой. Некоторые породили помысел о наивысшем духовном пробуждении. И бесчисленное множество было тех, кто обрел невозвращение.

Глава сорок восьмая

О ПЯТИСТАХ ГУСЯХ, ВОЗРОДИВШИХСЯ НА НЕБЕСАХ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Варанаси. В то время на лесной лужайке он проповедовал святое Учение богам, людям и своему окружению.

Случилось так, что в небесах летело пятьсот гусей. Услышав благозвучную проповедь Победоносного, гуси возрадовались и, паря в небе, собирались опуститься вблизи Победоносного. Но один охотник поставил в той стороне сети, пятьсот гусей попали в них и были убиты охотником.

Все они тут же возродились в обители тридцати трех богов восьмилетними детьми, сидевшими на коленях у родителей. И были эти дети богов прекрасны обличем, и исходило от них сияние, освещающее все вокруг, подобно сиянию золотой горы.

«По какой причине, — подумали они, — возродились мы

божествами?» И, вспомнив прошлое, они поняли, что божествами возродились потому, что услышали звуки проповеди Учения.

Тогда, взяв цветы и благовония обители богов, они спустились с небес и прибыли в Джамбудвипу, в Варанаси, туда, где пребывал Победоносный. Божественным светом они озарили местопребывание Победоносного, одновременно низко ему поклонились и, сложив ладони, обратились к Будде с такими словами:

— Лишь оттого, что услышали речь Победоносного, проповедовавшего Учение, мы возродились в святой обители богов. Сейчас яви нам милосердие свое и наставь нас в святом Учении.

Победоносный наставил их в Учении о четырех благородных истинах, и эти боги, проникнув в него, обрели плод вступления в поток. С этого времени они уже не попадали на путь трех дурных рождений. Вернувшись в небесную обитель, полностью освободились от всей скверны.

Ананда спросил Победоносного:

— Сблагодизволь разъяснить, что за боги вчера вечером, озаряя своим сиянием все вокруг, пришли поклониться Победоносному.

— Ты хорошенько слушай и запоминай, — сказал Победоносный, — а я разъясню. Когда я вчера в лесу проповедовал Учение богам, людям и своему окружению, пятьсот гусей, уверовав в голос, проповедовавший Учение, возрадовались мне и направились в мою сторону, однако по дороге были пойманы и убиты охотником. Породив мысль, исполненную веры в голос Учения, они возродились в обители тридцати трех богов. А когда вспомнили прошлое, то пришли мне поклониться.

Услышав сказанное Победоносным, Ананда чрезвычайно возрадовался, произнес хвалу: «Сколь удивительно это!» — и сказал:

— Приход Победоносного в этот мир — событие воистину замечательное. Нет тех, кого бы не напоил дождь святого Учения. Уж если мелкие существа мира животных, выслушав слова Учения, обретают благую заслугу, то что тут говорить о людях?!

— Верно! Верно! — сказал Победоносный Ананде. — Как ты и говоришь, приход Победоносного в мир является для всех полезным и благим событием, тогда дождь нектара [Учения] везде выпадает и утоляет жажду множества живых существ. Поэтому сосредоточивай все мысли свои и внимай проповеди Будды!

И возрадовались Ананда и многочисленное окружение словам Победоносного.

Глава сорок девятая

О ЛЬВЕ ПО ИМЕНИ ИДАМ ТЕНПА

Победоносный пребывал на Коршуньей скале. В то время Дэвадатта, который постоянно злоумышлял против Победоносного, только и мечтал, чтобы во всеуслышание было сказано: «Татхагаты не стало, ныне будда — сам Дэвадатта». Поэтому он подтолкнул на отцеубийство царевича Аджаташастру, заявив потом: «Хорошо, когда в стране и новый будда, и новый царь».

В то время население страны, проникшись недружелюбием к монахам, не желало видеть их. Как-то раз пошли монахи по деревням для сбора подаяния. Жители, придя в гнев, даже разговаривать с ними не стали, и монахи вернулись с пустыми патрами.

Придя на Коршунью скалу, они обратились к Победоносному с такими словами:

— Дэвадатта творит греховные, неблагие деяния, поэтому все податели милостыни преисполнились недружелюбия.

Тогда Победоносный сказал Ананде:

— Знай, если кто питает недружелюбие к монахам, облаченным в оранжевое одеяние*, то тем самым он питает недружелюбие к буддам, пратьекабуддам и архатам прошлых времен, питает недружелюбие к буддам, пратьекабуддам и архатам грядущих времен, питает недружелюбие к буддам, пратьекабуддам и архатам, пребывающим ныне. Недружелюбие к столь возвышенным трех времен влечет за собой воздаяние безмерным греховным плодом. Почему же так? Потому, что религиозная оранжевая одежда есть знамя возвышенных всех трех времен. Любое живое существо, которое сбривает волосы на лице и голове и облачается в оранжевое одеяние, вскоре освобождается от всех страданий и, обретя высшую мудрость, становится защитником и прибежищем для всех сущих. Любое живое существо, породившее помысел о монашестве и облачении в оранжевые одежды, обретает безмерную благую заслугу.

Ананда, я также некогда, исполнившись веры в носящих

* Т. е. к буддийским монахам.

оранжевую духовную монашескую одежду и чтя их, Буддой стал.

— Соизволь поведать, — обратился тогда Ананда к Победоносному, — каким образом ты некогда оказывал почтение монашеству, облаченному в оранжевые духовные одежды.

— Слушай внимательно и запоминай, — сказал Победоносный Ананде, — я тебе расскажу.

— Давным-давно, — начал Победоносный, — бесчисленное и безмерное количество калп назад, в стране Джамбудвипе был царь по имени Даци, которому было подвластно восемьдесят четыре тысячи вассальных князей.

В то время в мире не было Учения Будды. В горах и лесах обитали пратьекабудды, они передвигались в небесах, творя благо живым существам. Этим [пратьекабуддам] оказывали почтение и дикие животные.

В Джамбудвипе жил тогда лев по имени Идам тенпа, что означало «Неколебимый обет». Его шерсть сверкала золотистым блеском, и питался тот лев плодами и кореньями, не убивая живых существ.

Как-то раз один охотник, увидев льва, очень обрадовался и подумал: «Сейчас я добуду себе счастье. Если я этого льва убью, а его шкуру поднесу царю, то непременно избавлюсь от бедности». И, подумав так, он сбрил волосы, надел духовное платье, спрятал под мышкой лук со стрелой и направился туда, где обитал лев.

Лев спал, когда охотник поразил его отравленной стрелой. Пробудившись, лев хотел броситься на охотника, но, увидав духовную одежду, подумал: «Давно в мире не было такого человека. Скоро он от всех страданий освободится, потому что это духовное оранжевое одеяние является знаменем всех благородных в прошедшие, грядущие и нынешние времена. Причинить ему вред — значит дурно отнестись к благородным всех трех времен». Подумав так, лев оставил мысль об убийстве и, расставаясь с жизнью от яда отравленной стрелы, произнес:

— Я-ла-ла ва-ша-са сва-ха!

Тут же содрогнулись земля и небеса, с безоблачного неба хлынул дождь. Когда боги божественным глазом посмотрели, то они увидели, как в мире [людей] охотник убил бодхисаттву, пребывавшего в облике льва. Дождем выпали с верхнего неба цветы из обители богов. Так почтили боги останки льва. Охотник же, сняв со льва шкуру, вернулся домой.

Когда охотник поднес царю Даци [шкуру льва] и попро-

сил подарок, царь подумал: «В сочинениях и священных книгах говорится, что то животное, чей цвет подобен золоту, непременно является бодхисаттвой, великим существом. Зачем же я буду делать охотнику подарок? Ведь если я его одарю, то сам уподоблюсь убийце».

Однако, уступая настояниям охотника, царь дал ему небольшой подарок и спросил:

— Не произошло ли чего-нибудь удивительного, когда ты убивал этого льва? Не случилось ли какого-либо знамения?

— Лев произнес восемь следующих слов, — отвечал охотник, — затем содрогнулись небо и земля, с безоблачного неба пошел дождь, и выпали неземные цветы.

Опечалился царь, услышав эти слова, и, породив мысль, исполненную веры, собрал всех советников и умудренных старцев, чтобы они растолковали слова, сказанные львом, но ни один не смог понять их.

В одной пустыне жил мудрый и многознающий риши по имени Шама. Царь пригласил этого риши к себе, и тот следующим образом объяснил слова льва:

— Смысл слов «я-ла-ла», — сказал он, — таков: «Сббивший волосы и носящий оранжевое духовное платье очень быстро освобождается от рождений и смертей». Смысл слов «ва-ша-са» таков: «Все сббившие волосы и носящие оранжевое духовное платье, обладая знаком возвышенности, близки к нирване». Смысл слов «сва-ха» таков: «Сббивший волосы и носящий оранжевое духовное одеяние должен почитаться богами, людьми и всеми другими существами в мире».

Когда риши произнес эти слова, царь очень обрадовался, собрал восемьдесят четыре тысячи вассальных князей, приказал приготовить высокую колесницу, сделанную из семи драгоценностей, и положить на нее шкуру льва, чтобы все могли ее видеть, совершить приношения благовониями и цветами и поклониться ей. После этого сделали золотую раку, в нее положили шкуру льва, а над ней соорудили ступу. Все присутствовавшие при этом люди с добродетельными помыслами после своей смерти возродились божествами на небесах.

— Ананда, — сказал Победоносный, — в то время, в той жизни, лев, который с добром помыслил о человеке, одетом в оранжевое духовное одеяние, на протяжении ста тысяч калп был вселенским монархом — Чакравартином. Всем живым существам приносил благо, он умножал благую заслугу и стал буддой. В то время, в той жизни, лев Идам тенпа — это я ныне. В то время, в той жизни, царь Даци, который почитал шкуру льва, на протяжении ста тысяч калп рождался

лучшим среди богов и людей и творил добро. Сейчас это бодхисаттва Майтрейя. Риши того времени, той жизни, — ныне Шарипутра. Охотник же тот — это ныне Дэвадатта.

Многочисленные окружающие, выслушав рассказ Победоносного, возрадовались и попросили его:

— Да помыслит с милосердием о нас Победоносный, простит и в грех нам не поставит, если мы, не узнав возвышенное существо, дурно подумаем о нем.

И в милосердии своем Победоносный наставил их в Учении о четырех благородных истинах, отчего каждый в соответствии со своим прежним поведением обрел духовный плод. Некоторые обрели плод вступления в поток, одного возвращения, невозвращения и архатства. Некоторые породили помысел о наивысшем духовном пробуждении.

Ананда и все многочисленные окружающие безмерно радовались сказанному Победоносным.

Глава пятидесятая

ИСТОРИЯ О ЧЕРВЕ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале. В то время неподалеку от города находился пруд с очень грязной водой. Люди выбрасывали туда кал, мочу и прочие нечистоты. В том пруду обитал огромный четырехногий червь, похожий на змею. Он плавал в глубине пруда, иногда выпрыгивая из воды, иногда двигаясь по поверхности. Множество лет пребывал он в пруду, подвергаясь безмерным мучениям.

Как-то раз Победоносный в окружении многих монахов пришел к пруду и, увидав червя, спросил:

— Кто из вас знает первопричину появления здесь этого червя?

Монахи подумали, но ни один из них не мог постичь эту первопричину, и они сказали:

— Мы не знаем.

— Слушайте хорошенько и запоминайте, — сказал им Победоносный, — а я вам разъясню первопричину появления здесь этого червя.

— Давно-давно, — сказал Победоносный, — в мир пришел будда по имени Випашьин, который, сотворив благо живым существам, удалился в нирвану. Десять тысяч монахов, пребывая в Учении этого будды, вели чистый, праведный образ

жизни. Их обитель располагалась в горах в очень живописной местности. Вокруг росло множество цветущих и плодоносящих деревьев, между которыми находились родники и пруд для омовения.

Всемерно прилежая на пути праведности, все монахи обрели духовные плоды от первого до четвертого.

Как-то раз пятьсот торговцев решили отправиться в море за драгоценностями. По дороге они прибыли в эту горную обитель и увидали усердие монахов на пути праведной жизни. Посоветовавшись, купцы решили совершить пожертвование. Однако подателей милостыни было много, поэтому купцы, не улучив момента, чтобы выполнить свое намерение, поклонились монашеской общине и, отправляясь в путь, сказали:

— Если мы благополучно вернемся, то совершим пожертвование.

Монахи ничего не сказали, и купцы двинулись в путь.

За морем они добыли множество драгоценностей и, благополучно вернувшись назад, поднесли монашеской общине очень дорогой драгоценный камень, с тем чтобы монахи продали его и устроили себе совместную трапезу.

Монашеская община приняла драгоценность и передала ее [на хранение] монаху, ведавшему хозяйственными делами.

Случилось как-то раз так, что в монашескую общину перестала поступать дарственная еда. Монахи подумали: «Продадим драгоценность и купим пищи» — и сказали монаху, ведавшему хозяйственными делами:

— Давай драгоценность, поднесенную купцами!

— Купцы подарили эту драгоценность мне, но никак не вам, — возразил тот.

— Купцы подарили эту драгоценность общине, тебе ее дали только на сохранение, а не в подарок, — настаивали монахи.

Тогда тот монах разозлился и заявил:

— Если вам нечего будет жрать, кроме собственного дерьма, то все равно драгоценность останется моей, и нечего больше говорить!

Члены монашеской общины, видя, что тот монах разгневался и породил дурной помысел, разошлись каждый в свою сторону.

За оскорбление монашеской общины тот монах после своей смерти низвергся в великий ад живых существ, где нет покоя [от мучений]. Там в течение девяноста одной калпы он должен беспрерывно валяться в омерзительных нечистотах.

Освободившись оттуда, он вплоть до сего дня возрождается

в этом зловонном пруду, где зрят его уже множество лет. Будда прошедших времен Шикхин¹⁵³ также приходил сюда вместе с монашеской общиной и показывал его своим ученикам, рассказывая, что за событие некогда произошло. Затем сюда приходил также будда Вишвабху вместе с монашеской общиной и рассказывал, что за событие некогда произошло.

После этого [тот монах], умерев, снова возродился в аду живых существ, где пробыл бесчисленное количество тысячелетий, а затем опять возродился в этом пруду. Приходил сюда будда Кракуччханда¹⁵⁴ вместе с монашеской общиной и рассказывал эту старинную историю. Приходил сюда также и будда Канакамуни. Приходил сюда и будда Кашьяпа со своими учениками и рассказывал им эту старинную историю.

Сейчас последний, седьмой будда — я, Будда Шакьямуни, показываю вам здесь этого червя. И также придут сюда со своими учениками тысячи будд счастливой калпы и расскажут им историю, каким образом некогда появился этот червь.

У монахов, прослушавших рассказ Победоносного, все волосы на теле стали дыбом. И каждый из них стал строго следить за тем, что вершил телом, речью и помыслом.

И все многочисленные окружающие были очень довольны назиданием Победоносного.

Глава пятьдесят первая

О ПОСЛУШНИКЕ КЮНТЕ

Так было однажды услышано мною. Победоносный пребывал в Шравасте, в саду Джетавана, который предоставил ему Анатхапиндада. В то время достопочтенный Шарипутра днем и ночью в течение трех суток божественным глазом выискивал те живые существа, уделом которых было обращение [в истинную веру], и шел к тем, кто был достоин обращения.

Как-то раз купцы отправились в другую страну по торговым делам и взяли с собой собаку. По дороге эта собака украла у одного купца кусок мяса. Тот купец разозлился, перебил собаке лапы, бросил в безлюдной местности, а сам ушел.

Тут Шарипутра посмотрел божественным глазом и увидел собаку, страдавшую от голода. Шарипутра надел монашеское платье, взял патру и, собрав подаяние, тут же взмыл в небо и опустился около собаки, помыслив о ней с милосердием и любовью. Он накормил собаку, а когда та, наевшись, возрадовалась, Шарипутра преподал ей святое Учение.

После своей смерти собака возродилась в Шравасте сыном одного брахмана.

Как-то раз Шарипутра в одиночку ходил за подаванием и подошел к дверям дома того брахмана. Брахман спросил Шарипутру:

— Почему ходишь в одиночку? Разве у тебя нет послушника?

— У меня нет послушника, поэтому я хожу в одиночку, — отвечал Шарипутра. — Говорят, у тебя есть сын. Не отдашь ли его мне?

— У меня есть сын, которого зовут Кюнте, — сказал брахман. — Но он еще мал и ничего не может. Когда вырастет, тогда отдам.

Выслушав эти слова, Шарипутра запомнил их и вернулся в рошу Джетавана.

Через семь лет Шарипутра пришел в дом брахмана и попросил у него сына. И брахман отдал Шарипутре сына. Шарипутра принял мальчика и увел его в рошу Джетавана. Там он сделал мальчика послушником и поставил в святом Учении, отчего мысли Кюнте полностью освободились [от нечистых страстей], и он стал архатом, обладающим шестью трансцендентными способностями и всеми достоинствами [архата].

Как-то раз послушник Кюнте силой своей запредельной мудрости стал выяснять, благодаря какому событию в прежнем рождении он, обретя это [человеческое] тело, встретился с наставником [Шарипутрой] и обрел духовный плод. Выясняя это, Кюнте узнал, что в прошлом рождении он был голодной собакой, но благодаря доброте своего наставника Шарипутры он обрел человеческое тело и духовный плод.

Узнав это, Кюнте очень обрадовался и подумал: «Благодаря доброте моего наставника я избавился от мук [сансары]. И чтобы почтить наставника, я останусь его послушником всю жизнь и не буду добиваться полного посвящения».

Как-то раз Ананда спросил у Победоносного:

— Что за греховное деяние совершил этот послушник в прошлом [рождении], если обретался в собачьем теле? И что за благо сотворил он, если полностью освободился [от сансарического бытия]?

На это Победоносный рассказал Ананде следующее.

— Давным-давно, во времена будды Кашьяпы, среди окружавших его монахов был один монах, обладавший очень благозвучным голосом. И все радовались, когда слушали, как он поет гимны.

Там же был один старый монах с очень неприятным голо-

сом. Однако он вместе со всеми пел гимн и нараспев произносил духовные стихи.

Тот старый монах был архатом и обладал всеми достоинствами шрамана.

Как-то раз молодой монах с благозвучным голосом оскорбил старого монаха, сказав:

— Твой голос подобен лаю собаки.

— А знаешь ли ты, кто я? — спросил старый монах молодого.

— Другого не знаю, кроме того, что ты из монашеского окружения будды Кашьяпы, — ответил молодой.

— Я — архат и обладаю достоинствами шрамана, — сказал старый монах.

Молодой монах испугался и в раскаянии стал просить прощения у старого монаха. Старый монах хотя и простил его, однако за произнесение бранных слов молодой монах на протяжении пятисот рождений всегда рождался в облике пса. Но за то, что он вступил в монашество и соблюдал правила моральной дисциплины, при встрече со мной он полностью освободился [от сансарического бытия].

Ананда и многочисленное окружение искренне возрадовались рассказу Победоносного.

КОММЕНТАРИЙ¹

¹ *Победоносный* (тиб. bcom ldan 'das, букв. 'победоносно ушедший' или 'победоносно превзошедший') — имя-эпитет Будды Шакьямуни в тибетских сутрах, часто стоящее там, где в соответствующих индийских текстах мы находим санскритское слово Bhagavat² (им. пад. Bhagavān) 'Благословенный' (традиционный эпитет Будды). Однако это тибетское именование могло быть переводом другого индийского имени-эпитета Будды — Jina, 'Победитель'³.

² *Магадха* (санскр. Magadha) — одно из государств северной Индии во время жизни Будды Шакьямуни.

³ *буддство* — состояние будды (см. примеч. 12).

⁴ *нирвана с остатком бытия* (санскр. sōpadhi-śeṣa-nirvāṇa, букв. 'нирвана с остатками качеств'; тиб. lhag ma lus pa'i mya ngan las 'da') — «прижизненная» нирвана, т.е. такое «освобождение» (или «пробуждение»), при котором человек еще сохраняет свое физическое тело.

⁵ *конечная нирвана* (санскр. nir-upadhi-śeṣa-nirvāṇa, букв. 'нирвана без остатков качеств'; тиб. yongs su mya ngan las 'da') — т.е. полная и окончательная нирвана, когда человек оставляет свое физическое тело («умирает»).

⁶ *мир Брахмы* (санскр. brahma-loka, тиб. tshangs ris) — небесный мир богов, где царствует бог Брахма⁴.

⁷ *нирвана* (санскр. nirvāṇa, тиб. mya ngan las 'da') — высшее благо и высшая цель существования согласно буддийскому миропредставлению: выход из череды рождений и смертей (из сансары).

⁸ *кальпа* (санскр. kalpa, по-русски чаще передается как *кальпа*; тиб. bska la pa) — период времени в индийской мифологии, равный многим миллионам человеческих лет (конкретные цифры в различных традициях — разные)⁵.

⁹ *Джамбудвипа* (санскр. jambū-dvīpa или jambu-dvīpa, тиб. 'dzam bu gling) — в мифологической индийской космографии один из материков, обра-

¹ Комментарий публикуется в новой редакции, подготовленной С.Д.Серебряным и А.Д.Цендиной.

² Здесь и далее, если не оговорено иначе, санскритские слова в единственном числе приводятся в форме основы (без падежных окончаний), а во множественном числе — с падежными окончаниями.

³ Более подробные объяснения имен и терминов, упоминаемых в данном комментарии, читатель может найти в статьях энциклопедии «Мифы народов мира» в 2-х томах (М., т. 1, 1980; т. 2, 1982; далее — МНМ). См. прежде всего статьи «Будда», «Шакьямуни» и «Буддийская мифология». Большая часть этих статей была перепечатана в изд.: Мифологический словарь. М., 1990.

⁴ См.: [Мяль Л.Э.] Брахмалока // МНМ. Т. 1, с. 186.

⁵ См.: [Неклюдов С.Ю.] Кальпа // МНМ. Т. 1, с. 618.

зующих мир (в индуистской традиции таких материков насчитывалось от семи до восемнадцати, в буддийской — всего четыре⁶); материк Джамбудвипа отождествлялся с тем пространством суши, которое позже было названо Индией.

¹⁰ *брахман* (санскр. brāhmaṇa, тиб. bram ze) — член высшего «класса» чело-веческих существ по традиционным индийским (индуистским) представлениям. Священные тексты индуизма различали четыре «класса» человеческих существ, или четыре *варны* (санскр. varṇa, букв. 'цвет'): *брахманы* (жрецы и хранители знания), *кшатрии* (воины и правители), *вайшьи* (ремесленники, торговцы и земледельцы) и *шудры* («обслуга» трех других *варн*, «чернорабочие»).

¹¹ *йоджана* (санскр. yojana, букв. 'упряжка', 'запряжение', т.е. расстояние, которое можно проехать, не распрягая лошадей; тиб. drag tshad) — мера длины в древней Индии, протяженность которой определялась по-разному.

¹² *Будда*, или Пробужденный (санскр. buddha, тиб. sangs rgyas), — тот, кто обрел «просветление» (санскр. bodhi, тиб. byang chub)⁷ и достиг нирваны. В переводах буддийских текстов на европейские языки иногда различают написания этого слова с большой буквы (Будда) и с маленькой (будда). Под Буддой (с большой буквы) обычно понимается исторический Будда Шакьямуни (он же Сиддхартха Гаутама), но в некоторых случаях — и другие личности (исторические или легендарные), достигшие буддства. Написание с маленькой буквы (будда) характерно для переводов махаянских текстов, поскольку в буддизме махаяны число существ, достигавших буддства в прошлом и способных достичь его в настоящем и будущем, неизмеримо возросло. Однако последовательно провести различие между «Буддой» (или «Буддами») и прочими «буддами» довольно трудно. Ни в санскрите, ни в тибетском подобного различия нет, поскольку в соответствующих системах письма нет заглавных букв.

¹³ *шлока* (санскр. śloka, тиб. tshigs bcad) — стихотворная строфа; здесь, возможно, — стихотворная строка.

¹⁴ *бодхисаттва* (санскр. bodhi-sattva, букв. 'тот, чья сущность — просветление'; тиб. byang chub sems dpa') — в буддизме хинаяны (см. примеч. 130) это слово обозначает Будду Шакьямуни в его прежних рождениях или в тот период его жизни, когда он еще не достиг «просветления» (bodhi); в буддизме махаяны значение слова расширилось и стало обозначать всякого, кто достиг «просветления», но добровольно не покинул сансару, чтобы помогать другим существам придти к «освобождению» (нирване)⁸.

¹⁵ *Индра* (санскр. Indra, тиб. brgya byin) — одно из главных божеств в индуистском пантеоне⁹.

¹⁶ *сутра* (санскр. sūtra, тиб. mdo) — в буддийской традиции название текста, содержащего слова самого Будды Шакьямуни.

⁶ См., например, текст «Дхарма-санграха» (в переводе В.П.Андросова — «Собрание основоположений Закона»), своего рода каталог буддийских терминов и понятий, в кн.: Андросов В.П. Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты. М., 2000. Перечень «четырех материков» см. в разд. СХХ «Дхарма-санграхи» (далее — ДС).

⁷ См.: Мяль Л.Э. Бодхи // МНМ. Т. 1, с. 180–181.

⁸ См.: Мяль Л.Э. Бодхисаттва // МНМ. Т. 1, с. 181.

⁹ См.: Топоров В.Н. Индра // МНМ. Т. 1, с. 533–535.

¹⁷ *сансара* (санскр. saṃsāra, тиб. 'khor ba) — согласно традиционному индийскому миропредставлению, непрерывная цепь перерождений (т.е. рождений и смертей) всех живых существ.

¹⁸ *Меру* (санскр. Meru, тиб. gi rab lhung po) — в буддийской космографии название мифической горы, расположенной в центре вселенной; от нее, как лепестки лотоса, расходятся мифические континенты (числом четыре — см. примеч. 9, 145, 147 и 148).

¹⁹ *пять рек* (тиб. chu klung lnga) — о каких именно пяти реках здесь идет речь, сказать трудно.

²⁰ *четыре моря* (тиб. gya mtsho bzhi) — возможно, имеются в виду моря (или океаны), омывающие четыре мифических континента буддийской космографии (см. примеч. 18).

²¹ *мир чувственных ощущений* или *мир желаний* (санскр. kāma-dhātu или kāma-loka, тиб. 'dod pa'i kham) — собирательное название для четырех или пяти миров живых существ (людей, животных, *претов* и обитателей ада — к этой четверке может прибавляться еще и мир *асуров*) и шести низших божественных (небесных) миров (см. примечания 28–32, а также ДС LVII и CXXVII).

²² *мир чистых форм* (санскр. rūpa-dhātu или rūpa-loka, тиб. gzugs kyī kham) — мир, где обитают существа высших категорий, еще не полностью освободившиеся от уз сансары, например *анагамины* (см. примеч. 51) и некоторые боги (см. ДС CXXVIII).

²³ *чакраварти* или *чакравартин* (санскр. cakra-vartin [им. пад. cakra-vartī], тиб. 'khor lo bsgyur ba'i gyal po) — вселенский монарх, повелитель всей земли; в переносном смысле — эпитет Будды¹⁰.

²⁴ *Мара* (санскр. Māra, букв. 'мор', 'смерть', 'разрушение' и т.д.; тиб. bdud) — злой дух, мешавший (в разных своих обликах) Будде Шакьямуни и его последователям идти по пути просветления (см. ДС LXXX). В позднейшей буддийской мифологии насчитывается огромное количество *мар*, над которыми властвует главный *Мара* (ср. примеч. 12 о различении Будды и будд).

²⁵ *Махешвара* (санскр. Maheśvara, букв. 'великий владыка'; тиб. dbang phyug chen po) — имя-эпитет Шивы, одного из главных богов индуистского пантеона.

²⁶ *три мира* (санскр. tri-loka или loka-traya, тиб. kham gsum) — вероятно, имеются в виду мир чувственных ощущений (см. примеч. 21), мир чистых форм (см. примеч. 22) и мир, лишенный форм (санскр. arūpa-loka, тиб. gzugs med pa'i kham).

²⁷ *благая заслуга* (санскр. puṇya, тиб. bsod nams) — благое деяние и его результат, создающие хорошую карму для живого существа.

²⁸ *мир людей* (санскр. manuṣya-loka, тиб. mi'i kham) — один из миров, в которых рождаются существа, пребывающие в сансаре. Всего в своей речи царевич называет пять таких миров. Ср. примеч. 21 и ДС LVII.

²⁹ *мир богов* (санскр. deva-loka, тиб. lha'i kham) — зд.: один из миров сансары (ср. примеч. 21)¹¹.

¹⁰ См.: [Мяль Л.Э.] Чакрава[р]тин // МНМ. Т. 2, с. 624.

¹¹ См.: [Мяль Л.Э.] Девалока // МНМ. Т. 1, с. 360.

³⁰ *ад для живых существ* (санскр. *paraṇaka*, тиб. *sems can dmyal ba*) — еще один из миров сансары (следует иметь в виду, что в отличие от христианского или мусульманского ада, куда осужденные грешники попадают навсегда, буддийский ад — лишь одно из возможных звеньев в цепи сансары)¹².

³¹ *прета* (санскр. *preta*, тиб. *yi dwags*) — злой дух, имеющий вид страшного чудовища; мир претов — один из миров сансары¹³.

³² *мир животных* (санскр. *tiryag-loka* или *tiryag-yoni*, тиб. *dud 'gro'i kham*) — зд.: один из миров сансары.

³³ *Шудходана* (санскр. *Śudhodana*, тиб. *zas gtsang ma*) — имя отца Будды Шакьямуни.

³⁴ *Махамая* (санскр. *Mahāmāyā*, тиб. *sgyu 'phrul ma* или *lha mdzes*) — имя матери Будды Шакьямуни.

³⁵ *Варанаси* (санскр. *Vārāṇasī*, тиб. *bā ra na se*) — город на берегу Ганги (один из священных городов индуизма); во времена Будды Шакьямуни — столица небольшого «царства» (другое название и города, и «царства» — Каши).

³⁶ *риши* (санскр. *ṛṣi*, тиб. *drang srong*) — святой мудрец (считалось, что мудрецы-риши обладают сверхчеловеческими способностями)¹⁴.

³⁷ *Татхагата* (санскр. *tathāgata*, букв. 'так пришедший' или 'так ушедший', тиб. *de bzhin gshegs pa*) — имя-эпитет Будды Шакьямуни, а иногда (как в данном случае) и других Будд¹⁵.

³⁸ *пять качеств тела божества* (тиб. *lha lus kyi yon tan lnga*) — очевидно, некие качества, отличающие тела богов от тел прочих живых существ.

³⁹ *Вишвакарма* или *Вишвакарман* (санскр. *Viśva-karma(n)*, букв. 'все-создатель'; тиб. *byi shwa kar ma*) — ведийское божество, создатель мира вещей¹⁶.

⁴⁰ *три мира чувственных ощущений* (тиб. *'dod pa'i kham* *gsum*) — вероятно, имеются в виду подземный мир, земной мир и низшие божественные миры (ср. примеч. 21).

⁴¹ *три драгоценности* (санскр. *tri-ratna* или *ratna-traya*, тиб. *dkon mchog gsum*) — Будда, учение Будды (Дхарма), монашеская община последователей Будды (сангха). Ср. ДС I.

⁴² *наги* (санскр. *nāga*, тиб. *klu*) — змеи или драконы, мифические существа — обитатели подземного мира (а также рек, озер и прочих водоемов), которых представляют в виде полужемей-полулюдей¹⁷.

⁴³ *якши* (санскр. *yakṣa*, тиб. *gnod sbyin*, букв. 'причиняющий зло') — класс полубожественных существ (иногда враждебных людям) в индийской мифологии¹⁸.

⁴⁴ *асуры* (санскр. *asura*, букв. можно понять как 'не-боги'; тиб. *lha ma yin*) — в индийской мифологии класс существ, враждующих с богами¹⁹.

¹² См.: Гринцер П.А., Мяль Л.Э. Нарак // МНМ. Т. 2, с. 198–199.

¹³ См.: [Гринцер П.А., Мяль Л.Э.] Преты // МНМ. Т. 2, с. 335.

¹⁴ См.: [Топоров В.Н.] Риши // МНМ. Т. 2, с. 384.

¹⁵ См.: Волкова О.Ф. Татхагата // МНМ. Т. 2, с. 496.

¹⁶ См.: Топоров В.Н. Вишвакарман // МНМ. Т. 1, с. 237–238.

¹⁷ См.: Гринцер П.А., Мяль Л.Э., Чеснов Я.В. Наги // МНМ. Т. 2, с. 195–196.

¹⁸ См.: [Мяль Л.Э.] Якши // МНМ. Т. 2, с. 682.

¹⁹ См.: Топоров В.Н. [Мяль Л.Э.] Асуры // МНМ. Т. 1, с. 118–119.

⁴⁵ *восемь классов живых существ* — в «Лотосовой сутре»²⁰ перечисляется восемь «классов» существ, которые внимали проповеди Будды Шакьямуни (они же почитаются как «хранители Учения»), — это боги, наги, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары и махораги.

Гандхарвы (санскр. *gandharva*) — род полубожественных существ в индийской мифологии; небесные певцы и музыканты²¹. *Гаруды* (санскр. *garuḍa*) — в индийской мифологии полулюди-полуптицы (иногда способные принимать и вполне человеческий облик)²². *Киннары* (санскр. *kinṇara*) — в индийской мифологии существа получеловеческой-полуживотной природы; как и *гандхарвы*, они — небесные певцы и музыканты²³. *Махораги* (санскр. *mahoraga*) — род демонических существ, имеющих облик огромных змей.

⁴⁶ *Шривасты* (санскр. *Śrāvastī*, тиб. *mnayān yod*) — столица «царства» Кошала (санскр. *Kośala*, тиб. *ko sa la*) на севере Индии в эпоху Будды Шакьямуни.

⁴⁷ *Анатхапиндада* (санскр. *Anātha-piṇḍa-da*, букв. 'дающий пищу обездоленным'; тиб. *mgon med zas sbyin*) — имя богатого домохозяина, преданного приверженца Будды Шакьямуни.

⁴⁸ *патра* (санскр. *pātra*, тиб. *lhung bzed*) — чаша для сбора подаяния, непрменный атрибут буддийского монаха.

⁴⁹ *Ананда* (санскр. *Ānanda*, букв. 'радость'; тиб. *kun dga' bo*) — имя любимого ученика Будды Шакьямуни. Согласно преданию, на первом буддийском «соборе» в Раджагрихе (состоявшемся вскоре после смерти Будды) именно с уст Ананды были записаны запомненные им слова Учителя²⁴. Отсюда традиционный зачин буддийских сутр: «Так было однажды услышано мною» или (в ином переводе) «Так я услышал (однажды)»²⁵.

²⁰ «Лотосовая сутра» (санскр. *Sad-dharma-puṇḍarīka-sūtra* — «Сутра о лотосе благой Дхармы») — один из самых знаменитых текстов в буддизме махаяны. Индийский оригинал был создан, вероятно, в первые века нашей эры. Начиная с III в. неоднократно переводился на китайский и другие языки Восточной и Центральной Азии. Наибольшее распространение получил китайский перевод Кумарадживы (начало V в.). См. русский перевод версии Кумарадживы (вместе с двумя другими сутрами) в кн.: *Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Деяниях и Дхарме Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость* / Пер. с кит. и коммент. А.Н.Игнатовича. М., 1998. См. также отдельное издание предисловия к этому переводу: *Серебряный С.Д. «Лотосовая Сутра»: Предисловие к первому русскому переводу*. М., 1999.

²¹ См.: *Гринцер П.А. Гандхарвы* // МНМ. Т. 1, с. 264.

²² См.: *Гринцер П.А. [Мяль Л.Э.] Неклюдов С.Ю. Гаруда* // МНМ. Т. 1, с. 266–267.

²³ См.: *[Гринцер П.А.] Киннары* // МНМ. Т. 1, с. 651.

²⁴ См.: *[Мяль Л.Э.] Ананда* // МНМ. Т. 1, с. 75.

²⁵ Как показал английский индолог Джон Браф, посвятивший этой «формуле» специальную статью (*Brough J. "Thus Have I Heard..."* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1950. Vol. XIII. Pt. 2, p. 416–426), на различных языках буддийского мира эти «слова Ананды», а именно выражение «однажды», понимаются по-разному. В тибетских (и монгольских) текстах оно толкуется как относящееся к словам «так я услышал». Вероятно, так же обстояло дело и в старинных китайских версиях сутр. Но санскритские тексты допускали, по-видимому, два толкования: или «Так я услышал

⁵⁰ *архат* (санскр. arhat, букв. 'достойный'; тиб. dgra bcom pa, букв. 'победивший врагов') — человек, достигший свободы от дальнейших перерождений. Согласно представлениям буддизма хинаяны, это высшая ступень совершенства, доступная человеку²⁶. Ср. ДС СII.

⁵¹ *анагамин* (санскр. anāgamin, тиб. lan gcig phyir mi ldog pa) — «тот, который не возвращается»; согласно одному из толкований — тот, кто уже больше не родится человеком. В иерархии «четырех плодов» или «четырех заслуг» — третья ступень, предшествующая ступени архата (см. примеч. 50). Ср. ДС СII.

⁵² *небо Тушита* (санскр. tuṣṭita, связано с глагольным корнем tuṣ 'услаждать', 'наслаждаться'; тиб. dga' ldan 'радостный') — мир наслаждений (четвертый из шести небесных миров мира желаний — см. примеч. 21). В этом мире пребывают бодхисаттвы (будущие будды) перед тем, как родиться в мире людей и стать буддами. Как полагают буддисты, именно там пребывает ныне будущий Будда Майтрея. См. ДС СХХVII.

⁵³ *дхарма* (санскр. dharma, тиб. chos) — в буддийских текстах слово имеет различные значения; здесь можно перевести как 'закон существования'²⁷.

⁵⁴ *чортен* (тиб. mchod rten) или *ступа* (санскр. stūpa 'вершина', 'макушка') — сооружение определенной формы, воздвигаемое или над захоронением мощей, или в честь какого-либо почитаемого лица, или в ознаменование какого-либо важного события²⁸.

⁵⁵ *Майтрея* (другое написание — Майтрея; санскр. Maitreya, тиб. byams pa) — грядущий Будда, пребывающий ныне, по представлениям буддистов, на небе Тушита²⁹.

⁵⁶ *Васумитра* (санскр. Vasumitra, тиб. ba su mi tra) — довольно распространенное имя; трудно сказать, кто имеется в виду.

⁵⁷ *Кашьяпа* (санскр. Kāśyapa, тиб. 'od srungs) — один из шести Будд, предшествовавших во времени Будде Шакьямуни; см. ДС VI. (Не следует путать этого Кашьяпу с учеником Будды Шакьямуни по имени Махакашьяпа — см. примеч. 122.)

⁵⁸ *восемь однодневных правил моральной дисциплины* (санскр. aṣṭa-śīla, тиб. nyin zhag gcig pa'i tshul khirms brgyad) или *восемь обетов* — сокращенный вариант «десяти правил» (см. примеч. 65); эти восемь обетов миряне-буддисты принимают по определенным дням (далее в тексте рассказа упоминается один из таких обетов — не есть после полудня).

⁵⁹ *вступление в поток* (санскр. śrotāpatti, тиб. rgyun du zhugs pa) — становление на стезю духовного совершенствования; первая ступень в иерархии «четырех плодов» или «четырех заслуг» (см. примеч. 50, 51, 75). Ср. ДС СII.

однажды», или (например) «Так я услышал. Однажды (Будда пребывал...)», т.е. выражение «однажды» может быть отнесено не к факту «слушания», а к самому тому событию в жизни Будды, о котором было «услышано».

²⁶ См.: [Мяль Л.Э.] Архат // МНМ. Т. 1, с. 110.

²⁷ См.: [Мяль Л.Э.] Дхарма // МНМ. Т. 1, с. 415.

²⁸ См.: Жуковская Н.Л. Ступа // Буддизм. Словарь. М., 1992, с. 231–232.

²⁹ См.: Мяль Л.Э. Майтрея // МНМ. Т. 2, с. 89.

⁶⁰ *три дурных рождения* (тиб. ngan song gsum) — рождения в мире животных, в мире претов или в аду (ср. примеч. 21 и ДС LVII).

⁶¹ *Шарипутра* (санскр. Śāriputra, тиб. shā ri'i bu) — один из ближайших учеников Будды Шакьямуни, умер за несколько месяцев до смерти Учителя³⁰.

⁶² *первый духовный плод* (тиб. 'bras bu dang po) — т.е. «вступление в поток» (см. примеч. 59).

⁶³ *генен* (санскр. upāsaka, тиб. dge bsnyen) — буддист-мирянин, который должен следовать пяти основным заповедям: 1) не лишать жизни живые существа, 2) не воровать, 3) не прелюбодействовать, 4) не лгать, 5) не пить опьяняющих напитков.

⁶⁴ *ракшас* (санскр. rākṣasa, тиб. srip po) — злой дух, пожирающий трупы и живых людей³¹.

⁶⁵ *десять правил нравственного поведения* (санскр. daśa-śīla, тиб. dge ba bcu) — правила (обеты), которые должны соблюдать буддийские монахи: 1) не лишать жизни живые существа, 2) не воровать, 3) не прелюбодействовать, 4) не лгать и т.д. В различных буддийских текстах содержатся несколько различающиеся между собой списки этих «десяти правил». Ср. ДС LVI. Ср. также стихотворную строфу в гл. I (с. 32 наст. изд.).

⁶⁶ *Манибhadра* (санскр. Mañibhadra, тиб. ma ni bha dra) — зд.: божество (добуддийское), находящееся в подчинении у бога Вайшраваны (Куберы).

⁶⁷ *Вайшравана* (санскр. Vaiśravaṇa, тиб. mam thos kyi bu или mam sras) — другое имя Куберы (или Куверы), бога богатства и стража Севера³². Это один из четырех богов, охраняющих стороны света. См. ДС VII.

⁶⁸ *Раджагриха* (санскр. Rājagṛha, букв. 'царская обитель' или 'город, где расположена царская обитель'; тиб. rgyal po'i khab) — столица Магадхи (см. примеч. 2). В наши дни — небольшой населенный пункт в индийском штате Бихар под названием Раджгир, рядом с которым — развалины древнего города (исследуемые археологами).

⁶⁹ *Аджаташатру* (санскр. Ajāta-śatru, букв. 'чей враг [еще] не рожден', т.е. 'не имеющий врагов'; тиб. ma skyes dgra) — правитель Магадхи (см. примеч. 2). Согласно преданиям, Будда Шакьямуни умер на восьмом году правления Аджаташатру. Сам этот 'царь' (согласно тем же преданиям) взойшел на трон, убив своего отца Бимбисару, но впоследствии стал приверженцем Будды.

⁷⁰ *три ведения* или *тройное ведение* (санскр. tri-vidyā, тиб. rig pa gsum) — обычно понимается как сокращенный вариант «шести чудесных способностей» (см. примеч. 71). В тибетской традиции это чаще всего — способность знать прошлые рождения, способность знать будущее, способность искоренять дурные воздействия сансары.

⁷¹ *шесть трансцендентных (или чудесных) способностей* (санскр. ṣaḍ abhijñāḥ, тиб. mngon par shes pa drug) — способности, которыми обладают будды, бодхисаттвы и архаты. В источниках представлены несколько различ-

³⁰ См.: [Мяль Л.Э.] Шарипутра // МНМ. Т. 2, с. 640.

³¹ См.: Гринцер П.А. Ракшасы // МНМ. Т. 2, с. 366.

³² См.: Гринцер П.А. Кубера // МНМ. Т. 2, с. 20.

ные списки этих способностей. Один из вариантов таков: 1) способность видеть что угодно на любом расстоянии, 2) способность слышать что угодно на любом расстоянии, 3) способность проникать в мысли других людей, 4) способность помнить о прежних рождениях, 5) способность свободно перемещаться в пространстве, 6) способность искоренять все дурные воздействия сансары. Ср. ДС XX.

⁷² *восемь форм освобождения* (санскр. aṣṭau vimokṣāḥ, тиб. nam par thar pa brgyad) — освобождение (путем медитации) от восьми разновидностей ложных воззрений. См. ДС LIX.

⁷³ *пратьекабудда* (санскр. pratyeka-buddha, тиб. rang sangs rgyas) — «будда [только] для себя», или «индивидуальный будда», или «будда-одиночка» — человек, достигший «просветления», *буддства* (bodhi), своими собственными индивидуальными усилиями и не собирающийся помогать другим в достижении этой цели.

⁷⁴ *Прасенаджит* (санскр. Prasenajit, тиб. gsal rgyal) — так звали «царя» государства Кошала (см. примеч. 46), современника Будды Шакьямуни.

⁷⁵ *духовные плоды от первого до четвертого* — т.е. «четыре плода» или «четыре заслуги»: *вступление в поток* (см. примеч. 59), *одно возвращение* (см. примеч. 78), достижение ступени *анагамина* (см. примеч. 51), достижение ступени *архата* (см. примеч. 50). Ср. ДС CII.

⁷⁶ *помысел о наивысшем духовном пробуждении* (тиб. bla na med pa'i byang chub tu bskyed) — одна из ступеней на пути буддийского совершенствования.

⁷⁷ *Канакамуни* (санскр. Kanaka-muni, букв. 'золотой мудрец'; тиб. gser thub) — имя одного из Будд (пятого по счету), предшествовавших Будде Шакьямуни (седьмому в традиционном списке). См. ДС VI.

⁷⁸ *благо (или плод) одного возвращения* (санскр. sakṛd-āgami-phala, тиб. lan gcig phyir 'ong) — второй из «четырех плодов» или «четырех заслуг» (см. примеч. 50, 51, 59, 75). Обретшему этот «плод» предстоит еще всего лишь один раз родиться в мире людей.

⁷⁹ *семь видов драгоценностей* (санскр. sapta ratnāni, тиб. rin po che sna bdun) — есть разные списки «семи драгоценностей». В «Лотосовой сутре» приведен такой: золото, серебро, ляпис-лазурь, раковины тридакны, агат, жемчуг, яшма³³.

⁸⁰ *Каундинья* (санскр. Kaundinya, тиб. kaundinya) — один из первых пяти учеников Будды Шакьямуни; обращаясь к ним, Будда произнес свою первую проповедь — «привел во вращение колесо Дхармы».

⁸¹ *Надикашьяпа* (санскр. Nadi-kāśyapa, букв. 'Кашьяпа с реки' или 'Кашьяпа, живущий у реки'; тиб. chu bo 'od srung) — имя одного из первых учеников Будды Шакьямуни.

⁸² *самадхи* (санскр. samādhi, тиб. ting nge 'dzin) — глубокое сосредоточение (глубокая медитация). Что именно имеется в виду под «четырьмя беспредельными самадхи», сказать трудно. См. различные списки самадхи в ДС CI и CXXXVI.

³³ См.: Сutra о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, с. 197, 506.

⁸³ *четыре безмерных (или неизмеримо совершенных) качества* (санскр. catvāri apramāṇāni, тиб. tshad med pa bzhi) — то же, что «четыре совершенных состояния» (санскр. catvāro brahma-vihārah), т.е., иными словами, четыре высшие добродетели, которые культивируют в себе буддисты. Эти четыре добродетели обозначаются санскритскими словами maitrī (что можно перевести как 'высшая доброжелательность', 'дружелюбие' и даже 'любовь' — в смысле латинского слова caritas), karuṇā ('сострадание', 'сострадательность'), muditā ('альтруистическая радость', 'радость за другого') и upekṣā ('беспристрастие', 'невозмутимость'). См. ДС XVI.

⁸⁴ *дхьяна* (санскр. dhyāna, тиб. bsam gtan) — один из типов созерцания (медитации). Ср. список из «четырех дхьян» в ДС LXXII.

⁸⁵ *три яда* (тиб. dug gsum) — имеется в виду то, что на санскрите называется «тремя корнями неблага» (trīṇi akuṣāla-mūlāni): алчность (lobha), гневливость (dveṣa), невежество (или неведение — moha). См. ДС CXXXIX.

⁸⁶ *тело Дхармы* (тиб. chos kyī sku) — имеется в виду абсолютное или духовное тело Будды (согласно представлениям буддизма махаяны) — *дхарма-ка* (санскр. dharma-kāya).

⁸⁷ *Бимбисара* (санскр. Bimbisāra, тиб. gzugs can snying po) — «царь» государства Магадха (см. примеч. 2 и 69), современник Будды Шакьямуни.

⁸⁸ *Четыре рода приношений* (монахам) (тиб. mchod pa'i yo byad nam pa bzhi) — имеются в виду четыре рода предметов, которые монахам было позволено принимать в качестве приношений от мирян, а именно: одежда, пища, «ложе» (например, циновку, на которой можно спать) и лекарства.

⁸⁹ *Шестеро учителей* (тиб. ston pa drug) — имеются в виду шесть проповедников (вероучителей), которых буддийская традиция относит ко времени жизни Будды Шакьямуни и изображает его идейными противниками. Их имена (несколько различающиеся в различных источниках) таковы: 1) Пурана Кашьяпа (санскр. Pūraṇa Kāśyapa, тиб. rdzogs byed); 2) Маскарин Гошали(ка)-путра (санскр. Maskarin Gośālī[kā]putra; тиб. kun tu rgyu gnag lhas kyī bu, зд.: phyugs lhas kyī bu ma ska ri); 3) Санджайин Вайратипутра (или Вераттикапутра) (санскр. Saṃjayin Vairāṭiputra или Veratṭikaputra; тиб. yan dag rgyal ba can, зд.: nam par smra ba'i bu mo'i bu kun nas rgyal ba); 4) Аджита Кешакамбала (или Кешакамбалин) (санскр. Ajita Keśakambala или Keśakambalin; тиб. mi pham sgra'i wa ba can, зд.: skra'i la ba can mi pham pa); 5) Какуда Катьяяна (санскр. Kakuda Kātyāyana; тиб. ka ta'i bu nog can, зд.: kā tyā yan nog can); 6) Ниргрантха (или Нигрантха) Джнятапутра (или Джнятипутра) (санскр. Ni[r]grantha Jñātaputra или Jñātiputra; тиб. gcer bu pa gnyen gyī bu, зд.: gnyen gyī bu gcer bu); историки полагают, что прообразом этого вероучителя был не кто иной, как основатель джайнизма Джина Махавира³⁴.

³⁴ Художественную реконструкцию взглядов этих (и других) вероучителей принял В.К.Шохин (см.: *Шохин В.К.* Первые философы Индии. М., 1997). «Шесть учителей» названы там несколько по-иному — так, как их именует буддийский канон на языке пали: Пурана Кассала, Макхали Госала, Санджая Белаттхипутта, Аджита Кесакамбала, Пакудха Каччана и Нигантха Натапутта.

⁹⁰ *Гаутама* (санскр. Gautama, тиб. go'u ta 'ma) — родовое имя Будды Шакьямуни. Называя Будду просто Гаутамой, младший брат царя Бимбисары тем самым выказывает свое пренебрежение к нему.

⁹¹ *дхармический глаз* или *дхармическое зрение* (санскр. dharma-cakṣus, тиб. chos kyi mig) — внутренняя восприимчивость к учению Будды, имеющаяся, согласно представлениям буддистов, у каждого человека. Ср. ДС LXVI.

⁹² *шраман* (санскр. śramaṇa, тиб. dge sbyong) — зд.: буддийский монах. Называя так Будду, Мара принижает Учителя, низводя его до простого монаха.

⁹³ *львиный престол* или *львиный трон* (санскр. śimhāsāna, тиб. seng ge'i khri) — зд.: царский трон (по традиции ножки украшались фигурами львов).

⁹⁴ *Вайшали* (санскр. Vaiśālī, тиб. yangs pa can) — один из крупнейших родов на севере Индии во времена Будды Шакьямуни.

⁹⁵ *Каушамби* (санскр. Kauśāmbī, тиб. ko sham bhi или ko'u sham bi) — город на севере Индии в эпоху Будды Шакьямуни, столица «царства» Ватса. Этот город стоял недалеко от современного Аллахабада.

⁹⁶ *Ватса* (санскр. Vatsa; в тексте тиб. war gyi) — название одного из североиндийских «царств» в эпоху Будды Шакьямуни. Столицей «царства» был город Каушамби (см. примеч. 95). Однако здесь Каушамби и Ватса — это две разные «страны». Очевидно, что авторы тибетской версии «Сутры о мудрости и глупости» не имели верного представления о географии древней Индии.

⁹⁷ *Такшашила* (санскр. Takṣaśilā; в тексте тиб. thig cha shi ri) — город на северо-западе индийского субконтинента (Таксила у греческих авторов); развалины этого древнего города находятся недалеко от Равальпинди — нынешней столицы Пакистана³⁵.

⁹⁸ *Капилавасту* (санскр. Kapilavastu, тиб. ser skya) — столица шакьев, «царем» которых был Шудходана, отец Будды Шакьямуни (на территории нынешнего Непала).

⁹⁹ *Кошала* — см. примеч. 46.

¹⁰⁰ *восемь чудесных свойств воды* (тиб. chu yon tan brgyad) — трудно сказать, о каких именно свойствах воды идет речь.

¹⁰¹ *пять трансцендентных (запредельных) способностей* (санскр. pañca indriyāni, тиб. dbang po lnga) — одна из групп «тридцати семи компонентов духовного просветления (или пробуждения)» (см. примеч. 132), включающая в себя: веру (śraddhā), энергичность (vīrya), память (smṛti), сосредоточение (samādhi), мудрость (prajñā). См. ДС XLVII.

¹⁰² *пять трансцендентных (запредельных) сил* (санскр. pañca balāni, тиб. stobs lnga) — сила веры (śraddhā-bala), сила энергичности (vīrya-bala), сила памяти (smṛti-bala), сила сосредоточения (samādhi-bala), сила мудрости (prajñā-bala). См. ДС XLVIII.

¹⁰³ *семь членов (компонентов) духовного пробуждения* (санскр. sapta bodhy-aṅgāni, тиб. byang chub kyi yan lag bdun) — еще один комплекс понятий (практик?), входящий в число «тридцати семи компонентов духовного просветления» (см. примеч. 132). См. ДС XLIX.

³⁵ См.: Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.

¹⁰⁴ *восьмичленный* (или *восьмеричный*) *благородный путь* (санскр. ārya-mārga, тиб. 'phags pa'i lam yan lag brgyad) — правильное воззрение, правильные намерения, правильная речь, правильные поступки, правильная жизнь (вернее: правильный способ поддержания собственной жизни), правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточение.

¹⁰⁵ *трое [врат] освобождения* (санскр. trayo vimokṣāḥ, тиб. nam par thar pa gsum) — «пустота» (śūnyatā), беспризнаковость (animitta), безжеланность (apraṇihita). См. ДС LXXIII.

¹⁰⁶ *шесть парамит* (санскр. ṣaṭ pāramitāḥ, тиб. pha rol tu phyin pa drug) — шесть совершенств: совершенство щедрости (санскр. dāna-pāramitā, тиб. sbyin pa); совершенство нравственности (санскр. śīla-pāramitā, тиб. tshul khriṃs); совершенство энергичности (решимости) (санскр. vīrya-pāramitā, тиб. brtson 'grus), совершенство терпения (санскр. kṣānti-pāramitā, тиб. bzod pa), совершенство медитации (санскр. dhyāna-pāramitā, тиб. bsam gtan), совершенство мудрости (санскр. prañjā-pāramitā, тиб. shes rab)³⁶. См. ДС XVII.

¹⁰⁷ *сфера великой тысячи миров* (санскр. mahā-sahasra-loka-dhātu, тиб. stong chen po'i 'jig rten kham) — одна из сфер мироздания в буддийской космографии.

¹⁰⁸ *пять омрачений* (тиб. sgrib pa lnga) — ср. список «шести омрачений» (санскр. ṣaṭ kleśāḥ, тиб. nyon mongs pa drug) в ДС LXVII: страсть, гнев, гордыня, невежество, ложное воззрение, сомнение.

¹⁰⁹ *семь драгоценных атрибутов* (или *драгоценностей*) [*Чакравартина*] (санскр. sapta ratnāni, тиб. rin po che sna bdun) — в текстах приводятся несколько различные списки «семи драгоценностей», которыми должен обладать вселенский монарх; один из вариантов (ср. ДС LXXXV): 1) колесо (чакра), символ власти и могущества; 2) чинтамани — драгоценный камень, исполняющий желания; 3) жена-царица; 4) мудрый советник; 5) военачальник-полководец, победитель во всех битвах; 6) боевой слон, устрашающий врагов; 7) чудо-конь.

¹¹⁰ *Ваджрапани*, т.е. «Ваджру в руке [держаший]» (санскр. Vajra-rāṇi, тиб. rhyag pa rdo rje) — один из бодхисаттв в буддизме махаяны, персонаж многочисленных легенд. Символизирует силу; его специфическая функция — уничтожение заблуждений. В более позднем (тантрическом) буддизме стал своего рода гневным божеством, грозой врагов буддизма³⁷.

¹¹¹ *ваджра* (санскр. vajra, среди значений — 'гром', 'алмаз'; тиб. rdo rje) — в древнеиндийской (добуддийской) мифологии — оружие бога Индры, нечто вроде дубины или палицы, символизирующей гром и божественную власть; в буддизме — символ твердости и прочности («как у алмаза»), атрибут различных будд и бодхисаттв (прежде всего — бодхисаттвы Ваджрапани, см. примеч. 110); ритуальный предмет тантрического ламы (и в данном случае символизирующий твердость)³⁸.

³⁶ См.: [Мяль Л.Э.] Парамита // МНМ. Т. 2, с. 285.

³⁷ См.: [Мяль Л.Э.] Ваджрапани // МНМ. Т. 1, с. 208.

³⁸ См.: [Топоров В.Н., Мяль Л.Э.] Ваджра // МНМ. Т. 1, с. 207–208.

¹¹² *нирманический будда* (тиб. sprul pa'i sangs rgyas) — иллюзорный будда, сотворенный (в данном случае) чудотворной силой Будды Шакьямуни.

¹¹³ *четыре великих царя* (санскр. catvāro mahārājanaḥ или catvāro loka-pālāḥ; тиб. rgyal chen bzhi) — четыре божества, охраняющие четыре стороны света. Восток охраняет Дхритараштра, Юг — Вирудхака, Запад — Вирупакша, Север — Вайшравана (он же Кубера или Кувера, бог богатства)³⁹. См. ДС VII.

¹¹⁴ *Майтрейя-самадхи* (санскр. maitreya-samādhi, тиб. byams pa'i ting nge 'dzin) — один из видов самадхи (см. примеч. 82); толкуется как «самадхи благоволения», т.е. сосредоточение сознания на благоволении.

¹¹⁵ *Читра* (санскр. Citra, букв. 'пестрый', 'странный', 'причудливый' и др.; тиб. cin ta) — в буддийских преданиях — верный последователь Будды Шакьямуни, оставшийся, тем не менее, домохозяином-мирянином. Ср. «Джатаку о лотосовых стеблях» в «Гирлянде джатак»⁴⁰.

¹¹⁶ *тридцать два [главных телесных] признака* (санскр. dvātriṃśal lakṣaṇāni [или mahā-puruṣa-lakṣaṇāni, т.е. 'признаки великого человека'], тиб. mtshan bzang po sum cu so gnyis) — внешние, видимые признаки, которыми (как верят буддисты) отмечены будды и чакравартини (вселенские монархи); в число таких признаков входят: золотистый цвет кожи, длинные и тонкие пальцы, знаки чакры (колеса) на ладонях и подошвах, большой язык, наличие сорока зубов и т.д. См. полный список в ДС LXXXIII.

¹¹⁷ *карма* (санскр. karma, тиб. las) — букв. 'дело', 'деяние', 'поступок'; совокупность добрых и дурных деяний, совершенных существом в прошлых рождениях и определяющих его удел в настоящем и будущем.

¹¹⁸ *Кориунья скала* (санскр. Gr̥dhra-kūta, тиб. bya rgod phung bo'i ri) — одна из гор, окружающих город Раджагриху (существует и поныне как место паломничества буддистов; см. примеч. 68). Согласно преданию, именно на этой горе Будда Шакьямуни произносил некоторые из своих важнейших проповедей (в частности, те, что составили «Лотосовую сутру»).

¹¹⁹ *Дэвадатта* (санскр. Devadatta, тиб. lhas sbyin) — двоюродный брат Будды Шакьямуни. Согласно преданию, Дэвадатта сначала был учеником и последователем Будды, но потом вступил с ним в конфликт. В буддийских легендах часто фигурирует как злобный противник Будды⁴¹.

¹²⁰ *Сиддхартта* (санскр. Siddhārtha, тиб. don grub) — имя, данное Будде Шакьямуни при рождении.

¹²¹ *обитель тридцати трех божеств* — небо Индры, второе из шести небес мира желаний (см. примеч. 21). См. ДС CXXVII.

¹²² *Махакашьяпа* (санскр. Mahā-kāśyapa, букв. 'Великий Кашьяпа'; тиб. 'od srung chen po) — один из десяти главных учеников Будды Шакьямуни (ставший главой буддийской общины после смерти Учителя). Иногда его называют просто Кашьяпой⁴².

³⁹ См.: [Топоров В.Н., Мяль Л.Э.] Локапалы // МНМ. Т. 2, с. 67.

⁴⁰ См.: Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / Пер. с санскрита А.П.Баранникова и О.Ф.Волковой. Предисл. и примеч. О.Ф.Волковой. 2-е изд., доп. М., 2000, с. 175 и 340.

⁴¹ См.: [Мяль Л.Э.] Дэвадатта // МНМ. Т. 1, с. 360.

⁴² См.: Мяль Л.Э. Кашьяпа // МНМ. Т. 1, с. 629.

¹²³ *Упали* (санскр. Upāli, тиб. u ba li) — один из ближайших учеников Будды; согласно преданию, он был цирюльником; считается, что на первом буддийском «соборе» именно Упали воспроизвел по памяти предписания относительно устройства монашеской общины, данные Буддой Шакьямуни при его жизни и затем составившие Виная-питаку (см. примеч. 128).

¹²⁴ *Анирудха* (санскр. Aniruddha, тиб. ma 'gags pa) — один из ближайших учеников Будды Шакьямуни.

¹²⁵ *шилапарамита* (санскр. śīla-pāramitā, тиб. tshul khriṃs kyi pha rol tu phyin pa) — совершенство нравственности (см. примеч. 106).

¹²⁶ *Маудгальяна* (санскр. Maudgalyāna, тиб. mau gal ya na или mau gal) — один из ближайших и главных учеников Будды Шакьямуни⁴³.

¹²⁷ *Сутра-питака* (санскр. sūtra-piṭaka, букв. 'корзина [или короб] сутр'; тиб. mdo sde [snod]) — раздел буддийского канона (Трипитаки, т.е. 'Трех корзин' или 'Трех коробов'), содержащий «слова Будды» — проповеди, наставления, беседы и т.д., приписываемые самому Будде Шакьямуни.

¹²⁸ *Виная-питака* (санскр. vinaya-piṭaka, тиб. 'dul ba [snod]) — раздел буддийского канона, содержащий правила устройства монашеской общины и монашеской дисциплины.

¹²⁹ *Абидхарма-питака* (санскр. abhidharma-piṭaka, тиб. chos mngon pa [snod]) — раздел буддийского канона, содержащий тексты теоретического (философского) характера.

¹³⁰ *три колесницы* (санскр. triyāna или trīṇi yānāni, тиб. theg pa gsum) — иначе «три пути»: 1) путь шраваков, или шравака-яна (санскр. śrāvaka-yāna, тиб. nyan thos kyi theg pa)⁴⁴; 2) путь пратьекабудд, или пратьекабудда-яна (санскр. pratyekabuddha-yāna, тиб. rang sangs rgyas kyi theg pa; см. примеч. 73); 3) путь бодхисаттв, или бодхисаттва-яна (санскр. bodhisattva-yāna, тиб. byang chub sems dpa'i theg pa; см. примеч. 14) — то же, что махаяна (санскр. mahā-yāna, тиб. theg pa chen po — 'большая колесница'). Представление о «трех колесницах» сложилось среди последователей махаяны, которые противопоставили свой идеал «спасения для всех» прежним идеалам «спасения только для себя» и придумали для этих прежних идеалов собирательное и уничижительное название «хинаяна» (санскр. hīna-yāna, тиб. theg chung или theg pa dman pa — «малый путь» или «малая колесница»). См. ДС II.

¹³¹ *четыре аспекта бренности* (тиб. mi rtag pa bzhi) — тиб. mi rtag (pa) соответствует санскр. anitya ('невечное', 'непостоянное', 'преходящее'), которым описывается одно из основных свойств всего существующего; однако неясно, о каких именно «четырех аспектах» невечности бытия идет здесь речь. Ср. ДС XCVII.

¹³² *тридцать семь компонентов духовного просветления* — или «тридцать семь навыков, способствующих Просветлению» (в переводе В.П.Андросова); см. ДС XLIII-L.

⁴³ См.: Волкова О.Ф., Мяль Л.Э. Маудгальяна // МНМ. Т. 2, с.123.

⁴⁴ Санскр. śrāvaka — букв. 'слушающий'. В узком смысле — это человек, услышавший наставления из уст Будды. В более широком смысле — это всякий, стремящийся обрести «просветление», стать архатом (см. примеч. 50), следуя учению Будды.

¹³³ *тройное монашеское одеяние* (тиб. chos gos gsum) — традиционная одежда буддийского монаха в Индии, состоявшая из трех кусков ткани. В Тибете монахи одевались по-иному (из-за иного климата), но сохраняли «трехсоставность» одежды (что, вероятно, символизировало «три драгоценности» — см. примеч. 41).

¹³⁴ *Кокалика* (санскр. Kokalika, тиб. ko ka li ka) — монах, современник Будды Шакьямуни, который в конфликте между Буддой и Дэвадаттой встал на сторону последнего.

¹³⁵ *Праджапати* (санскр. Prajāpatī или Mahāprajāpatī — ‘Великая Праджапати’, тиб. skye dgu'i bdag mo) — тетка Будды Шакьямуни (младшая сестра его матери), воспитывавшая его в детстве, а впоследствии ставшая первой женщиной-монахиней в буддийской общине.

¹³⁶ *Сокьеп* (тиб. bsod skyabs) — на тибетском языке одно из имен Будды Випашьина (см. примеч. 138).

¹³⁷ *Катьяяна* или *Махакатьяяна* (санскр. Kātyāyana или Mahākātyāyana — ‘Великий Катьяяна’; тиб. ka tyā ya na или ka tyā ya na chen po) — один из десяти главных учеников Будды Шакьямуни.

¹³⁸ *Випашьин* (санскр. Vipāśyin, тиб. nam par gzigs) — первый из шести Будд, предшествовавших Будде Шакьямуни. См. ДС VI.

¹³⁹ *четыре основы сверхъестественных сил* (санскр. catvāraḥ ṛddhi-pādāḥ, тиб. rdzu 'phrul gyi rkang pa bzhi) — или «четыре навыка, способствующих росту необычайной духовной силы» (в переводе В.П.Андросова); см. ДС XLVI.

¹⁴⁰ *Четыре благородные истины* (санскр. catvāri ārya-satyāni, тиб. 'phags pa'i bden pa bzhi) — комплекс из четырех утверждений, относящихся к числу основных в буддийском мировидении. «Четыре благородные истины» обычно обозначаются санскритскими словами: 1) duḥkha, ‘страдание’, ‘горе’ (тиб. sdug bsgal) — всякое существование, всякое бытие сопряжено со страданием; 2) samudaya, ‘причина [страдания]’ (тиб. kun 'byung) — причина бытия-страдания заключается в «жажде» (санскр. tṛṣṇā, тиб. sred pa), т.е. в желании, стремлении оставаться в бытии, в сансаре; 3) nirodha, ‘прекращение [страдания]’ (тиб. 'gog pa) — прекращение страдания возможно: для этого надо искоренить «жажду»; 4) mārga, ‘путь [к прекращению страдания]’ (тиб. lam) — к этой цели ведет «благородный восьмеричный путь» (см. примеч. 104).

¹⁴¹ *Удпалаварна* (санскр. Utpalavarṇā, тиб. ud pa la) — буддийская монахиня, которую Будда Шакьямуни, согласно преданию, считал одной из своих самых выдающихся учениц (см. «Джатаку о лотосовых стеблях» в «Гирлянде джатак»)⁴⁵.

¹⁴² *Ашока* (санскр. Aśoka, букв. ‘беспечальный’; тиб. a sho ka) — индийский правитель III в. до н.э. (иногда на европейский лад его называют «императором»). Прославлен в истории и в многочисленных легендах как покровитель и проповедник буддизма⁴⁶.

⁴⁵ См.: Арья Шура. Гирлянда джатак, с. 175 и 340 (примеч. 5).

⁴⁶ См., например: Бэшем А. Чудо, которым была Индия / Пер. с англ. М., 2000, с. 62–65.

¹⁴³ *восемнадцать областей знания или восемнадцать «наук»* (санскр. aṣṭādaśa vidyā-sthānāḥ, тиб. gtsug lag nam par bco brgyad) — очевидно, имеется в виду один из традиционных списков «наук» в индийской (индусской) традиции: четыре Веды (Риг-веда, Сама-веда, Яджур-веда, Атхарва-веда), шесть Веданг (вспомогательные дисциплины для изучения Вед: фонетика, просодия, грамматика, этимология, астрономия, ритуал); четыре Упаведы («науки», дополняющие Веды: медицина, военное искусство, музыка, наука о ремесле, или архитектура); пураны (эпические поэмы мифологического содержания); ити-хаса (предания); ньяя (наука о правильном рассуждении, логика); миманса (философская система, занимающаяся интерпретацией ведических текстов и ведического ритуала). Известны и иные списки восемнадцати «наук».

¹⁴⁴ *Вишну* (санскр. Viṣṇu, тиб. khyab 'jug) — один из главных богов в пантеоне индуизма, хранитель мироздания.

¹⁴⁵ *северная страна неблагозвучных голосов* (санскр. Uttara-kuru, тиб. byang sgra mi snyan) — один из четырех мифических континентов в буддийской космографии (расположен к северу от горы Меру). См. ДС СХХ.

¹⁴⁶ *пять радостей или пять удовольствий* (тиб. 'dod pa lnga) — удовольствия, доставляемые пятью органами чувств.

¹⁴⁷ *восточная страна достойных* (санскр. Pūrva-videha, тиб. shar lus 'phags gling) — один из четырех мифических континентов буддийской космографии (расположен к востоку от горы Меру). См. ДС СХХ.

¹⁴⁸ *западная страна, где разводят скот* (санскр. Aparā-godānīya, тиб. nub ba lang sruod) — еще один из четырех мифических континентов буддийской космографии (расположен к западу от горы Меру). См. ДС СХХ.

¹⁴⁹ *мантра* (санскр. mantra, тиб. gsang sngags) — зд.: заклинание.

¹⁵⁰ *мудра* (санскр. mudrā, тиб. phyag rgya) — зд.: определенные жесты (кистей и пальцев рук), которым приписывается магическая сила.

¹⁵¹ *Вишвабху* (санскр. Viśvabhū, тиб. thams cad skyob) — третий из шести Будд, предшествовавших Будде Шакьямуни. См. ДС VI.

¹⁵² *Упагупта* (санскр. Upagupta, тиб. u pa ku ba ta) — легендарный проповедник буддизма.

¹⁵³ *Шикхин* (санскр. Śikhin, тиб. gtsug tor can) — второй из шести Будд, предшествовавших Будде Шакьямуни. См. ДС VI.

¹⁵⁴ *Кракуччанда* (санскр. Krakucchanda; тиб. log par dad sel или 'khor ba 'jig) — четвертый из шести Будд, предшествовавших Будде Шакьямуни. См. ДС VI.